

МИХАИЛ ДЕМИДЕНКО ЗА ВЕЛИКОЙ СТЕНОЙ



МИХАИЛ ДЕМИДЕНКО

ЗА ВЕЛИКОЙ СТЕНОЙ







МИХАИЛ ДЕМИДЕНКО

ЗА
ВЕЛИКОЙ
СТЕНОЙ



МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1978

Р2
Д30

Художник
В АРСЕНЬЕВ

Д $\frac{70302-317}{078(02)-78}$ Без объявл.

© Издательство «Молодая гвардия», 1978 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот перед вами две повести, очень разные по жанру, по теме и героям, действующим в них. И все же есть между ними некое сцепление, то, что их объединяет, — это Китай, который зримо предстает в первом повествовании и неотступной тенью витает во втором. Молодому читателю наших дней трудно себе представить всю панораму китайской жизни пятидесятых годов, на фоне которой разворачиваются события повести М. Демиденко «За Великой стеной». Многие в ней покажутся странным, абсурдным, и не раз, наверное, возникнет вопрос: «Почему так сложилась судьба ее героев?», «Кому понадобилось разлучать молодых людей?», «Кто был виной тому, что мощный импульс нашей с Китаем дружбы задохнулся в самый разгар огромного строительства в этой далекой, но ставшей близкой нам стране?»

Разумеется, повесть не дает, да и не должна давать ответа на все эти вопросы. Она эмоционально точно воссоздает атмосферу тех лет, чувства советских людей, приехавших в Китай, чтобы помочь строить новую жизнь, их глубокое разочарование и пережитое ими, когда появились первые признаки отчуждения, недоверия, а затем и открытой неприязни, сделавшей невозможной, да и просто ненужной дальнейшую работу наших специалистов в Китае. А ведь их было много тысяч; со всех концов страны по просьбе китайского правительства отправлялись в далекий Китай лучшие инженерно-технические кадры, люди большого опыта, проверенные на стройках пятилеток и в тяжелые послевоенные годы восстановления. Мы делились с Китаем

всем, что имели, знали, не только техникой и оборудованием, документацией и проектами, но главным своим достоянием — людьми.

При непосредственном участии и с помощью Советского Союза в КНР в 1950—1958 годах быстро строились крупнейшие заводы, модернизировались старые, закладывались основы отраслей современной промышленности, ранее не существовавших вообще, возводились уникальные мосты, другие сооружения. Китай преображался на глазах. Конечно, требовались десятилетия упорного труда, чтобы преодолеть вековую отсталость, но старт был взят стремительный и результаты первых лет были обнадеживающими. И внезапно утвержденный в 1956 году VIII съездом партии курс дальнейшего социалистического строительства был в корне пересмотрен и отменен группой китайских лидеров во главе с Мао Цзэ-дунем. Взамен стране навязали авантюристическую политику «большого скачка» и «народных коммун». Мао Цзэ-дун провозгласил: «Три года упорного труда, десять тысяч лет счастья» — и разъяснил, что это как раз то время, которое потребно Китаю, чтобы «построить мост в коммунизм», надо только туго затянуть пояса, навалиться всем миром и совершить «большой скачок». Весь опыт «иностранцев специалистов» (то есть советских) объявлялся консервативным и отсталым, все технические нормативы отбрасывались как «буржуазные выдумки». Китай и только Китай проложит путь человечеству в коммунистическое завтра.

Вся страна заседала на собраниях, на которых принимались не просто повышенные, а фантастические обязательства перекрыть мировые рекорды. Как, чем? Энтузиазмом, подкрепленным «идеями Мао Цзэ-дуна». Презрение к специалистам, их советам и опыту возводилось в добродетель, а любое сомнение в реальности задуманного квалифицировалось как капитулянтство и предательство. Китай покрылся кострами кустарных доменных печей — все плавил металл (как потом оказалось, никуда не годный), разворачивались кампании одна нелепей другой: все от мала до велика были брошены на уничтожение воробьев — уничтожили, вскоре выяснилось, что зря — произошли серьезные нарушения природной среды. Но если поддавался оценке огромный материальный ущерб, нанесенный авантюризмом маоистов китайской экономике (потому что не прошло

и года, как провал «большого скачка» и «народных коммун» стал очевидным), то кто мог измерить страшный моральный урон — дискредитацию идей социализма в сознании трудящихся? Ведь все эти маоистские эксперименты выдавались их организаторами за вершину теории и практики строительства коммунизма!

Обстановка в стране накалялась. Трезво мыслящие руководители — партийные, хозяйственные, военные, инженеры и ученые, рабочие и крестьяне, — своими глазами видевшие пагубные результаты происходящего, выражали недовольство, роптали иногда открыто, чаще глухо, но так, что «великий кормчий» был вынужден отступить. Однако признать свой провал — это было исключено. «Большой скачок» и всеобщая «коммунизация» выдохлись, однако поплатились в первую очередь не инициаторы авантюры, а ее критики. Мао Цзэ-дун жестоко мстил тем, кто осмелился назвать вещи своими именами, кто впервые во всеуслышание заявил: «А король-то голый!» Начались репрессии, разгромили антипартийную (точнее, антимаоистскую группировку), нагнетали атмосферу культа непогрешимого вождя, а всю вину за колоссальную неудачу свалили на безымянных стрелочников — партийные и хозяйственные кадры на местах, которые-де неправильно претворяли в жизнь великие предначертания Мао Цзэ-дуна. Но мало этого. Маоистам показалось заманчивым переложить ответственность (хотя бы частично) за экономический провал на... Советский Союз! За «аргументами» дело не стало. В ход было пущено буквально все. На собраниях в учреждениях, на фабриках и заводах, в вузах — повсюду пропагандисты вбивали в головы людей: Советский Союз давал нам плохие советы, советская техника отсталая и несовершенная, их технология непригодна для китайских условий, их специалисты ведут себя высокомерно, а дела не знают или стараются нарочно сдерживать наше развитие, Советский Союз виноват в том, что мы не сумели сделать то-то и то-то. Вышел из строя советский генератор (из-за грубейших нарушений технических норм) — Советский Союз прислал брак; появились трещины в бетонном фундаменте (из-за того, что произвольно заменили марку цемента) — советские расчеты ошибочны; запороли на перегрузках двигатели — виновата советская техника и т. д., до бес-

конечности. К советским специалистам перестали обращаться, их демонстративно игнорировали, даже оскорбляли. Дальнейшее их пребывание в Китае — это стало ясно — не входило в планы маоистов, присутствие тысяч советских людей им мешало. И тогда произошло то, что должно было произойти, — специалисты вернулись на Родину. Теперь ничто не препятствовало группе Мао Цзэ-дуна развернуть вовсю новую идеологическую «кампанию перевоспитания» масс в антисоветском, националистическом духе. Делалось это еще исподтишка, до 1962 года по крайней мере, но делалось систематически, планомерно, непрестанно.

Антисоветизм нагнетался по всей стране, одновременно подогревались националистические настроения, и все это на фоне уже чудовищно раздутого культа Мао Цзэ-дуна. Лицемерие и ложь стали повседневными атрибутами китайской действительности. Этому я сам был свидетелем. Я приехал в Китай в 1962 году, то есть после того, как оттуда вернулся домой герой повести М. Демиденко. Много было интересных, хотя и порой тягостных впечатлений за три года журналистской работы. Расскажу лишь об одном.

...Близилась к концу поездка по городам северо-западного Китая, организованная для журналистов социалистических стран и коммунистических газет редакцией «Жэньминь жибао» в мае — июне 1964 года. Мы уже побывали на заводах и фабриках, в сельских коммунах, осмотрели множество музеев и достопримечательностей Яньани, Сианя, Лояня и Тайюаня. Многие из нас просили показать специализированный госхоз. И вот было объявлено, что можно посетить молочную ферму, которая содержится на профсоюзные средства тайюаньских рабочих. Выбирать не приходилось, и мы согласились.

Автобус двинулся от городской гостиницы, миновал центр, свернул на шоссе и вскоре остановился у ярко раскрашенной арки, за которой виднелась густая зелень.

Мы вышли из машины навстречу пожилому, но бодрому человеку, который, широко улыбаясь, представился нам: директор фермы Цуй Шэн-мао, и широким жестом пригласил следовать за ним. Эффект, по-видимому, был хорошо рассчитанный и проверенный не раз: сделав первые шаги по асфальтовой дорожке, мы оста-

новились — может быть, ошибка, нас привезли в розарий или ботанический сад? Но директор Цуй, довольнo улыбаясь, вел нас дальше, на ходу поясняя: «Коровам нужна стерильная чистота и аромат цветов, это хорошо на них действует!» Ошибки не было, между буйно цветущих кустов роз висело красное полотнище с восемью иероглифами: «Сердце всегда на ферме, ферма всегда в сердце». Позже выяснилось, что автором этого и других изречений был сам директор Цуй.

А пока нас ввели в аккуратный чистый дом, в зал с мягкими диванами и креслами, где стены были увешаны длинными свитками традиционной живописи и образцами каллиграфии, а на резных столиках стояли вазы тонкого фарфора. И здесь за обязательной чашкой чаю директор Цуй поведал нам о руководимом им хозяйстве. Ферма была создана в 1952 году, с каждым годом расширялась. Теперь у них 54 тысячи квадратных метров, более 180 коров, на ферме работает 65 человек. Я смотрел на своих товарищей и ловил их недоуменные взгляды: образцовое хозяйство, а на работника приходится только три коровы, здесь что-то не так.

Мы снова вышли на аллею роз, раскачивались на легком ветерке причудливые фонарики, вырезанные из жести. Один из нас, докурив сигарету, оглянулся, куда бы бросить окурок. К нему пришел на помощь директор Цуй: «Сюда, пожалуйста». Он указал на изящную пепельницу на высокой ножке у кромки аллеи. Потом мы уже сами замечали их, установленные через каждые 20—30 метров, на всех дорожках этого «коровьего сада». Мы шли довольно долго, одна аллея красивее другой сменяла друг друга, но коров не было. А директор Цуй бодро вел нас дальше и рассказывал, как после «большого скачка» на ферме высадили 250 тысяч деревьев, и коровы дышат чистым воздухом с богатым содержанием кислорода. «Теперь мы серьезно занимаемся гигиеной, это помогает лучшему выживанию молодняка. В борьбе за чистоту принимают участие все сотрудники, у каждого свой участок, за мной, например, закреплен общественный туалет», — с этими словами он подвел всю группу к аккуратному домику в глубине. Не войти было бы бестактно, и мы, чтобы не обидеть хозяина, осмотрели «участок директора», который действительно содержался в образцовом поряд-

ке. На стенах висели картины на отвлеченные темы и стихи о пользе гигиены. И те и другие принадлежали перу директора. Ему же принадлежало маленькое новаторское усовершенствование, действие которого он охотно продемонстрировал нам.

И вновь пустынные аллеи, мостики и аркады, пока не появился первый коровник. В новом кирпичном строении не было ни одной коровы, не было даже характерного запаха. Блестел свежeweымытый пол. Но первое, что бросилось в глаза, — картины. Они были нарисованы прямо на белой оштукатуренной стене перед каждым стойлом. Это было, пожалуй, слишком неожиданно даже после того, что мы видели. Стало как-то не по себе. Один из нас, заметив в углу коровника громкоговоритель, спросил, лишь бы разрядить неловкое молчание:

— Вы проигрываете музыку для коров?

— О да, коровам очень нравятся оперные мелодии, музыка благотворно действует на их состояние.

Мы прошли через второй такой же пустой коровник и наконец увидели за загоном тех, для кого, по словам директора Цуя, благоухали розы, играла музыка, росли 250 тысяч молодых саженцев. Несколько десятков довольно худых животных голландской породы лениво жевали траву, поглядывая в сторону очередной партии посетителей. «В среднем мы получаем 12,5 литра от одной коровы в день, жирность — 3,3 процента», — ответил директор Цуй самому дотошному из нас и поспешил увести группу от загона по новой аллее, в конце которой, вся увитая зеленью, стояла красивая беседка. «Не хватает рабочих и средств, — откровенно жаловался Цуй, — вот недавно с трудом возвели эту беседку, а надо еще закончить одну каменную арку». И никто уже не решился спросить, зачем нужны коровам эти сооружения и аллеи, напоминавшие старинные китайские дворцовые парки. Директор продолжал улыбаться, был любезен и разговорчив. Но беседа не клеилась.

Оставалось осмотреть общежитие для рабочих. Нас подвели к низкому одноэтажному зданию. В большой темноватой комнате было не так чисто, как в коровнике, пахло человеческим жильем, картин было меньше, а радио не было и вовсе. Стояло десятка два незастеленных коек, и рядом с каждой — нехитрый скарб оби-

тателей, которых мы так и не увидели. Примерно так же уныло выглядела и столовая для рабочих.

Потом мы снова сидели в другой роскошной приемной зале для гостей, нам показали книгу отзывов, где многие высокие чины и делегации оставили восторженные записи об увиденном. С каким-то тягостным чувством я тихо вышел из дома. Спустя минуту вышли и другие. Молча закурили, не глядя друг другу в глаза, как будто мы сами стали участниками фальшивого спектакля.

За оградой в большом городе, в огромной стране жили миллионы людей, у которых не всегда есть даже самое необходимое для жизни, и поэтому этот «коровий рай» показался таким кошунством. Мне вспомнились пекинские ребяташки, играющие у чахлах кустиков в пыльных тесных двориках. Им тоже невредно было бы подышать ароматом роз, которые вырастил директор Цуй для утех сановных посетителей.

А за несколько дней до этого нас водили по цехам Лоянского 1-го тракторного завода, завода горнорудного машиностроения, Лоянского шарикоподшипникового завода, Тайюаньского завода тяжелого машиностроения. Первые три из них были полностью отстроены по советским чертежам и проектам, основное оборудование на них — советское. Помню, когда их еще строили в 50-е годы, не проходило недели, не то чтобы месяца, без репортажей с этих строек, которые так и назывались: «плоды советско-китайской дружбы». Первый лоянский трактор, первый подшипник — это были всенародные праздники. Прошло всего несколько лет — четыре, пять. Директора заводов подробно рассказывали нам о том, как они строились под руководством Мао Цзэ-дуна, в соответствии с его установками, и ни слова о том, что было в действительности. Потом в цехах мы видели целые линии советских станков, в том числе самые сложные, уникальные, на многих заводские марки содраны, спилены. На прямые вопросы стереотипные ответы (глаза при этом смотрят в сторону): «Советские специалисты находились здесь в соответствии с соглашением между Китаем и СССР, Советское правительство их отозвало в одностороннем порядке». Спорить было бесполезно, да и бессмысленно. Те, кто разговаривал с нами, знали правду не хуже нас. И так

было по всему Китаю. Только с течением времени стереотипный ответ несколько менялся, стали вставлять другие слова: «советские ревизионисты», и добавляли что-то невнятное об отказе от обязательств и вреде, нанесенном Китаю «иностранный державой».

Теперь читателю повести М. Демиденко «За Великой стеной», должно быть, несколько проще понять ее коллизии и беду, которая стряслась с молодыми людьми. Потому что в эти годы, о которых идет рассказ, любовь почиталась в Китае за тяжкий грех, а любовь к иностранцу — страшный, непростительный грех, за него придется расплачиваться, может быть, всю жизнь. Об этом, конечно, не писали в газетах, но о греховности любви писали сколько угодно.

Я приведу несколько цитат, переведенных мной в те годы и записанных точно. Журнал «Чжунго циннянь» («Китайская молодежь», 1963, № 19) писал: «В нынешний период фетишизация любви может сыграть вредную роль, может создать очень большую опасность для прогресса молодежи». Яо Вэнь-юань, автор этой статьи, так развивал свою мысль: «Если считать любовь величайшим счастьем, то можно потерять интерес к делу социализма и могут появиться противоречия в отношении коммунистической морали. Это непосредственно серьезно отразится на учебе и работе, и даже может случиться так, что из-за личной любви пожертвуешь принципами, забросишь работу и в политическом отношении совершишь ошибки».

Вот как все, оказывается, просто! Полюбишь, потеряешь интерес к делу социализма!

Наставники китайской молодежи всеми средствами пытались внушить ей, что любовь — явление чуть ли не постыдное, если дело касается революционера, что лучше вообще отбросить ее или, на худой конец, если отбросить не удастся, заземлить и принизить, подойти к любви «трезво и осмотрительно». Иногда исподтишка протаскивалась мысль о том, что любовь лишь биологическое явление, средство продолжения рода, и только. Не случайно газеты и журналы в Китае без всякого стеснения обсуждали вопросы половой жизни, усиленно рекомендуя молодому читателю различного рода «научные методы» в этой области, а в различных общественных местах устраивались выставки противозачаточных средств, на которых «экскурсоводы» наглядно демон-

стрировали способы их применения. При этом китайская пропаганда уже в открытую приводила в качестве отрицательных примеров советскую жизнь на материале нашей литературы и поэзии.

Газета «Вэньбао» («Литература и искусство») опубликовала статью некоего Ли Чжи, в которой характеризовала многих молодых советских поэтов как «пропагандистов сексуальной психологии, эротизма и аномальностей». Оглупив и извратив стихи Светланы Евсеевой путем подстрочного перевода с английского, Ли Чжи самодовольно заявлял: «Счастье в браке, в продолжении своего рода, — вот в чем философия счастья этой поэтессы». Не менее круто расправился автор статьи и с Ахмадулиной, и с Казаковой, и с Вознесенским. Одну цитату привести все же стоит. Вот она:

«Будь то Казакова или Евсеева — все это не единичные явления. Сегодня в СССР имеется целый ряд таких поэтов. Они сами называют себя «детищем двадцатого и двадцать второго съездов». Эти поэты делают свои произведения на две категории: одна категория — это «стихи, направленные против догматизма», иными словами, против марксизма-ленинизма, против пролетарской революции и диктатуры пролетариата; другая категория — это «стихи, посвященные любви».

Понятно, для чего Ли Чжи и другие ему подобные брались за перо. Их конкретная цель (разумеется, в рамках общей цели китайских пропагандистов — опорочить все советское) — доказать связь между отступничеством от марксизма-ленинизма и лирическим отношением к жизни, к стихам о любви, к самой любви. Именно для этого понадобилась беззастенчивая ложь о том, что советские молодые поэты выступают «против марксизма-ленинизма, против пролетарской революции и диктатуры пролетариата».

Но мы все еще не дали ответа на главный вопрос — почему все это произошло спустя 8—10 лет после великой победы 1949 года, положившей начало новой жизни? Почему произошел крутой поворот, политический и идеологический, в самом Китае и в его отношениях с братскими социалистическими странами? По ходу изложения мы уже упоминали национализм, вот к нему-то и ведет наш поиск.

К сожалению, простого и краткого ответа здесь быть

не может, придется вернуться немного назад в прошлое этой страны.

Исторические корни китайского национализма уходят в глубь веков. Китайская имперская доктрина, сложившаяся в своих основных частях еще две тысячи лет назад, рассматривала Китай как центр мира (что отразилось и в названии страны «Чжунго» — «срединное государство» и в другом, более древнем названии Китая «Тянься» — «Поднебесная», которое интерпретировалось как государство, объемлющее весь мир под небом), а китайцев как избранную расу высшей цивилизации, окруженную варварами. Китайские императоры согласно этой доктрине считались полновластными господами не только китайского народа, но и всех других народов, известных китайцам.

К развитию этой концепции приложили старание не только императорские династии, но и большинство ученых, философов и историков далеких эпох, мыслителей, оставивших след в сознании многих поколений китайцев вплоть до наших дней.

Естественно, что многовековое культивирование и насаждение идеи национальной исключительности могло привести и привело к возникновению определенного стереотипа массового сознания. Существенная черта его выражается в чувстве превосходства китайцев над остальным миром, обусловленном не только исторически (то есть теми временами, когда сильная империя расширяла свои границы, облагала данью соседние народы, огнем и мечом подавляла восстания некитайских народов), но также якобы самым совершенным образом правления, мудрой политикой правителей, глубокой философией, высокой моралью и пр.

Пренебрежительное отношение к «варварам» (ко всем некитайцам, в том числе и в границах империи), этнические предрассудки, приверженность к «своим» национальным (в действительности же к самым консервативным, феодальным) традициям обусловили еще одну черту в официальной идеологии и в массовом сознании: «нецивилизованные» народы (то есть все не-китайцы) не могут претендовать на самостоятельное существование. «Варвары» могли быть цивилизованы лишь в том случае, если они воспринимали китайскую цивилизацию, иначе говоря, ассимилировались; в этом случае их уже считали китайцами. Даже тогда, когда

на китайском троне в результате разрушительных нашествий оказывались иноземные завоеватели, их рассматривали как людей, приобщившихся к китайской цивилизации.

Китай заплатил дорогой ценой за герметическую изоляцию от внешнего мира, за косность и консерватизм господствующего класса, все еще ослепленного манией величия и силы, хотя на пороге страны уже стояли готовые к вторжению европейские державы. Изоляция Китая была разрушена извне агрессивным натиском капитализма. Горечь поражений, следовавших одно за другим после первой «опиумной войны», испытывали различные слои китайского общества. С середины XIX века начался мучительный, унижительный процесс постепенного закабаления страны, потери отдельных атрибутов государственного суверенитета, навязывания системы неравноправных договоров. Этот фактор, действовавший на протяжении 100 лет, безусловно, ускорил рост национального самосознания в Китае, но одновременно он стимулировал и новый прилив националистических настроений в китайском обществе, усилил неприязнь ко всему иностранному, ненависть к иностранцам вообще.

В связи с этим один из основателей КПК, профессор Ли Да-чжао, писал: «Крестьяне не знают, что такое империализм, но знают иностранцев, которые его олицетворяют. Наша задача — разъяснить им природу империализма, угнетающего Китай и эксплуатирующего китайское крестьянство, направить против него их гнев. Это даст возможность постепенно преодолевать узконационалистическое сознание крестьян и поможет им понять, что рабоче-крестьянские революционные массы мира — их друзья»¹.

Исторически сложилось так, что в Китае прогрессивная антиимпериалистическая борьба до начала XX века (сами участники сознавали ее как борьбу антииностранную, как борьбу с «заморскими чертями») сопровождалась усилением национализма, возбуждаемого стремлением к освобождению от зависимости, к свержению прогнившей Цинской династии. Зародивший-

¹ Ли Да-чжао. Избранные статьи и речи. М., «Наука», 1965, с. 287.

ся в Китае в последней четверти XIX века буржуазный национализм, кстати, прямо связывал ограбление и угнетение страны иностранцами с правлением Цинской (маньчжурской по происхождению) династии. В публицистике, в политических памфлетах деятелей конституционно-реформаторского и буржуазно-революционного движений маньчжуров сравнивали с табуном диких коней, вытоптавших цветущую землю Китая, разоривших его культуру и искусство и сделавших его беспомощным перед лицом врагов.

Националистические теории реформаторов и буржуазных революционеров наряду с исторически прогрессивными чертами впитали в себя и основные компоненты китайского феодального национализма с его проповедью национальной исключительности и превосходства, великодержавным шовинизмом.

Таким образом, буржуазный национализм в Китае (а позднее и мелкобуржуазный) с самого начала даже в тот ограниченный период, когда он объективно должен был сыграть прогрессивную роль, нес заряд реакционных идей «китаецентризма». Причем на практике чаще всего случалось так, что эти стороны национализма одновременно сосуществовали в идейно-политической платформе той или иной оппозиционной группы, более того, в сознании того или иного деятеля зачастую причудливо переплетались патриотические, свободолюбивые настроения с типично феодально-конфуцианскими представлениями об избранности китайской нации и т. п.

Особенно ярко проявились эти реакционные черты у деятелей либерально-конституционного крыла в конце XIX — начале XX века, в частности, у одного из лидеров движения за реформы (1898 г.), Лян Ци-чао. В его работах содержались призывы к единству всех народов «желтой расы» в их борьбе против «белых», пропагандировалась идея панasiatского союза «желтых» народов во главе с Китаем. На пороге XX века буржуазные националисты вновь подняли на щит концепцию «мировой гегемонии» Китая.

Заметим, что расовый подход к коренным социально-политическим проблемам оказался характерным и для буржуазно-революционного направления в Китае, в частности, для деятелей, близких к Сунь Ят-сену. Один из них, Цзоу Жун, писал: «В мире есть две расы —

желтая и белая, две расы, которые самой природой предназначены к борьбе за существование. Они обращают мир в великий рынок извечного столкновения сил и умов, в огромную арену конкурентной борьбы и эволюции».

Сам вопрос о достижении политической самостоятельности, в понимании буржуазных революционеров, ассоциировался с понятием возрождения Китая, возвращением его былой славы и могущества прежде всего, а не с решением социальных и экономических проблем. При этом прошлое страны идеализировалось, завоевательская политика старых китайских династий представлялась в романтическом свете, так как объектом императорских доходов были «варварские» племена и народы. «Маньчжуры, тибетцы и жители Синьцзяна, — писал Чэнь Тянь-хуа, один из сподвижников Сунь Ят-сена, — издавна были врагами ханьцев. Все они дикари, им незнакомы нормы морали и справедливости. Китай всегда называл их «псами» и «баранами».

Буржуазным националистам в Китае была свойственна и переоценка демографического фактора. Тот же Чэнь Тянь-хуа считал, что для победы над врагами у Китая «есть особый источник сил — огромные людские ресурсы». Журнал, выражавший взгляды этого направления, утверждал: «Огромный народ на обширной земле поднимется и победит в области экономической». (Прообраз «большого скачка» в маоцзедунской версии проглядывает в этой мысли достаточно отчетливо.) Объективный факт — наличие нескольких сот миллионов людей — порождал у буржуазных революционеров веру в возможность мгновенного достижения социальных, политических, экономических успехов путем «скачков»: «Скачок, и мы сравняемся с Японией, еще скачок, и мы встанем наравне с западными странами».

Политическая наивность с примесью шовинизма в подобных воззрениях вполне очевидна. И лучшие представители революционной демократии в Китае, в частности Сунь Ят-сен, видели и понимали, казалось бы, опасность для страны, таившуюся в безудержном возвеличивании духа исключительности, в утверждениях об особой миссии Китая и т. п. Сунь Ят-сен отмечал, что «Китай очень высоко оценивал свои собственные достижения и ни во что не ставил другие государства.

Это вошло в привычку и стало считаться чем-то совершенно естественным. В результате у Китая появилось стремление к изоляции... Изоляционизм Китая и его высокомерие имеют длительную историю. Китай никогда не знал выгод международной взаимопомощи...»¹ Однако тот же Сунь Ят-сен, отдавая дань теории исключительности китайцев, сам оказывался в плену националистических великодержавных предрассудков. «Мы — нация самая большая в мире, самая древняя и самая культурная»², — писал он. «...Если же говорить об уме и талантливости народа, то китайцы с древнейших времен не имеют себе равных. Китайский народ унаследовал никем не превзойденную пятитысячелетнюю культуру, которая уже тысячи лет назад стала одной из ведущих в мире»³, — развивал Сунь Ят-сен свою мысль.

Правда, под влиянием Октябрьской революции Сунь Ят-сен значительно пересмотрел свои взгляды, в частности, его известный «принцип национализма», который в основном до 1911 года сводился к свержению маньчжурской династии и возрождению политически суверенного Китая, обогатился антиимпериалистическим содержанием.

И тем не менее к моменту возникновения компартии в 1921 году националистическими настроениями в той или иной степени были заражены основные классы и слои китайского общества. И естественно, что Компартия Китая не могла избежать влияния этих настроений, так как люди, пришедшие в КПК, — выходцы из мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции, — несли груз националистических предрассудков, имели весьма смутные представления о теоретических принципах марксизма-ленинизма, который привлекал их более всего как учение, способное обеспечить победу в национально-освободительной борьбе.

Конечно, исторически объяснимо, почему именно в Китае столь глубоко укоренился национализм, выдержав трансформацию из феодальной в буржуазную и мелкобуржуазную разновидности.

¹ Сунь Ят-сен. Избранные произведения. М., «Наука», 1964, с. 250—251.

² Там же, с. 122.

³ Там же, с. 249.

Гнет иностранной маньчжурской династии и ограбление Китая западными державами, общая экономическая отсталость, политическая реакция, полное отсутствие демократических традиций, наконец, слабое знание прогрессивной, в первую очередь марксистской, мысли — все это и обусловило силу и стойкость национализма в Китае. Еще большую опасность для зарождавшегося в Китае коммунистического движения представлял великоханьский шовинизм, который, будучи составной частью идеологического багажа господствующих классов, оказал воздействие на мировоззрение китайских буржуазных, мелкобуржуазных и крестьянских революционеров.

Шовинизм в Китае, существовавший и в форме смутных общественных настроений, и в виде разработанных идеологических концепций, удерживался и распространялся не сам по себе, не только из-за общей неразвитости массового сознания. Его умышленно культивировали и насаждали на благоприятной почве. Поэтому суть дела заключалась не в том, что этнические предубеждения и шовинизм в Китае были распространены в наиболее невежественных, темных слоях общества, а в том, какие социальные группы были заинтересованы в их сохранении и разжигании. В Китае первой половины XX века из шовинизма извлекали выгоду не крестьянин и не рабочий, а крупный буржуа, помещик, мелкобуржуазные элементы и часть интеллигенции, связанная с ними.

Китайский национализм и шовинизм, безусловно, сильно повлияли на Мао Цзэ-дуна и ряд других деятелей КПК, с самого начала своей политической биографии подверженных мелкобуржуазной идеологии.

Пролетарская интернационалистская ориентация всегда требует от руководства коммунистической партии, от самой партии в целом опоры на рабочий класс, ибо, как указывал К. Маркс, «только рабочий класс представляет активную силу, способную противостоять националистическому угару»¹. Но в КПК, в ее руководстве уже в первые годы были сильны мелкобуржуазные элементы и непролетарская идеология. Интересно, что в свое время, по крайней мере на словах призна-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, с. 21

вая непролетарский состав партии, Мао Цзэ-дун писал, что выходцы из мелкой буржуазии в рядах партии зачастую представляли собой «рядящихся в марксистско-ленинскую тогу либералов, реформистов, анархистов, бланкистов и т. д.». При этом он умалчивал, что скрывал он сам под такой тогой в те годы, но его другие признания и ранние работы позволяют судить, что молодой Мао по взглядам ближе всего был к анархистам.

Разумеется, в Компартии Китая были люди, такие, как Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо, Чжан Тай-лэй и другие, последовательно отстаивавшие принципы пролегарского интернационализма, отдававшие себе отчет в том, какой опасностью является националистический уклон в условиях, когда рабочий класс в стране еще крайне малочислен, а крестьянская стихия представляет огромную силу. Задача преодоления ханьского (то есть китайского) шовинизма, великодержавных пережитков, задача воспитания коммунистов в духе пролетарского интернационализма стала одной из важнейших и, возможно, одной из наиболее трудных из тех, что стояли перед КПК.

Но как раз эту задачу не сумела выполнить КПК, как не сумела она даже в лице лучших своих представителей организовать серьезную борьбу против великодержавного шовинизма. И хотя время от времени общие заявления об угрозе националистических настроений делались на страницах партийной печати, но практически все сводилось к абстрактным рассуждениям, а после 1956 года и они полностью исчезли.

В то же время внутри КПК уже с первых лет ее существования активно действовали люди, подобные Мао Цзэ-дуну, у которых национализм составлял важнейшую и определяющую черту их мировоззрения.

Эти люди, многие из которых входили в состав руководства партии, не только не воздвигали преграды националистическим настроениям, но, наоборот, сознательно культивировали национализм и шовинизм, спекулировали на национальных чувствах китайского народа, подогревая их пропагандой все той же «исключительности» китайцев.

Отражением националистических настроений среди руководства КПК явилась распространенная еще в первые годы существования партии идея о «мессиан-

ской роли» Китая (позднее она вновь проявилась во взглядах на китайскую революцию как на центр мировой революции). В середине 20-х годов группа работников КПК (впоследствии они были разоблачены как троцкисты) проповедовала, что центром мирового революционного движения после Октябрьской революции должен стать Китай. В статье, написанной одним из членов этой группы и опубликованной в партийном журнале, утверждалось, например, что «китайский пролетариат получит возможность играть главную роль в мировой революции».

Другой уклон ярко выраженного националистического толка возник в конце 20-х годов в КПК в виде платформы Ли Ли-саня, которую поддерживал и Мао Цзэ-дун. Суть ее сводилась к тому, что Китай был центром мировых событий, а китайская революция — «главным столбом мировой революции». Ради ускорения победы революции в Китае лилисаневцы готовы были принести в жертву и Советский Союз, и революционные отряды в других странах, призывая их развязать мировую войну.

Как в «мессианстве», так и в авантюристической линии Ли Ли-саня национальная ограниченность, национальный эгоизм, свойственные мелкобуржуазной идеологии, проявились совершенно недвусмысленно. И хотя некоторые слишком одиозные представители этих течений подвергались формальному осуждению в КПК, влияние их не только не ослабло, но усилилось в последующие годы.

Националистические извращения, даже если их пытались замаскировать от внешнего мира (а теперь ясно, что именно так и поступали Мао Цзэ-дун и его группа), проявлялись и позднее. В 30-е годы они выразились, в частности, в неверном, антиленинском толковании «узлового противоречия эпохи». Мао Цзэ-дун полагал в то время, что основным противоречием являлось не противоречие между Советским Союзом и капиталистическим миром, а противоречие между Китаем и Японией. В этом противопоставлении отчетливо проявилась национальная ограниченность, свойственная некоторым лидерам КПК; вместе с тем постановка вопроса об «узловом противоречии эпохи» и его интерпретация в зародыше уже таили в себе элементы сегодняшней версии маоистов об основном противоречии

современной эпохи, представляющей ревизию совместно выработанных документов коммунистических и рабочих партий.

Однако было бы неверно представлять дело таким образом, будто бы КПК оказалась полностью беззащитной перед лицом националистического наступления извне и изнутри. Прежде всего в самой партии работали люди — искренние патриоты своей родины, верные духу пролетарского интернационализма, выступавшие против мелкобуржуазных авантюристических уклонов; КПК получала также постоянную помощь от Коминтерна, братских партий, в особенности от КПСС, — материальную, идейную, политическую. Она выражалась также в рекомендациях по вопросам стратегии и тактики руководства революционной борьбой и в подготовке партийных кадров. Коминтерн и КПСС сыграли немалую роль в поддержке пролетарских интернационалистов в рядах КПК, в том, что по ряду узловых вопросов КПК принимала правильные решения, обеспечивающие сохранение революционных сил и развитие массовой борьбы, а также в осуждении уклонов, чреватых тяжелыми последствиями для судеб революции в Китае.

И все же националистические тенденции в КПК не ослабли, напротив, они нарастали по мере усиления в партии влияния Мао Цзэ-дуна и его сторонников. В январе 1935 года Мао Цзэ-дуну удалось оттеснить интернационалистских деятелей и утвердить свое влияние на судьбы партии.

На формировании взглядов самого Мао Цзэ-дуна как партийного и политического деятеля сказалось (еще до того, как он познакомился с идеями социализма) влияние многих немарксистских учений. Мао Цзэ-дун в той или иной степени испытал идейное влияние и древних китайских философов, и буржуазных реформаторов, и революционеров, и анархистов (последние были довольно популярны в Китае в первые десятилетия XX века). На него произвели сильное впечатление жизнеописания Наполеона, Вашингтона, Петра I, а из отечественной истории — вождей крестьянских восстаний, императоров ранних династий и Чингисхана, к образу которого он возвращался неоднократно в своих работах и стихах. Марксистское образование Мао Цзэ-дуна не было ни глубоким, ни систематическим. Многих

важнейших работ классиков марксизма-ленинизма Мао Цзэ-дун не читал, так как их не было в переводе на китайский язык, а других языков он не знал. Хотя одно лишь чтение произведений классиков марксизма-ленинизма не делает людей марксистами, но для человека, объявленного в Пекине «величайшими марксистом-ленинцем нашей эпохи», элементарное незнание многих трудов Маркса, Энгельса, Ленина является деталью весьма характерной.

Мао Цзэ-дун вступил в КПК в 1921 году, в почти тридцатилетнем возрасте, в известной мере с уже сложившимися взглядами мелкобуржуазно-националистического направления. В первые же годы партийной деятельности он проявил свою политическую незрелость, склонность к авантюризму, путчизму и фракционной деятельности, за что не раз подвергался критике ЦК КПК. В 1928 году ему был объявлен строгий выговор, а в 1932 году за ошибки и фракционерство он был отстранен от руководства военными операциями в освобожденных районах и снят с занимаемого им поста в ЦИК Советского Китая. И все же путем многих внутрипартийных махинаций, закулисных сделок, восстанавливая одних деятелей против других, интригуя за спиной руководства ЦК, порой даже становясь на путь физической расправы со своими противниками, Мао Цзэ-дун утвердился на посту Генерального секретаря ЦК КПК, и таким образом националистическая линия в партии уже с 1936 года стала линией значительной части ее руководства. Естественно, что многие детали внутрипартийной борьбы в Китае и роль Мао Цзэ-дуна в ней оставались неизвестными внешнему миру, международному коммунистическому движению. Находясь у руководства ЦК КПК, Мао Цзэ-дун сам определял характер информации, направляемой в Коминтерн, получение же объективных сведений очень затруднялось плохой связью в условиях почти полной изоляции освобожденных районов.

Следует отметить, что усилению националистических тенденций и шатаний группы Мао Цзэ-дуна и в конечном счете формированию целой системы антиленинских взглядов в определенной степени способствовала специфическая обстановка в стране, возникшая в результате прямой агрессии японского империализма.

Суть дела заключалась в том, что в условиях ино-

странного вторжения китайская революция неизбежно приняла характер национально-освободительной борьбы, участниками, которой были не одни только коммунисты, но все патриотически настроенные слои китайского общества.

Тактика единого фронта, принятая КПК по рекомендации Коминтерна, временное прекращение гражданской войны создавали благоприятные условия для деятельности партии. Вместе с тем нерешительность Чан Кай-ши, заигрывание гоминдановской администрации с интервентами еще более укрепляли в массах симпатии к КПК, в которой они видели силу, готовую решительно противостоять агрессии, организовать борьбу «за национальное спасение». Поэтому начался бурный приток в партию новых членов, главным образом из непролетарских слоев, представителей мелкобуржуазной среды, которые, вступая в КПК, часто руководствовались только патриотическими и националистическими мотивами, а вовсе не желанием бороться за социалистическое развитие Китая.

Этот факт таил в себе известную опасность, хотя и не представлял непреодолимого препятствия, если бы работа партии была правильно ориентирована, а руководство КПК само твердо стояло на позициях пролетарского интернационализма.

Но Мао Цзэ-дун пошел по иному пути. Он развивал идеи, которые были призваны служить теоретическому обоснованию роста рядов партии почти полностью за счет крестьянства и других мелкобуржуазных групп как якобы «единственно правильной стратегической линии китайской революции».

Эти взгляды вылились в систему, представлявшую китайскую революцию как «окружение революционной деревней городов и захват последних». (В последующем Мао Цзэ-дун не только не отказался от такой интерпретации, но возвел в абсолют этот «стратегический принцип», перенеся его на революционное движение во всем мире.)

Взгляды Мао Цзэ-дуна, окончательно оформившиеся к началу 40-х годов, игнорировали руководящую роль пролетариата в буржуазно-демократической революции и национально-освободительной борьбе, отрицали необходимость для компартии работать с городским пролетариатом, руководить его политической борьбой, попол-

нять ряды партии, особенно ее руководство, за счет сознательных рабочих.

В 1940 году Мао Цзэ-дун в работе «О новой демократии» писал по поводу характера китайской революции, что она «есть по сути революция крестьянская, нынешняя борьба против японских захватчиков есть по сути борьба крестьянская, политический строй новой демократии есть по сути предоставление крестьянству власти». Эти положения, в которых из несомненного факта делается полностью неверный вывод, — явное свидетельство мелкобуржуазной ревизии марксистского учения о революции и ее движущих силах.

Одна из характерных черт националистической сущности взглядов Мао Цзэ-дуна выразилась в стремлении «китаизировать» марксизм, утвердить свою, особую теорию революции. Многие годы эти попытки скрывались от внешнего мира за формулой «применения марксизма-ленинизма к условиям Китая».

Сам Мао Цзэ-дун призвал к «китаизации марксизма», выступая на VI пленуме ЦК КПК в 1938 году. На практике это означало, что отныне изучение «идей» Мао Цзэ-дуна партийными кадрами подменяло марксистско-ленинскую учебу.

В начале 40-х годов в документах КПК уже открыто подчеркивалось, что все коммунисты обязаны «внимательно изучать и учить идеи Мао Цзэ-дуна о китайской революции и по другим вопросам, должны вооружиться идеями товарища Мао Цзэ-дуна». Кульминационной точкой явился доклад на VII съезде КПК в 1945 году, в котором говорилось: «У нашей нации родилась и развилась своя особая и цельная, правильная теория революционного строительства государства китайского народа. Этой теорией являются идеи Мао Цзэ-дуна... Идеи Мао Цзэ-дуна — это китайский коммунизм, китайский марксизм». В Уставе КПК, принятом на съезде, прямо указывалось: «КПК во всей своей деятельности руководствуется идеями Мао Цзэ-дуна...»

Итак, еще более 20 лет назад группе Мао Цзэ-дуна удалось, сломив сопротивление внутри КПК, расправившись с людьми, понимавшими опасность непомерного раздувания «идей» Мао и подмены ими марксизма, утвердить авторитет Мао Цзэ-дуна как вождя и единственного теоретика китайской революции. Мелкобуржуазная националистическая группировка в руководстве КПК по-

лучила возможность подчинить интересы партии своим интересам. Последствия такой расстановки сил сказались после освобождения, когда трехмиллионная коммунистическая партия, состоявшая в подавляющем большинстве из крестьян и выходцев из других непролетарских слоев, пришла к власти в стране.

Круг замкнулся. Не сразу, а спустя десять лет после победы. И не разомкнулся до сих пор. В этом и кроется разгадка тех перипетий, которые выпали на долю героев повести М. Демиденко.

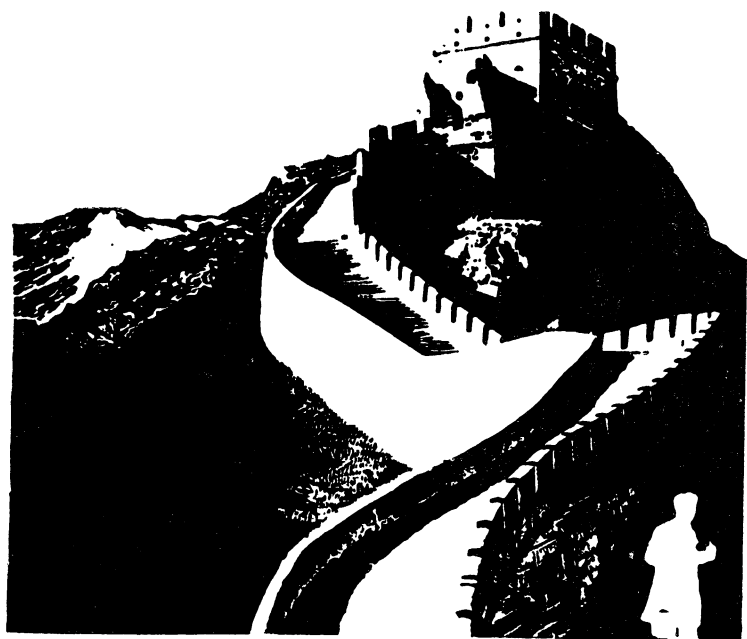
Л. С. Кюзадзян,
доктор исторических наук

ЗА ВЕЛИКОЙ СТЕНОЙ

ПОВЕСТЬ

*60-летию комсомола
посвящая*

Автор



Часть первая

ДОМА

1

В начале пятидесятых годов я работал заправщиком самолетов Свердловского аэропорта в должности техника службы ГСМ¹. Мне было двадцать лет. Сел самолет, подрулил на стоянку, приставили лестницу, сняли почту, выпустили пассажиров прогуляться до буфета, я в это время подкатил на бензозаправщике, развернулся, заехал под плоскость. Механики проверяют давление в шасси, я заправляю баки горючим, глазею на пассажиров, затем требую у бортмеханика расписаться в ведомости и жму назад к емкостям за новой порцией бензина.

В общем, работа не то чтобы «ух», но и не пыльная, только аромат от меня шел такой, что прохожие на улицах тушили папиросы. Но я лично не замечал запаха бензина. Спросите у любого кавалериста, чувствует ли он запах лошадиного пота. Нет, не чувствует, потому что привык. Зато в абсолютной темноте на слух определит, что жуют лошади.

Скажу откровенно: я влюблен в авиацию. Остряки говорят: порядок в авиации вывалился из кармана летчика Нестерова, когда он делал первую «мертвую петлю». Или еще: на рекламах, мол, огромными буквами пишут: «Дешево», «Удобно» — и маленькими: «Быстро». Не надо путать, что было и что есть. Было, конечно, и такое, когда по трассам ходили винтомоторные «еропланы».

Но когда на трассы вышли Илы и Ту, дело значительно улучшилось. Рейсы минута в минуту, почти без отклонений. Бывают исключения, и счетно-вычислительная машина перегорает, но я говорю про правила, а не про исключения.

Реактивные лайнеры — гениальное изобретение. Техникам зимой не надо разогревать двигатели; а ведь

¹ ГСМ — горюче-смазочные материалы.

раньше с «примусом» намучаешься, прямо готов от злости обглодать самолет. Теперь не работа — удовольствие. Подогнал стартовую тележку, подключил, нажал кнопку... «Ши-ши-ши...» И загудели двигатели. Но самое главное — скорость: от Москвы до Владивостока девять часов лета. Фантастика! Получилось так, что одновременно с этими самолетами появились первые спутники, взлетели космонавты, ну и это как-то авиацию несколько отодвинуло, не так она сенсационна по сравнению с достижениями ракетной техники. А я лично и по сей день не могу сдерживать восхищения при виде воздушных кораблей. Они громадны и в то же время грациозны, строгие линии, ничего лишнего, чувствуется сила и мощь.

Пассажиры — те быстренько освоились с новой техникой. Если вам придется когда-нибудь лететь через всю Россию, обратите внимание: люди отлично знают, на какой борт следует брать билеты. Если от Москвы, то на левый борт, из Владивостока — на правый. Почему? Пассажир учитывает местоположение солнца. Чтобы можно было подремать в теневой стороне, чтоб посмотреть с высоты на землю, чтоб солнце не светило в иллюминатор как прожектор.

А какой народ у нас в авиации! Тут как на фронте спайка. Чувство локтя — главный навигационный прибор. Случайные люди отсеиваются. Остаются настоящие...

Так вот, я работал заправщиком в Свердловском аэропорту. В тот день, о котором пойдет речь, не принимала Казань.

Утром выпустили машины на Москву и Ленинград, но их вернули с половины пути. А с востока подходят и подходят новые. Здание аэропорта в начале пятидесятых годов было маленькое. Народу скопилось много. Самые нетерпеливые, конечно, стоят у окошек, терзают наших справочных девушек, будто девушки с богом на короткой ноге, будто могут снять трубку и: «Алло, бог? Слушай, друг, дай погоду в Казани! Чего тебе стоит? Понимаешь, один атеист на лекцию опаздывает...»

Я сидел в дежурке, забивал с дружкой Васей «козла», когда позвонил диспетчер и сказал, что идет международный. Что ж, надо поглядеть. Поехали, Вася!

Прилетел Ли-2. Зарулил на стоянку, дали сходни.

Иностранцы... Все в одинаковых шапках, в одинаковых синих пальто, на боках одинаковые фотоаппараты. Ясно: китайские товарищи пожаловали. Они умеют одеваться в одинаковое и любят фотоаппараты.

Вышли, потянулись на вокзал.

А у меня душа заныла, до того захотелось поговорить с ними по-китайски: вспомнилось детство.

Китайцы ходят по вокзалу, обсуждают что-то, пытаются что-то выяснить. Их, естественно, никто не понимает, так как переводчик, который прибыл с ними, вместо того чтоб исполнять обязанности, залег в медпункте и на вопросы твердит лишь одно: «Сейчас, сейчас...» — и вместо воздуха дышит нашатырным спиртом: укачало беднягу.

Ну я и рискнул. Оставил за рулем бензовоза Ваську, подошел и осторожно говорю:

— Ни чифан ла ма? (Кушал ли, мол, сегодня?)

Такое китайское приветствие. Чисто народное. У них редко кто ответит на этот вопрос утвердительно.

Меня поняли.

— Чифан ла. (Ели, мол, спасибо.)

Тут пассажиры нас окружили, начали удивляться, что я соображаю по-китайски. И пассажиры удивляются, и китайские товарищи, и товарищи по работе, потому что никто не подозревал у меня такого таланта. Больше всех я сам удивляюсь: столько времени прошло, а не забыл языка. Слова откуда-то из памяти выплывают, хотя минуту назад спроси, что как называется, я и не вспомнил бы, а в разговоре одно за другим потянулось как ниточка из клубка.

Вначале я очень смущался, потому что говорил на страшном тухуа — наречии вроде нашего «чаво... каво...». А гости-то, видно, народ культурный, городские, раз фотоаппараты на боку.

Они меня спрашивают:

— Хоче... Хоче...

Чего «хоче»? Вроде что-то знакомое, а что именно, никак не могу вспомнить. Один догадался, сказал попросту: «Огненный бык...»

И я понял: о поезде спрашивают. Железнодорожную терминологию я более-менее знал, и на то были причины. Чтоб вам они стали понятны, я обязан рассказать о своем детстве.

Родился я во Владивостоке на Второй речке. Если вы были когда-нибудь в Приморье, должны знать место, где я родился, так же, как и Девятнадцатый километр и Океанскую. Прелестнейшие уголки, особенно осенью. На Второй речке у отца был свой домик. Во дворе росли дикий виноград и хризантемы... С рождением мне не повезло: мать умерла при родах; а известно, что, если у человека нет отца — это еще полбеды, но если нет матери — беда настоящая. Человек становится круглым сиротой.

Странно, но почему-то «круглыми» бывают или сироты, или дураки, хотя первое не имеет ничего общего со вторым. Где вы слышали, чтоб говорили: «круглый умница» или «круглый талант», — но вот выражений вроде «круглый дурак» можно услышать сколько угодно.

Правда, есть еще одно выражение — «круглый отличник».

В тот момент, когда я появился на свет, отца дома не было: он «давал морские узлы» где-то вокруг Австралии; отец ходил старшим матросом на старой дырявой калоше времен русско-японской войны.

Это был исторический корабль: он уцелел после Цусимского сражения, японцы почему-то пожалели на него снаряд. Наверное, думали, что неповоротливый транспорт, склепанный гвоздями, сам потонет от страха. Но угольный транспорт потихонечку дотопал до Порт-Артура, потом так же потихонечку подался на Чемульпо, затем во Владивосток.

После освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов стали приводить в порядок Тихоокеанский флот. Этот флот разворовали все страны мира, принимавшие участие в разбойной войне против Советской России. Угольный транспорт никто не захотел украсть, и он пришелся теперь кстати. Корабль подлатали, подкрасили, переоборудовали в лесовоз, поставили новую трубу и намалевали на борту полубака «Неутомимый».

«Неутомимый» был весьма странным судном. Он копил на весь Тихий океан, возил лес по странам капитала и вызывал встречные наши корабли на соцсоревнование. Как встретит какой-нибудь советский корабль,

так и дает открытым текстом: «Вызываю на соцсоревнование... Обязуюсь...» и прочее. От него шарахались в разные стороны: отказываться было нельзя, а соревноваться с таким корытом — позор на оба полушария.

Так вот, когда о смерти моей матери узнали родственники, в наш дом с разных мест наехала родня из Сучана, из Хабаровска. Вся дальневосточная Украина приехала. Дело в том, что по национальности я украинец, а здесь людей с фамилией на «ко» — каждый второй, если не больше.

Набилось теток полным-полно, и давай реветь. Ревели на все лады и одновременно лужгали семечки. Такая уж у меня родня — по любому поводу грызет семечки.

Заплевали они весь пол шелухой, успокоились, стали судить да рядить, что со мной делать, и единогласно решили купить в складчину козу, чтоб я не умер с голоду.

Возможно, мне бы и тут не повезло: всучили бы они неразумному дитяти рожок с козлиным молоком, я бы доверчиво сосал соску, агукал и просил добавки, но пришла тетя Ду-ся и сказала:

— Моя бери твоя сяохайцзы... Моя твоя еси найму.

Тетя Ду-ся была нашей соседкой, у нее был муж, дядя Дима, настоящее имя которого Дин Фу-тан. Дин Фу-тан работал сцепщиком на железной дороге. Вот отсюда и пошло мое раннее знакомство с железнодорожными терминами. Дины были наши ближайшие соседи. То, что сказала тетя Ду-ся, я переведу, если вы не поняли. Знать-то вам, что она сказала, все равно надо, раз вы решили читать историю моей жизни.

Тетя Ду-ся сказала следующее:

— Хватит плакать! Мальчика я возьму к себе, потому что у меня десять дней назад родился сын — Лю-третий, и молока хватит на двоих детей. Давайте я буду ему найму (по-китайски это значит — молочная мать).

Никто из родственников не возражал, разговоры о покупке козы сами собой прекратились: родственнички были скуповаты. Тетя Ду-ся завернула меня в одеяло и унесла в свою фанзу. У них был широкий и всегда теплый кан, на стеклах в окнах были наклеены вырезки из красной бумаги. И я зажил на пару с Лю-третим, моим молочным братом.

Вот в силу этих обстоятельств я и начал говорить через год по-китайски, да так, что спустя пять лет мой папа за голову схватился, потому что я по-русски говорил чуть-чуть лучше тети Ду-ся или дяди Димы, настоящее имя которого было Дин Фу-тан.

3

Мой отец схватился за голову оттого, что я говорил на диком тарабарском наречии, смешанном из китайского, корейского, русского и украинского языков. Он стал слать срочные телеграммы на Полтавщину своей сестре с просьбой, чтобы та приезжала немедленно. Тетя Маруся срочно приехала и еще срочнее вышла замуж за красного командира товарища Коня.

Теперь, много лет спустя, анализируя события моего глубокого детства, я пришел к выводу, что скоропостижный приезд тетки был вызван лишь одним обстоятельством: после смерти матери отец запил и как-то очень быстро сумел пропить половину нашего домика. Хотя эта половина была пропита за тысячи километров от Полтавы, сердце тетки дрогнуло, и она под аккомпанемент песни Дунаевского «До свиданья, девушки! Не забудьте, девушки, как вас встретил Дальний Восток!» направилась в край девичьих надежд.

Этой девушке было уже под тридцать. Там, на Полтаве, на возможность ее замужества махнули рукой даже подруги, а когда она приехала к нам, у нее закружилась голова: кругом холостяки.

Особенно ей пришлось по душе лихой командир товарищ Конь. Человеком он был положительным, носил шашку и усы, командовал артиллерийским дивизионом. Тетя Маруся, долго не раздумывая, взяла Коня под руку и свела в загс. Все это, конечно, было хорошо, только мной ей заниматься было некогда. Я по-прежнему бегал по улице с Лю-первым, Лю-вторым, моим молочным братом Лю-третьим, Няо-маленькой, Няо — самой маленькой и корейцем Кимом.

Компания у нас была довольно лихая. Когда мы угоняли чью-нибудь лодку или ломали чей-нибудь забор, на улице поднимался скандал. Звали милицию. К нашей великой радости, милиции было не до нас: ловили контрабандистов, перебежчиков, воров и прочих аван-

тюристов. Кончалось все тем, что на ножках-копытцах приходила тетя Ду-ся или бабушка Фан. Мы отпирались на всех языках, какие знали, говорили, что это Борька-хромой сломал забор своим костылем. Нас уводили домой.

Я не помню ни одного случая, чтоб тетя Ду-ся ругала нас или отвесила кому-нибудь подзатыльник. Это была на редкость уравновешенная и ласковая женщина. Ей совершенно было безразлично, чьи дети садились обедать на циновке вокруг низенького стола. Она клала перед каждым куайцзы (палочки для еды), ставила миску чумизы и закуску. Жили Дин Фу-таны не особенно богато, так что закуска была всего одна. Зато такая вкусная, острая, что мы незаметно уплетали всю чумизу, а потом пили чай и давали друг другу слово больше не ломать чужие заборы.

Моя приверженность к китайскому столу приводила в ярость тетю Марусю. Она кричала на весь двор, как могут кричать только жители Полтавщины:

— Ратуйте, люди добрые! Этот оголец брезгует варениками! Шоб ты засох, болячка скаженная!

На крыльцо выходил Конь в галифе и тапочках на босу ногу. Он расправлял лихие усы и говорил:

— Будя тебе, Маруся! Да нехай он ест червяков, если не хочет шкварки! Береги ты, Маруся, свои нервы. Твои нервы нужны мне, красному командиру, потому что японцы опять на конфликт лезут...

А японцы действительно лезли на конфликт. Они захватили Корею, оккупировали Маньчжурию, быстренько сострепали государство Маньчжоу-Го, посадили на трон «императора» Пу-и и начали подозрительную возню вдоль нашей границы. Владивосток почти все время находился на военном положении.

Появлялся вестовой. Конь срывал со стены шашку, натягивал сапоги и бежал рысью в казармы. Военская часть куда-то немедленно выступала. По улице громы-хали зарядные ящики орудий.

Тетя Маруся бежала за дивизионом и кричала:

— Возьми меня санитаркой! Возьми меня санитаркой!

— Иди в хату! — рывкал на нее Конь. Он сидел на белом жеребце и шевелил усами. — Не позорь перед боевыми товарищами. Иди в хату. И жди. С победой!

Но тетя Маруся не хотела ждать. Она знала, что

такое ждать. Вдоль улицы у калиток стояли женщины. Они брали тетку под руку, вели к дому и уговаривали:

— Санитарка им не нужна. У них ветеринар есть.

В другой половине нашего дома, которую отец успел пропить, когда махнул на все рукой, жила семья бухгалтера Петра Николаевича. Детей у них не было. И, наверное, поэтому у нас, ребяташек, с соседями не находилось контакта. Донимали мы Петра Николаевича постоянно и с большой выдумкой. Он сносил все наши выходки с невероятным терпением, хотя и драл уши, когда мы мазали ему чем-нибудь дверь и он ловил нас на месте преступления.

Его жена Лариса Зигмундовна советовала тете Марусе, когда Конь уходил на конфликт:

— Вы ребенка заведите. Легче ждать будет. Поверьте мне... Вы уж мне поверьте!

— Венька! — вспоминала сразу обо мне тетка. — Марш домой. Цыпки буду выводить. Варнак вислоухий, глянь на свои руки, глянь на свои ноги! Цыпки тебя съели...

Она тащила меня в дом, не обращая внимания на мои вопли, мазала цыпки йодом, заставляла мыть мылом лицо, надевать ненавистные ботинки и еще более ненавистную матроску, в которой можно было только сидеть сложа руки или прогуливаться по крыльцу. А в это время мои друзья, как назло, обязательно шли ловить рыбу. Они несли с собой удочки, червяков и метровую железюку — сбивать замок у чьей-нибудь лодки.

Ох эти конфликты на границе! Они имели ко мне самое прямое отношение. Вы бы знали, как я ненавидел проклятых самураев, которые лезли на рожон! Если бы не они, моя тетка никогда не пыталась бы стать санитаркой и не мучила бы меня йодом и мылом. Жизнь была бы мирной, и я мог бы сколько душе угодно бегать босиком по всему побережью Тихого океана.

4

Мы ложились куча мала на теплый кан. За окном выл ветер. Была зима. А зима в Приморье — самое гнусное время года. С океана дул сногшибательный ветер, точно хотел сдуть все дома с сопок, но сдувал лишь

снег. Поэтому сопки всегда были голые, как облезлый горб верблюда.

На кан садилась бабушка Фан с длинной прокуреной трубкой. Она тоже любила слушать рассказы сына, дяди Димы, бывшего красного партизана и нынешнего сцепщика железнодорожных вагонов. Дядя Дима был в гражданскую партизанским пулеметчиком. Он лично знал самого Сергея Лазо, видел Блюхера...

Иногда приходила тетка Маруся, если Конь находился в дивизионе.

— О чем это вы брешете? — спрашивала она. Я переводил ей рассказ дяди Димы. Только я все время отставал и сбивался: мне странно было, что тетка не понимает простых слов по-китайски. Честно говоря, я тогда почти не различал, когда говорят по-китайски, когда по-русски, а когда по-украински. Корейский же знал плоховато, но, впрочем, понимал хорошо.

— Уеду до дому! — жаловалась тетка. — Поговорить и то не с кем...

Тетя Ду-ся наливала ей чаю. Моя молочная мать угощала всех, кто бы ни пришел. Нет закуски — чаю даст, нет чаю, — так хоть кипятку нальет. И все вежливо, с радушием.

— Уеду, — решительно говорила тетка и уходила домой гадать на картах, что будет, что станется с ее червонным королем, лихим красным командиром товарищем Конем.

А дядя Дима рассказывал:

— На сопках засели белогвардейские черепахи, а красные герои залегли на крутом берегу. За спиной белогвардейских черепах были Антанта и империалисты Соёдиненных Штатов, а за спиной красных героев — Тихий океан. Командир красных героев, сучанский шахгер товарищ Нечипоренко, собрал ночью в кружок оставшихся в живых товарищей и сказал:

«Ух, шпарят, собаки, чтоб у них зенки повылазили, чтоб им... А у нас патронов нет, хлопцы. Если завтра мороза не будет, сложим мы свои лихие головы за власть Советов на этом берегу. За спиной беляков Антанта и империалисты Соединенных Штатов, а у нас что? От, глядите, хлопцы, — Тихий океан! И вплавь нельзя, потому что судорога сведет, камнем пойдешь на дно».

И пришло завтра. И ударил ночью мороз, да такой,

что белогвардейские черепахи на сопках заползали. А красные герои духом воспрянули.

Командир партизанского отряда, сучанский шахтер товарищ Нечипоренко, собрал в кружок оставшихся в живых товарищей и сказал им такую речь:

«Хлопцы, уйдем по припаю. Снимай, хлопцы, ремни...»

Хлопцы сняли ремни, подвязали штаны кто чем смог, а ремни связали вместе, закрепили за сосну, конец спустили с крутого берега на кромку льда.

И сказал командир партизанского отряда, сучанский шахтер товарищ Нечипоренко, еще одну речь, самую последнюю речь в своей жизни:

«Хлопцы, я остаюсь здесь, буду прикрывать вас... Спускайтесь по ремням на припай, идите на север, к Амуру, там живут нивхи, они бедные люди, они вам помогут. Они тоже за всемирную революцию. Но нужен мне доброволец, чтоб сложить вместе со мной лихую голову на этом берегу...»

И ответили партизаны, как один:

«Не пойдем мы без тебя, наш любимый командир товарищ Нечипоренко! Все тогда головы сложим на этом берегу!»

И тогда вышел вперед пулеметчик Дима, настоящее имя которого было Дин Фу-тан. Он сказал так:

«Товаиса, моя еси пулеметчика... Моя машинка бьет! Моя никуда не ходи! Ваши ходи нивха... Советская власть надо еси много палтизана! Нету палтизана — нету Советская власть».

И тогда сучанский шахтер товарищ Нечипоренко обнял красного героя-пулеметчика товарища Диму и сказал так:

«Хлопцы, он говорит правильно! Советской власти надо много бойцов, так лучше мы погибнем вдвоем, чем весь отряд сложит свои лихие головы. Идите, хлопцы, и не поминайте нас лихом! Отомстите за нас всем белякам, и Антанте тоже, и империалистам Соединенных Штатов, которые стоят за спиной белогвардейской сволочи. А у нас за спиной — Тихий океан и вся Россия. Прощайте, товарищи!»

Заплакали красные герои... Подходили по одному и целовали оставшихся — сучанского шахтера товарища Нечипоренко и пулеметчика Диму, Дин Фу-тана.

А утром беляки пошли в атаку.

«Моя машинка бьет!» — кричал Дима и бил, бил из пулемета по наступающим цепям белых черепах. Товарищ Нечипоренко тоже стрелял из винтовки. Он очень метко стрелял, и не один семеновский офицер сложил свою поганую голову на этом крутом берегу, который стал родным всем красным героям.

А потом, когда патроны кончились, сбросили Дима и Нечипоренко пулемет с крутого берега, чтоб не достался он белогвардейским черепахам, Антанте и империалистам Соединенных Штатов, а сами пошли навстречу смерти...

Дальше дядя Дима не помнил, что было. Очнулся он весь в крови, с переломанными ребрами. И пополз в сопки...

— Покажи, — просили мы.

Дядя Дима задирает рубашку, мы щупали его шрамы. Дотрагивались до обрубков обмороженных пальцев.

Как мы завидовали бывшему партизанскому пулеметчику!

«Моя машинка бьет!» — это была любимая поговорка Лю-первого, Лю-второго, Лю-третьего, моя, Няо-маленькой, Няо — самой маленькой и корейца Кима.

Мы мечтали только об одном — найти тот легендарный берег, с которого сбросили пулемет дядя Дима и товарищ Нечипоренко. Эх, нам бы тот пулемет! Мы бы всех буржуев постреляли и японцев бы выгнали из Китая, и установилась бы в Китае Советская власть. Как бы это было хорошо!

5

Как шло мое дальнейшее развитие? По мнению тетки, хуже некуда. Но, анализируя прошлое, я пришел к твердому выводу, что шло оно диалектически, то есть было полно противоречий, которые боролись между собой.

К семи годам у меня стали проявляться философские наклонности: я пытался находить в спорах истину, о чем тетка сказала, что я научился отбредиваться как цуцуня.

К этому времени подошла пора собираться в школу, чего страшно не хотелось, пусть мне и обещали за это много интересных вещей: ранец, коробку перьев № 86, букварь, задачник и стопку тетрадей в косую линейку.

— Хочешь в школу, мальчик? — спрашивал наш сосед, бухгалтер Петр Николаевич.

— Не, — чистосердечно признавался я.

— Не может быть! — не верила Лариса Зигмундовна.

— Может.

— Как не хочется идти в школу? — Петр Николаевич был уверен, что его вопрос разъяснит это недоразумение.

— Да так...

Мне действительно не хотелось.

— Ну знаешь, мальчик, в таком случае из тебя ничего путного не получится. Ты можешь кончить очень и очень плохо.

— Ты слухай, ты на ус мотай, что тебе говорят добрые люди, — требовала тетя Маруся и скорбно подпирала красные щеки белой рукой.

Я просто не знал, чем утешить всех этих добрых людей, которым так хотелось, чтоб из меня вышло что-нибудь путное. Я пытался найти компромиссное решение:

— Можно, я пойду в китайскую школу на Первой речке? Там Лю-и, Лю-эр, Лю-сань, Няо-сяо и Қим...

Мои слова приводили Петра Николаевича в ужас, а тетку в ярость. Она вставала на дыбы.

— Я из тебя сделаю интеллигента! — кричала она. — Нехай я живой в гроб лягу, но заставлю тебя кончить четыре класса! А там дело твое... Хватит грамотности — живи. Не хватит — пойдешь в семилетку!

— Не пойду в семилетку! — ужасался я. Ведь семь лет — это было ровно столько, сколько я прожил на земле. Я готов был реветь от отчаяния, что еще целую жизнь придется сидеть в каких-то классах, когда можно жизнь посвятить более нужным и более героическим делам, нежели изучение букваря.

— Тю, ему не нужна семилетка! — кричала тетка, клала руки на бедра и плевала на пол бухгалтерской половины дома. — Вы бачите? Ему не нужна семилетка!

Что было самое странное — тетя Маруся тоже не знала, зачем мне нужна семилетка, но тем не менее она просто переполнялась презрением ко мне за то, что я не хотел иметь неполное среднее образование.

— А может быть, ему действительно это не требуется? — замечал Петр Николаевич и старался выпрю-

водить нас на нашу половину, чтоб мы спорили у себя дома.

Спор кончал Конь, если он, конечно, был дома. Он сидел за столом, писал реестры, докладные, рапорты или конспектировал первоисточники в толстенных тетрадах. Он приводил свои доводы в пользу грамотности, и весьма убедительные.

— Венька, чуешь? — Конь показывал огромный мозолистый кулачище. — Треба знати, що воно такое?

— Не треба, — отвечал я.

— Так ты чуешь?

— Чую.

— Чуй. А то можешь и помацать...

«Мацать» его кулак мне совсем не хотелось, и поэтому 1 сентября тетке удалось без особого скандала напаялить на меня английский костюмчик, который отец купил в Шанхае, французский берет с помпоном, который купил отец на острове Окинава, и ботинки, которые купил Конь на толкучке. Она взяла меня за руку и повела в русскую начальную школу на Второй речке.

Мой шикарный вид произвел совсем не то впечатление, которого ожидала тетка. И я узнал, что такое классовая ненависть. Весь класс — скопом и по отдельности — отказался сидеть со мной за одной партой. Вначале я никак не мог понять, что вызвало такую неприязнь у мальчишек и девчонок, но потом сообразил, что всему причина французский берет с помпоном (он слишком нравился девчонкам) и немецкий перочинный ножичек со множеством лезвий, который я по своему недомыслию старался показать всем, даже учительнице Клавдии Васильевне.

И хотя ножичка у меня уже не было, а берет с помпоном плавал в одном неприличном месте, отношения с классом у меня не налаживались. Я пытался драться. Вызывал «стукнуться» всех мальчишек подряд. После занятий мы выходили во двор, удалялись за сарай, а там... Там я оказывался в подавляющем меньшинстве: весь класс «болел», если так можно выразиться, за моего противника, у меня не было моральной поддержки, и я проигрывал все поединки.

Наконец я сообразил, как выйти из создавшегося положения.

Этот день я вспоминаю с теплотой... К концу последнего урока я выглянул в окно и увидел, что вокруг

школы «дают круги» Лю-первый, Лю-второй, Лю-третий, Няо-маленькая, Няо — самая маленькая и кореец Ким.

Поэтому я, не задумываясь, пнул ногой сидящего впереди самого вредного в классе мальчишку, Левку Шлянкевича.

Левка дождался, когда Клавдия Васильевна начала писать на доске упражнение на дом (мы изучали букву «щ»), обернулся и трахнул меня книжкой по макушке...

Вызов был принят, я собирал тетради в ранец, а Левка шептался с соседями по партам...

Все в классе очень удивились, что я опять вдруг, ни с того ни с сего осмелел, — они ведь не знали, кого я увидел в окно.

Уроки кончились. Девчонки и мальчишки без особого шума окружили меня, чтоб я не удрал домой, прежде чем не побываю за сараями, как это случилось два дня назад.

Но сегодня я не хотел удирать. Наоборот! Я очень хотел скорее попасть за сарай.

Мы прошли туда. И тут все увидели, почему я не пытался убежать домой. Теперь у меня тоже была моральная поддержка: Лю-первый учился в пятом классе, Лю-второй — в четвертом, Няо-маленькая — в третьем, кореец Ким — во втором, Лю-третий — в первом классе и Няо — самая маленькая... Она еще нигде не училась. Но зато у нее в руках была палка.

Тут все из нашего класса заторопились домой. У всех сразу оказались срочные дела. Остался лишь один Левка. Он смотрел на крыши домов, скучал, потом вдруг сказал, что у него скоро день рождения и что он всех нас приглашает в гости. Мы очень любили ходить в гости, поэтому Левка сразу стал нашим лучшим другом, тем более он умел играть в шахматы и пообещал научить этой умной игре.

На другой день ко мне за парту села Нюрка. Она с первых дней учебы стала круглой отличницей, и у нее были какие-то свои соображения, чтоб дружить со мной. Я не возражал. Чего, пускай сидит!

Дело в том, что учеба у меня шла как-то неравномерно. Надо сказать, что склонения русского языка я усвоил еще до школы. «Ты, тебе, тобой, о тебе...» и так далее. По-китайски это было всего-навсего одно слово — «та». «Та» — и все! И никаких «тебе», «о тебе», «тобой», «за тобой»... Я, правда, уже не путался во всех

этих «ой», «ою», «ею». Но вот счет!.. Арифметика. Это было хуже. Арифметика куда труднее.

— Остаченко! — вызывала меня к доске Клавдия Васильевна. — Сколько будет три и пять?

Мне обязательно надо было сначала сосчитать по-китайски.

— Сань цзя у... — считал я вслух, — денюй ба... Будет восемь!

Я был очень доволен своими познаниями в арифметике, но Клавдия Васильевна оставалась недовольной.

— Сразу скажи: сколько будет?

Я соображал:

— Саньге... уге... баге... Восемь! Сразу будет восемь!

Клавдия Васильевна начинала нервничать:

— Один и один — сколько?

— Два!

— Два и два?

— Два и лянге... Четыре!

— Два и три? — уже совсем сердилась она.

— Лян и сань... У!

— Чего «у»?

— Пять!

— Ты можешь сказать «пять»? Понимаешь, пять...

— Могу... Пять.

— Так сколько же будет два и три?

— Я уже сказал. — Я тоже начинал нервничать, я тоже был человек. — Лян и сань — пять.

— Очень плохо, — тряслась от возмущения Клавдия Васильевна и ставила мне соответствующую отметку.

— А разве не правильно? — почти ревел я от обиды.

— Результат правильный... Но ты должен научиться считать по-арабски...

Я никак не мог понять, чем арабские цифры лучше китайских? Чем? И что ей вообще от меня надо? Результат-то правильный. Не все ли равно, как я считаю, лишь бы правильно.

Нюрка вызвалась научить меня считать. Но и у нее ничего не вышло. Считать вслух по-русски я научился лишь где-то в третьем классе. А до третьего все равно сначала производил подсчет в уме так, как меня научил дядя Дима, и только потом говорил результат по-русски.

Я рассказал вам о своем детстве, чтобы вы поняли, почему я вступил на аэродроме в разговор с китайскими

товарищами, почему мне вдруг захотелось поговорить с ними, отвести душу, вспомнить Владивосток и то время, когда я ходил в школу на Второй речке.

6

Неожиданно прибыл дежурный по полетам Федоров и с места в карьер потребовал перевести целую речь.

— Скажи им, Веня, — попросил он, — что вылета до вечера не будет. Облачность в Казани девять баллов. Переведи!

Я открыл рот, постоял с открытым ртом... Все на меня смотрят, ждут, что я скажу, а я ничего не говорю, потому что не имею понятия, как будет «девять баллов облачности» по-китайски.

— Что ж ты? — волнуется Федоров. — То трепался без умолку, а когда нужно, молчишь как рыба.

— Да вот... — отвечаю, — сообразить нужно, что как, собраться с мыслями.

Пассажиры наперебой стали мне помогать, точно я без них не понимал, что требуется сказать.

И я с тоской гляжу на медпункт, переводчику вторую бутыл с нашатырным спиртом несут, нет переводчика, хоть плачь.

И я начал импровизировать.

— Эта... — показал я на самолет в окне, — до самого вечера будет стоять, на месте стоять. Долго стоять. На поезде далеко. Даже не представляете, как далеко... Двое суток ехать — вот как далеко. Страшно далеко!

— Поняли? — нервничает Федоров.

— Не сбивайте с мысли. Поймут, — пообещал я и продолжаю: — А это, — я показал на облака, — там... Низко... Много...

— Большая облачность! — пришли на помощь китайские товарищи.

— Большая! — обрадовался я. — Облачность большая!.. Очень большая... Вы даже представить себе не можете, какая большая облачность... Слишком большая!

— Чего полчаса объясняешь? — заволновался Федоров.

— Метеосводку, — говорю.

Китайские товарищи посовещались между собой, закивали головами:

— Понятно. Минбай!

Больше всего удивился я сам, что они меня все-таки поняли.

— Веня, ты гений! — говорит товарищ Федоров. — Мы тебя обязательно отметим в приказе. Только переведи еще... Скажи, что сейчас пусть они пойдут в ресторан, покушают. Ну а потом... Мы машину раздобудем, город покажем. Созвонимся с «Уралмашем», пусть поглядят на нашего красавца. У них тоже скоро такие заводы будут. Мы поможем! Весь советский народ поможет. Им легче будет, чем нам, потому что у них есть мы, а нам ведь никто не помогал... Они будут идти по проторенному пути, не повторяя наших ошибок, так что им будет легче. Переведи, пожалуйста.

Пассажиры кивают головами и тоже твердят:

— Им легче. У них мы. У нас такого помощника не было... Им легче.

Начал я это переводить. Полчаса переводил. Ну то, что мы их в ресторан приглашаем, — это они, конечно, сразу поняли, а вот как насчет всего остального, что я им пытался втолковать, — это уж не знаю... Кажется, не очень. Китайцев повели в ресторан, я было направился к своему БЗ, где сидел и нервничал Васька.

— Ты куда, Веня? — схватил меня за рукав мертвой хваткой Федоров.

— На дежурство. Я на дежурстве.

— Мы тебя заменим, — пообещал Федоров. — Иди с ними.

Пошли, значит, мы в ресторан, в главное здание. В зале никого нет, на двери табличку повесили: «Закрыто на переучет». Принесли на стол китайским товарищам всего — холодного, горячего и прочего. От прочего они отказались.

Пообедали на славу. После этого пришел автобус. Сели мы и поехали в город осматривать достопримечательности.

Начали с памятников. Конечно, я их первым делом повел к памятнику Свердлову. Странно, но они не знали, кто был Свердлов. Я рассказал. Рассказал все, что знал про Якова Михайловича, про уральских большевиков-революционеров. И еще добавил про знакомого мне лично партизана революции — про дядю Диму, которого по-настоящему звали Дин Фу-тан.

Потом поехали на центральную площадь, к памятни-

ку Карлу Марксу. Но тут китайские товарищи сказали, что им не стоит рассказывать, потому что про Карла Маркса они сами все хорошо знают.

Что же, дело ихнее. А то я бы мог рассказать: вдруг они чего забыли или что-то не так поняли.

7

Очень странно устроена человеческая память.

Я учил в школе с четвертого класса немецкий язык. Окончил девять классов, поступил в вечерний авиационный техникум. Работал, учился как миллионы моих сверстников. В техникуме продолжал изучать немецкий. У меня в общем была по нему четверка, вполне приличная отметка. Но немецкий давался мне с великим трудом. Я его в полном смысле слова «долбил»: не люблю ничего делать недобросовестно. А китайский... Вот уж много времени прошло, и я, оказывается, его помнил, сегодня точно какая-то волна накатила, подхватила меня, и я почувствовал себя на ее гребне. Речь у меня лилась без задержки. Вот так иногда бывает с человеком, который любит петь. На работе нельзя, дома соседи — неудобно, и вдруг как-то, оказавшись один в лесу, он запоем, и одна песня льется за другой.

Так и я.

Через каждый час я звонил в аэропорт: дали погоду или нет? Потом вел китайских товарищей дальше по городу. Встречали нас всюду приветливо. Мы посетили краеведческий музей, потом зашли в универмаг. Китайских товарищей почему-то больше всего заинтересовали фотоаппараты. Они узнавали цены, переводили их на юани и очень удивлялись, как дешево стоят у нас такие первоклассные аппараты, как «Зоркий», «Киев».

Потом я пригласил гостей в кинотеатр на экранизированную оперу «Черевички». Была кинокартина с подобным названием.

— А какая опера? — спрашивают.

— Обыкновенная, — отвечаю. — Поют в ней, танцуют между делом, оркестр играет и при этом имеется содержание...

Я не был силен в оперном искусстве и вообще в музыке. Как-то эта область осталась для меня малознакомой.

— А у нас, — заявили китайцы, — есть несколько видов опер. Шаосинская, Пекинская...

— У нас тоже много, — отвечаю я, чтоб не ударить в грязь лицом. — В Москве есть, в Новосибирске есть, в Свердловске...

— А в чем их отличие?

— В чем? Декорации разные, артисты... В одной толстый певец поет тоненьким голосом, в другой, наоборот, тоненький певец поет басом. А также хор разный. В одном оперном театре целый полк выйдет на сцену, в другом — два полка. Больше, чем зрителей в зале.

— Интересно, — говорят китайцы.

От разговора об опере у меня выступил на лбу пот. Не моя сфера.

Я провел гостей в фойе, рассадил за шахматными столиками, кому шахмат не хватило, шашки предложил. Но они не умели играть ни в то, ни в другое.

Открыли дверь в зрительный зал. Мы сели, заняв целый ряд.

Крутят журнал.

Неожиданно вспыхнул свет. Гляжу, Петр Михайлович, наш аэропортовский шофер, бежит вдоль рядов, ручкой машет, чтоб выходили: мол, погоду дали, немедленно надо ехать в порт.

Вернулись мы в аэропорт. Китайских товарищей сразу повели на посадку. Разместились они честь честью. Только переводчика пришлось силой сажать, потому что он на поезд просился.

8

Федоров сдержал свое слово. К Октябрьскому празднику мне объявили благодарность в приказе. И началось...

Хлопотное это дело — из рядового заправщика стать заметной личностью.

Первый раз я даже, признаться, обрадовался, когда меня на собрании вдруг выбрали в президиум и попросили занять там место. Что было дальше, может понять лишь тот, кто сам сживал в президиуме. В президиуме — это совсем не то, что в зале. В зале, особенно на задних рядах, если собрание неинтересное, ты можешь делать, что тебе заблагорассудится, — вертеться, шеп-

таться с соседями, читать книжку писателя Овалова, даже вздремнуть. Это все привилегии общего зала... В президиуме же ты должен сидеть навтыжку, изображать на лице осмысленность и бодро кивать докладчику: да, мол, интересно говоришь, подумать только, а мы и не знали!

Но все это еще пустяки. А вот когда после доклада тебя вдруг ни с того ни с сего начинают толкать под бока:

— Иди, Веня, выступи.

— Зачем? — цепенеешь ты от ужаса.

Однако твое замешательство воспринимается лишь как проявление скромности, и тебя все-таки подталкивают к трибуне, на которой стоит графин и микрофон.

В голове от волнения ни одной путной мысли. Потом мелькает единственная: «Убежать бы! Повернуться бы сейчас да через черный ход на автобусную остановку...»

Но берешь себя в руки и начинаешь пить воду из графина.

Потом набираешь в грудь воздуха и говоришь.

На основании прожитого я пришел к выводу, что очень нелегко нести бремя известности.

Так вот. Объявили мне благодарность, повесили мою фотографию на доску Почета. Тут еще журналисты из «Уральского рабочего» подъехали. Поговорили о том, о сем, пошуршали блокнотами, потом, гляжу, в газете «Беседа с передовиком Вениамином Остаченко».

И пошло, пошло. Я даже похудел. Как что где происходит, так меня на трибуну: «Давай! Покажи. Поделись...»

Прошло некоторое время, и вдруг меня вызывают в отдел кадров. Я испугался: не увольнять ли собираются за то, что столько рабочего времени прогулял из-за разных заседаний и докладов? Потому что доклады — это одно, а производство — другое.

— Вася, замени, схожу к Димиванычу! — попросил я друга.

Димиваныч — это мы так для удобства сокращенно называли начальника отдела кадров Дмитрия Ивановича.

— Может, я вкалывать буду, а ты получку получать? — заартачился Васька, которому надоело порядком, что меня отвлекают от дела, а ему все время приходится заменять. — Ладно, валяй! Только в последний

раз! Но запомни: если тебя не уволят, я сам подам заявление об уходе.

Прихожу в главное здание, стучусь в дверь, обитую железом. Вошел.

Димиваныч сидел за столом и пил молоко из бутылки. Увидел меня, заткнул бутылку пробкой, спрятал в сейф.

И вдруг улыбнулся. Хорошо так улыбнулся, тепло.

— Решили мы тебя, Остаченко, послать работать в Китай. Решили доверить тебе... Поедешь помогать китайским братьям создавать собственную гражданскую авиацию, а то там англичане пока наживаются на наших братьях. Ответственное поручение!

Он еще что-то говорил, а у меня все поплыло перед глазами от радости.

Кого не обрадует большое доверие, ответственное поручение! Чем больше ответственность, тем больше радуется человек — я так понимаю радость.

И потом: я ведь с детства мечтал о пулемете. Чтобы вместе с дядей Димой, которого звали Дин Фу-тан, помочь китайским рабочим разгромить всех врагов и построить новую жизнь. И вот теперь я вдруг поеду в Китай без всякого пулемета и буду помогать нашим братьям.

— Завидую тебе, Веня! — сказал Димиваныч. — Сам бы поехал, да не знаю языка. Надо им помочь. Кто же им поможет, как не мы? Понял?

— Конечно, — соглашался я. — Вы даже не представляете, что для меня эта командировка. Ведь я лечу в свою мечту. Моя машинка бьет...

Пожали мы друг другу руки, и я выбежал из кабинета.

9

Если вы когда-нибудь будете собираться в поездку за границу, то вам, как и мне, придется выслушать от друзей и родственников тысячу полезных советов. Самое интересное заключается в том, что если эти советы и пожелания собрать вместе, то польза от них будет равна нулю, потому что они взаимно исключают друг друга...

Да, необходимо рассказать, какими путями я оказался в Свердловске. Приехали мы сюда после войны. Дело в том, что мой дядька Тарас Тарасович Конь погиб в сорок пятом при освобождении Маньчжурии от японских захватчиков. Нашла его пуля самурая. Сложил он свою лихую голову под Цицикаром, высмотрел его какой-то смертник, камикадзе, были они у японцев не только в воздухе или на торпедах, но и на суше, вроде кукушек, стреляли по командирам. Конь пошел освобождать китайцев в звании подполковника, в должности командира арtpолка.

Тетя Маруся сильно горевала, плакала, убивалась, чуть зрение не потеряла. Батьку списали на сушу по старости. Думали мы, прикидывали. Продали свою половину домика и тронулись на родную Украину, на которой я сроду не бывал. Но, видать, не судьба... Не доехали...

Расхворались старики в поезде — его в шутку называли «Пятьсот веселый». После победы над Японией войска с востока перебрасывались на запад, к тому же валил поток демобилизованных, бывших эвакуированных... Полтора месяца мы путешествовали и застряли на середине пути, на Уральском хребте. Обжились, конечно, получили квартиру во Втузгородке...

Когда я пришел домой, показал анкеты и тетя Маруся с отцом узнали, что мне срочно требуется сфотографироваться шесть на четыре, написать собственной рукой автобиографию, они понимающе переглянулись.

— Понятно! — сказал важно отец. — В загранку посылают.

— Веня, — всхлипнула тетка. — Ты же был вот таким маленьким... Помнишь, как сломал мне швейную машину? Крутил, крутил колесо... Чего же я стою? Со всем поглупела твоя тетка...

Она стала вынимать из всех углов чемоданы, выкладывать на стол, на кровать, на пол их содержимое.

— Не нужны эти чемоданы, Веня, сынок, не бери ничего с собой, кроме русской души. Возьми белые полотняные брюки и сандалии на кожаной подошве, чтоб ноги в жару не прели. Чего ты ему рундуки навязала? Нужно ему твое барахло! Что он, на рынок едет? Не дело русскому человеку о барахле думать. Пошли в магазин, сынок, брюки покупать. Не будь бабой. Это бабы от глупости за тряпки хватаются...

Часть вторая

В КИТАЕ

1

Переезд границы — штука впечатляющая, даже если конечная станция на родной земле всего-навсего деревянный дом с двумя огромными залами... В одном зале стояли скамейки, похожие на садовые, на них сидели пассажиры, во втором на длинных столах лежали чемоданы, а вокруг ходили таможенники, люди весьма серьезные.

После досмотра пассажиры сели в поезд, он тронулся, у светофора с подножек вагонов соскочили пограничники.

— Все!

— Свершилось!

— Где она? Где она?

— Вон!

— Нет, рановато, не доехали.

— Поздно, проехали...

Лично я этой самой границы, которая всегда на замке, почему-то не заметил. Кругом была все та же степь, ковыль, небо...

Поезд подошел к станции. На ней красовались иероглифы «Маньчжурия».

Все! Россия — там, Китай — здесь. Он для меня стал реальностью, а Россия воспоминанием.

В тамбуре какие-то ребята, одетые в одинаковые гражданские костюмы, дружно запели: «Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна», кто-то вскрикнул: «Эх, ма!», кто-то отошел от окна, достал из кармана бумажник, из бумажника фотографию и долго глядел на нее.

На станции было полно китайцев. Все куда-то торопились. Все в синем. У всех на лицах марлевые повязки, как у хирургов во время операции.

Но это был еще не сам Китай. Он начинался дальше,

за тысячи километров, за Великой стеной, за Шаньхайгуанем. В то время, о котором я рассказываю, поезда ходили только через Читу-Пограничную на Харбин — Тяньцзинь — Пекин. Это теперь они могут жать напрямик через Улан-Батор. В то время дорогу через Монголию лишь строили.

По первому заходу я так и не попал в Срединное государство, застрял в Маньчжурии (северо-восток), в Мукдене, на аэродроме около Дунлина — огромного парка, служившего когда-то местом захоронения бывших завоевателей Китая, императоров маньчжурской династии Цин.

Только через два года, в канун праздника весны, меня неожиданно перевели из Мукдена на крайний северо-запад, так сказать, бросили с одного конца Великой стены на другой — пять дней пути на поезде.

И я очутился за этой стеной, на земле ханей, то есть земле истинных китайцев.

Перевод был вызван тем, что у одного из моих коллег заболели почки — камни разыгрались. Его на самолете отвезли в Пекин, в госпиталь, там отпоили каким-то варевом, затем опять посадили на самолет и откомандировали на излечение в Советский Союз. У меня же почки работали «без перегрева», как маслофильтры в отлично отрегулированном двигателе, и это было хотя и слабым, но все-таки утешением, ибо летел я на новое место без особого желания.

В Мукдене я обжился. Шэньян, как называли Мукден китайские товарищи, считался после Харбина вторым городом, где хорошо было работать. Вопрос заключался не в самой работе — не надо так узко понимать, работа, она везде одинаковая, везде ее надо выполнять на совесть. В Мукдене находилась большая группа советских специалистов, целый городок железнодорожников ЮКВЖД. У железнодорожников был свой клуб, где демонстрировались советские фильмы, был плавательный бассейн и две волейбольные команды, которые без конца оспаривали первенство друг у друга.

И еще в Мукдене было очень приветливое советское консульство. В консульстве часто устраивались вечера отдыха. По праздникам в ресторане можно было запросто заказать столик и поплясать от души с женами дипломатов.

В общем, жить можно было.

Ведь самая большая трудность работы за кордоном не климат, не национальные обычаи страны. Самое тяжелое — тоска по Родине. И днем и ночью сосет под ложечкой. Начинает казаться, что вот никогда уж больше не попробуешь ржаного хлеба...

В Мукдене остались у меня друзья. Настоящие. Чего-чего, а друзьями меня судьба не обидела. Взять хотя бы подшефных китайских хлопцев, которых я обучал тонкостям ГСМ. Они величали меня «гэгэ» (старшим братом), хотя многие по возрасту были значительно старше. Учились они на совесть. Ко мне относились прямо-таки с нежностью. Чтобы сделать мне приятное, учили на русском языке «Катюшу».

Это было, когда на наш аэродром перегнали МиГ-15, новенькие машины. Когда и где научили китайских парней летать на реактивных истребителях, не скажу, так как не знаю. Я числился в СКОГА (советско-китайском обществе гражданской авиации), вроде нашего Аэрофлота, и отвечал за топливо винтомоторных пассажирских самолетов. Часть моих учеников забрали в военную авиацию на обслуживание МиГов, по этому поводу и устроили прощальный ужин. Съездили на «газике» в город к «Чурину». Была такая солидная фирма русского купца. Купили пива, сладостей, колбасы... Дома приготовили рис, пампушки. Устроили проводы. И вот когда сели за стол, хлопцы запели «Катюшу»..

Теперь представьте себе плато, покрытое слоем серого лёсса толщиной в несколько сот метров. И на этом плато узкую, извилистую щель. Щель промыла река, названная Желтой по цвету воды. В этой щели лежит город, куда я попал, распрощавшись с Мукденом.

Лежит город километра на два, на три выше уровня моря. Сам он довольно симпатичный. В центре, разумеется, старая крепость, есть бывшая резиденция бывшего правителя. Обязательно Торговая улица. Городской парк. Среди деревьев там и сям торчат остроконечные крыши пагод бывшего буддийского монастыря.

Была ранняя весна, и в парке еще не появились навесы из дерюжек. Под такими навесами любители вечерних закатов не спеша пьют чай или лимонад в бутылках из-под кока-колы, задумчиво курят сигареты и слушают нежную игру на хуцине какого-нибудь участника художественной самодеятельности.

В узком одноэтажном здании мне выделили комнату,

в которую я поставил клетку с волнистыми попугаями. Вручили мне ключи от бензохранилищ. После этого меня повели в столовую, познакомили с поваром Ваном и остальными товарищами. Фамилия старшего нашей группы была Гаврилов, заместителя его — Поддубный.

Как я уже сказал, на новое место я прибыл в канун китайского Нового года.

Вы не знаете, что такое китайский Новый год, или праздник весны? Представьте себе страну в основном горную, с населением в шестьсот с лишним миллионов человек. И вот на каждую душу населения выделяется в среднем по сто хлопушек и барабан. В один прекрасный день, а именно в весеннее новолуние, все начинают жечь хлопушки и бить в свои барабаны. Получается очень веселый праздник. Называется он Чуньцзе. Если вы этого не видели, вам трудно представить, до чего же это здорово!

Во-первых, три дня никто не работает. Во-вторых, все выходит на улицы, и начинается карнавал. По улицам движутся танцующие колонны. Трясут головами львы с гривами всех цветов радуги. Мчится извивающийся дракон. Он хочет проглотить солнце. Дракон дрожит от вожделения, теснит людей к стенкам домов, разевает пасть... А солнце убегает, улетаёт, и никогда дракону не проглотить солнца, как злу не победить добра. Никогда! Солнце рвется в небо, чтоб светить людям, чтоб сделать их счастливыми и радостными. В этом символ жизни, символ движения, символ любви. Иначе если дракон смог бы проглотить солнце, то был бы мрак, смерть, никогда бы не было «завтра», а «вчера», стало бы «сегодня».

Мне очень хотелось посмотреть на праздничные шествия, но жили мы в двух-трех километрах от города, так что я мог лишь слушать издали веселые рыки барабанов и любоваться издалека разрывами хлопушек.

С некоторых пор ходить в город поодиночке нам не разрешалось. Так распорядились местные власти. Если нам приспичивало куда-нибудь ехать, то собирали солидную группу, сажали в автобус и везли скопом. Объясняли нам подобное тем, что так нас легче не растерять. Теперь же ехать в город было бесполезно: слишком много было на улицах народу, автобусу не пробиться сквозь толчею. Да и что за праздник, если ты сидишь в автобусе!

Неожиданно пожаловали гости — группа активистов Общества китайско-советской дружбы. Возглавляла группу товарищ Цзянь Фу, высокая худощавая женщина. Ей было лет сорок, но выглядела она значительно старше, ее лоб рассекал шрам.

Родилась она в Циндао, когда-то отданном на откуп кайзеровской Германии. Циндао расположен на холмах и очень напоминает какой-либо заштатный городишко Южной Германии: садики, чистые улицы, на крышах домов, конечно, красная черепица. Семья Цзяней была зажиточной. Цзянь Фу крестилась в кирхе, ей дали христианское имя Марта.

Лет восемнадцати Цзянь познакомилась с одним революционером, ушла из дому, принимала участие в революционной работе среди кули Тяньцзина, вступила в компартию, попала вместе с мужем в руки чанкайшистской разведки. Мужа и ребенка замучили, она каким-то чудом спаслась.

Сейчас она занимала несколько должностей и, кажется, была избрана в Собрание народных представителей — верховный орган КНР.

Удивительно энергичная женщина. У нее было сто болезней, но она презирала боль и недуги. Она мечтала поехать в Советский Союз на учебу, самостоятельно изучала русский язык, поэтому, пользуясь малейшей возможностью, пыталась говорить по-русски.

С ней пришли молодые парни, рабочие. Они очень гордились эмблемами общества на шапках и одновременно стеснялись.

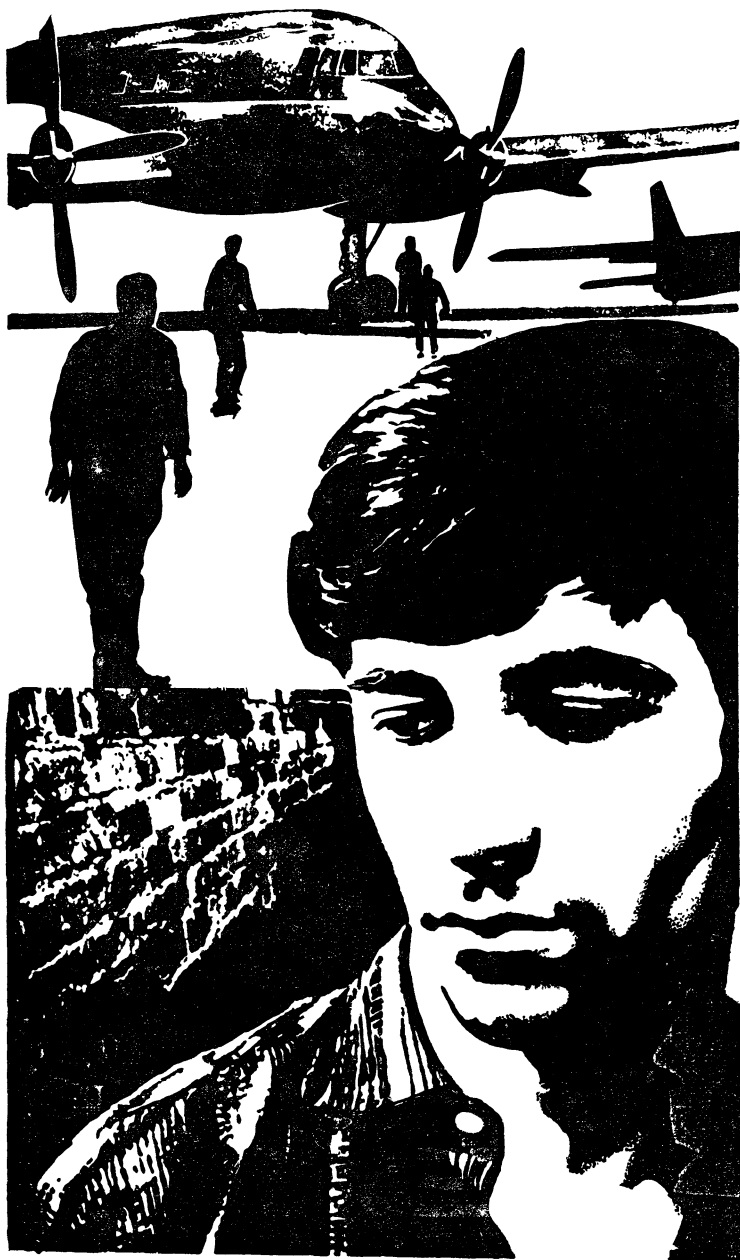
Встреча произошла скомканно; видно, ребята торопились в клуб на концерт самодеятельности или на карнавал.

— Понимаю, — сказала мне Цзянь Фу, — в такой день хочется быть дома. У вас танцуют на ходулях?

Даже она, крещенная в немецкой кирхе, не знала, что праздник весны — чисто китайский праздник, и празднуется он лишь в Китае.

— Конечно, — ответил я и, чтобы ее не обидеть, добавил: — На ходулях у нас в Свердловске любят танцевать, особенно хорошо получается на асфальте. Сколько ртов в вашей семье? — задал я вопрос, чтоб как-то сменить тему разговора.

— У меня нет семьи, — ответила она. — Мой муж был большим революционером, он отдал жизнь за рево-



люцию, и я посвятила жизнь его делу. Вот мои дети. — Она показала на молодых рабочих.

Мы договорились с Цзянь Фу, что вскоре обязательно состоится встреча советских специалистов с китайскими рабочими, на которой мы расскажем о Советском Союзе.

Они ушли. Я совсем загрустил. Вышел на летное поле, прислушиваясь к звукам города.

При въезде на аэродром стояли два китайских часовых, чтобы никто из населения не мог проникнуть на территорию. Я постоял около них, поздравил с праздником, пожелал им «Фацай, фацай!» («Будьте здоровы, живите богато!»). Они спросили, сколько времени. Им скоро сменяться, в казарме их ждал праздничный ужин.

Я пошел дальше. Миновал взлетную полосу, проверил сигнализацию. Долго ковырялся в реле красных и зеленых светофоров. Нашел замыкание, исправил.

Затем я двинулся вдоль глинобитного забора. В одном месте забор размыт дождями и осыпался. Его давно надо было отремонтировать, ведь через дыру на территорию проникали черные волосатые свиньи местных жителей. Свиньи в основном сами добывали себе пищу. Они рыли аэродромные поля в поисках всяких отходов. Из-за них, не ровен час, могла произойти катастрофа.

Я перелез через стену и пошел по тропинке, которая вела к берегу реки. Там начинались фанзы.

Я шел один. Я просто забыл, что со мной обязательно должен был идти кто-нибудь из китайских товарищей, который охранял бы меня на тот случай, если бы, не дай бог, на меня вдруг вздумали напасть «тэу» (шпионы с Тайваня).

Мне было грустно. Очень хотелось посидеть на кане у кого-нибудь в фанзе. Как когда-то я сиживал у Дин Фу-танов. Поговорить о том, о сем, послушать сказку, отведать закуску, выпить крепкого зеленого чаю или горячего ханшина.

Над головой прыгали звезды, была темная сонная ночь. Чувствовалась весна.

Я шел и рассуждал сам с собой. Обо всем. А значит, и о любви.

Почему-то все мои рассуждения в последнее время логически приходили к этому вопросу. Наверное, потому, что я считал себя в душе безнадежно испорчен-

ным человеком. Откровенно говоря, я страстно желал как можно быстрее состариться, чтоб уgomониться и научиться владеть собой.

«Было бы мне шестьдесят, — с грустью думал я. — Как бы все было просто, как бы все было хорошо! Болело бы мое сердце только об одних производственных проблемах. И не терзал бы я себя!»

А терзал я себя довольно основательно. И всему причиной была Ксения — железнодорожница из Коломны, которая осталась в Мукдене. Она была старше меня, успела побывать замужем, разошлась, родила девочку, ребенка пристроила у родителей в Коломне, сама поехала работать на ЮКВЖД.

Я вспомнил, как ребята шутили надо мной. И покраснел. Хотя вся эта история была уже в прошлом, но я все равно покраснел от стыда.

Мы приезжали в клуб железнодорожников посмотреть кинокартину. Ксения садилась рядом, прижималась горячим плечом и замирала. Не дожидаясь окончания сеанса, вытаскивала меня на улицу. Я не мог противиться и стыдился. Стыд у меня был очень сильный и в то же время какой-то робкий.

— Не ершишься, — ластилась Ксения. — Положи сюда руку, положи! Слышишь? Это мое сердце стучит... Какие у тебя руки теплые!

И она начинала целовать мои руки.

«Неужели это и есть любовь? — думал я. — Как стыдно от этой любви! И нет никакой радости. Или, может быть, я чего-то недопонимаю? Почему Ксения смотрит на меня такими бездонными глазами? Вот ей абсолютно не стыдно. Она вся горит... Чего ей от меня надо? Чего? Уйду!»

Ксения понимала, испуганно отстранялась, становилась доброй и снисходительной, как мать, и от этого становилось еще хуже.

— Я вышла замуж девчонкой, — говорила тихо Ксения. — Я ничего не соображала. Когда почувствовала, что не люблю мужа, ушла от него. И зачем ты мне попался на пути, желторотый? — вдруг почти кричала она. — Зачем? Ну что ты? Ну куда ты? Милый мой, лапушка... Да люблю я тебя! Ну бабье счастье мне такое — полюбить тебя. Не дождусь я, когда ты мужчиной станешь. — И она всхлипывала, становясь какой-то беззащитной.

А у меня была только одна мысль: побыстрее бы уйти от нее.

И чего она плачет? Ведь в кино ходим вместе, гуляем. Разве обязательно еще и целоваться?

Разве нас сюда за этим послали — целоваться? Нас сюда за другим послали: помогать Китаю налаживать новую жизнь.

Я ведь не маленький и знаю, чем могут кончиться такие отношения. Мне неохота позориться, терять свой моральный облик...

Я шел по тропинке, не хотелось думать об этом, но мысли почему-то все равно возвращались к Мукдену, к Ксении, и я злился на себя.

И мне хотелось немедленно повернуться и побежать назад. Но я не повернулся, по-прежнему шел вперед. Я прислушивался, как в городе гремели барабаны, у реки лаяла собака.

До чего же трудно жить, когда тебе не шестьдесят лет!

2

И тут я услышал, что кто-то чихнул. В кустах.

— Эй! Кто там? — крикнул я и остановился.

В кустах подозрительно молчали. Тогда я крикнул еще громче, чем первый раз, даже в горле засадило:

— Кто там, отвечай!

Молчание.

Я лихорадочно думал, что мне делать: или припустить что есть духу к аэродрому, или же применить всем известный впечатляющий маневр: «Отвечай! Не то сейчас подниму тревогу... Сержант Петров, заходи справа! Рядовой Иванов, заходи слева!»

— Ты кто такой? — вдруг раздался в кустах испуганный женский голосок. Я заметил, что говорит женщина мягко, сглаживая шипящие, как это делают жители южных провинций.

— Я аэродромная охрана, — уже без крика заявил я, потому что мне вовсе не хотелось поднимать тревогу.

В кустах зашевелились. Треснул сучок... И тут я сообразил, что там, в темноте, стоит девушка, что она, видно, услышала мои шаги, испугалась и свернула с тропинки в заросли, чтобы пропустить меня. Ей ведь не-

известно было, что за человек идет, чего он бормочет себе под нос. Может, пьяный...

Девушка заговорила. Я с трудом понимал, о чем она говорит, потому что говорила она на шанхайском наречии, я не знал его. Шанхайское наречие — особенное наречие. Например, такая фраза: «Я не знаю ее» — по-пекински звучит так: «Во бу женьши та». Та же фраза по-шанхайски: «Алла бу сяодо нун».

— Не понимаю тебя, — сказал я по-пекински. — Отвечай, кто ты такая и почему прячешься, когда все празднуют Новый год?

— Я заблудилась, — ответила девушка с шанхайским акцентом на пекинском диалекте. — Я нечаянно заблудилась.

— Выходи, — сказал я.

— Я боюсь, — ответила девушка.

— Чего боишься?

— Тебя боюсь.

Дело было совсем не в том, что я проявил невежливость, заговорив с ней на «ты». В китайском языке вообще нет нашего вежливого «вы». Есть слово «нинь», но это скорее «вы» в превосходной степени, с оттенком почтительности, что-то наподобие «ваше благородие». Его редко употребляют: слишком оно церемонное. Просто девушка испугалась встречного мужчину, что было вполне естественно. Надо было поговорить с ней, обстоятельно выяснить, кто она, откуда, расположить к себе, успокоить. В Китае не принято, заводя разговор, сразу брать быка за рога. Признаком хорошего тона считается всякую деловую беседу начинать с расспросов о погоде, потом уж говорить об основном деле.

Мы направились к окраине города. Я шел впереди, она следом за мной. Здесь так принято ходить. Я старался не оборачиваться, чтоб она, хотя и было темно, не увидела моего лица, не заметила, что я европеец, а то бы она, наверное, испугалась.

Она рассказала мне, что зовут ее Хао Мэй-мэй, что ей восемнадцать лет и что она восьмая в семье.

— Я окончила колледж в Шанхае, — рассказывала она. — Я преподавательница математики и географии. Нас призвали ехать в районы новостроек, и я с радостью поехала.

— Давно ты приехала?

— Три дня назад... Мне очень нравится здесь. Шан-

хай, конечно, красивее, но здесь тоже ничего... Мне очень хотелось посмотреть, что там, наверху, в горах, и я пошла, но не рассчитала, что дорога окажется длиннее, чем мне бы хотелось...

— Ну и как там, наверху, на плато?

— Голо очень. Нет воды, поэтому ничего не растет.

— И сколько же ты прошла пешком? — спросил я. — Ли двадцать или тридцать?

— Пожалуй, пятнадцать ли. Но я люблю ходить пешком. У нас была культбригада. Мы ходили по деревням, ликвидировали неграмотность. Я преподавала в трех деревнях, так что научилась ходить помногу.

— Айя!.. — только и мог я сказать по этому поводу.

— Ты что, неграмотный? Тогда приходи к нам в школу.

— Нет, я грамотный. Окончил среднюю школу, но вот иероглифов совсем мало знаю. Штук десять, не больше.

— Как же ты окончил среднюю школу? — удивилась Мэй-мэй.

— Как все. Жалко, техникум авиационный пришлось бросить, три курса всего окончил... Я заочно учился.

— Не понимаю, — замедлила шаги девушка. — Как же ты мог окончить среднюю школу и знать всего десять иероглифов?

— Зачем мне иероглифы?

— Зачем? — Девушка остановилась, и я даже почувствовал, как она с подозрением смотрит мне в спину.

И тут я сообразил, что проговорился. Она думала, что я китаец, и действительно, как же я мог так долго учиться и остаться таким абсолютно безграмотным, знать всего десять иероглифов.

Надо было как-то выходить из положения, а не то она испугается и убежит.

Улицы были совсем близко, доносились голоса жителей. Вдоль улиц бегали мальчишки и стучали палками по электрическим столбам. Наверное, им не хватило барабанов.

— Товарищ! — сказал я как можно официальнее и обернулся. — Дело в том, что я советский человек. И я приехал из Советского Союза. Китайский я знаю потому, что моя молочная мать была китайкой. Я очень рад с вами познакомиться.

— Здравствуйте! — вдруг сказала по-русски Мэй-мэй. Это было так неожиданно, что мы рассмеялись.

— Ты отлично говоришь по-русски! — сказал я.

— Может быть, и отлично, — ответила она, — только больше я не знаю ни одного слова... Бат ай кэн инглиш вэри вэл.

— Нет, нет, — замахал я руками. — По-английски я не «спикаю». «Шпрехаю» еще немного по-немецки. А английский — нет, не знаю. Вот мы и пришли...

Мы остановились около фанз. На столбе горела тусклая электрическая лампочка. У реки уже лаяло несколько собак.

— До свидания, — сказал я.

— До свидания, — сказала она и смело протянула руку.

Рука у нее была теплая и маленькая.

— До свидания, — опять повторил я.

— А почему ты не идешь на праздник? Пойдем вместе, хочешь?

— Нет, — отпустил я ее руку. — Мне нельзя. У меня работы много. Очень много работы. Ты даже не представляешь, как много работы. Куча работы. Столько работы, что я лучше пойду на работу. А то вся работа станет.

— Я понимаю, — сказала она. — Мы живем в общежитии. Приходи к нам в гости, расскажешь о Советском Союзе.

— Хорошо, — сказал я. — Постараюсь. Как-нибудь в другой раз. При случае. До свидания...

Не мог же я ей объяснять, что с некоторых пор местные власти перестали разрешать нам ходить поодиночке в город, так как они боялись, что нас могут украсть «тэу» (шпионы с Тайваня).

3

На работе мною были довольны. Я не подозревал за собой таких способностей. Оказывается, я очень многое знал и очень многое умел. И обязанностей у меня было как у генерала; приходилось решать вопросы о транспортировке, хранении, учете и отчете, разработке документации и плюс чисто педагогические вопросы, потому что мне приходилось учить китайских товарищей, моих

«подсоветных», как их там называли, азам современной техники.

Совершалось весьма интересное явление, которое, вероятно, уже не повторится в таких масштабах нигде на земном шаре. В огромнейшей стране, с самым большим населением в мире, происходило бурное развитие языка и понятий. Еще вчера здесь имели дело с двигателями в одну лошадиную силу. Эту лошадиную силу приводили в движение ударами бича и криком: «Юй! Юй!» Шестьсот миллионов людей не подозревали, что на свете есть шагающие экскаваторы. И вдруг в страну хлынула потоком советская техника. С техникой надо было познакомиться, привыкнуть к ней, изучить, освоить, научиться правильно ее эксплуатировать и, естественно, придумать всему названия.

Можно представить себе, что происходило в языке колоссальной страны. В каждой провинции, в каждом городе придумывались свои собственные технические термины. Взять слово «подкрылки». Как его только не переводили — «маленькие крылья», «вспомогательные крылья», «крылышки для торможения»...

Я пришел к товарищу Ян Ханю, начальнику службы ГСМ, и сказал:

— Очень прошу тебя, собери подчиненных, пригласи самого хорошего переводчика и давайте разберемся, кто что знает, что как у вас называется.

— Хао, — ответил товарищ Ян и записал что-то в блокнот. — Позову переводчика Лю. Он хорошо знает русский язык: отец у него был русским. В Хайларе ско- том торговал.

Собрались мы в клубе. Я выяснил местные отклонения в технической терминологии и одновременно задал несколько специальных вопросов, чтобы выяснить степень подготовки товарищей. Пока я задавал теоретические вопросы, все было более или менее хорошо. Но как только я перешел к практике, так схватился руками за голову.

— Что же, — говорю, — получается, товарищи? Формулами-то вы бойко сыплете, а на деле ничего не знаете. Как, скажем, приготовить бензин марки Б-семьдесят четыре, если под руками есть только Б-семьдесят?

Молчат.

— Что такое цифра семьдесят? — спрашиваю.

— Октановое число...

— Как получить не семьдесят, а семьдесят четыре?

— Надо добавить этилки.

— Сколько?

Молчат.

— Четыре кубика, — подсказываю.

— Правильно, — говорят.

— А как добавить?

Молчат.

Тут я вспомнил про свою педагогическую практику в Мукдене и начал издавека, подробно, с чувством, с привлечением художественных образов.

— Работать в ГСМ и не уметь делать нужную смесь, — говорю, — это равносильно тому, что взяться печь пироги и не уметь замесить тесто. Мотор самолета без горючего, на голом энтузиазме тянуть не будет. Ему подавай нужную марку, а то он или тягу сбавит, или произойдет детонация при сжатии, полетят пальцы, шатун, может и картер разбить, и тогда самолет, вместо того чтобы птицей взлететь в небо, врежется в землю, как... Как кто?

— Как крот!

— Как враг!

— Как сундук!

— Совершенно правильно, — говорю. — Как сундук... Все тонкости ГСМ проверены наукой и многолетней практикой. Тут отсебятины пороть нельзя, если мы не хотим получить чего?

— Обломков!

— Правильно. Так почему же вы, выучив теорию, не спросили у моего русского предшественника, как надо практически применять полученные знания?

— Он все делал сам, — говорят. — Вместо нас работал.

— Как сам? — удивляюсь. — Вы где были?

— Мы были очень заняты. Некогда было работать.

— Чем же, — интересуюсь, — занимались?

— У нас было массовое движение.

— Точнее! Движений у вас было много.

— Движение «Против зол».

— А потом?

— Мы били мух.

— А потом?

— А потом подводили итоги соревнования, Кто больше мух набил.

Тут я поперхнулся. Что-то с горлом случилось. Покуда я откашливался, товарищ Ян Хань поднялся и двинулся к выходу.

— Товарищ Ян, ты куда? — крикнул я.

— Я спешу, очень важное дело, — отвечает.

— Рейсовый самолет будет через четыре часа, нам надо выяснить ряд фактических вопросов, — говорю.

— Выясняйте, — отвечает.

— Так ведь это же твои подчиненные, это твоя забота! Тебе в дальнейшем придется руководить работой. Ведь я к вам не на век приехал; научу и домой поеду. У меня и дома, в Советском Союзе, дела хватает. Неужели ты думаешь, что мне в моей стране делать нечего, что я там не нужен?!

— Соберемся в другой раз, — говорит. — Потолкуем. Приходи ко мне в гости. Чай пить... С женой познакомлю, фотографии покажу. У меня много революционных заслуг: я сочувствовал партизанам. Потом Советская Армия разгромила японцев, и партизаны сумели выгнать всех империалистических «бумажных тигров» из нашей местности, а заодно католических монахов...

— Что вы монахов выгнали, — говорю, — это я только приветствую. Но посидели бы, послушали бы.

— Занят я очень! Неотложное дело.

— Какое, если не секрет?

— Предстоит пуск отрезка железной дороги в сторону Синь-цзяна. Будет торжество. Мне надо доклад написать, к празднику подготовиться

— По-моему, главное не речи, а дело.

— Ты, товарищ Веня, — улыбнулся снисходительно Ян, — плохо знаешь наши условия, особенности нашего развития. Хорошая речь на торжестве имеет огромное воспитательное значение. Она мобилизует массы. И мне очень хочется выступить с трибуны. Тебе трудно это понять.

— Может быть... Но, по-моему, самое главное все же дела. Дела-то у нас с вами трудные... Вот возьмите службу пожарной безопасности. Иду я мимо бензохранилища, вижу, стоит часовой и курит. Разве можно играть с огнем? Авиационный бензин, если он воспламенится, поздно тушить. Море огня полется по земле... Поселок, дома, люди совсем рядом...

— Не волнуйся, — говорит Ян Хань с улыбкой. — Не волнуйся. У нас столько побед, что и противопожар-

ную безопасность мы как-нибудь осилим. Нам это не страшно... Что такое бензин? Это всего-навсего жидкость. И если он загорится, если даже и сгорит несколько домов, от этого революция не пострадает. Это все субъективизм, как сказал Мао, это равносильно тому, что запрягать лошадь позади телеги. Главное то, что теперь мы не боимся «бумажных тигров».

Он достал блокнот, что-то записал в него и ушел готовиться к празднику.

Ну а я, конечно, продолжал учить его подчиненных, как практически добавлять этилку, чтоб получить нужное октановое число. Ребята старались. Без Яна они повеселели. Начались разговоры о том, о сем... Это, конечно, между делом.

4

Как я и предполагал, подвели свиньи. На полосу выскочило целое стадо и побежало, хрюкая, впереди взлетающего Ли-2. Пилоты притормозили, самолет вынесло на весенний грунт, левое шасси зачавкало... И произошла авария. Спасибо, что скорость успели затушить. Отделались счастливо: сломанными шасси, смятой плоскостью, одной поврежденной рукой, двумя десятками синяков и царапин.

К месту аварии понеслись машины — стартовая, пожарная, санитарная, два автобуса. Я ремонтировал насос с товарищем Сюй Бо, когда произошло все это. С Сюй Бо мы дружили. Он звал меня Вэй. Я звал его Боря. Хороший парень. Он всегда улыбался.

Мы вскочили в «додж» и тоже помчались в конец полосы. Когда мы подъехали к месту аварии, из самолета по приставной лестнице спускались бледные пассажиры. Они молчали. Около санитарной машины стоял один из пассажиров — человек лет сорока. На нем был светлый европейский костюм, не стандартный х/б, в котором ходит почти весь Китай, костюм, явно сшитый у портного, очки в золотой оправе, во рту сверкала полоса золотых зубов. Он привычно накладывал тампоны из марли на царапины пострадавших, приклеивал пластырь.

Тут подкатил «козлик» нашей Маши. Маша работала синоптиком, запускала шарик в небо, измеряла осадки и списывала температуру с термометров. Наша Маша

была особенная. Она была рыжая. Веснушки дрожали на ее лице, и вся она была пухлая. Наверное, таких девчонок специально посылают в места, где плотность женского населения — одна десятая на квадратный километр.

Она присела, заглянула под самолет и пробасила: — Вот это да!

— Здравствуй, подруга, — спрыгнул с самолета Жорка Карапетян, самый красивый парень на трассе.

— Маня, привет! — попытался для смеха обнять Машу дядя Федя, радист.

— Без пошлостей! — оттолкнула его Маша.

Пассажиры рассаживались в автобусы. Они много пережили сегодня, и теперь им было все безразлично.

Пассажир-врач в очках с золотой оправой сказал, что он хочет пойти пешком.

— Давайте провожу, — предложил я.

— Буду очень обязан, — ответил человек в очках. — Откуда вы знаете китайский язык? Вы что, родились в Маньчжурии? — И он еще что-то добавил по-английски.

— Говорите, пожалуйста, на своем родном языке, английский не знаю, — сказал я. — Вы откуда?

— Из Америки. Жил и учился в Сан-Франциско. Ну пойдете, или у вас еще есть дела? Я могу подождать.

— Нет, нет... Боря, — сказал я Сюй Бо, — поезжай на склад.

И мы с американским китайцем пошли пешком. Он предложил сигарету «честерфильд», а я ему «Северную пальмиру».

— Меня... зовут мистер Сюн Пэн-и, — отрекомендовался он. — Мистер Сюн... Впрочем, можете называть и «товарищ Сюн». У вас ведь тоже принято при обращении говорить «товарищ»?

Когда он сказал эти слова, мне вдруг стало скучно. Я обернулся, но Боря уже уехал, других машин тоже не было, около самолета возился бортмеханик.

— Скажите, в чем причина несчастного случая? — поинтересовался товарищ-мистер Сюн, разглядывая меня. — Так неожиданно... Я не думаю, чтоб виной тому были русские летчики.

— Правильно думаете, — ответил я. Зря я пошел с ним. Если китаец просит, чтоб его называли мистером, то товарищем он тебе никогда не будет. Это уж проверено с точностью до микрона.

— Кто же виноват?

— Свиньи.

— Простите... какие свиньи?

— Черно-бурые... Вон посмотрите, выглядывают из-за забора. Нашкодили и прячутся. Очень умные животные. Все понимают, как собаки, — объяснил я.

— Нужно их перестрелять, — сказал спокойно мистер Сюн.

— Стрелять жалко, — ответил я. — Жалко. Свинья — целое состояние для бедной семьи. У вас ведь сейчас негусто с кормежкой... Надо забор отремонтировать. Вот тогда из-за свиней не будут калечиться самолеты и люди.

— А самолет вам жалко? — спрашивает.

— Еще бы! Я когда вижу подобное, плакать хочется. Ужасно халатное отношение к технике. Нельзя так.

— Ну... это поправимо, — усмехнулся он. — В России самолетов много! Сломается один, пришлете другой...

— Да? Вы что же, считаете, что Советский Союз — бездонная бочка? Что там, сколько ни бери, сколько ни ломай, сколько на помойку ни выбрасывай, конца и края не будет? У нас государство рабочих и крестьян, а не миллионеров. Каждый винтик на заводах вот такими руками сделан. — Я показал ему свои руки в тавоте. — И если делимся, то кровным, по-братски, как куском хлеба...

Несколько минут мы прошли молча. Но я знал, что Сюн задаст еще один вопрос, обязательно должен был задать, и он задал:

— И вы верите, что Китай может перегнать такие развитые страны, как Англия, Франция? Что в Китае будет социализм?

— Обязательно! Как учил Ленин.

Мистер Сюн ухмыльнулся и посмотрел на меня с сожалением.

— Вы говорите таким тоном, будто собираетесь драться...

Я ничего не ответил, и он начал поучать. Говорил негромко, на его холеном лице сияла умиротворенность:

— Я изучал историю революции в России. Пришлось. У нашего дома были кой-какие дела в Приморье. Я понимаю, в России был закаленный рабочий класс, который возглавила партия большевиков, а вот мой брат — капиталист. Да, да, не смотрите на меня с удив-

лением. Он капиталист, и сейчас у него завод по ремонту машин в Кантоне. Он жив и здоров, и на жизнь ему хватает. Даже меня выписал из Сан-Франциско.

Я оторопел.

— Зачем теперь Китаю капиталист? — сказал я. — Когда к тому же мы помогаем?

— Это вопрос политический, а не экономический. Китай — величайшая страна, — философствовал Сюн. — И это величие будет расти, ломая сложившиеся границы. А знаете, сколько китайцев проживает в других странах? И наиболее влиятельная их часть — капиталисты. Их нельзя отпугивать. Они еще пригодятся...

Между прочим, мой брат доволен, — продолжал он. — Раньше были забастовки, волнения, теперь их нет и не может быть. Теперь ему спокойнее. Дело процветает.

— Все равно вас ждет участь Цзян Цзя-ши (Чан Кай-ши)! — выпалил я, чувствуя, что своей горячностью лишь радую мистера Сюна.

— Мой молодой друг, — вздохнул товарищ-мистер Сюн и закурил новую сигарету. Он как бы чувствовал себя хозяином положения и старался быть снисходительно-вежливым. — Неужели вы не слышали, что правительство красного Китая заявило, что если Цзян (Чан Кай-ши) вернется на континент, ему предоставят пост не какого-то министра, а заместителя главы правительства? Не слышали?

Мы дошли до гостиницы.

— Прощайте, — сказал он, — мой молодой друг.

— Будьте здоровы...

5

Лично мне не довелось знать с вундеркиндами. Как-то не повезло. Все мои знакомые были обыкновенными людьми, которым приходилось грызть гранит науки. Конечно, где-нибудь живет гений — бегло ознакомится с таблицей умножения и сразу садится за решение задач с тремя неизвестными. Но сам я был из породы грызунов, мне наука всегда давалась великим трудом...

Поэтому я отлично понимал моего «подсоветного» Ян Ханя. У него не было навыков в учебе. Эту штуку

приобретают с детства, когда идут в школу. Ян в школу не ходил. Семья у них была — одиннадцать ртов. Перебивались тем, что торговали мелкими железными вещами, или, попросту говоря, железным ломом. Ян мог с закрытыми глазами, на ощупь определить степень ржавчины гвоздей, чтоб рассортировать их в зависимости от цены за один фунт.

Но таких знаний явно не хватало для управления сложным аэродромным хозяйством. На аэродром прибывало новейшее советское оборудование — локаторы, приводные станции, автоматы, приборы...

Хорошо, что Ян Хань хоть научился читать и писать. Он окончил три года назад курсы по ликвидации неграмотности ускоренным методом. Правда, читать такие газеты, как «Жэньминь жибао», ему было трудновато: эта газета рассчитана на более подготовленного читателя. Но за событиями Ян следил. Он был любознательным. Последние новости на аэродроме писались мелом на «хэйбань» (черной доске). Для этого, правда, несколько «упрощали» и подгоняли их важные сообщения под минимальное количество иероглифов.

Например, американцы испытали новую атомную бомбу. Это сразу же отражается на «хэйбань»: «Американские империалисты построили новую бомбу. Заморские варвары не запугают великий китайский народ! Мы не боимся подлых происков «бумажных тигров»!»

И внизу рисовался цветным мелом американский агрессор с большим носом. Большой нос в Китае издавна считался позорным в отличие от больших ушей — признака уравновешенности и мудрости. Большеносыми в Китае вообще называют всех, у кого белая кожа.

Вначале Ян Хань регулярно посещал занятия, которые я проводил с техниками, слушал, записывал что-то в блокнот. Но со временем стал пропускать занятия. Наверно, Ян считал, что ему не стоит тратить время на то, что он уже знает.

Замечу, что рядовые техники учились с невероятным упорством. Они даже перестали играть в баскетбол, а это для китайца равносильно тому, ну как бы заядлый московский болельщик не пошел на стадион, когда разыгрывается кубок по хоккею между ЦСКА и «Спартак». Невероятная вещь!

Взять хотя бы Сюй Бо, Борю. По моим подсчетам, он

спал в сутки не больше четырех часов. Все что-то читал, писал, чертил.

И как-то я сказал руководящему товарищу Ян Ханю, что ему неплохо бы взять пример с простого техника Сюй Бо, Бори.

Ян Хань обиделся смертельно.

— Разве можно сравнить какого-то там Сюя со мной? У него есть только малые заслуги в лигуне (соревновании), а у меня огромные заслуги в военных действиях!

— У меня был дядя, — решил я привести убедительный пример. — Фамилия его была Конь. Он был лихим рубакой. Он принимал активное участие в нашей Октябрьской революции. Начал революцию безграмотным солдатом, потом стал командиром артдивизиона, потом арtpолка. Все свободное время он посвящал книгам. Он мне Чехова читал, «Каштанку». Есть такой русский писатель. Я впервые слушал этот рассказ, и Конь впервые его читал. И другие книги мы читали вместе, вместе смеялись и плакали. Закалка — это хорошо. Но, помимо закалки, требуются знание революционной теории, культура, кругозор.

— А ты мог бы в бою закрыть грудью амбразуру? — деловито осведомился Ян Хань. Он петушился, и, видно, ему очень нравился собственный воинственный тон.

— Как Александр Матросов? — спросил я.

— Да.

— К чему ты это спросил?

— Ты знаешь, почему он закрыл собой пулемет? Ты раздумывал над этим? — спросил Ян Хань.

Кажется, мы опять далеко отклонились от темы занятий (их я теперь проводил персонально с Ян Ханем). Ну что ж...

— Думал много раз, — сказал я. — По-моему, Матросов спасал товарищей. Ему хотелось сохранить человеческие жизни. И когда у него все возможности заставить замолчать фашистский пулемет были исчерпаны, единственным оружием осталась его собственная жизнь. И он выстрелил из этого оружия.

— Нет, — сказал Ян. — Ты не разбираешься в революционной теории.

— Как не разбираюсь?

Ян задумался, положил ногу на ногу, засучил брючину и стал почесывать ногу. У него была такая привычка — во время серьезного разговора чесать ногу.

— Сколько требуется снарядов, чтоб уничтожить дот? — спросил он деловито.

— Снарядов?.. Не знаю.

— Сто штук. А если в обороне «бумажных тигров» будет пять дотов? — вслух подсчитывал Ян Хань.

— Пятьсот, по твоим расчетам.

— Одним таким снарядом можно сжечь целый танк заморских чертей. Да?

— Ты видел когда-нибудь танки? — спросил я.

— Видел. Японский. Он на окраине деревни свалился в канаву и не мог выбраться.

— Современные видел?

— Видел на картинках, но это не имеет никакого значения. Наша сила в храбрости и несгибаемой воле. Так что же выгоднее — пять или пятьсот? Пятьсот танков или пять героев, которые закроют собой доты? И сохранят снаряды для уничтожения вражеских танков? Пять человек или пятьсот снарядов? У империалистов не хватит огня на всех нас, — гордо заявил Ян Хань.

Вообще он последнее время стал говорить со мной свысока, и у меня было такое ощущение, будто Ян Хань убежден в своем превосходстве и считает меня трусом.

А может быть, он шутит? Хотя... какие могут быть шутки!

В первые годы после провозглашения КНР чанкайшисты беспрепятственно бомбили мирный Шанхай. Гибли дети, женщины, рушились дома. По просьбе правительства народного Китая группа китайских летчиков срочно проходила переподготовку на МиГах, чтобы встать на защиту многомиллионного города Шанхая, отогнать от него американские Б-29.

В самом начале учебы наши ребята заметили, что китайских летчиков кормят очень скудно. К тому же была зима, и по указанию интендантства солдат кормили не три раза, как летом, а два, потому что зимний день короче. Наши инструкторы попросили, чтобы летчикам выдавали иную норму питания. Пекин ответил, что китайские товарищи выносливее советских, что они не любят есть помногу, ибо обжорство расслабляет волю...

А вскоре стали разбиваться машины. Как врежется МиГ в землю с высоты, так воронка словно от 500-килограммовой бомбы, потому что у современных самолетов

и скорость современная, осколков от машины не остается...

Погробили много машин. Без единого выстрела со стороны чанкайшистов. А причина — голодное головокружение китайских летчиков.

6

Зазвонил телефон. Вася снял трубку, послушал, протянул мне:

— Веня, тебя.

Говорил старший группы Гаврилов. Вернее, он не говорил, а кричал:

— Остаченко! Ты? Что это за кавардак на аэродроме? Кто там у тебя приводным прожектором балуется? Посмотри в окно! Что за безобразие! Марш туда немедленно! Черт знает, шкуру спущу!

На улице уже было темно. В конце аэродрома, где стоял приводной прожектор, бил в звездное небо луч. Он делал какие-то непонятные восьмерки, останавливался, потом скользил дальше по Млечному Пути.

Я схватил шапку и побежал во двор.

У работающего прожектора стоял Сюй Бо, Боря. Потрескивали дуги, голубоватый столб бил вверх, в луче вихрил набухший весенний воздух, точно теплая женская рука нежно гладила притихшие звезды.

От быстрого бега я задыхался.

— В чем дело? — с трудом выдавил я.

Боря, Сюй Бо, подошел ко мне, и в отблеске света я увидел его лицо. Оно было такое, какое бывает у ребенка, когда ему читают сказку «О спящей царевне и семи богатырях».

Боря положил мне на плечо руку, заглянул в глаза и спросил тихо, точно боясь спугнуть весну:

— Вэй, как ты думаешь, вот прожектор светит... Как ты думаешь, с какой-нибудь звезды можно увидеть нас? Вот если в это время смотрят с какой-нибудь звезды на нашу Землю в сильный, самый сильный телескоп и вдруг видят на темной стороне Земли — тоненькая блестящая ниточка. Ниточка движется. Значит, на Земле есть люди... Они сигнал дают. Как думаешь: увидят нас или нет?

И в его словах было столько веры, что луч увидят

с других планет, что у меня не хватило мужества ругаться, тем более разочаровывать моего друга в его надежде.

Мы сели с Суй Бо на станину прожектора. Я обнял его.

— Будет время, — сказал я, глядя на звезды, — мы полетим туда. Это обязательно будет. Иначе не может быть. Для этого мы с тобой и родились. Чтобы человек смог пройти по всей Земле, потом сесть в корабль и... полететь к другим звездам. «Здравствуйте! Привет вам от свободных людей!» А там, куда мы прилетим, там, может быть, еще капитализм или рабство... Понял? Во обрадуются те люди, когда мы поможем им тоже стать свободными! Может быть, нам с тобой лично не удастся дожить до этого, а может, и доживем. Но без того, что мы с тобой делаем сейчас, невозможно будущее. Мы делаем Землю счастливой. Ты и я. Понял? Вот мы с тобой какие великие люди! Более великие, чем Наполеон или Александр Македонский... Ты думаешь, что ты простой китайский парень, винтик, нолик, что, если вдруг тебя не станет, ничего на свете не изменится? Неправда, изменится! Земля на одного человека обеднеет. Траур на земле будет, что на одного человека стало меньше.

— Неужели не видно? — твердил свое Суй, Боря. Очень его беспокоила межзвездная проблема.

— Как тебе сказать, — ответил я. — Если по правде, то не видят они там ни черта. И ни черта не знают, как мы тут с тобой живем, что думаем, о чем беседы ведем...

— Оя, как жалко!

— Чего ж хорошего? Живешь на Земле, на звезды смотришь, а тебя звезды-то и не видят и не подозревают, что ты на свете существуешь... Я вот сейчас поднимаю руку, а там, — я показал на небо, — увидят, что я поднял руку, лишь через тысячу лет...

— Ну? — совсем обалдел Бо. — Не может быть!

— Может. Ведь скорость света, Боря, хотя она...

Мы совсем забыли, что прожектор неплохо было бы выключить, что мой начальник Гаврилов наверняка смотрит из своего окна на луч и ломает голову, что мы такое затеяли. А мы мечтали... Мечтали напропалую! Даже не слышали, как за спинами натужно гудели ду-

ги. Наверное, наши рассуждения со стороны казались глупыми, но... Это откуда смотреть: со звезды — да, с Земли, по-моему, нет.

7

Мэр города давал «чифан» — банкет.

Набилось нас целая машина. Сидели плотно и послушно. Местность, куда нас доставил автобус, напоминала окрестности нашего Нового Афона: такая же аллея, на горке монастырь, пахло чем-то экзотическим. Робко пересвистывались птицы. Им было еще рано свистеть вовсю. Они, видно, прикидывали свои возможности, как спортсмены перед соревнованием. Мы не мешали птицам.

Вошли в дом, в гостиной поговорили вежливо, как всегда, о погоде. Затем началась официальная часть: мужчины направились в большой зал, уселись. Наша Маша, конечно, с нами. Одна женщина на весь зал.

Первым поднял тост мэр. Выпили. Потом другой кто-то что-то сказал, и опять по рюмочке. Китайские товарищи себе лимонада наливают, нам вина. Ну, стараешься по возможности в знак дружбы поменяться с ними бокалами и прочее. Они в таких случаях не возражают и охотно меняются. На столе закусок гора. Китайский стол обладает одним свойством: сколько ни ешь, никогда не почувствуешь пресыщения. Понемножку подносят горячее. В общей сложности сорок одно блюдо — от маньтоу (пампушек) до трепангов. Через часок все оживились, у китайских товарищей лица сделались красными от вина, все встали, прошли в другой зал.

Там горели неоновые лампы, вдоль стены столики с фруктами, за столами женское общество.

Заиграл оркестр, начались танцы.

Наша Маша устремилась ко мне. Она считала, что раз я самый молодой в группе, то обязан танцевать с ней, вроде бы как нести общественную нагрузку. Я переадресовал ее Жорке Карапетяну. Маша с великой радостью согласилась.

Я стоял у двери на балкон. И ждал чего-то...

Каждую весну я ждал, что со мной произойдет что-то необыкновенное.

Помню, на Урале таял снег, на проталинах проби-

валась молодая трава, по городу ходили люди в резиновых сапогах и с охотничьими ружьями, а я все ждал, ждал и был уверен, что вот-вот произойдет какая-то таинственная штука, может быть, у меня вырастут крылья, и я взлечу на них, или начну понимать язык зверей, или произойдет что-то еще более фантастическое, что и придумать-то трудно. Мало ли что может произойти весной! По-моему, весной может случиться все что угодно!

И я увидел Хао Мэй-мэй, мою знакомую, с которой встретился на Новый год.

Увидел, и все. Вроде ничего особенного. Подумаешь, увидел девушку! Я ведь и не вспоминал ее. Ну, встретил ночью на тропинке, поболтал о всякой всячине, проводил до окраины города, пожал руку...

Я не удивился, что она оказалась на банкете. У меня даже не возникло мыслей, почему она здесь, как попала. Пригласили.

То, что я увидел здесь Мэй-мэй, я воспринял как должное, само собой разумеющееся.

Я обрадовался. Хотел было прямо пойти к ней и пригласить на танец.

Надо сказать, что в Китае танцуют несколько по-иному, чем, например, на выпускном вечере в Первом московском медицинском институте. В фокстроте и танго здесь ощущается влияние народного танца «янгю». «Янгю» танцуют под ритм барабанов, размахивая руками и подпрыгивая. Поэтому даже в классическом вальсе движения несколько вразвалочку, с ноги на ногу.

Девушки стояли группкой, некоторые сидели, чистили маленькими специальными ножами яблоки: здесь обязательно чистят кожуру у яблок, потому что она толстая и безвкусная, как картон.

Разносили обязательный зеленый чай...

И еще я увидел старую знакомую Цзянь Фу, она приезжала к нам с молодыми рабочими на Новый год. Теперь Цзянь Фу опекала девчонок. Она была одета в выцветшую солдатскую форму, на ногах тяжелые ботсы. Девчонки тоже были в ботинках; в туфельках на каблуках здесь никто не ходит, их даже нет в продаже; туфли слишком дороги и к тому же считаются признаком принадлежности к буржуазному классу, классу, связанному в той или иной степени с заморскими чертями.

Я пошел к Мэй-мэй. Но почему-то остановился. Что-то остановило меня.

Я не мог сообразить, что случилось... Я глядел на Мэй-мэй и пытался собраться с мыслями, обдумать, разобраться в происходящем...

Мэй-мэй поднялась на носки. Она высматривала кого-то среди танцующих. Ростом она была меньше своих подруг. Зато подвижнее, не умела минуты постоять на месте.

Ее сразу отличишь. Совершенно непохожая на других. Как же так получилось, что тогда, при встрече на пустыре, я не разглядел глаза? Они большие, хотя и удлинненные, черные, так и сверкают... Ой, какая смешная! Какая... хорошая!

Девушки из Шанхая вообще своеобразные. Бойкие, веселые. И еще у них есть, как говорят французы, шарм. Они это отлично знают. И брючки на них сидят по-особенному, и в стандартных солдатских прическах проглядывает у них женская индивидуальность...

Я стоял и смотрел на Мэй-мэй. А кругом танцевали.

И пока я так стоял, не зная, что делать, она вдруг обернулась и заметила меня. И глаза у нее стали еще больше.

Мне вдруг сделалось жарко и душно. Я повернулся и почти выбежал на балкон.

На улице было тихо и темно. Птицы уgomонились. Воздух казался тяжелым, влажным, как перед грозой...

И вдруг я вздрогнул: я всем телом ощутил, как на дереве рядом с балконом лопнула почка.

Я не видел в темноте этой почки на дереве, но ощутил, как треснула нежная липкая кожа и выглянул сморщенный, стыдливый листочек.

У меня закружилась голова. Как будто я просидел много лет в затхлом подвале, потом меня вывели в лес, толкнули в спину и сказали: «Иди. Иди на все четыре стороны. Резвись!»

На балкон кто-то вошел. Эго оказалась Цзянь Фу. Она вела с собой Хао Мэй-мэй, держа ее за руку. Она подвела Мэй ко мне.

— Здравствуй, товарищ, — сказала по-русски Цзянь и подтолкнула вперед Мэй. — Она тебя знает... Она мне говорила о тебе. Я ее позвала. — И добавила уже по-китайски: — Не буду мешать, я понимаю... Старая мать понимает своих детей.

Она улыбнулась и ушла.

Удивило, что Цзянь Фу за каких-то два месяца на-

училась так чисто говорить по-русски. В ее возрасте требуется много настойчивости и труда, чтоб овладеть хотя бы произношением одного звука «р». Дело в том, что в китайском языке нет такого звука, поэтому, например, город Харьков будет звучать, как Хальков.

Мы стояли и смотрели друг на друга... Не знаю, сколько времени.

— Ни хао?

— Хао!

Я сказал почему-то:

— Сейчас... там... на дереве... лопнула почка.

— Я слышала, — ответила она.

— Как?

— Не знаю.

— Я знаю.

— Почему?

— Потому что весна.

— Да, — кивнула она головой.

— У меня дома четыре волнистых попугая, — сказал я.

— Два синих и два зеленых?

— Два синих...

Один попугай был белым, но я забыл об этом.

— Я знала, что ты подойдешь.

— Да?

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

— Я знаю.

— Почему?

— Так должно было быть.

— Наверное.

— Пошли танцевать?

— Пойдем.

Это был самый содержательный разговор, какой я когда-либо вел в жизни. Тут было все. Вся мудрость человеческая, все счастье, все радости, которые были разбросаны по миру, а теперь оказались собранными в одном слове «да».

«Да» — самое прекрасное, самое нужное слово на земле.

«Нет» тоже нужное, потому что без него не может быть «да».

Потом мы молчали, но мы не молчали ни одной секунды. Мы рассказывали друг другу все, что прожили за свою жизнь. Мы торопились рассказать. Мы делились надеждами, мы рассказывали о своем детстве и были безумно рады, что понимаем один другого без слов, что мы знаем друг друга всю жизнь. Все, все знаем друг о друге... Это со стороны казалось, что мы молчали или говорили односложные слова. На самом деле мы произносили шекспировские монологи... Вот ведь как!

Ничего вы не понимаете, люди. Ничего! Разве вы знаете, что произошло с нами? Нет, не знаете. Спросите про это у Мэй-мэй. Она вам тоже скажет, что вы не знаете. И никто не знает...

Мы знаем!

Мэй-мэй.

И я.

И она.

Мы вдвоем.

И еще почка, которая лопнула на дереве...

8

Мы встречались с Мэй-мэй почти каждый день. Даже куст, где мы познакомились, был назван «нашим кустом».

Мэй-мэй приезжала на велорикше. Оставляла его на окраине города, затем шла к аэродрому пешком.

Я украдкой перелезал через глинобитный забор, который тянулся вокруг летного поля, и, пригнувшись, короткими перебежками, бежал к нашему кусту.

Она подходила ко мне и смотрела себе под ноги, не решаясь от смущения поднять голову. Вначале я думал, она побаивается меня, но оказалось, что так она выражала свою радость. Она стыдилась своих чувств. Почему-то в Китае это считается зазорным, так же как красивая грудь у женщины или стройные ноги.

— О чем ты думала сегодня в двенадцать часов дня? — спрашивал я.

— Ровно в двенадцать?

— Да.

— О тебе.

— И я тоже...

Я не знал, что говорить дальше. Мы молчали. Она была покорна, как виноватый ребенок. А я чувствовал

себя мужчиной. Наверное, мужчиной больше всего себя чувствуешь, когда рядом кто-то слабый, доверчивый. Я мог бы броситься в драку со слоном, чтоб только Мэй-мэй продолжала считать меня самым храбрым. Я брал ее за руку и вел по рисовым полям к подъему на плато. Мэй-мэй смелела, говорила робко:

— Пришло письмо, мама пишет, что младший братишка сломал руку.

— Упал с велосипеда?

— Да. Он все время нарушает правила уличного движения. Раньше в Шанхае не было правил. Каждый ездил как ему вздумается, а теперь ввели: машин стало очень много, но правила не соблюдаются.

— Прицепился к грузовику?

— Мой братишка может...

— Надо написать братишке письмо, — советовал я.

Мы как-то очень быстро добирались до крутых лесовых склонов. Лезть наверх не было смысла, потому что там наверняка еще холодно. Мы забивались в узкую щель, заросшую диким виноградом. Здесь было тепло. Все в зелени. Мы ложились на траву и смотрели в небо.

— Прочти какое-нибудь русское стихотворение, — просила Мэй-мэй. Она очень любила стихи.

И я читал ей стихи на русском или украинском языках. По-моему, она хорошо понимала их. Иногда лишь просила перевести. Это было очень занятно — переводить стихи.

Я любил одно стихотворение. Не помнил, кто его автор, но оно мне очень нравилось.

— Что за станция? — «Зима».

А в окошке лето.

Что за станция? — «Тайга».

А тайги и нету.

Озеро вошло в окно —

Синяя полоска.

— Где мы едем? — Все равно.

Обленились в доску.

Скоро кушать будет лень.

Где везут, не знаем.

Спим да курим пятый день.

В преферанс играем.

— Что за станция? — «Зима».

А в окошке лето.

— Что за станция? — «Тайга».

А тайги и нету.

Выглядел мой перевод приблизительно так:

Это какая железнодорожная станция и как она называется?
Эта железнодорожная станция называется «Зима».
Но в настоящее время было лето, и если посмотреть в окно,
То там, за окном, не было снега, потому что было лето...

А эта железнодорожная станция как называется?
Эта железнодорожная станция называется «Большой лес».
Но большого леса поблизости совершенно не было видно,
Потому что его давно вырубili.

Если я еще сравнительно легко переводил подстрочно
смысл первых четырех строк, то восьмую, «обленились в
доску», переводил с большим трудом.

— Стали ленивые, как доска, — пытался я импровизировать. — Это значит... Люди сидят в поезде, никуда не ходят, сидят целыми днями и ничего не делают. Понимаешь, что получается в таких случаях? Они ленивые, как доска. Доску если не передвинешь, она сама не передвинется. И люди от лени становятся такими же, как доска. Их надо двигать.

Если мой перевод вообще и мог кому-нибудь доставить удовольствие, так это одной лишь Мэй-мэй.

Мэй-мэй улыбалась. Она как-то по-особенному улыбалась, глядя в сторону, точно отворачивалась. Брала ветку, писала на сухом податливом лёссе четыре строки стихов поэта Танской эпохи Ван Вэя. В свое время это был популярный поэт. Он занимался также живописью. Современники говорили, что Ван Вэй «в стихах видит живопись, а в живописи видит поэзию».

Я не знал значения написанных Мэй-мэй иероглифов и много от этого терял. Стих был написан на «веньяне» (древнем литературном языке), а он не воспринимался на слух. В каждом иероглифе заключалась целая картинка, которую я не мог видеть. Но я видел Мэй-мэй, и ее глаза давали мне возможность прочесть то, чего не прочел бы в стихах ни один любитель древней поэзии. В глазах любимой я видел целый мир и самого себя.

В пустынных горах не видно людей,
Но слышны их голоса.
Отблеск солнца проникает в глубину леса.
И солнечные зайчики прыгают на зеленом мху.

Недавно в Ленинграде мне удалось найти поэтический перевод этих стихов Ван Вэя, сделанный покойным академиком М. Алексеевым:

В ОЛЕННИКЕ
Я не вижу людей
В опустевших горах —

Только эхо речей
Раздается в ушах.
Пронизал глубь леска
Свет обратный опять.
И над зеленью мха
Стал он снова сиять...

Странно. Эти стихи написаны 1200 лет назад, но они были написаны про нас с Мэй-мэй. Такая поэзия бессмертна.

В нашем ущелье тоже не было видно людей, но сюда доносились шум города, гудки паровозов. От земли исходило тепло, радостно светило солнце, а его лучи, отражаясь в ручье, прыгали зайчиком по темной стороне ущелья. Ручей, зайчики и звуки были одно целое...

А мы, мы были стихами всех поэтов всех эпох и народов.

Ведь за всю историю человечества стихи писались только про нас: про меня и мою подругу Хао Мэй-мэй.

А разве не так?

9

Тот дождь я запомнил на всю жизнь. Облака наступали на лошину, в которой лежал город, сталкивались, клубились над самыми крышами домов.

Казалось, если бы поднять землю, перевернуть и потрясти, из нее бы потекла вода. Трава и деревья набухли влагой, река наполнилась дикой яростью, взбунтовалась. Она ревела и прыгала меж низких дамб, как акула на мелководье.

В здании клуба на сцене стоял стол. Над столом висел портрет Мао Цзэ-дуна.

К столу вышел ведущий собрание, вынул из кармана свисток. Свистнул пронзительно.

Все присутствующие поднялись со своих мест.

Ведущий повернулся к портрету председателя Мао, низко поклонился ему. Присутствующие в зале сделали то же самое. Портрету Мао кланялись не только на собраниях, но и на свадьбах, и на всех других торжествах.

Еще раз прозвучал свисток.

Все сели. Собрание началось.

В мире существует много разновидностей заседаний и собраний: производственные, хозяйственные, летучки, пятиминутки, конференции, симпозиумы, митинги, чествования, выборы, общие собрания и прочие и прочие.

Но такое я видел впервые.

Конечно, собрания нужны. Нужны деловые встречи людей, когда вместе обсуждают важные вопросы, принимают решения к действию.

В Китае, когда я там жил и работал, собрания превратились в своего рода производственный процесс. И это несмотря на то, что с бюрократизмом в стране боролись в гигантском масштабе. Но три-четыре месяца никого нельзя было заставить на рабочем месте: все поголовно сидели на собраниях по борьбе с бюрократизмом.

Советские специалисты за голову хватались, прошили:

— Может, хватит бороться? Давайте немножко поработаем...

Но вернемся к собранию, о котором я повел речь. За окном хлестал дождь, работники службы ГСМ продолжали упорно заседать.

Ведущий огласил список фамилий. Названные встали, прошли к столу президиума. Ведение собраний было унифицировано. Движение по борьбе с бюрократизмом не прошло бесследно: из порядка ведения были изъяты такие «ненужные» проволочки, как выдвижение кандидатур, голосование и так далее. Поклонились, назначили, встали, сели, продолжили.

На повестке дня стоял вопрос о помпе.

Не в переносном смысле слова, в самом прямом. О насосе, который откачивает горячее, когда из пункта А в пункт Б прибывает железнодорожный состав с цистернами. Условия задачи оставались неизменными: один подъездной путь, один тупик для маневра, одна «кукушка» для передвижения цистерн и те же двадцать четыре часа в сутки, которые не растягиваются как резина.

Решение было найдено быстро. Ян Хань предложил не бояться трудностей, не пасовать перед ними, пустить помпу не на двух тысячах оборотов, а на трех, даже на трех с половиной.

Все это было бы, конечно, замечательно, если бы не существовало одно маленькое «но».

Пришлось встать, хотя моя фамилия и не упоминалась в списке выступающих, сказать с места:

— Извините, товарищи! Я обязан дать справку. Есть документ, который называется техническим паспортом. Так вот, по паспорту у помпы допускается норма — две тысячи оборотов. Это связано с напряжени-

ем тока, с режимом работы... Если, разумеется, мы не хотим, чтоб расплавились подшипники или перегорела обмотка электродвигателя.

Я сел.

Ян Ханя обидели слова, что у машины есть паспорт. Но я в этом не был виноват.

— Товарищ Веня, — сказал Ян Хань с вызовом. — Ты находишься в плену осторожности. Ты привык к технике, погряз в ней и поэтому не знаешь ее возможностей. Ты не хочешь дерзать, идешь на одной ноге, а Мао Цзэ-дун учит нас ходить на двух ногах... Ты прости меня, ты просто предельщик! Это потому, что ты не знаешь призывов Великого Кормчего, остановился в своем развитии.

Этого я, признаться, не ожидал. Предельщик?! Значит, не заинтересован в строительстве социализма в Китае. Вроде товарища-мистера Сюня? Выходит, я не хочу, чтоб китайцы лучше питались, лучше одевались, были здоровыми, счастливыми, грамотными?

— Нет уж, извините! — опять встал я. — Я нарушаю порядок ведения, но хочу спросить... Предположим, у тебя, Ян, есть лошадь. Сильная, выносливая. На ней можно десять лет возить грузы, и вот ты ее погнал аллюром. День гонишь, два гонишь. На третий она падет — и ребра наружу...

— Ты предлагаешь ползти черепахой, когда можно до цели доехать за один день! — с пафосом воскликнул Ян Хань. — Ну-ка пусть выскажется Сюй Бо. Пусть он скажет, как изменилась его идеология после вчерашнего изучения цитат великого Мао...

Поднимается техник Сюй Бо, мой друг-мечтатель. Стоит, мнетя, смотрит под ноги. Вроде стыдится.

— Скажи, выскажи советскому технику, — приказывает Ян Хань, — свое мнение. Может ли помпа работать на трех тысячах оборотов? Ну?

— Может... Но...

— Может работать! И я говорю, что может, — подвел итог спора Ян Хань. — Как учит великий Мао.

— Но это будет работа на износ, — робко замечает Сюй Бо. — Это значит загнать машину...

— Не надо пугаться, — успокоил Ян Хань. — Если случится такое, то упрек будет в первую очередь тому советскому заводу, который поставляет нам устаревшее оборудование.

— Оборудование совершенно новое! — возмутился я.

— Это вчера оно было новым. Сегодня оно уже устарело, — твердо заявил товарищ Ян. — Техническая мысль не стоит на месте... Итак, кто за то, чтобы преодолеть предел, поднимайте руки!

И руки поднялись.

10

Происходило что-то непонятное, неуловимое и, может быть, поэтому тревожное. Когда это странное началось, затрудняюсь сказать. Я был счастлив. Я любил. Я многого не замечал или не обращал внимания. Влюбленные — самые черствые люди на земле, они токут, как глухари, и ничего, кроме самих себя, не видят, их можно брать голыми руками. Это не значит, что я стал хуже относиться к работе, наоборот, у меня появилась невероятная энергия, я брал на себя все новые обязанности и с удивлением вдруг почувствовал, что кто-то или что-то встало на моем пути, точно невидимые заборы окружили меня, я натываюсь на них и отскакиваю, меня отбрасывает в сторону. Так бывает во сне, когда ты бежишь изо всех сил и чувствуешь, что стоишь на месте.

Я искал причины в себе...

Хорошо, рассуждал я, предположим, упрямство Яна и еще тысячи неувязок происходят оттого, что я недостаточно времени уделяю работе, общению с китайскими товарищами. Но ведь это не так. От моих встреч с Мэй никакого вреда общему делу нет, никто и не замечает моих отлучек к реке. Может быть, я «уронил свое лицо», совершил какой-нибудь недостойный поступок, обидел чем-нибудь не в меру самовлюбленного Яна? Нет! Последнее время Ян чего-то совсем раздулся от важности. Сын бывшего мелкого торговца металлоломом заправлял теперь огромным современным сложным аэродромным хозяйством. В собственных глазах он вырос до небес. Я видел однажды, как к нему в гости приехал из глухой деревни дядя. Они сидели за столом, им прислуживала жена Яна.

Кстати, еще одна деталь. Ян запретил жене учиться на курсах синоптиков, которые возглавляла наша Маша. Маша по своей душевной простоте возмутилась и ляпнула Яну в глаза:

— Феодал ты! Будь я твоя жена, я бы научила тебя уму-разуму!

Ян сухо ответил:

— Она плохо себя чувствует.

Маше влетело от Гаврилова по первое число, ибо существовала строгая инструкция: не вмешиваться во внутренние дела китайских товарищей, тем более в личные. Строгая инструкция, возможно, даже слишком строгая... Но мы обязаны были ее выполнять.

Дядя из деревни был намного старше Яна. Он сидел за столом в черном сюртуке, в коричневой войлочной шапочке. Почему-то он стеснялся снять ее. Он с почтением слушал племянника. Для китайцев подобное почтительное отношение, близкое к раболепию старшего перед младшим, значило невероятно много... Ян восседал маленьким богдыханом, угощал родственника пивом. Оба покраснелись от одной бутылки. Говорил Ян медленно, важно, а дядя кивал головой, и на лице его было написано, что он потрясен величием племянника...

Может быть, Ян обижался на меня, что я не оказываю ему подобных почестей? Но чего ему передо мной задира́ть нос, когда всему, что он знает, научил его я... Ведь он еще к тому же и недоучился, нахватался верхов, зазнался. Элементарно зазнался, а за этим могло последовать множество ошибок, просчетов. Взять хотя бы случай с помпой.

Нет, дело не во мне...

Как-то случайно я с технарями пошел посмотреть кинокартину на историческую тему. В гулкой казарме многие сидели прямо на полу. Я пристроился на скамейке рядом с Сюй Бо, Борей.

Перед началом демонстрации фильма выступил политработник, друг Яна:

— Товарищи, сейчас мы посмотрим фильм, как большеносые получили удар по носу еще сто лет назад. Как непобедимая армия Линь Цзэ-сюя громила большеносых. Заморские варвары хотели поставить на колени наш героический народ. И никогда бы они не победили Линь Цзэ-сюя, если бы они не были подлые и трусливые...

Я знаком с историей Китая не слишком хорошо, но знал, что Линь Цзэ-суй был чиновником циньских императоров. Сто лет назад он приехал в Кантон губер-

натором и повел решительную борьбу с торговцами опиумом — сжег много ящиков с их товаром. Из-за этого и началась Первая опиумная война, которая закончилась для Китая поражением и подписанием первого неравноправного грабительского договора.

Линь Цзэ-сюй мог бы потопить несколько английских шхун. Но в любом случае не мог выиграть войну. У англичан была первоклассная армия, могучий флот, пушки, а у противника пики и ножи. В Англии шло полным ходом капиталистическое развитие, а Среднее государство пребывало в феодальном полусне. Феодализм не мог соперничать с капитализмом.

Артист, исполняющий в картине роль Линь Цзэ-сюя, ходил церемонно, как герой в пекинской опере, гладил бороду, делал угрожающие движения и посылал серьезные предупреждения заморским варварам. Империалисты дрожали.

И не было в фильме жестокого гнета феодалов, крестьянских восстаний. Точно в то время в Китае царил классовый мир.

Я сидел и думал. Я с детства воспитан в духе уважения к трудовому человеку — белому или черному, все равно. Я еще мальчишкой мечтал помочь всем рикшам на земном шаре. И если бы потребовалось, не задумываясь отдал бы свою жизнь за свободу народа любой страны, как за свободу своей Родины.

— Эй, ребята, — толкнул я соседей, китайских техников. — Посмотрите, разве мой нос больше, чем у Сюй Бо?

Трещал аппарат... Глаза уже привыкли к полутьме зрительного зала, так что можно было разглядеть лица. Техники посмотрели и ничего не ответили.

Я чувствовал, что происходящее на экране действует на них возбуждающе и что я почему-то вдруг стал для них чем-то похожим на «заморского черта».

Вспоминаю, как однажды в Мукдене я смотрел с китайскими ребятами наш фильм об Отечественной войне. Когда на экране русские солдаты пошли в атаку с криком «ура!», мои хлопцы закричали: «Ша! Ша!» Это вроде русского боевого клича.

А после киносеанса китайские парни сказали:

— Веня, представляешь, если бы в сорок первом Китай и Союз дружили, как сейчас, никакой бы Гитлер не осмелился напасть. Пусть только тронут теперь ко-

го-нибудь из нас... Правда? Мы друг за друга жизни не пожалеем...

Что-то менялось в самой атмосфере отношений между китайскими ребятами, работающими на аэродроме, и нами, советскими людьми. Что именно, я не мог точно сказать. Нам лишь предписывалось быть, как всегда, сдержанными, вежливыми, работать четко, проявлять терпимость.

Иной раз было трудно сдержаться. Как-то я играл в пинг-понг «на высадку». Проиграл партию, занял очередь, сидел, ждал, судил. Подошла моя пора, я встал, намереваясь взять ракетку, но ее демонстративно схватил солдат из охраны, довольно разбитной малый, которого не раз критиковали на собраниях за разгильдяйство и нерадивость.

— Моя очередь, — сказал я.

Он ничего не ответил... Нужно знать, что значит здесь, когда не отвечают. Я видел лица моих «подсоветных». Они растерялись больше меня. Но некоторые были довольны: самые тупые технари, которых не отчислили с занятий только благодаря моему заступничеству.

Мне не удалось играть ни следующую партию, ни третью. Честно скажу, будь это в Союзе, я бы поставил нахала на место.

Неожиданно исчезла куда-то Цзянь Фу. Это уже насторожило нашу группу.

— Слушай, Остаченко, — зашел как-то ко мне Поддубный, — не понимаю, что происходит. Была революционерка. Сейчас кого ни спрошу о ней, молчат... Она же настоящий товарищ. В Советский Союз собиралась ехать, перенимать опыт партийной и государственной работы, русский изучала. Она была руководителем местного отделения Общества китайско-советской дружбы. Не знаешь ли, в чем дело?

Я не знал. На все мои вопросы следовало молчание. Даже Сюй Бо, который последнее время стал какой-то нервный и явно избегал оставаться со мной наедине, даже он ничего не ответил, а отвел глаза в сторону и покраснел до слез.

Лишь через месяц нам между прочим сказали:

— Цзянь Фу вышла замуж... И уехала к мужу.

Это было невероятно. Цзянь Фу была верной памяти своего мужа, с которым прошла гоминдановские за-

стенки, и не помышляла о втором замужестве. К тому же ей было за сорок, для китайской женщины это весьма солидный возраст.

Объяснила происшедшее Хао Мэй-мэй.

Погода была отвратительной, город лежал, как солдат в крытом окопе. С двух сторон лёссовые стены, вместо наката серые тучи, тучи-домоседы плотностью в десять баллов. Они висели низко, почти у самых крыш домов.

Мэй-мэй не приходила несколько дней. Последнее время у нее было особенно много работы. Она заметно похудела. Бесплезно было, конечно, говорить, чтоб она береглась, побольше отдыхала. Миллионы китайцев тянулись к грамоте, а она была одной из тех, кто нес людям знания, и отдавалась своему долгу самозабвенно. Меня угнетало, что я ничем не могу ей помочь. Если бы мы всегда были вместе, я готовил бы обед, провожал бы и встречал ее у школы, нес бы толстую сумку с учебниками...

Мы пошли к реке. Облака не отражались в воде, слишком мутной была она от лёсса, как пульпа.

На берегу было сыро. Я снял пиджак, набросил на плечи Мэй-мэй.

На противоположной от нас стороне реки ворочалось колесище наподобие водяной мельницы. Быстрое течение вращало его, колесо захватывало черпаками воду, поднимало на высоту второго этажа и опрокидывало в желоба, откуда вода бежала на рисовые поля.

Мы стояли у реки. У Мэй-мэй горели щеки.

— Поезжай домой, — сказал я. — У тебя температура. Полежи.

— Мне не холодно, — ответила она.

— Ноги промочила. Еще заболеешь...

— Мама тоже всегда боялась, что я заболею.

— Ты очень хрупкая.

— Я сильная.

— Знаешь, — сказал я, — скоро у меня отпуск. Я поеду домой. Что тебе привезти из Союза?

Мэй как-то странно поглядела на меня, глаза ее расширились.

— Как едешь домой? В отпуск?

— Я расскажу про тебя отцу.

— Ты женат?

— Нет, что ты... Нет, дорогая, положен отпуск.



— Как положен? Ты говоришь неправду.

Причину ее недоверия я понял позднее. Оказывается, многие китайские товарищи жили отдельно от своих семей, в семьях им разрешалось бывать лишь по праздникам. Это называлось отпуском. На такие отпуска, как у нас, китайские трудящиеся не имеют права. Холостых и по праздникам не отпускали к семьям. Объяснялось это тем, что семья отнимает много времени, гораздо полезнее затратить его на то, чтобы бить воровьев или изучать труды председателя Мао.

Чувствуя настороженность Мэй, я попытался перевести разговор на другое:

— Помнишь, на танцах у мэра с тобой была женщина, старая революционерка, председатель Общества китайско-советской дружбы, товарищ Цзянь Фу. Ее что-то не видно. Говорят, она вышла замуж...

Мэй замерла, оглянувшись, я заметил, как у нее тряслись руки. Она стояла бледная, прикусила губу, в ее глазах взорвался испуг...

— Что с тобой?

— Вэй, зачем спросил?

— Разве нельзя?

— Ты сам знаешь...

— Что? Чего оглядываешься? Что знаю?

— Ее раскритиковали...

О, слово «пипин» — «критиковать» — я знал. Когда я приехал в Китай, не раз видел, как прямо на улице, у стола с красной скатертью, критиковали человека, обвиненного в контрреволюции, в бюрократизме, в коррупции и т. д. Если случалось возвращаться той же улицей, я видел порой, как раскритикованный валялся в пыли...

— Разве Цзянь Фу контрреволюционерка? — вырвалось у меня. — Она революцию делала, не выдала красное подполье в Тяньцзине, когда ее схватили го-миндановцы.

— Ее немножко критиковали, не совсем, — ответила Мэй, как бы успокаивая меня. — Сказали, что боялась трудностей, что у нее появились буржуазные желания — она хотела уехать в Советский Союз, вместо того чтоб переносить трудности.

— Что с ней сделали?

— Послали на перевоспитание в деревню. Чтоб она была ближе к народу, знала его нужды...

— Мэй, если уж она не знала народа, тогда кто же знает! Ты спутала, наверное. Она... Да товарищ Фу лучшие годы своей жизни отдала революции, народу. Помнишь, как жила, во что одевалась? Она все отдавала работе, людям, вам, девушкам. Она хотела поехать в Советский Союз, чтоб потом лучше, успешнее работать у себя дома.

— Ты прав, — сказала Мэй и опустила голову. — Фу незаслуженно критиковали. Но так приказали.

— Кто? Кто приказал?

— Я тоже боюсь...

— Чего боишься? Чего смотришь по сторонам? Мы любим друг друга. Разве от этого революция страдает? Разве дружба между нашими народами страдает? Хочешь, не поеду в отпуск? Ты бы пошла за меня замуж?

Она ничего не ответила, улыбнулась, откинула прядь волос со лба.

Мы вернулись к нашему кусту.

Когда любишь, каждая мелочь, которая соединила тебя с любимой, приобретает символическое значение. У каждой пары есть своя скамейка или своя лестница. Недаром празднуют серебряные и золотые свадьбы.

Из нашего куста выпорхнула пичуга, защебетала. Я осторожно раздвинул ветку — гнездо. В гнезде четыре яичка, каждое в крапинках, как веснушки на носу.

И вдруг Мэй-мэй привстала на носки. Она дотянулась до моего подбородка. Я видел ее губы... Они были влажные.

Она тянулась ко мне, глаза ее еще были испуганные и в то же время счастливые. Она верила мне, она вся была в моей власти, маленькая и послушная, преданная и моя... Моя Мэй!

Я поцеловал ее.

А потом посмотрел на небо. Облака сдвинулись с места и поплыли.

Трудно говорить о любви. У людей очень мало слов, чтобы высказать все, что они чувствуют, когда счастливы. Беду можно расписать так, что волосы встанут дыбом. Но попробуй передать, что тебе хорошо.

Скажешь: «Хорошо». И все... Счастливый человек зачастую говорит совсем не то, что нужно. Или просто молчит. И весь светится...

На счастливого нужно смотреть. На его лице больше написано, чем он может сказать.

Хао Мэй-мэй повернулась и побежала по тропинке к фанзам. Она все время оборачивалась и махала рукой. Я хотел броситься за ней, догнать... И не посмел.

Когда она ушла, я опять поднял голову и очень удивился. Облака-то, оказывается, и не двигались с места. Никуда они не плыли... Полился дождь.

11

Бедя всегда приходит неожиданно. Но эта была долгожданной в том смысле, что она могла обрушиться со дня на день. Дамбы были старыми, содержались в плохом состоянии, а тут дожди... Ливень смыл лёсс со склонов, река взбухла, взъярилась. Первым человеком, почувствовавшим опасность, оказалась наша Маша.

Гаврилов объявил аврал. Он вызвал меня по телефону. Когда я прибежал на командный пункт аэродрома, наши были в сборе. Гаврилов метался по комнате, на нем были высокие резиновые охотничьи сапоги, штормовка валялась на столе.

— Товарищи, — сказал он. — Думайте, шевелите мозгами. Надо что-то срочно предпринять. Я пытаюсь связаться по телефону с Урумчи, хоть доложить обстановку.

— Надо съездить к местным властям, — предложил кто-то.

— Был, черт его знает... — Гаврилов сдерживался. — Я им про то, что прорвет дамбы, они спокойны, угостили чаем, говорят: «Не волнуйтесь. Вас это не касается. Ирригационные сооружения нам достались в отвратительном состоянии от проклятого прошлого. У нас всегда были наводнения и будут. Мол, однажды Хуанхэ переменила русло, погибло несколько миллионов человек за ночь, четыре года назад на северо-востоке, под Сыпингаем, наводнение произошло ночью, тоже десятки тысяч человек утонули... И нечего волноваться. Нам не страшны удары природы, раз мы не боимся даже империалистов...»

— Если зальет аэродром, — сказала Маша, — миллионные убытки. Столько труда вложили...

— Что бы ни случилось, — сказал Гаврилов, — мы

останемся на своих местах. Останемся, пусть даже земля разверзнется, не только хляби небесные.

Потом мы разошлись каждый к себе.

Ян Ханя я не нашел. Не знаю, может быть, это было нарушение инструкции, но я взял всю ответственность на себя. Как назло, подогнали эшелон с горючим. С трудом настоял, чтоб его оттащили за станцию, на более высокое место. Заваруха была полная.

Прибежали Гаврилов с Поддубным, и мы втроем кинулись к ближайшей дамбе, чтоб выяснить обстановку.

Народу на берегу тьма-тьмушая. Казалось, земля двигалась, копошилась, чавкала, дышала. Люди бежали друг за другом цепочкой. На плечах коромысла с корзинами. В корзинах комки размокшей глины. Она липла к рукам, когда ее выгребали, к ногам, когда на нее наступали.

Комок, еще комок. Миллионы комков.

Один за другим, один за другим бежали худые, отупевшие от усталости люди. Как капли в дожде. Им надо было опережать дождь, чтобы река не успевала унести землю, не размыла, не прорвала дамбу.

Шлеп, шлеп. Ноги, ноги.

Шлеп, шлеп. Комок, комок.

Бегут носильщики цепочкой. Согбенные, прозрачные от голода, мокрые, босые, в соломенных дырявых шляпах, в рваных накидках из травы. Население города без приказа, без понукания вышло на работу.

Один за другим, один за другим бежали люди с корзинами.

Сюда бы пару экскаваторов! Да что пару, хотя бы один. С ковшем и на гусеничном ходу.

В свое время Гаврилов настойчиво требовал при-слать экскаватор для ремонта грунтовой полосы аэро-дрома. Составил заявку, отослал в Пекин. Ответа долго не было. Потом пришла телеграмма — отказали: мол, здесь нерентабельно использовать землеройные машины, это не Европа. Куда дешевле и целесообразнее работу выполнить корзиночками: во-первых, это дает трудовую занятость, во-вторых, сплавливает массы, прививает навыки коллективизма.

Мы поднялись по откосу на дамбу. Глина ползла под ногами. Хотелось двигаться на четвереньках — надеж-нее. Нас обгоняла вереница носильщиков. Они не гля-

дели ни на нас, ни по сторонам. Там, где возникала непосредственная опасность прорыва, учащался бег людей. Без команды, без какого-нибудь сигнала. Так в живом организме к ране бросаются белые кровяные шарики, чтобы заблокировать ее. Дамба была живым организмом — с тысячью рук, тысячью ног, тысячью сердец.

— Надо помочь, — сказал Гаврилов. — Но как? Чем практически мы можем помочь? Хоть ногти кусай!

Рядом три китайца трамбовали глину деревянной болванкой.

— Иге... Лянге... Да! — тянули они сипло китайскую «Дубинушку». — Иге... Лянге... Да!

Наша Маша не умела рассуждать, она была человеком действия. Непонятным образом она тоже оказалась здесь.

— Дай-ка, друг, — сказала девушка одному. — Отдохни... Посторонись! Ух!

Болванка вбила в дамбу комки глины. Но и Маша не могла заменить экскаватор.

— Братцы! Смотрите! Что это? — раздался голос Поддубного. — Что он там делает?

Река несла человека. Он показывался над пепельными волнами, исчезал. Вода играла им. Человек не кричал, не махал руками, не звал на помощь. Он погибал. Знал, что погибает, и не сопротивлялся.

А дамба надстраивалась. Жила. Из нее выпало лишь маленькое звено — один человек, как комок глины, слизанный волной. Вереницы носильщиков бежали на штурм реки, точно солдаты в атаку по пешеходным мосткам через трясину... Упал в воду один. Один китаец из шестисот миллионов. Что ж, погиб так погиб.

Один, но ведь это человек!

В чью-то семью сегодня придет горе. Этот один мог быть моим братом, другом, он мог быть мною, тобой, им...

Я сбросил штормовку, свитер и прыгнул в воду. Холод сковывал движения, холод подбирался к легким, сжимал дыхание. Отвратительная, грязная, отдающая непроточной канавой вода захлестывала. Я плевался ее. Потом забыл про вкус и запах. Не следовало снимать свитер, может быть, не так холодно было бы плыть. Быстрее! Быстрее! Чтобы успеть, тогда и разогреешься.

Волна ударила сбоку, накрыла, потянула вниз.

Нет, шутишь, ведьма!

Еще несколько взмахов. Китаец где-то рядом. Вот показался... И опять не видно. Я набрал воздуха, нырнул. Глубже. В ушах запищал комар. Смотреть в такой воде бесполезно. Пульпа. Еще раз нырнул. Еще... Шарил в ледяной тьме руками. Коснулся... Одежда, пола куртки. Ухватил, рванул вверх.

Человек не помогал мне и не мешал. Он был покорен реке и стал покорен мне.

— Плыви, плыви! — кричал я. — Еще, еще...

Он вяло повел руками, задел случайно мое лицо и опять перестал двигаться. Может быть, захлебнулся?

Я приподнял его голову над водой, он глотал воздух жадно, как голодный старец манную кашу. Живой! Обессилел. Я тоже. Совсем. Не хватает дыхания...

Огромными саженками плыл Гаврилов.

— Держись! — гремел он на всю реку. — Держитесь, братки!

Быстрее, Гаврилыч, милый, быстрее!

Труднее всего оказалось взобраться на дамбу. Не за что уцепиться, глина продавливалась под пальцами бородками, крутило и несло вниз... Маша кинула нам веревку, мы обвязали ею спасенного, а затем, не помню уж точно как, выбрались сами.

Дождь кончился ночью.

А днем палило солнце, лужи высыхали на глазах, и через сутки земля начала трескаться.

Четыре дня я провалился в постели, что-то случилось с желудком, видно, вода с лёссом оказалась для него неподходящей. Он ведь не рисовое поле. На пятый день я выбрался с аэродрома и побежал к «нашему кусту». Меня одолевало предчувствие, что с Мэй-мэй что-то случилось. Тревожили ее слова, сказанные в нашу последнюю встречу: «Я боюсь...»

Чего она могла опасаться? Что ей могло грозить?

Я обошел куст... И понял, что она не приходила сюда. Мы договорились, что если один по каким-нибудь причинам не сможет прийти в условленное время, то другой обязательно оставит о себе весточку — записку под камнем.

Наверняка она работала на дамбе, подумал я. Она такая, Мэй, за чужими спинами не прячется, лезет в пекло... А вдруг она тоже сорвалась в реку?

И мне так захотелось ее увидеть, что я побежал к городу. И впервые без сопровождающего охранника вышел на улицу.

Город казался безлюдным.

Редкие прохожие не обращали на меня внимания. Лишь торговец овощами под навесом из камыша долго и сонно глядел вслед.

Меня мучило. Кололо под лопаткой, ныл каждый мускул, а в животе лежал кирпич, даже два кирпича, они терлись друг о друга. Я задыхался от усталости. Выступил пот. За час, от силы за два надо успеть в оба конца, пока не хватилась охрана аэродрома.

Попался велорикша.

— Вэй! Иди сюда, — позвал я его.

Он увидел, что я русский, заулыбался, подкатил на третьей скорости.

— Знаешь, где улица Пяти источников? — сказал я.

— Да!.. Ты можешь говорить по-китайски? Откуда знаешь? Очень хорошо говоришь... Как тебя зовут, а?

— Я очень спешу. Зовут Вэй. А тебя как?

— Ван... Ван-шутник. Я очень люблю пошутить.

— Хорошо, я тоже люблю шутки. Слушай внимательно. Сейчас сядешь на место пассажира. А я на твое место. И ты будешь говорить мне, куда поворачивать, чтобы доехать до улицы Пяти источников.

— Эй-я! — оторопел Ван-шутник. — Странные у тебя шутки.

У меня не было с собой денег. Я снял часы и протянул ему.

— Не! — двумя руками оттолкнул подарок Ван-шутник. — Не надо. Я так доведу, бесплатно...

Разводить споры было некогда. Я затолкал Вана в коляску, сам вскочил на его место, нажал на педали. Везти человека оказалось легче, чем я думал. Если бы только меня не мучило, как при морской болезни.

Вот улица Пяти источников. Нужный дом. Я вошел в него. Узкий двор. Слева и справа вдоль стен деревянные переходы. Я поднялся по скользкой лестнице на второй этаж, постучал в первую же дверь.

В комнате оказалась женщина. Почему-то запомнилось, что на ней была кофточка без рукавов, сшитая из блестящей материи наподобие клеенки. Женщина сушила над жаровней пестрое ватное одеяло. Пахло ды-

мом и несвежей постелью. В комнате, кроме настила, служившего кроватью, стоял лишь столик.

— Где живет учительница Хао Мэй-мэй? — спросил я с порога.

Женщина некоторое время с любопытством рассматривала меня. Свернула одеяло, ничего не ответила.

— Мне нужно увидеть учительницу Хао Мэй-мэй.

— Ты тот советский человек, который работает на аэродроме? — спросила женщина. Она присела на корточки, подложила угля в жаровню.

— Да, тот самый человек... Мэй здорова?

— Она променяла своего на чужого, на тебя? Китайская девушка полюбила иностранца.

— Покажите, где она живет.

— Не торопись. Ты хорошо говоришь по-китайски. Мэй-мэй научила? Хорошая была учительница, моих детей учила. — Женщина накинула на плечи одеяло, вышла на площадку, повела по лестницам в глубину двора.

— У нас было собрание, — сказала она, не оборачиваясь. — Критиковали Мэй-мэй. За то, что она променяла своих на чужого, захотела легкой жизни.

— Как... критиковали?

— На собрании. Собрали всех с улицы. Потребовали, чтобы она признала свои ошибки, чтобы призналась перед всеми, что разложилась, обуржуазилась. А ты признал свои ошибки? — Женщина покосилась на меня через плечо, кутаясь в одеяло.

— Но мы ничего плохого не сделали...

— Да, видно, ты не знаешь нашей жизни. Не понимаешь... Нельзя китайской девушке встречаться с иностранцем. Иностранец уедет, девушке отвечать придется. Ты ведь большеносый.

Мы подошли к двери, оклеенной синей бумагой. В комнате находились пять девчонок. Они встали, вытянулись, посмотрели на меня широко раскрытыми глазами. Не хихикали, не подмигивали друг дружке. Они были как испуганные птицы.

— Вот ее комната... это ее подруги. Тут она жила, — ворчливо сказала женщина. — У меня таких подруг нет, и я не хочу иметь... Они ее критиковали.

— Где Мэй? — Я вошел в комнату. — Где она? Что с ней?

— Ее нет, она уехала, — ответила девчонка с косичками и покраснела до слез.

— Куда?

Девчонка отвернулась и заревела. Плечики вздрагивают, и косички подпрыгивают на спине.

— А-а-а! — заворчала хрипло женщина, еще плотнее кутаясь в одеяло. — Теперь ревут. Что же на собрании молчали, не защищали подругу? Нет ее, Хао Мэй-мэй, нашей маленькой учительницы. Ее послали на трудовую закалку. За то, что она не дорожила родиной, променяла своих на чужого. Ей захотелось личного счастья, вкусно кушать и красиво одеваться, как иностранные черти. Я тоже хочу вкусно кушать. У меня пятеро детей, и они тоже хотят. Я ничего не говорила на собрании. Я ее понимаю. Да! Можете меня следующий раз тоже критиковать. Слышите! Не активистки вы, а дуры. Не могли защитить подругу. Она вам рассказала об этом парне, а вы... Дуры! Каждая из вас захочет иметь ребенка, захочет, чтобы он был сытым. И это контрреволюция?

Откуда-то появился Лю-переводчик. С ним охранники. Как они оказались в доме Хао Мэй-мэй? Позднее я узнал, что меня увидели военные, как я вез рикшу. Они позвонили в свою часть, те на аэродром.

По дороге домой я твердил как заведенный: «Моя машинка бьет!.. Моя машинка бьет!»

Только эту фразу.

12

Из Пекина пришла бумага, в которой китайское правительство благодарило меня за помощь в развитии народного хозяйства КНР. К бумаге была приложена медаль «Дружба», к медали розовое удостоверение за подписью председателя Мао.

Лю зачитал послание от местного руководства: «Теперь мы сможем самостоятельно идти дальше... Догоняя и перегоняя... Теперь у нас новый этап — этап взаимного обмена опытом и взаимной учебы...»

Мне было не до тонкостей формулировок. Я чувствовал себя слишком усталым.

Самое страшное, я не мог никак выяснить, где же находится Мэй-мэй, какой у нее адрес и что с ней...

Я писал, звонил. Все без толку. На мои запросы не отвечали.

Меня отправляли в Союз первым же рейсовым самолетом.

Была надежда, что транзитный самолет окажется набитым до отказа, и я еще выгадаю день-два, найду хоть какой-нибудь след Мэй. Меня втиснули сверхкомплектным пассажиром, багаж пообещали доставить в Урумчи следующим рейсом.

Просгился с друзьями. Не со всеми, правда. Гаврилов лежал в госпитале тоже из-за купания в реке. Поддубный пообещал навести справки о Мэй-мэй. Как? Ведь языка он не знает, связан официальным положением по рукам и ногам.

— Попробуй в Москве, через посольство, — посоветовала Маша, сама не веря в сказанное.

— Попытаюсь...

Маша расплакалась. Потом сказала бодро:

— Не падай духом, падай брюхом!

Чудный парень наша Маша!

Ян Хань не пришел провожать: занят. Он теперь стал большим начальником.

Прибежал повар Ван, сунул на память гравюру с видом Вань-шоу-шаня. По сей день гравюра висит у меня над столом как память о дружбе. А я завещал ему волнистых попугаев. Маше нельзя было поручить такого тонкого дела, как попугаи.

Под плоскостью стоял бензовоз. Я с грустью поглядел на машину...

Вижу, выходит в комбинезоне Сюй, Боря. Подошел.

— Веня, не обижайся. Я насчет собрания... Сам понимаешь... — Он оглянулся. — Помнишь про Цзянь Фу?

— Сюй, я не в обиде. Выше голову! Перемелется, мука будет. Как насос-то, гоните? Работает на трех тысячах оборотов?

— Нет... Перегорел. Вручную качаем... До свидания, Вэй! Не забывай.

Я вошел в самолет. Убрали сходни. Загудел мотор.

Я не смотрел, как отрывались. Уже темнело. Вдоль полосы горели светофоры. Знакомая картина.

Только вдруг кабину самолета залило светом. Мы поднялись выше, здесь еще царствовало заходящее солнце. Сразу сделалось легче — без солнца человеку становится скучно.

И до крика резанула мысль, что улетаю навсегда, что там, внизу, осталась моя Мэй и, может быть, никогда я ее не увижу. Никогда!

Я приподнялся в кресле. Захотелось посмотреть вниз, в темноту, туда, где осталась моя любовь...

Неожиданно увидел на лацкане пиджака соседа точно такую же медаль, как у меня, китайскую медаль «Дружба».

— Посмотри, посмотри... — вдруг заволновался сосед. — Горит земля. Силы народные и деньги летят на ветер. Ни один из героев Салтыкова-Щедрина не додумался бы до такого головотяпства...

Я прильнул к иллюминатору.

В этой части Китая населенные пункты сравнительно редки. Вот проплыло внизу что-то вроде городских огней. Но ведь деревни не электрифицированы.

— Костры, что ли? — спросил я.

— Садись, не расстраивайся, — по-своему истолковал сосед мой вопрос. — Большой скачок! Черт знает что... Доменные печи деревенские. Лечу с Ань-шаня, там производство сворачивают. Я металлург. — Он нервно расстегнул внутренний карман пиджака, стал показывать какие-то дипломы, документы. — Металлург! Посмотрел бы под Тайюанем. Огромный завод мы выстроили, помогли. Вон впереди сидят ребята с Тайюаня. А кругом эти печурки. Тьфу! Ничего не понимаю! Как во сне...

Он положил документы в карман.

— Бесполезная трата сил и денег. Авантюризм чистой воды.

Я решил заглянуть в кабину летчиков. Дойдя до двери, обернулся.

У всех пассажиров на груди поблескивали медали...

Вот уже прошло много-много лет, а перед глазами у меня этот салон самолета... Медали. И если говорить по-честному, мы их заслужили. Дружба — это сложные отношения, и они проверяются временем и обстоятельствами. Я остался другом Китая, несмотря ни на что... Я верю, что настанет время, я вновь надену медаль и полечу в Китай помогать исправлять то, что наломали маоисты. Я найду тебя, Хао Мэй-мэй, моя любовь, моя боль, моя мечта!

ДНЕВНИК ПРОЙДОХИ КЕ

ПОВЕСТЬ



Часть первая

1

Я — Артур Джеральд Кинг, родился в 1930 году в Шанхае. Отец мой, Джеральд Корнелиус Кинг, больше двадцати лет представлял в Китае известную торговую фирму «Краун колониал энд К°». Это был человек весьма далекий от политики. Быть может, поэтому наша семья уехала из Шанхая только в ноябре 1950 года; мы могли бы, вероятно, жить там и дальше — новые власти относились к отцу корректно и не спешили причислить его к списку «нежелательных» иностранцев. Насколько я помню, дела «Краун колониал» шли в то время весьма неплохо, новые китайские власти закупили у фирмы несколько крупных партий дорогостоящего радиотехнического оборудования. Впрочем, все это не столь уж и важно.

Я окончил в Шанхае американский колледж, проявив, как меня уверяли, явную склонность к математическим наукам. Это радовало отца, который хотел, чтобы я поступил в Высшую коммерческую школу в Лондоне. Но мои собственные желания не соответствовали желаниям отца. Карьера коммерсанта не привлекала меня. Она представлялась мне слишком скучной. Во мне бродили недостаточно еще осознанные, но неодолимые стремления жить независимо, не пребывать долго на одном месте, не обременять себя грузом прочных привязанностей, столь свойственных натуре англичанина даже в наше время.

Строго говоря, я не изменял ни национальным, ни тем более семейным традициям. Моя мать — дочь русского офицера, бежавшего из России в 1920 году. До сих пор я не пойму, что легло в основу этого странного брака: родители были на редкость разные люди. Отец являл собой образец достоинства и хладнокровия; ничто на свете, казалось, не могло поколебать его твердых принципов, благоприобретенных еще в юности. Мать, напротив, отличалась характером добрым и мягким, говорят, это типично русский женский характер. Не знаю, к счастью ли, но от матери во мне гораздо

больше, чем от отца. Иными словами, я больше, наверное, русский, чем англичанин...

Как бы то ни было, в Высшую коммерческую школу я не поступил (в 1952 году, спустя год с небольшим после возвращения из Шанхая на Британские острова, отец мой скончался, и мне, по существу, была предоставлена полная самостоятельность в выборе жизненного пути). Имея средства, я мог бы окончить Оксфорд или, скажем, уехать в Австралию и заняться там каким-нибудь небольшим, но прибыльным бизнесом, но вместо этого я направился в Гонконг и стал репортером в «Гонконг стандарт».

В этой проклятой газете я сделал себе имя. Впрочем, что тут удивительного? Я молод, не обременен семьей, довольно бегло говорю на шести языках, не считая, разумеется, английского и русского. Туда, где пахло сенсацией или паленым — уверяю вас, это почти одно и то же, — редакция неизменно отправляла именно меня. За шестнадцать лет я исколесил добрую половину нашей удивительной планеты. Мне есть что рассказать...

Ну хотя бы эту историю. Она произошла во время вьетнамской войны. В моей судьбе она сыграла особую роль.

2

Началась она с того, что я познакомился в Макао¹ с молодым вьетнамцем и через несколько минут понял, что влип. Глупейшее положение: я сидел на его тетрадях и не знал, что делать.

Во мне боролись два человека — один хотел встать и уйти, второму очень не хотелось расставаться с тетрадями. Все мы любим таинственность. Конечно, каждый в разной степени. Одному достаточно разгадывать кроссворд в воскресном приложении газеты, а другой взбирается по отвесной скале на снежную вершину или сиднем сидит два месяца на дне пещеры. Людьми движет бог Любопытства, всесильный и неугомный, на алтарь которого мы кладем бесценные сокровища — алмазы Времени, золото Жизни, рубины Разума в на-

¹ Макао — португальская колония в маонистском Китае. События, описанные в повести, происходят до свержения фашистской диктатуры в Португалии. (Здесь и далее примеч. авт.)

дежде получить взамен лишь дочь Любопытства — Истину.

Встать и уйти было просто. Те, за стеклом веранды, не задержали бы. Пока я не вызвал у них интереса. Тетради... Они не видели, что я сел на них. Руки мои лежали на столе, я вертел зажигалку.

Мы одновременно с парнем поглядели на окно веранды. Он умел владеть собой — удивительно в его годы. У него лишь побелели мочки ушей. Точно он их отморозил. Лицо у него было смуглым, волосы черные с отливом и белые-белые уши.

Он вдруг поднялся. Пустоял. И, не прощаясь, пошел к выходу. Тогда я не понял, зачем он это сделал. Он шел не спеша, огибая столики. Никто не обращал на него внимания. Люди пили пиво, какая-то американка лет под тридцать в обществе трех солдат морской пехоты призывно хохотала, два невозмутимых голландца пожирали омара, какой-то парень в яркой рубашке тряс музыкальный автомат «джюк-бокс». По-видимому, автомат был сломан, это злило парня, и он хотел получить монету назад. Я действовал машинально. Уронил зажигалку, нагнулся и с ловкостью, которой никогда от себя не ожидал, сунул тетради под полу пиджака.

Я услышал выстрел, когда подходил к портьеру. Звук был слабый. Пистолет был с глушителем. Излишняя предосторожность. Я знал, что происходит за спиной. Американка перестала смеяться и вскрикнула... Послышался стук упавшего кресла. Голландцы наверняка лишь на минуту перестали жевать, да парень у автомата грязно выругался по-испански, но трудно было судить, чему адресовалось ругательство — автомату или выстрелу. И все!

Я в Макао! Здесь понятие любви к ближнему несколько отличается от общепринятого в Европе. Главная заповедь — занимайся своим делом и не суйся в чужие, если не хочешь принести в жертву богу Любопытства собственную жизнь.

Я знал гостиницу, останавливался в ней несколько раз. Я не поднялся вверх по лестнице, устланной красным синтетическим ковром, а рванул боковую низкую дверь и выскочил в коридор. Тускло горела единственная лампочка, вокруг нее вился рой moskitov. Коридор вел на кухню. Повара разделявали огромную рыбу, на-



верное, тунца. Отрубленные куски рыбы складывались в холодильник, вмонтированный в стену. Толстая белая дверь напоминала дверь бомбоубежища, хотелось бы захлопнуть такую за спиной. Черным ходом, перепрыгивая через корзины с овощами, я выбежал в переулок.

На тротуаре, усыпанном шкурками бананов, мандаринов, обрывками бумаги, стружкой, два велорикши играли в карты. Один проигрывал, это было видно по хмурому выражению его лица.

— Чья очередь? Поехали! — крикнул я. — Быстрее!

Но они не обратили на мои слова внимания. Тот, кто проиграл, взял колоду, разделил на две части, привычным точным движением загнул края карт, потом отпустил, и карты веером легли друг на друга. Перетасовав колоду, он сплюнул, что-то проворчал под нос.

— Поехали! — опять крикнул я: если начнет сдавать, то их не поднимешь с места лебедкой.

— Второй пусть едет следом, — сказал я и прыгнул в коляску.

Рикши подумали... Поднялись и неохотно сели в свои седла.

— Гони! — приказал я. — Плачу вдвое, опаздываю.

Хорошо, что я нанял их обоих, — второй не наведет на след погоню. Я торопил рикшу. По его спине текли ручьи пота. Я видел только его спину. Шишечками выступали позвонки под рваной рубашкой. На авенида Алмейдо Рибейро я расплатился. Я специально остановился на главной улице: на ней полиция не разрешала задерживаться рикшам, иначе бы они уселись на газон и продолжали бы игру, пока кто-нибудь из них не спустил бы весь свой заработок. Я подождал, когда они скроются, перебежал улицу и пошел переулком в старую часть города. Я был уверен, что погони нет. Тем, кто подстрелил вьетнамца, потребуется время, чтобы хватиться тетрадей. Потом они обшарят гостиницу, пока не сообразят, что я улизнул.

«Зачем мне эта история? — подумал я. — Что может быть в этих тетрадах? Опять что-нибудь про воровство военного имущества в Сайгоне? Или свидетельские показания о крупной взятке?»

Мне совсем не хотелось возвращаться к подобной теме. Я и так нажил врагов среди американцев. Два года назад расшевелил муравейник.

Я прикинул — тетради весят фунтов пять. Не знаю, что удержало меня, почему я их не выбросил.

Мне открыла служанка. Новенькая, я ее впервые видел, в черном халате, с большой стеклянной брошью у воротничка. Широкие скулы. Скорее всего малайя. Я пошел в холл.

— Клер! — крикнул я. — Добрый вечер!

Клер вышла с сигаретой в руке. Мы поцеловались. У нас с нею были странные отношения. Когда-то я к ней был равнодушен, присылал ежедневно по утрам цветы. Но у нас ничего не получилось. А теперь мы слишком долго знали друг друга. Такие отношения устраивали нас обоих: друг в Макао — самая большая ценность.

— Опять? — спросила она.

— Да, — ответил я. — И, кажется, задержусь. Мне хотелось бы несколько дней никуда не выходить.

— Я сварю тебе кофе, — сказала она и вышла. Удивительно она понимала меня.

Тетради жгли руки, я бросил их в угол. Нужно было обдумать, что произошло.

Вчера позвонила Дженни. Звонок не предвещал ничего плохого. Она сообщала, что хочет познакомить меня с интересным человеком. Она знала мою слабость.

Дженни... На ней стоит остановиться особо, потому что в происходящих событиях она сыграла не последнюю роль, и, даже если бы она не имела никакого отношения к моим последующим злоключениям, я обязан рассказать о ней подробнее, ибо она сама по себе была довольно любопытным явлением, иначе и не назовешь, так сказать, яркая представительница «золотой молодежи» Юго-Восточной Азии. Это особый район нашей старушки Земли, своего рода разросшийся до гигантского масштаба Шанхай начала тридцатых годов, прозванный в то смутное время «клоакой мира», Мекка авантюристов всех мастей и национальностей. Здесь умирали от голода и от обжорства, от неудачной любви и от венерических болезней, выигрывали в карты за ночь состояния и из-за трех пиастров расставались с жизнью в туалете. Ты мог поздороваться за руку с человеком, а через минуту узнать, что он прокаженный, рассуждать целый вечер о поэзии с профессиональным сутенером и подать чаевые министру. Здесь бесчисленное количество ресторанов, сомнительных ка-

бачков, открытых притонов и одна-единственная библиотека в Гонконге — у английского губернатора. И если в Библии говорится о Вавилонском столпотворении, то оно по сравнению со столпотворением в районе Южно-Китайского моря выглядит жалким. Безалаберное, жадное, безжалостное, скупое, пьяное и безответственное сборище бизнесменов, искателей приключений, мужественных рыбаков и не менее отчаянных контрабандистов, сборище людей, где удел честных тружеников — беспросветная нищета, а за богатство приходится расплачиваться собственным «я», привязанностями, не говоря уже об идеалах святой юности.

Дженни по национальности была китайкой. Отец ее был уроженцем одной из южнокитайских провинций, мать наверняка северянкой, и, хотя я ее никогда не видел и не знал, жива ли она вообще, я смело могу утверждать, что она была северянкой — об этом свидетельствовала фигура Дженни. Северяне отличаются от южан не только языком и обычаями, у северян примесь маньчжурской и монгольской крови, а на юге — малайской. Здесь, пожалуй, живет другая раса — длинноногая, поджарая, с мелкопористой кожей, отчего тело женщин кажется словно выточенным из слоновой кости. Правда, я не берусь безапелляционно утверждать, что на юге Китая живет другая раса. В антропологии я дилетант.

Отец Дженни был дельцом. Звали его господин Фу. Я не хочу называть его подлинного имени, потому что «подлинных» имен и фамилий у него было не меньше десятка. Официально господин Фу занимался перепродажей антиквариата. Так ли это? Меня несколько раз вежливо предупреждали, чтоб я не совал нос в его дела.

С Дженни мы познакомились в самолете английской авиакомпания. Она возвращалась из Калифорнии домой. В Штатах она училась, окончила какой-то университет, получила диплом, который потеряла на первой же пирушке. Откровенно говоря, меня всегда интересовали подобные «модернизированные» молодые люди, которых в Америке открыто называют «цветными». Вернувшись из-за океана, они отказываются подчиняться родителям, не признают обычаев предков, хотя зов крови в них необыкновенно силен. Не один ростовщик Сингапура или Манилы проклял тот момент, когда послал отпрыска набираться ума-разума к проклятым «замор-

ским чертям». «Модернизированных» юнцов куда больше интересовали проблемы секса, чем цены на бананы или разработка редких пород древесины в малярийных болотах Суматры. У них были смутные желания, неосознанные порывы и никакой перспективы.

Дженни (ее настоящее имя было, конечно, иным) лепетала что-то о поп-искусстве, каких-то нелепых, лишённых элементарного смысла пьесах студенческой группы любителей театра. При этом она беспрестанно ела конфеты. Я сказал, что при подобной страсти к сладостям через несколько лет она будет весить не меньше, чем профессиональный боксер тяжелого веса. Она мило рассмеялась в ответ. Так началось наше знакомство.

Потом мы встретились в Гонконге. Она завизжала и бросилась мне на шею. Возможно, это считалось хорошим тоном там, в Калифорнии. Целый вечер она жаловалась, что умирает от скуки, и потом зверски напилась.

Вообще-то к Дженни следовало относиться осторожно. Вполне возможно, что разговор по телефону был подстроен ее отцом. И все же я, как бабочка на свет, полетел в Макао. В таких случаях я уже ничего не мог с собой поделать.

Когда парень сунул мне под столом тетради, первое, что пришло мне в голову, — это провокация. Но потом я увидел за окном людей. Гангстеров я узнаю с первого взгляда. Но я ведь видел и Дженни. Я не мог ошибиться. А может быть, это была не она? Не слишком ли подозрительным я стал в последнее время?

Нет, все-таки это была Дженни! Правда, девушка стояла в тени. И грызла ногти. Такая же неприятная привычка была у дочки господина Фу. Зачем она пришла сюда? Если бы хотела предупредить об опасности, она бы нашла какой-нибудь другой способ.

Парня убили. Значит, у них были для этого основания. Какие? Тетради?

Я поднял с пола тетради, перевязанные тонкой бечевкой, как пакет с покупками. Достал первую из них, развернул. С усилием прочитал первую строку:

«Сегодня у нас праздничный обед. Два дня уже не работаем. Все ходят радостные. Так хочется увидеть Балерину...»

Ерунда какая-то! Я полистал страницы. Описки,

кляксы, жирные пятна. Две тетради, видимо, побывали в воде, и если можно что-то прочитать на слепившихся страницах, так это благодаря тому, что запись делалась шариковой ручкой, — ее паста не расплывается, как чернила «паркер». Читать дальше не хотелось. Я снова бросил тетради в угол.

И все-таки парня убили. Скорее всего он знал что-то. Ладно, как-нибудь разберусь, что там написано.

Вошла Клер. Служанка вкатил за ней следом столик. Клер любила сама варить кофе и делала это мастерски. Здесь, в Макао, кофе варят по-португальски и кладут в него слишком много пряностей. А мы с Клер любили кофе по-турецки, крепкий и сладкий. С пенкой и без цикория.

Что больше всего мне нравилось в доме у Клер — это отсутствие тяжеловесной старинной мебели. Такая мебель загромождает квартиры европейцев в Гонконге и Макао. В здешнем климате огромные трюмо и серванты гниют и быстро превращаются в ужасную рухлядь. В комнатах с вечно опущенными жалюзи на окнах стоит прочный запах плесени.

У Клер же было светло и просторно. Она любила японский стиль. Легкие бамбуковые занавески. Бамбук почти не подвержен грибковым заболеваниям, и от него не несет за милю плесенью. Раздвижные стены. Европейское — это телевизор и стеллаж с книгами. Клер увлекалась испанской поэзией.

— Ну что ты будешь врать на сей раз Павиану? — спросила Клер.

Павианом мы называли моего шефа. Шеф действительно походил на павиана. Вытянутая вперед нижняя челюсть. Спутанная грива волос на затылке. Сходство добавляла его речь: когда он злился, а это было его обычное состояние, он выкрикивал какие-то нечленораздельные звуки, как будто действительно рычал павиан.

— Что-нибудь придумаем, — сказал я. — Обязательно придумаем.

— Удивляюсь, почему он до сих пор не выгнал тебя с работы?

— Да он бы рад, но кто будет на него работать? За какие-то три сотни долларов посылает в самые грязные дыры.

Клер промолчала. Она включила вентилятор. Но в комнате и без него было прохладно.

Я хотел рассказать ей о том, как полчаса назад убили парня. Но потом решил, что она разволнуется и будет — в который раз! — упрекать меня в легкомыслии. Женщины так устроены, что, если с мужчиной случается несчастье, они считают, что в нем прежде всего виноват мужчина. Может, поэтому я и не женился.

Трудно даже представить, как бы я жил, если бы был женатым. Я бы наверняка спился, какой бы ни была моя воображаемая супруга. С Клэр было иначе. Правда, я не знал ее как женщину, может, это-то и было самым прекрасным. Несколько лет назад я открыл сам для себя «закон скорпиона». Суть его заключается в том, что скорпион после близости с самкой бежит от нее прочь сломя голову, иначе она его догонит, парализует ударом жала и отложит на его теле личинки.

Клер — милая, тонкая, уютная. В наших отношениях никогда не было и тени фальши. И тем не менее я часто ловил себя на мысли: а может быть, и в ней до поры до времени спит скорпиониха?..

— Только на этот раз, — сказала она, — ты будешь говорить с Павианом сам. Мне надоело слышать его рычание. Я теряюсь...

— Хорошо, — сказал я.

— А что ты ему скажешь?

— Что женюсь на тебе. И у нас уже началось свадебное путешествие.

— Не валяй дурака. Я спрашиваю серьезно.

— Скажу, что есть дело. Кажется, что-то интересное.

— Но он спросит, какое? Как ты объяснишь, что не можешь выехать из Макао?

— Этого он у меня никогда не спрашивает. Он знает, что если я застрял, то привезу хороший «гвоздь». Закажи разговор.

Соединили довольно быстро, быстрее, чем я предполагал. В трубке вначале треснуло, потом раздался хриплый голос Павиана. Кажется, на этот раз он был трезв.

— Шеф, — сказал я, — как вы себя чувствуете?

— С каких пор вы стали интересоваться моим самочувствием? Что там у вас, выкладываете.

— Я задержусь на неделю.

— А в чем дело?

— Объясню, когда приеду, — сказал я.

Павиан буркнул что-то, в трубке опять щелкнуло, разговор кончился. Я мог считать, что разрешение получено.

— Полдела сделано, — сказал я. — Прикажи, чтоб мне постелили. Спокойной ночи, Клер! Я не знаю, что бы делал, если бы не ты. Ты молодец!

Я пошел наверх, в свою комнату, которую всегда мне отводили, когда я приезжал к Клер.

3

А тетради все-таки стоили риска, которому я себя подвергал. Это стало ясно после первых же страниц: кое-что, правда, я перефразирую, домысливаю, излагаю в собственном стиле, некоторые имена я сознательно опускаю — у меня для этого есть основания, — плюс неточности, которые бывают при всяком переводе, тем более с такого текста, который попался, — сплошная головомолка. Я не уверен, что даже сам автор смог бы точно расшифровать то, что написал впопыхах. Так бывает — пишешь: «Вчр. вид. К...», а потом берешь записную книжку и ничего не понимаешь. Что за «вид.», что такое «К.»?

Итак... Я засел за тетради. За что же убили человека? А его наверняка убили. Не станут же стрелять просто так в человека, вроде бы как попугать.

Первая тетрадь

«Два дня не работаем. Наш сброд перепился. Так хочется увидеть Балерину... Но почему-то около столовой появились охранники во главе с Комацу. Проклятый японец! Он требует, чтобы его величали Комацусан, еще не хватало прибавлять к его имени «сейсан», я с удовольствием добавил бы «бака»¹. Комацу-бака... Это было бы по правде! Если бы он слышал это «бака», пустил бы наши кишки на провода. Зверь, а не человек. Охранники не разговаривают. Вскидывают пистолеты-пулеметы... Хотя бы теперь нас не охраняли как пленных. Мы же сами сюда согласились приехать.

¹ Б а к а — черепаха, в переносном смысле — дурак (японск.).

Работу сделали. Давай гони доллары на бочку, и гуд бай.

Вообще-то я умница. Сейчас, вспоминая, как обвел джи-ай, смеюсь до икоты. Нашли дурака! Правда, когда проглотишь горячее, забываешь, как было горячо. Кто-то погорел. Говорят, какой-то журналист из Гонконга тиснул статью о медикаментах. В Шолоне все воровали. И в Сайгоне тоже. Янки тащили все, что под руку попадало. Гнилушка Тхе был лишь подставным лицом. Откуда у него могут быть медикаменты? За ним стоял мистер Крум¹. Ему продавал их американский полковник. Целый пароход растащили, а на мне захотели поехать охотиться на тигров. Пройдоха Ке не такой дурак, как они думали. Пройдоха Ке смылся. Не попался в грязные лапы молодчиков Лоана². Что я заработал на медикаментах? Ничего. Все матери относил. Да старший брат требовал денег. Он «сидит на игле». Ему морфия нужно все больше и больше. Он сумасшедшим становится, если с утра не «ширнется». Убить может. Это американцы его приучили «ширяться». Вначале он курил марихуану. Потом она на него перестала действовать. На героин у него денег нет. Какой только дрянью он не колосся! Наверно, уж умср без меня или повесился. Страшно смотреть было, когда его «ломало». Ненавижу наркоманов!

Здесь тоже... Вначале дешево продавали, а потом, как всегда, цены подняли. Комацу-бака поставлял. Теперь Индусу и Малайцу нечего будет получать при расчете. А я денежки скопил. Заплатят. Удрать бы на континент, в Сингапур хотя бы... Там нет джи-ай, никто меня искать не будет. Американец мистер Крум и Гнилушка Тхе свалили на меня целый пароход. Продал-то я всего ничего, мелочь. Американец и Гнилушка Тхе выкрутились, а меня хотели засудить. А теперь ищите птицу... Пройдоха Ке улетел туда, где отцветает заря и расцветает лотос.

Через три дня я буду на материке. Увидеть бы Балерину. Надо проститься и с Толстым Хуаном. Он у нас повар. Ворует тоже.

¹ Мистер Крум — Уильям Джон Крум, бывший король сайгонского «черного рынка». Отец — американец, мать — кигаянка из Шанхая.

² Нгуен Нгок Лоан — в то время начальник сайгонской полиции.

И все-таки обидно до слез, что охранники щелкают затворами, как совы клювами. Утром и вечером рассаживаются за запретной чертой и режутся в карты, а ты не смей к черте подойти. Куда отсюда убежишь? Кругом море... Правда, на юге и на востоке темнеет земля. Тоже, наверное, острова. Здесь островов тьма, мы даже не знаем, на каком из них находимся. Запрягались, как змеи в камни, в десяти метрах не найдешь вход в бухту. Кругом джунгли. Отсюда бежать некуда. А у катеров тоже охрана. Тут у нас ходили слухи... Не хочу даже думать: дойдут до ушей Комацу-бака мои мысли, он утопит меня в собственном плевке. Высоту любят дураки и дым.

Я пошел было в барак, но раздумал, повернулся и ушел. Надоели подонки. Малеец уже накурился, сидит, как будда, поет. Я знаю, почему он стал курить. Малайцы не могут без женщин. Они за женщину готовы перерезать глотку любому. У них от длительного воздержания наступает амок. Чего только европейцы не писали про амок, а все значительно проще.

Я пошел в гараж, простился с самосвалом. Сколько я на нем земли вывез! Без техники мы бы здесь ничего не сделали. Джунгли как тигр, голыми руками клочка земли не вырвешь. Они дикие и непобедимые. Они вызывают уважение. Их здесь называют по-малайски — римба.

Мы проложили дорогу, забетонировали ее. Но вскоре через бетон пробилась побега бамбука. Удивительно! Недаром древние художники любили рисовать тушью бамбук как символ жизни и упорства. Еще я наблюдал, как растет банан. В Сайгоне я никогда не видел, как растет банан. Он рос буквально на глазах, он вытягивался за сутки на несколько чи. Потом появилась завязь, и вот уже повисли плоды. Это был дикий банан, он был намного выше культурного. Плоды его были горьковаты, но это был мой банан, только мой, я видел, как он рос и принес плоды, поэтому я ел плоды с удовольствием.

Полтора года, как я живу на этом острове. Я даже полюбил его немного. Когда я возил на самосвале землю, я останавливался на берегу лагуны, выскакивал из кабины и бежал в кокосовую рощу. Охранник оставался в машине. Он привык к моим странностям (а может, тут играло роль то, что я отдавал ему свою долю

сигарет), он разрешал мне маленькое нарушение режима.

У меня была любимая пальма. Я прижимался щекой к шершавому стволу и слушал, как ветер шумел в ее листве. Проходила минута-другая, и кокосовые крабы смешно, боком подбегали к моим ногам, на мгновение останавливали на мне черные бусинки своих глаз. Было тихо, лишь поскрипывали стволы пальм. Здесь я прятал дневник. Когда охранник был в хорошем настроении, я шел дальше, к самому берегу моря. Я стоял на краю коралловой отмели. Начинаясь прилив. И волны поднимались выше и выше. Солнечные лучи пробивали зеленоватую воду, и глубоко-глубоко было видно, как медленно проплывают стаи разноцветных рыбок, похожих на попугаев, как колышутся бурые водоросли, как висят парашюты огромных бледных медуз. А однажды все внизу встрепенулось. Появилась тень. Я увидел акулу. Она несколько раз промелькнула, ее острый плавник резал волны как нож. Что-то спугнуло ее, и она ушла в глубину.

...Почему я стал писать дневник? Потому что мне попалась красная тетрадь, изготовленная где-то на Тайване. На каждой странице тетради стоят иероглифы: «жи» — дня, «юэ» — месяца и «нянь» — года. Это дневник. На первой странице портрет тощего Чан Кай-ши в генеральском, или кто он там — фельдмаршал? А, вспомнил, генералиссимус, так вот, в мундире генералиссимуса. Красуется Чан, как попугай, старый дурак! И чего вырядился? Если бы я был генералиссимусом, я бы специальные ордена себе придумал, чтобы больше ни у кого таких орденов не было.

Я пишу дневник еще и потому, что мне скучно. Третий день ничего не делаем. Пора сматываться. Мне что-то не нравится затишье. От таких, как Комацу-бака, всего можно ожидать. Я видел, как они сбросили со скалы Маленького Малайца, не того Малайца, что сейчас дрыхнет в бараке на нарах. Окурился «дурью» и дрыхнет. И что хорошего в наркотиках? Откровенно говоря, я никогда не пробовал даже марихуаны. Не потому, что не хотел... Если бы не старший брат, я бы тоже, наверное, стал курить.

Я ничего такого особенного писать в дневнике не буду, потому что нам запрещено иметь записи. Целых полтора года я не мог написать матери, где я нахожусь.

Напишешь, твое письмо Комацу-бака хватает грязными лапами, читает; от матери пришло — тоже читает. Мы как арестованные. Знал бы, когда нанимался, ни за что бы не поехал. Хотя... У меня выхода не было. Я удирал от полиции. Да здесь у всех не было выхода, когда они сюда согласились ехать.

Так вот, про моего брата. Он калека. Партизаны ему ногу оторвали, не то чтобы привязали к танку, как это делают янки с пленными, он попал под обстрел минометов. Старший брат обслуживал американские турбинные многоцелевые вертолеты «Белл Н-1». Сильная машина! Еще есть «Ганишип» — «пушечный корабль», бронированный вертолет «Боинг вертол», или, как его называют, СН-47. Он начинен боеприпасами, как креветка икрой. Восемь пулеметов или автоматических пушек, управляемые ракеты, минометы... У этих машин задача — кружить над джунглями и стрелять по всему, что движется. Представляю, как по тебе шарахнет из шестиствольного электрического пулемета, он в минуту выпускает шесть тысяч пуль, я сам читал в рекламном проспекте. Американцы хвастуны. Они про все хвастают — и про пулемет, и про гангстеров, и про то, что от Чикаго до Нью-Йорка тянется железная дорога не то из семи, не то из десяти ниток, или как они там называются... Я видел однажды, как бьет электрический пулемет. Он сжигает два киловатта, что-то около трех лошадиных сил. Когда партизаны захватили американское посольство в Сайгоне, контрразведка арестовала жителей ближайших кварталов. Я случайно попал в облаву — шел за товаром к Гнилушке Тхе. У нас привыкли в городе к выстрелам. Ночью лучше не выходи... Патрульные с перепугу стреляют. Их тоже режуг как кур: Подумаешь, стреляют... И вот когда нас повязали, один офицер узнал меня — они вместе с братом служили где-то — и отпустил. Да я бы и сам выкрутился. Гнилушка Тхе выручил бы. Или бы откупился, нашел бы выход — не раз попадал в облавы. Самое страшное — попасть в облаву в джунглях, тогда все — считай, ушел к предкам, еще повезло, если сразу пристрелят, а то назовут партизаном и будут пытаться.

Старший брат рассказывал, как пытаются партизан или тех, кого подозревают в связи с партизанами. Со скотиной такого не делают... И вот когда я пробирался домой, я увидел, как палят из электрического

шестиствольного пулемета. Выстрелов не слышно. Вроде турбина ревет.

Расскажу про брата. Он тоже попал в облаву, еще до Ки¹, его схватили и загнали в казарму, напялили форму, конечно, не такую, какую напялил на себя генералиссимус Чан, — форму солдата... Он попал на плато где-то около Камбоджи. Хорошо, что на аэродром. Ему бы нужно было сразу дезертировать, а он замешкался, а потом было поздно. Ночью обстреляли аэродром из минометов, самолеты пожгли, ударили и по казармам, и старшему брату оторвало ногу. Он уже тогда курил марихуану. Там все курят марихуану. А когда вернулся домой, злой, как демон темноты, меня отлупил костылем. Самые злые калеки, у кого нет руки или ноги. Когда он вернулся домой, он «сел на иглу». Это смерть. Лет восемь, не больше, живут такие».

4

В дверь постучали. Вошла Клер. Хотя я и жил в ее доме, эта комната считалась моей, и сюда никто не входил без стука, даже хозяйка.

— Ты что, нездоров? — спросила она встревоженно.

— Эх, Клер! — ответил я. — Наверное, ты абсолютно права — я легкомысленный человек. Видишь эти бумаги? — Я показал ей на стопку тетрадей. — Из-за них убили человека. Можно сказать, на моих глазах, хотя это будет неточно — я не видел, а слышал, как его убили, и даже не мог обернуться. Удивительно другое, что парни выпустили меня. А ведь где-то в заключениях этого человека косвенно виноват и я.

— Ты всегда преувеличиваешь.

— Нет... На этот раз самую малость. Помнишь, я написал о хищении медикаментов в Сайгоне? Сейчас, правда, другое.

— Очень серьезно? — спросила Клер.

— Никогда еще так серьезно не было... Что-то нужно предпринимать. Что? Пока я не знаю. Ясно одно — немедленно надо отсюда выбираться. Конечно, убить европейца им сложнее, чем вьетнамца. Но ты знаешь,

¹ Ки — бывший диктатор Южного Вьетнама, американский ставленник.

сколько способов существует избавиться от ненужного человека.

— Я могу помочь?

— По-моему, нет. Чем ты можешь помочь? Перевести меня в одежду сестры милосердия?

— Прости, дорогой, — сказала она мягко, — если это так серьезно, может, на этот раз ты посвятишь меня в свои дела?

Я ни разу не рассказывал ей о тех перипетиях, в которые попадал. И дело было не только в моей профессии или в том, что я жил в Гонконге, а она в Макао, собственно, в другом государстве, дело заключалось в ином: я, как гонимый, весь напрягаюсь и делаю стойку, когда чувствую опасность. Во мне играет, видимо, кровь моей матери, говорят, что русским свойственна бесшабашность.

В самом деле, как бы вел себя на моем месте чистокровный англичанин?

Он не отказался бы, конечно, от соблазна получить сенсационный материал, но был бы при этом спокоен и деловит.

Он заранее предусмотрел бы возникновение множества неожиданных ситуаций и действовал бы по плану — расчетливо и хладнокровно, имея всегда наготове пути отхода. У меня все иначе! Я вначале влезая в историю, быстро связываю сам себя по рукам и ногам и только потом начинаю мучительно искать выхода.

Нет, таким людям, как я, нужно действовать в одиночку. Мои решения часто диктуются эмоциями. Зачем же ставить под удар друзей? Ведь чем дольше живешь, тем труднее находить их. Разве я могу подвергать смертельной опасности Клер, если это мой друг?

— Кое-что самому неясно, — сказал я, — как-нибудь в другой раз...

Я старался говорить спокойно, даже улыбнулся. Полистал последний журнал мод. Мини-юбки стали короче, макси превратились в рясы.

— От юбок скоро ничего не останется, — сказал я. — Но некоторым идет.

— Только не мне, — отозвалась Клер. — У меня не такие красивые ноги, чтобы выставлять их на показ.

— Я не согласен. Они у тебя в норме, просто ты маленького роста. Моды возникают не только на юбки, но

и на женщин. Сейчас какие в моде? Посмотрим. Высокие, худые. Такие тебе нравятся? Нет, Клер, такими меня не соблазнишь. Я консерватор. Я люблю нормальных женщин, чтобы у них все было на месте. Напрасно говорят, что женщины похожи. Неверно. Вся сила женщин в том, что каждая из них в своем роде неповторима.

Но Клер трудно было отвлечь. Если ее что-то беспокоило, она становилась настойчивой и упрямой.

— Артур, — сказала она, — на этот раз ты мне расскажешь, что с тобой приключилось. Я имею право знать. Мне надоело быть игрушкой в твоих руках. Ты всегда являешься неожиданно и так же исчезаешь. И потом полгода не догадаешься позвонить. Я не знаю, жив ли ты, здоров ли и где тебя опять носит. Я хочу знать о тебе больше, чем ты находишь нужным сказать. Ты приходишь когда тебе захочется... Когда я тебе нужна. А если ты мне нужен? Не делай удивленных глаз. Я женщина. И если тебе здесь бывает трудно, мне во сто раз труднее. Мне хочется иногда просто поговорить, а я не могу добраться до тебя даже по телефону. Это нечестно. Игра у нас неравная. Поэтому выкладывай!

Меня приперли к стенке... Но я все-таки не имел права рассказывать правду. Бывают обстоятельства, что даже лучшим друзьям нельзя открывать карты. Это случается, когда ты не хочешь другу причинить зла. «Знания умножают страдания» — классическая формула. Если взять ее за неопровержимую истину, то в наше время счастливыми могут быть только клинические идиоты. Я не считал Клер глупышкой, скорее наоборот, но я был обязан огораживать ее от опасности, пока возможно и даже если это было бы невозможно.

— Выкладывай, выкладывай, — продолжала она. — Что это за тегради? Ты их читаешь, точно новый роман Агаты Кристи.

— Тут об одном острове, — начал я издали, — интересно... Необычайно...

Я помолчал. Закурил.

— Он отсюда недалеко, сравнительно, конечно, тем более если будем исчислять расстояние парсеками и прочими космическими мерами длины. Он здесь, в нашем районе... Я как-то был на нем, — сказал я неуверенно.

Теперь я знал, что ей говорить.

— Я был на этом острове, — повторил я, — помнишь, была сенсация?

— Какая? Одна из твоих? Или твоих коллег? Скажи честно, многие из них хотя бы на треть основывались на фактах?

— Это наивный, даже банальный вопрос, — сказал я. — В твоём возрасте подобных вопросов не задают. Мы, «четвертое сословие», журналисты, занимаемся одной из древнейших профессий — поставляем людям новости, или, как теперь принято говорить, информацию. Самым первым репортером был человек каменного века, топор которого высек на стене пещеры историю охоты на бизона.

— Когда не хотят отвечать прямо на вопрос, — сказала Клер, — то придумывают красивые отговорки. Сколько процентов правды было в твоих сенсациях? Можешь ты ответить на этот вопрос? Пусть он будет наивный и даже банальный.

— Понимаешь, — сказал я, — газета выходит каждый день. Действительная сенсация, если подходить со строгими мерками моего отца, случается не чаще одного раза в месяц, но газета выходит каждый день, и в каждой газете сидит свой Павиан. Между прочим, есть классический пример... Это сказки Шехеразады «Тысяча и одна ночь». Шах, это почти что мой Павиан, требовал от Шехеразады каждый день, вернее каждую ночь, сенсацию, в противном случае ей грозила смерть. Мне в подобной ситуации грозит увольнение. Сенсация — двигатель газеты. Хочешь, устроим опыт? Сними трубку и позвони в любую газету, скажи, что я сижу у тебя и у меня есть «гвоздь» — ну хотя бы что сменяют губернаторов — и что я готов продать материал. Через десять минут они будут здесь. Репортер должен быть на пожаре раньше пожарников.

— И на похоронах раньше покойника?

— Отлично сказано! А не попробовать ли тебе стать репортером? Держу пари, получится. Самое главное — у тебя есть здравый смысл.

— Ладно, — сказала она. — Ты уводишь разговор в сторону. О какой сенсации ты говорил?

— Ах да! — Я замолчал. Она сегодня была удивительно последовательной, мой друг Клер. Но говорить что-то нужно было, и я продолжал: — Так вот... Лет пять назад на этом острове поймали «йети». Я мчался

туда сломя голову. И все-таки опоздал. Проторчал в Шолоне два дня, пока уговорил капитана одного лесовоза подбросить к острову. Капитан согласился, но как выбраться оттуда?.. Это уж я должен был придумать сам.

И все-таки я опоздал — там уже сидели ребята. Человек двадцать. Стояли палатки, на газовых плитках варили кофе, а весь берег был усыпан банками из-под пива. У каждой цивилизации свои следы. Ребята встретили меня дружным хохотом. Еще бы! Их подбросили на вертолете американской метеослужбы. Меня бы янки ни за что не взяли — я для них «нежелательное лицо».

И видела бы ты этого «йети», эту «сенсацию»! Солдат микадо. Он не знал, что кончилась война. Он не помнил, как его зовут. Он сидел испуганный, маленький, личико сморщенное, как у старой обезьянки. Ребята дали ему куртку и штаны. И когда мазали язвы, то его приходилось держать. Он визжал, брыкался и пытался укусить. От него шел такой запах! У тебя бы на неделю пропал аппетит. А моим коллегам хоть бы что! Они влили ему в рот несколько глотков джина. Дурацкая шутка! Он чуть было не взорвался... Чуть было не вырвался и не убежал в джунгли. Он залез на дерево, потом свалился и «запел». Да!.. Выл как гиена. Волосы дыбом вставали. А Боб из «Рэйдю корпорейшн», ты его знаешь, я был у тебя с ним, цыкал на нас и записывал песню «Робинзона XX века» на пленку. Говорят, прилично заплатили. Пленку купили японцы. Их можно понять. Двадцать лет солдат Страны восходящего солнца прыгал по островку во славу величия нации. От этой песни у них теперь бы все новобранцы разбежались.

А потом я неделю жил жизнью этого солдата, меня не взяли в вертолет, как я думал. Правда, была разница — у меня были палатка, сигареты, консервы, виски и транзистор. Я слушал мир, и он был так далек от меня, словно на другой планете.

Где-то кипели страсти. Закрылась Всемирная выставка... В Японии увеличили бюджет на военные нужды, что-то около полутриллиона иен. А мне до всего этого не было никакого дела.

Я лежал, смотрел в небо. Первые мои каникулы в жизни — за целую неделю я не написал ни строчки.

Представляешь, ни одной строчки. И пожалуй, если бы меня заставили там стучать на машинке, я бы стал кусаться, как солдат микадо. Иногда я ловил себя на мысли, что тоже дичаю -- не нужно было бриться, я ходил в ботинках на босу ногу, и мне было лень даже зашнуровать ботинки. Шнурки... Я жил в полудреме. Отпускаешь все тормоза. Прекрасное и страшное состояние. Сидишь с удочкой у кораллового рифа. И неважно, поймал ли рыбу или ничего не поймал. Ты чувствуешь себя частицей моря, неба и солнца. Единственно, кого мне не хватало, — это тебя.

— Ты говоришь правду? — спросила Клер. Глаза у нее почему-то стали грустными и мечтательными — так дети слушают сказку.

— Да, я думал о тебе, — сказал я, сам веря в то, что говорил. — Целый день качались бы в гамаках, слушали джунгли, а когда это надоело, мы брали бы акваланги. И плыли к рифу. Меня бы не терзал Павиан, тебя бы не терзали твои клиентки... А на рождество я бы обязательно написал письмо Павиану и положил бы все, что думаю о нем.

— Понимаю, — сказала Клер, и огонек мечты потух в ее глазах. — Ты бы написал... А письмо положил в пустую бутылку и бросил в океан -- может быть, человеку посчастливится через сто лет ознакомиться с твоим посланием редактору.

— Я не думал, что ты такая... практичная... — сказал я, делая вид, что обиделся.

— Ты нарисовал очень заманчивую картину, — продолжала Клер несколько раздраженно. — Но ты бы первый не выдержал и сбежал. Если я непременно принадлежность рая для тебя, то почему ты не задерживаешься у меня больше двух дней? Почему даже эти два дня ты работаешь? Ты вечно в погоне за своими мнимыми и действительными сенсациями. Ты как ребенок.

Клер грустно улыбнулась.

— Почему я работаю? — переспросил я. — По простой причине. В этом мире может выжить тот, кто лучше работает. У кого быстрее реакция, кто может получить больше информации и, самое главное, обработать ее, извлечь полезное. И опять работать! Эта гонка и называется прогрессом, а все остальное — застоем, преддверием к отмиранию.

— Кстати, а как ты все-таки выбрался с того острова, из своего рая?

— Боб обещал прислать гидросамолет.

— И выполнил свое обещание?

— Откровенно говоря, я его никогда не спрашивал. Я выбрался сам.

— На ковре-самолете?

— Нет, все было более прозаично. За мной зашел тот капитан лесовоза, на котором я добрался до острова. Когда я влез к нему на борт, он пыхтел трубкой — у него вся борода была желтая, прокуренная, — и только я приготовился рассыпаться в благодарностях, он рывкнул: «Молчите, сэр! Я проиграл пари своему помощнику. Я был уверен, что вы окажетесь более ловким». Интересные люди моряки. В них еще осталось то, что мы потеряли, — естественность.

Не знаю, поверила ли она в то, что я ей рассказал. Пожалуй, все-таки поверила. Во всяком случае, сделала вид. В конце концов, я не солгал. Был и японский солдат, и остров. Я действительно прожил несколько чудесных дней на маленьком острове, где меня развлекали шум прибоя, пение попугаев. Но го был другой остров. И совсем в другом месте.

Поверила Клер или нет, у нее было достаточно такта, чтобы в конце концов оставить меня одного. Но я знал, что, выбрав подходящий предлог, она обязательно придет снова и снова настойчиво станет задавать вопросы, которые начинали ее беспокоить. Что-то изменилось в наших отношениях. По всей вероятности, наша дружба (в таком виде, какая она была) никогда не сможет полностью удовлетворить женщину. Мужская дружба нечто иное. Она не требует обязательных подтверждений и клятв. Взять того же Боба. Я знал его недостатки и слабости, даже пороки. Он знал мои... Вместе мы не выдерживали более суток. Встречались редко, но, когда сталкивались нос к носу, не выясняли, почему он меня не поздравил с днем рождения. Мы лишь хлопали друг друга по плечу, и со стороны могло показаться, что мы даже не рады встрече. Но я знал: если понадобится, Боб прилетит ко мне хоть из Австралии.

Да, у Клер появилось что-то новое... Пожалуй, я не удивлюсь, если в один прекрасный день ее служанка со

стеклянной брошью у воротничка скажет, что хозяйки нет дома...

А звонить по телефону... писать письма... Значит, порождать у моего друга Клер ложные мысли или даже надежду, что я медленно, но неумолимо плыву к ее гавани. Женщины не любят неопределенности. Они требуют четкого солдатского ответа: да или нет!

Я подошел к окну. Жалюзи были опущены. Жалюзи как темные очки: ты видишь, что происходит вокруг, но никто не замечает выражения твоих глаз. Клер жила в старой части города. Здесь дома стояли нахохлившиеся, каждый сам по себе, не желая контакта с соседом. Они напоминали капитанов королевского флота — полуофицеров, полупиратов.

Я оглядел улицу. Мелькали редкие машины. Плавно катились коляски велорикш. В Макао нет правил уличного движения в европейском понимании. В Европе шофера задерживает полиция, если он едет на красный свет. За такое нарушение платят штраф или лишают водительских прав. То в Европе. Здесь вообще нет водительских прав, эти права даются автоматически хозяину машины во время ее покупки. Светофоры... Их поставили на главных улицах. Пустая затея. Никто не обращал на них внимания. Чтобы вести машину по кривым многолюдным улицам португальской колонии, требуются крепкие нервы и реакция партерного акробата. Каждую секунду под твои колеса может метнуться неосторожный прохожий или рикша встать поперек улицы. Поэтому никто не удивляется, когда машина влетает на тротуар и шаркает бортом о стену дома или даже сбивает человека на пороге собственного дома. Правила, конечно, кое-какие есть, неписанные и тем не менее обязательные, как все правила. Нельзя, например, сбивать бампером иностранцев, полицейских, нельзя давить собак, нельзя переезжать улицу, если по ней движется похоронная процессия.

Я еще раз оглядел улицу. Ничего подозрительного пока не было. Пожалуй, рановато тем, кто застрелил парня в баре, выйти напрямую на мой след. Я еще раз внимательно изучил улицу... Жалюзи... Они не только защищали от безжалостного солнца, из-за них было хорошо стрелять — идеальное укрытие для покушения.

Я отошел от окна, достал зажигалку в виде писто-

лета. Настоящего оружия я никогда с собой не беру. Это уже было не правилом, а законом. Его ввел когда-то русский путешественник Миклухо-Маклай — хотя он имел ружье, но стрелял только дичь. Я усовершенствовал правило — вообще не ношу на себе оружия. Нервы могут не выдержать... Нервы — это только нервы. И если бы в минуту смертельной опасности пустил в ход оружие, это был бы верный конец. И не только карьеры журналиста. Если я хотел работать в этом сумасшедшем районе мира, я должен был быть только журналистом. Пусть даже единственный выстрел, он означал бы, что я вступил в борьбу на чьей-то стороне. Это означало, что другая сторона или третья, вполне могло оказаться, что и четвертая поняли бы мой выстрел как объявление военных действий, и если опасность мне угрожала лишь в тот момент, когда я добывал нужную для газеты информацию (эта опасность автоматически отпадала, когда я сидел «смирно»), то объявление войны любой из сторон привело бы к безусловному поражению. В конце концов, все те, за кем я охотился как репортер, испытывали ко мне не большую ненависть, чем к москиту, — москита прихлопывают, когда он кусает. Но если москит летит по своим москитным делам или сидит на стене и отдыхает, даже напившись крови, вряд ли кто, кроме одержимых, будет его ловить. Мой бизнес — новости. Каждый делает деньги как может. Это все знали и даже относились ко мне сочувственно. Я был газетчиком. Этим объяснялось все. Но если бы я выхватил пистолет и открыл стрельбу... Откровенно говоря, мне не хотелось ездить под усиленной охраной как видному политическому деятелю (газета бы на этом разорилась), я не хотел уходить в подполье, тем более в партизаны.

В данный момент я должен был «отлежаться» у Клер, как енот. На меня шла охота, призом служили тетради, и, как только я от них избавлюсь (продам или опубликую), я смогу чувствовать себя относительно безопасно. Если в тетрадах будут стоящие сведения, заинтересованные лица вначале не будут даже угрожать. Они вступят в деловые переговоры, будет объявлен негласный аукцион. Кто больше? И вот, если я по каким-то соображениям не захочу разойтись с ними «со взаимным уважением», тогда тетради попытаются похитить. Тогда мне будут угрожать. В ход пойдут

все виды борьбы. И опять дело не в том, что кому-то будет нужна моя жизнь, она будет лишь препятствием к приобретению «товара».

Я должен был «отлежаться» у Клер. А поэтому не имел права тратить впустую время. Выигрывал тот, кто лучше умел работать.

Я снял покрывало с кушетки, сложил его и положил на стол. Потом достал пишущую машинку, поставил на одеяло — теперь не будет слышно стука клавишей. Пододвинул дневники. Я сразу переводил и печатал на машинке. На всякий случай я заложил за валик три экземпляра.

5

Тетрадь

«...Четвертый день мы ничего не делаем. Комацу-бака просчитался. Сглупил Комацу — сын черепахи: он не додумался, что если мы будем ничего не делать, то мы будем думать, а раз мы будем думать, то вспомним все обиды.

— Чего нас тут держишь? Хватит, давай расчет, давай баржу или катер, вези на континент!.. Работа сделана, ты теперь нам не хозяин!

Припомнить было что...

Старший брат приковылял со Старого рынка... Протез ему так и не выдали, кто-то поживился за его счет, да если бы и выдали брату протез, он бы давно обменял его на «ширево». Он был конченный, мой старший брат, — красные белки глаз, расслабленная походка; я наркомана вижу за три квартала. Посмотришь в их расширенные зрачки, и точно увидишь бездонный океан — глаза ничего не отражают, все чувства заглушены, человек спрятался в себя, как большая светящаяся улитка в раковину. Брат был страшным по утрам... Он вставал опустошенный и злой, как шакал, безжалостный, как голодный крокодил, отвратительный, как больной проказой огненный дракон. Для старшего брата не существовало ни матери, ни младшего брата, для него ничего не существовало, кроме маленькой ампулы с белой жидкостью. Он не мог ни есть, ни пить, он не мог дышать... Задышался, потный и жалкий, и в то же время страшный. Он искал дрожащей, иссушенной ру-

кой шприц. Шприц грязный, ржавая тупая игла... Он отламывал головку у ампулы. Я на всю жизнь пропитался этим характерным похрустыванием стекла, точно скрипели суставы ревматика. Он погружал в ампулу вонючую иглу, он выжимал каждую каплю, потому что каждая капля давала несколько минут блаженства. Он колол себя в ногу, в мышцу без всякой дезинфекции, а если на нем были брюки, прямо сквозь штанину. У него уже появились незаживающие язвы. После укола замирал, точно прислушивался к чему-то внутри себя, вздыхал с облегчением, не торопясь прятал в коробок из-под китайской туши шприц с иглой, виновато улыбался... И казалось, что он вновь становился таким, каким был до армии, до того, как его схватили во время облавы, одели в солдатскую форму и бросили на растерзание американским сержантам-инструкторам.

— Мама, — говорил он, — ты не плачь. Я отвыкну... У меня очень болела нога, пальцы на ногах. — И он показывал на култышку. — Мне обещали сегодня работу... Я буду работать. Мы еще заживем, и ты перестанешь вязать цветы...

Мама изготавливала искусственные цветы из обрывков проволоки, цветной бумаги и лоскутков бархата. Она была большая мастерица, наша мама, ее цветы были ярче, чем живые. Но теперь она ослепла от слез, и цветы у нее получались грубыми, мятыми, и она не зарабатывала даже трети тех пиастров, которые получала когда-то за свою работу.

Мы знали, что старший брат врет. Он бредил, потому что реальной жизни для него не существовало, существовал лишь страх, что через пять часов потребуются новая ампула, которую он обязательно должен раздобыть, иначе его начнет «ломать». В эти моменты он превращался в оборотня, который по ночам вылезает из могилы, чтобы пить кровь живых.

Невыносимо было глядеть на его муки. Без наркотика его организм не воспринимал даже воду, не то что рис или мясо. Он задыхался. И мы с матерью готовы были отрезать себе ноги и руки, чтоб облегчить его страдания. А он орал на нас... Он был тираном и проклятием, был нашим страданием и позором. Если бы он был один на весь Сайгон! Они — наркоманы — собирались около кинотеатра «Белый лебедь» на улице Содружества. Там было место их сбора — и американ-

ские солдаты, и наши, женщины, мужчины, девушки и молодые парнишки... У них были свои законы, своя жизнь, жуткая и туманная, полная грез, разделенная четким ритмом — поиском новой порции «счастья»... Границей времени была ампула и поиск новой ампулы.

Старший брат приковылял с базара, вызвал меня во двор и сказал:

— Уматывайся поскорее... Немедленно! Сейчас придет на «джипе» полиция. Хватают тех, кто торговал медикаментами. Гнилушка Тхе скрылся, свалят все на тебя и на других «козявок». Бери куртку. Деньги есть? Поезжай на старые склады, спроси одноглазого по кличке Виски. Скажи, что ты мой брат, он тебя спрячет.

И Виски спрятал... Я оказался на странном острове. Интересно, сколько они с братом получили за меня? Продали меня в рабство. На старшего брата я не обижаюсь — он старший брат, а вот одноглазому... Мне не хотелось, чтобы он заработал на мне.

Нас тут оказалось восемьдесят человек... Вьетнамцы, малайцы, яванцы, сунды, двое орангбашинов, много китайцев, индийцев — их, пожалуй, больше всех. И я вскоре понял почему — они самые покорные. Охраняли нас в основном батаки и даяки. Им зарезать человека — как выпить чашку ароматного чая. А во главе банды охранников стоял японец Комацу-сан, будь проклята та минута, когда его родила мать! И будь прокляты его дети и внуки, и пусть все издает зловоние, к чему прикоснется его рука! Был еще повар — чистокровный португалец — Толстый Хуан, хозяин Балерины. Каких только тут не было «болтанок» — мулаты и евразийцы, метисы — полукитайцы-полунегры, полундийцы-полукитайцы, гремучая смесь из всех языков и национальностей. Официальным языком был объявлен малайский, но его не все знали, поэтому приказы отдавались на английском. Да еще раздавалась ругань Комацу по-японски. Мы толком не знали, кого из нас как зовут, хотя прожили в бараках полтора года. Никто никому не доверял, и если мы не зарезали друг друга, так это благодаря дисциплине: за малейшее нарушение распорядка полагался карцер. Когда Маленький Малаец взбунтовался, приехал белый — немец, начальник Комацу. Этот немец — инженер, но выправка у него была военная. Ходили слухи, что он бывший эсэсовец. Он руководил строительством. Комацу лишь

следил за нами, поддерживал порядок и чинил суд да расправу.

Когда взбунтовался Маленький Малаец, приехал немец. Маленького Малайца избили до синевы. Били «черным Джеком» — кожаным продолговатым мешком, набитым песком и свинцовой дробью. «Черный Джек» запросто ломает руку или ключицу, а если вместе кожаного мешка песком и дробью набивали снятую чулком шкуру морского угря, тогда... Одним хорошим ударом можно было убить человека.

Маленького Малайца вытащили на скалу бухты, которую мы называли своей «Акульей пастью»¹. Нас построили. Мы жили как военные. У нас были команды отделений и взводов. Нас выстроили, потом Маленького Малайца вытащили на скалу и сбросили вниз... Он разбился об острые камни. И крабы и акулы сожрали его мясо вместе с костями.

Помню, вначале расстреляли двоих... тоже перед строем. И мы все испугались и перестали доверять друг другу, и, если возникала драка, даяки влетали с «черными Джеками» и били всех подряд, и никогда не выясняли, кто был прав, кто виноват. Мы могли резать и душить друг друга, но тихо, особенно после отбоя.

Работали мы по двенадцать-четырнадцать часов, строили тайную пристань. Для кого? Об этом я узнал несколько дней назад. Хуан проболтался. Он говорил и оглядывался... Быстрей бы отсюда выбраться. Комацу что-то затеял. У меня предчувствие. Интересно, отдадут нам деньги, которые обещали заплатить за полтора года каторги? Если Хуан не наврал, то... может произойти всякое...

Комацу успокоил нас. Сказал, что деньги привезли на катере.

— Деньги, — сказал он, — выплатят вам перед самым отъездом. Иначе вы их проиграете в карты. Денег много. Получите сполна. Вы теперь миллионеры. О'кэй! — закончил он свою речь.

И мы от радости завопили на всех языках, которые есть на земле.

¹ Акулья пасть — бухта на острове Пулохондор, Южный Вьетнам, прозванном «Островом страданий», на котором сайгонский режим устроил тюрьму для политических заключенных.

Нас повзводно повели в столовую. Воспользовавшись толкотней у входа, я попытался проскочить на кухню. Я хотел увидеть Хуана.

Черт возьми! У кухни стояли охранники.

И все же мне повезло. Когда я уже хотел бежать обратно, я увидел Толстого Хуана в дверях. Он делал мне какие-то знаки и казался очень встревоженным. Таким я никогда еще его не видел.

Я бросился к Хуану, несмотря на то что даяк, словно взбесившийся, заорал на нас. Но не будет же он стрелять в Хуана!

Толстый успел сказать только: «Ничего не ешь! Ничего не ешь сегодня!»

В чем дело? Что с ним?

Охранник, конечно, ничего не слышал, но он точно озверел и бросился на меня со штыком. И вот тут-то я понял, что этот тип может выстрелить в меня или в Хуана. Я метнулся назад, чтобы смешаться с толпой.

В столовой стоял шум. Это было тоже непривычно, потому что полтора года каждый взвод обедал отдельно. Разговоры в столовой не разрешались. Мой взвод сидел в правом углу, рядом стоял стол, накрытый для гостей.

Вот это да! Я в жизни не видел столько вкусных вещей. Грибы с молодыми побегами бамбука, свинина со сладкой подливкой, утка, зажаренная в тесте; разная рыба — я даже не знал названия, груды фаршированных яиц, трепанги. Чего тут только не было! Стояли бутылки с лимонадом, с пивом и, я даже не поверил собственным глазам, с вином.

Меня увидели и закричали:

— Пройдоха, иди сюда! Где ты пропадал? Чего бледный?

— Наверно, уже выпил.

— Хуан угостил?

Откуда они только все знали? Ведь мы так старались скрыть нашу дружбу. Я на них не рассердился. Теперь это было не страшно — через несколько дней я буду на материке.

— Гляди, — сказал кто-то, — у него уши побелели. Чего разволновался?

— Да, — сказал я. — Они совсем озверели, эти даяки. Так бы и дал в морду.

— Хорошо бы, — сказал кто-то мечтательно,



— Наплюйте на них! — закричали остальные. — Где наши палочки для еды? Смотри, взводный!

Подошел командир нашего взвода, ему мигом освободили место. Мы его не любили, но черт с ним, последний раз обедали вместе.

В столовую вошел Комацу. Он шел стремительным шагом и почему-то смотрел поверх голов, точно не видел нас, точно нас не было. Я видел его глаза. В них было что-то стальное. И улыбался он только краями губ, точно надоело улыбаться.

Произносили тосты — каждый на своем языке. Говорили все. Никто никого не слушал. И не понимал. Тянулись руки, хватали закуски, кто-то просыпал рис, целую миску. Все набросились на еду. А я сидел и смотрел, и мне казалось, что я сплю и вижу сон. Бывает так... Ты бежишь во сне и точно плывешь по воздуху, и движения у тебя медленные...

Взводный налил стакан вина, вылез из-за стола и пошел, пошатываясь, к Комацу. Взводный что-то говорил, а Комацу как-то странно улыбался и поднимал в ответ стакан с лимонадом.

Почему Хуан сказал, чтоб я ничего не ел?

«Не ешь! Не ешь! Не ешь!»

Я хотел есть. Хотел? Нет! Даяк отбил у меня аппетит.

— Пройдоха! — кричал кто-то над ухом. — За твое здоровье, пей до дна.

Люди пили вино. Почему так страшно видеть, как люди едят и пьют разнузданной толпой? И вино красное как кровь. Сочится, точно ты отодрал от спины пиявку. Чавкали рты...

И пили, пили, пили...

«Не ешь! Не ешь! Не ешь!»

Почему-то вспомнилась мать. Она тоже однажды говорила:

— Не ешь! Не ешь! Придет брат... Он придет голодный. И очень усталый. Оставь ему еду.

Тут было всего много. Я никогда еще не видел сразу так много вкусных вещей.

Комацу не ел. И те, кто сидел с ним рядом, тоже ничего не ели. Они сидели, и им было скучно, точно они проводили кого-то на поезд и теперь не знали, куда им идти.

И музыка! Репродуктор орал во всю мощь. И не слышно было, кто что кричал.

Кого-то тошнило...

Кто-то хватал свинину и бросал на пол...

Кто-то плакал, опустив голову на стол...

Кто-то смеялся как сумасшедший...

Полтора года нас держали на привязи. И теперь мы сорвались с нее.

Мне почему-то стало стыдно. За нас. И еще за что-то, точно не мог сказать, за что. Я пошел к выходу. Я не мог смотреть на все это.

Меня выпустили. И я пошел к баракам. В нашем бараке горел свет.

— Толстый! — обрадовался я и побежал, но это оказался Мын-китаец. Он только что вернулся из лазарета, где его лечили от дизентерии.

— Пройдоха! — бросился он ко мне. — Чем угощали? — Он сглотнул слюну. — Как обидно! Праздничный обед, а мне ничего нельзя есть, кроме рисового отвара. Почему я такой несчастный!

И он ударил кулаком по стене.

— Ну расскажи, ну расскажи...

Я молча лег на нары и закрыл глаза.

Это была жуткая ночь...»

6

Тетрадь

«...Я лежал с закрытыми глазами. Из нашего барака было слышно, как ревели репродукторы в столовой, доносился гул голосов, отчетливо слышались команды — это сменяли часовых, да Мын-китаец сидел рядом на нарах и о чем-то расспрашивал, жаловался...

Я почему-то вспомнил дом. Маму. Брата. И странно, только теперь я вдруг понял своего старшего брата. Как же я не мог понять его раньше! Он приходил домой со Старого рынка злым, усталым и голодным. И допоздна курил дешевые сигареты с марихуаной.

Я ненавидел запах его сигарет. Он был едким и липким, как глина за стеной Храма Неба после дождя.

Когда я утром приходил в школу, от меня несло

запахом сигарет. Однажды учитель остановился около меня, понюхал воздух и сказал грустно:

— Человек рождается чистым, как утренняя роса. Потом роса мутнеет от пыли и высыхает.

Никто в классе не понял, что он сказал, а я чуть не разрыдался, — учитель заподозрил меня в том, что я курил марихуану.

Мой старший брат курил. И дело было не в том, что он беспрестанно курил отраву, не выпуская сигареты изо рта, я наконец понял, в чем дело, — он не нашел места в жизни. Он изумительно лепил из глины. И только ребяташки со всей улицы восхищались его мастерством — он лепил для них игрушки. Они сидели молча, с восторгом глядели на его руки, которые мяли глину и рождали из нее фигурки зверюшек.

Я лежал на нарах и вспоминал день за днем, проведенные на острове. Их было 360 плюс 180. Похожих друг на друга, как пампушки, которые давали на завтрак.

Вот наконец замолчали репродукторы. Заговорили джунгли. На тысячи голосов: чей-то последний крик, чей-то торжествующий крик победы. Истошно кричали лягушки. Стрекотали цикады. И все звуки вдруг заглушил истерический хохот:

— Ха-ха-ха...

От сумасшедшего хохота бегут мурашки по спине. А это всего-навсего кричат ночные птицы.

Ха-ха-ха...

И вот я слышу голоса людей. Что-то поют, что-то кричат. Смеются или дерутся?

Они вваливаются в барак. Они ведут кого-то под руки. Они падают, встают. Ссорятся. Кого-то разнимают. Они дерутся!

Ха-ха-ха...

Орет птица в темноте. А может быть, это духи предков смеются над нами? Мы что-то нарушили, через что-то переступили.

Глаза Комацу... Как я его ненавижу! Он глядел поверх наших голов, точно не видел нас. Точно мы были для него призраками.

Ха-ха-ха...

И вдруг кто-то забился на нарах. Я слышу, как он бьется головой о доски, как нары заходили ходуном. И еще один застонал, завыл как зверь. Что с ними?

Кто-то всхлипывал. Кто-то упал. И ожить кого-то тошнит. А этот кого-то зовет.

Я больше не мог лежать, я больше не мог молчать. Я вскочил и закричал:

— Заткнитесь!

И я увидел почему-то пустой барак. Я даже не понял, куда делись все эти люди. Ко мне подбежал Мын-китаец. Он заикался.

— Пройдоха! Им плохо! Они не могут подняться: зови взводного! Я бегу за Комацу!

У входа кто-то лежал. Он как-то странно скорчился, точно его переломили. Я бросился к нему, перевернул на спину. Странно, он был холодным. Это первое, что я сообразил, — он был холодным, какой-то весь напряженный, точно его свела судорога и не отпускала. Я провел рукой по его лицу. Я помню смутно, очень смутно, что было дальше.

Я бегал по бараку. Еще один... Еще один. Уже никто не спорил. Уже никто не ссорился и не кричал.

Никто не звал на помощь. Лишь кто-то стонал.

Еще один... Еще один. И этот смех в джунглях.

Ха-ха-ха...

И потом голос:

«Не ешь! Не ешь! Не ешь!»

Голос Хуана. Это он, Толстый, успел шепнуть мне:

«Не ешь! Не ешь! Не ешь!»

Их отравили! Всех! Я понял. А как же Хуан? Он знал? Знал! Он предупредил меня. Он спас мне жизнь. Вот почему даяк чуть не выстрелил мне в спину. Он тоже знал. Кто они, эти стражники? Почему они так ненавидят нас?

Я вышел во двор. В других бараках тоже горели огни. Я не пошел туда. Там тоже не было слышно голосов».

7

Я стучал на машинке часа четыре. Без перерыва. Времени было в обрез. Могло случиться всякое, и я должен был быть готовым к неожиданностям. Каким? Этого я не мог предсказать, потому что не обладал даром предвидения.

Я попытался «собрать в кулак гены», которые до-

стались в наследство от отца. Попытался спокойно, логично проанализировать события, отделить хлябь от тверди.

Как могут напасть на мой след? Дженни вызвала меня по настоянию отца, темного дельца, господина Фу. Но зачем? Зачем господину Фу было выводить на меня человека, у которого был опасный материал? Гангстеры могли пришить парня спокойно, без шума, в «семейной обстановке».

Второе. Им нужен был свидетель. Но почему именно я? Здесь не было логики. В подобном случае приглашают комиссара местной полиции, и если дело серьезное, то первого попавшегося сотрудника Интерпола, которых здесь хоть пруд пруди.

Третье. Мистификация — дело рук сумасбродной Дженни, дикая выходка после очередной попойки. От выпускницы Калифорнийского «инкубатора интеллекта» можно ожидать всякого. Я знал одного «модернизированного» юношу, который подделал подпись отца для того, чтобы ощутить остроту переживаний мошенника. Не находя применения своим «идеалам», подобные «образованные» молодые люди либо прячут страх в чудачествах, туманных рассуждениях о «справедливости» и «любви», «борьбе со всемирным злом», либо ищут забвения в алкоголе или в «путешествиях» по рецепту доктора Лири, новоявленного пророка секты «ЛСД-25».

Последнее время много пишут о проблемах молодежи, о хиппи. Но если копнуть лопатой раздумья породившую их почву, то с удивлением обнаружишь, что это дети обеспеченного и преуспевающего класса, ожиревшего от благополучия. По набережной Гамбурга, на пляжах Флориды и Сан-Франциско, на берегу Неаполитанского залива слоняются толпы нечесаных сынков и помятых от бесконечной любви дочерей благопристойных родителей. Чего только о них не писали! Что хиппи — своеобразный протест молодежи, вызов миру наживы, пассивное отрицание буржуазных идеалов, презрение к мещанскому благополучию... Чуть ли не прогрессивное движение, своего рода «маленькая неосознанная революция индивидуума».

Все это высосано из пальца, как и «свидетельства очевидцев приземления летающих тарелочек». Песчаные бури ветра сенсации.

Я знаю, как возникают подобные великие пустословия.

Шеф вызывает и говорит:

— Тираж падает. Нужно найти не «гвоздь», а «столб». Давай, давай, думай, может быть, какой-нибудь «заговор» придумаем. Номера на три... Потом опровержение дадим на последней странице.

— Шеф, — отвечаешь, — месяц назад мы уплатили штраф марокканскому шейху, еле откупились.

— Ты прав, — говорил задумчиво «благодетель», — надо бы какую-нибудь дискуссию организовать. Но чем их расшевелить? Космосом, глубинами океана, найденными сокровищами в джунглях Индии? Все это приелось. Нужно придумать... чтобы задеть каждого, напугать и обнадежить. Вчера была драка в Майами... Давай-ка набросимся на молодежь, на этих длинноволосых.

И ты набрасываешься.

Появляется статья социолога, полицейского инспектора, опечаленных родителей, номера пухнут от проклятий, заклинаний и призывов. И все эти статьи пишешь ты один, пока не придут первые письма читателей. Тогда ты засучиваешь рукава и потрошишь письма, как студент-медик трупы в прозекторской.

Но если бы спросили твое мнение... Я благодарен матери за то, что она познакомила меня с русской литературой. Она преклонялась перед русскими писателями и огромную долю своей любви и одержимости сумела передать мне. Любовь ее к России была всепоглощающей. Она неизменно соблюдала русские обычаи, отмечала русские праздники и настояла, чтобы меня крестили в русской церкви. В Шанхае был русский храм, но не столь богатый, как в «дальневосточном Париже» — Харбине. Я плохо знаю пышные православные богослужения, хотя в детских воспоминаниях что-то от увиденного осталось.

Мы приехали с матушкой в Харбин во время японской оккупации. Остановились у капитана 108-го пластунского полка Зарубина, в небольшом домике в Мяогоу¹. Зарубин когда-то учился с моим дедом в Казанском юнкерском училище.

До этого я множество раз листал комплект «Нивы»,

¹ Мяогоу — пригород Харбина.

оставшийся от покойного деда, — он умер от запоя в Тяньцзине — и Харбин до странности напомнил иллюстрации этого любопытного журнала. Бытует мнение, что в Маньчжурии обосновались лишь те, кого вышвырнула за свои пределы красная Россия. Это глубоко ошибочное мнение. Маньчжурия — край, освоенный русскими задолго до революции. До того здешняя тайга была во власти зверья, искателей женьшеня и банд хунхузов. Собственно Китай начинался лишь за Великой стеной, около Шанхая-гуаня, Порта на море. Харбин построили русские переселенцы; русские инженеры построили КВЖД, ЮКВЖД, лесопилки, кожевенные заводы и маслозаводы. Когда Советская власть вернула своим декретом бывшую китайскую дикую окраину Срединному государству, на северо-востоке осталось много простого люда — выходцев из глубины России, сочувствовавших преобразованиям в Совдепии, но поток разгромленных Красной Армией отступающих белогвардейцев воспрепятствовал их возвращению в Дальневосточную республику со столицей Владивосток. Но это история другая и непосредственного отношения к той, которую я рассказываю, не имеет.

Моления в харбинском храме на горе запали навечно в мою душу. Внутри много было золота: золотые врата, золотая риза у попов, иконы в золотых окладах. Как я уже говорил, приехали мы в гости на троицу. Малиновый звон колоколов, красивое гипнотическое звучание прекрасных голосов хора, потрескивание свечей, обилие народа.

Я впервые ходил по улицам, где звучала русская речь, где праздновали троицу, где в домах зеленели наломанные ветки березы, а за Сунгари у «Деда-винодела»¹ круглосуточно шел «толкай-толкай», то есть объедаловка. Цыгане пели «Очи черные», но не темпераментно, как негры, а вкрадчиво, так, что хотелось плакать и смеяться; высились горы блинов, проложенные, как любительский торт, малосольной семгой, черной икрой, бужениной и еще чем-то невероятно вкусным, сочным и редким для кухни моего отца, строгого пуританина; лилась рекой шанхайская водка «Жемчуг» и чуринский «Паровоз»... И вдруг застоллица смолкла.

¹ «Дед-винодел» — знаменитый харбинский русский ресторан на берегу Сунгари.

В ресторанчик вошла группа русских офицеров-эмигрантов и среди них японский полковник. Ресторан моментально притих.

— Пошли! Пошли! — заторопилась матушка, быстро расплатилась, и мы поехали на джонке к Китайской набережной.

— Ты же обещала показать мне Россию, — запротестовал я.

— Я тебе покажу. Но это не Россия, это Маньчжоу-Го, — сказала матушка.

— А почему мы ушли?

— Пришли подлые люди, — объяснила она. — Они продали все, даже веру. Они хуже бездомных бешеных собак. Из-за них мы вынуждены скитаться на чужбине.

Обстановка в Харбине была весьма запутанная, и многие факты я осмыслил в зрелости. Самураи объявили китайцев людьми второго сорта. Ходили невероятные слухи о зверствах оккупантов: китайцев варили в котлах — это называлось «ездой на паровозе»; кололи штыками; как с угрей, сдирали с живых кожу... С русским населением японцы заигрывали, но безуспешно. В услужение к ним пошли лишь вконец опустившиеся отбросы эмиграции, пользовавшиеся всеобщим презрением.

Основная же масса русских бойкотировала «пассы» оккупантов. Рядом была Советская Россия, и ее сыновья — инженеры-путейцы с КВЖД, ЮКВЖД, рабочие дорог, кожевенных заводов, лесопилок, маслобоек, особенно молодежь, буквально ловили каждую весточку с Родины, радовались успехам социализма. О богатых скотоводах и кулаках-поселенцах я не говорю, это была маньчжурская вандея. Оккупанты мстили, провоцировали... Когда в Советской Армии ввели погоны, кемпейтай (японская контрразведка) пустила по городу слух, что приехала советская военная миссия. И действительно, в Новом городе появились «советские офицеры», но это, как выяснилось позднее, были переодетые провокаторы. Гимназисты специально убегали с уроков, чтоб увидеть «советских офицеров», пройти мимо них строевым шагом и отдать честь. Конечно, их взяли «на карандаш», и они исчезли в стенах японской разведки.

Когда в сорок первом году Германия напала на Советский Союз, Зарубин, по слухам, объявился в Шанхае.

Он гостил несколько дней, ожидая приезда своих товарищей. Их набралось четыреста волонтеров, и они ушли через Сиань и Ланьчжоу на Сикан, Урумчи, в Синьцзян, к границе. Я когда-нибудь опишу этот марш четырехсот русских офицеров. Они шли сквозь голод, гибли от пуль и болезней в пути — до цели добрели единицы, — но шли: они шли просить советское командование дозволить им сражаться на фронте с немцами.

Мы, мальчишки международного сэттльмента, независимо от подданства играли в офицеров, идущих на смерть во имя искупления вины перед Родиной.

Русские... Во Франции, Италии, Голландии, Бельгии, по всей оккупированной фашистами Европе они первыми вступали в маки. Это история, от нее не отмахнешься.

И еще я вспоминаю. В 1942 году, когда фашистов окружили под Сталинградом, в харбинской церкви была устроена служба во славу русского оружия. Это факт. О нем, разумеется, узнали японские оккупационные власти, но служителей культа арестовать не посмели, ограничившись мелкой мстью, какими-то административными мерами.

Еще помню, как в Шанхае матушка водила меня в советское учреждение на культурный вечер. Демонстрировался кинофильм «Чапаев». Когда каппелевцы шли в психическую атаку, зал рыдал. На экране была трагедия России. Анка расстреливала в упор многих из тех, кто сидел в зале. Что было самое страшное и безысходное — она стреляла по закону высшей справедливости: она, а не те, кто глотал слезы в зале, утверждала Россию!

Матушка! Она открыла для меня Тургенева, Гончарова, Толстого, Достоевского. Имена писателей, знакомые с детства.

Хиппи... Первым хиппи, мне кажется, был Илюша Обломов. Он так же целыми днями лежал на кушетке, как лежали хиппи на мостовых, мечтал о добродетели и всеобщей любви, не способный к активному злу и тем не менее приносящий пассивное зло. Мимикрия паразитизма. Протест? Нет! Суперлень. Вырождение. А чудачества... Они никогда не были признаком силы ума.

Дженни могла выкинуть какой-нибудь дикий номер. Но тут было одно «но» — она была не настолько глу-

па, чтобы поставить под удар благополучие отца, а значит, и собственное.

Оставалось четвертое — тетради попали именно в те руки, в которые и должны были попасть, то есть в мои. Тогда... Тогда все менялось. Тогда по моему следу уже бежали гончие.

Я пытался проанализировать факты более тщательно, но... проснулась свойственная мне бесшабашность. Вулкан необузданных поступков, магическим заклинанием которого была всеобъемлющая фраза: «Наплевать!»

С момента моего появления у Клер прошли сутки. Я не скажу, что очень хорошо умею печатать на машинке. В норме колледжа. Мне далеко до профессиональной секретарши, печатающей вслепую.

Дальше я действовал по наитию, точнее, по заданной профессиональной программе, запрограммированной оператором моей работы. Я, как сытый пес, начал искать укромный уголок, куда бы закопать про черный день мозговую кость.

Я убрал машинку, расправил покрывало и расстелил его на тахте. Сжег копирки, быстро разложил листы по экземплярам. Первый я спрятал в кипу чистой бумаги, выровнял кипу. Второй экземпляр спрятал в стол, третий я буду носить с собой. Самое трудное было спрятать тетради. Нужно было найти нейтральное место, которое было бы на виду и в то же время не привлекало бы внимание человека. Кто-то обязательно придет и будет искать эти тетради.

Я снял пиджак, полежал на кушетке, потом встал и позвонил служанке. Когда она вошла, я зевнул вполне натурально.

— Хозяйка вернулась? — спросил я.

— Будет в семь вечера, — ответила служанка на довольно правильном английском языке. Она стояла, потупив глаза, — воплощение покорности. Пожалуй, воплощение даже слишком большой покорности.

— Приготовьте мне кусок хорошо прожаренного бекона, — попросил я.

— Да, сэр, — ответила она несколько старомодно. Видно, до Клер она уже служила в каком-нибудь респектабельном доме, где ее отлично вышколили.

— Так... А где у вас?.. Ага, нашел, — сказал я, встал и взял лист бумаги.

Я сел к столу и достал ручку. И тут я увидел, что пепельница заполнена до краев окурками. Пожалуй, слишком много для человека, спавшего всю ночь. Я поспешно прикрыл пепельницу бумагой. Зачем я это сделал? Сработал инстинкт. Это было так же естественно, как прятать полученный материал, деньги или интимные фотографии.

— Я попрошу тебя отнести на почту несколько телеграмм, — сказал я.

Я быстро составил несколько телеграмм Бобу. Трудно было предугадать, где его носило в данный момент. Внизу каждой телеграммы я поставил буквы «СВ», что на нашем шифре означало «срочно вырuchай».

— Вот. — Я протянул служанке телеграммы. — Манила, Бангкок и так далее. Возьми деньги.

— Слушаюсь, сэр, — сказала она, улыбаясь характерной улыбкой, за которой могло скрываться все, что угодно, — от ненависти до самоотречения. Мне не понравилась улыбка — нечего передо мной разыгрывать беззащитную лань. Жеманная беззащитность в женщине возбуждает у мужчины определенный интерес и еще более определенное желание. Мне было не до изощренного восточного кокетства.

— Иди! — приказал я.

Она ушла. Я видел сквозь жалюзи, как она вышла на улицу. Она успела переодеться. Изумительно! Как актер-трансформатор! На ней была короткая черная юбка и голубенький свитерок. Юбка плотно облегла ее бедра, и казалось, вот-вот лопнет. Конечно, специально так сшита.

Я взял тетради и спустился вниз. Тетради нужно было спрятать в нейтральном месте: так уж построена логика поиска. Тот, кто ищет, вначале обязательно осматривает те места, куда бы он спрятал сам. Женщины обыкновенно прячут в белье. Они почему-то думают, что это самое надежное место, потому что мужчине будет неловко ворошить интимные предметы женского туалета, но они забывают о том, что ищут ведь не доказательства их добропорядочности.

Мужчины ценные бумаги замыкают в сейф. А если бумаги секретные, то в секретный сейф, вмонтированный в стену за картинами, за книгами, в камине или за портьерой. Более изощренные имеют тайники в сек-

ретерах, стеллажах, в радиокомбайнах или лепных украшениях.

Прятать нужно алогично — туда, куда бы ты сам ни за что не спрятал.

Я прошелся по холлу. Здесь было голо — японский стиль. Здесь каждый предмет на виду, глаз не на чем остановить. Правда, стеллаж с книгами привлекал внимание — значит, обязательно будут рыться в книгах.

Я прошел в широкий коридор. У входа стояла вешалка, массивный стол, зеркало на стене, под ним тяжелый ящик для обуви. Лежали щетки, ложечки, стояли тщательно вычищенные «русские» сапожки Клер. Это место более удачное — здесь не задерживаются, даже если пришли в гости по приглашению хозяйки.

Я отодвинул ящик для обуви, разложил тетради на полу, потом поставил ящик на место. У самого порога.

«Нужно быть Шерлоком Холмсом или явным идиотом, чтобы искать здесь, — подумал я. — Будем надеяться, что сюда не придет ни тот, ни другой. А я всегда смогу взять тетради незаметно, даже в случае бегства».

8

Текст из тетради

«...Я метнулся в кусты. Около барака кусты были негустые, можно пробираться без ножа-голоки. Я подобрался к скале. Я дрожал от страха и горя. Мои предчувствия оправдались — Комацу-убийца отравил строителей. Вот почему он глядел в столовой поверх наших голов — мы для него уже были мертвецами.

Если бы я мог предугадывать судьбы, как дядюшка Ван, гадалщик со Старого рынка! В отличие от других гадалщиков, которые разбрасывали бобы или черные кости, предсказывая утешения, дядюшка Ван говорил печальные вещи, и, может быть, поэтому к нему шли редко гадать. Я теперь понял, почему люди не любили узнавать грядущее у дядюшки Вана: люди переносят страдания лишь потому, что надеются в будущем избавиться от них. Эх, мне бы узнать, что написано в книге Жизни про мою судьбу!

Строителей отравили. И хотя я не испытывал к ним никакой привязанности, мне было жаль их.

Что же мне делать? Почему Комацу не пристрелил меня? Я и Мын-китаец — двое, кто остался в живых. Конечно, мы не страшны Комацу-отравителю — у него есть оружие, есть верные даяки, на вышке стоит американский электрический шестиствольный пулемет, из которого в минуту вылетает 6000 смертей.

А где Мын-китаец? Неплохо бы найти его, вдвоем не так страшно. Вдвоем можно что-нибудь придумать, найти спасение.

Бежать некуда. Они прочешут остров, будут искать меня, точно раненого кабана. Даяки отличные охотники. И если даже они не станут искать меня в джунглях, я сам выйду на них, потому что умру в лесу от голода и одиночества. Меня все равно пристрелят — преступникам не нужен свидетель. Они так поступают со всеми свидетелями.

Что предопределено мне в книге Жизни? Если начертано умереть на острове, я не буду прятаться, но, может быть, в книге написано другое? Хорошо, что я не знаю, что написано в книге Жизни. Поэтому я буду искать выход. Хорошо, что рядом нет гадалщика дядюшки Вана, я бы убежал, прежде чем он бросил бы гадальные кости.

Надо бежать. Бежать... Но как? У меня нет даже лодки. На острове единственный катер, его охраняют.

А если связать плот?

Они догонят меня на катере и расстреляют из автоматов.

Потом я услышал чьи-то шаги по тропке. Метрах в десяти от расщелины в скале, куда я забился, к морю петляла тропка. Кто-то шел по ней... На море стоял штиль, и было слышно, как волны с шорохом набегали на песок. Шел не один. И сердце оледенело, и руки и ноги окоченели. Даже дыхание сперло.

— Пройдоха! Пройдоха! — позвал кто-то.

Я не хотел отзываться.

— Пройдоха Ке! — опять позвали меня.

И я вылез из убежища, продрался сквозь кусты — я не мог сопротивляться, потому что был бессилен.

Это оказался Толстый Хуан. Он держал за руку Мына-китайца. Тот стоял и всхлипывал, для китайца подобное проявление душевного состояния — вещь удивительная.

— Я догадался, что ты здесь, — сказал по-малай-

ски Хуан. — Я боялся, что ты не утерпишь и съешь что-нибудь... Ты не ел рыбы? Вижу, что не ел, а то бы мы с тобой не разговаривали. Вас осталось в живых двое.

— За что их отравили, господин Хуан? — спросил тихо Мын-китаец.

— Потом расскажу, — оборвал Толстый. — Уходите, здесь вас могут увидеть. У тебя есть место, где вы можете спрятаться и где я мог бы найти вас, когда нужно?

— Есть, — ответил я по-английски, потому что я почти не умел говорить по-малайски, хотя этот язык и кажется очень простым. Но это только кажется. — Есть лагуна, там кокосовая роща, это если ехать по бетонке. Я туда на самосвале возил землю... Там сильный прибой и землю разровняло волнами, следов стройки не осталось.

— Зачем их отравили? — спросил Мын. — Нам же обещали хороший заработок. Я честно работал... на компрессоре... Меня ждут дома дети и старики. Пусть отдадут мои деньги.

— Потому что вы хорошо заработали, поэтому с вами и разделались, — сказал назидательно Хуан. — Будут пираты платить такие деньги. Они за сотню долларов утопят хоть родную мать.

— Какие пираты? — сказал Мын. — Мы военный объект строили.

— Замолчи! — зашипел Хуан. — Нашел место выяснять, на кого работал. Идите в лагуну. И затихните. Пищу найдете, а потом я приеду на велосипеде. Что-нибудь придумаем».

9

Тетрадь

«...Нас спас девятый месяц мусульманского календаря — наступило новолуние, начался праздник рамазан. Даяки — мусульмане, они соблюдают мусульманский пост — едят только два раза в сутки: перед рассветом и после захода солнца. На голодный желудок по римбе не погуляешь. В римбе каждый шаг нужно прорубать голокой... У нас ножей не было, строителям не полагалось иметь даже перочинного ножа.

Охрана боялась, что нервы у людей не выдержат и они перережут охрану. Голоку дал Хуан. Мне повезло, что у меня был друг — португалец Хуан.

Вообще-то европейцы непонятны. Их даже вначале путаешь, пока не привыкнешь различать лица. Хуана трудно было спутать, он толстый как слон. Перед ним заискивали даже даяки: если невзлюбит, то будешь есть один жидкий рис. Кормил-то нас хорошо, лучше охранников, поэтому они нас и ненавидели.

У Хуана была одна слабость — обезьяна Балерина, милая и смешная макака. Толстый Хуан любил ее, как сына-первенца. Я не знаю, была у него семья или нет, здесь не принято откровенничать, здесь людей звали по кличкам, и никто не знал, что у другого на душе. Это даже хорошо — меньше доносов. Каждый был занят своими думами, если на думы оставалось время.

Как-то строители рассердились на Хуана — кажется, он огрел двоих-троих увесистым половником или вместо риса дал вареных бананов. Хуан был груб с людьми, презирал их, потому что был на острове единственным европейцем. Он рычал: «Грязные желтые свиньи! Вы помои у меня жрать будете... Соус им подавай. Я работал в лучшем ресторане Куала-Лумпура, я только приказывал, а тут самому приходится стоять у плиты». Он был всегда злым, как мой брат по утрам, когда у него не оказывалось денег, чтобы купить ампулу с морфием.

Драки у нас возникали часто... Серая, однообразная жизнь надоедала всем, даже самым покорным и терпеливым. Хорошо, что охранники следили за тем, чтобы у нас не было даже перочинного ножика. Боялись они за себя, но и для нас эта строгость имела выгоду. И строители решили отомстить Хуану, толстому как слон европейцу, — они задумали убить Балерину.

А я ее спас... Может быть, я в ту минуту вспомнил, как брат лепил когда-то из глины забавных зверюшек, может, мною в ту минуту овладело сострадание к забавной мартышке, я спас ее. И она точно поняла, что обязана мне жизнью. Зато строители возненавидели меня и обещали задушить ночью полотенцем.

Во время обеда — наш взвод шоферов обедал днем не на стройке, а в столовой — Балерина прыгнула ко мне на плечо и стала ласкаться, как ласкаются обезьяны, — перебирала на моей голове волосы, точно искала

насекомых. Искала она не паразитов, а кристаллики соли, которые остаются на волосах, когда ты потеешь от жары в кабине самосвала. Хуан умилился... Позвал на кухню и предложил работать с ним. Никто бы не смел возразить, даже Комацу-черепаха, но я отказался: я бы лишился той крохи свободы, которую имел, когда заезжал на самосвале за ворота стройки.

— Обормот! — замахнулся на меня половником Толстый Хуан, но Балерина завизжала и вцепилась в меня, как ребенок в мать во время налета авиации.

Так началась наша дружба с Толстым Хуаном, португальцем, грубым и бесчувственным человеком... Я думал так вначале. Но, оказывается, у европейцев за внешним обликом бывает другое лицо. Оказывается, Хуан любил живопись. Я сам видел у него в комнате картины в стиле японского художника Огасавары. Оказывается, Толстый Хуан сам писал их, когда у него было на то время и желание.

Он как-то взял меня с собой на утес, с которого сбросили Маленького Малайца. У нас не было выходных, были редкие дни отдыха в мусульманские праздники, потому что большинство строителей были мусульмане, а их в праздники не заставишь работать, хоть убей. Они чтут аллаха больше, чем предков.

Они даже во время заливки бетона совершают намаз, и даяки не бьют их «черным Джеком», потому что сами мусульмане.

Я глядел, как Толстый Хуан работает кисточкой, не утерпел и нарисовал кузнечика.

Хуан пришел в восторг... И с тех пор его сердце стало открытым мне. И я дорожил его дружбой, как мудрый старец привязанностью младенца.

...Мы жили с Мыном-китайцем в кокосовой роце. Хорошо, что еще не начался сезон дождей, ветер дул с севера, налетал на остров, а здесь стихал, и волны были добрыми и слабыми. Мы даже не боялись разводиться костер, — ветер относил дым от берега, и даяки не могли услышать запаха дыма, если бы они искали нас в джунглях. Волны смывали наши следы на песке. После прилива обнажались кораллы, и в бесчисленных озерцах мы находили рыбу, ракушки, креветок. Пищи было предостаточно. Мы варили суп из рыбы. В конце лагуны обнаружили целую свалку банок из-под

американского пива. Понятия не имею, как они тут оказались.

Мы нашли несколько деревьев мангиса... Это самый вкусный плод на земле. Маленькое круглое красновато-коричневое яблочко, скорее темно-красное. Плод разрезается пополам, и оболочки снимаются как две чашечки. Широкое бледно-розовое кольцо окружает семя в толстой мякоти. Вначале мы любовались плодом и, наглядываясь на красоту, ели, точно проглатывали, белые комочки снега. Плод таял во рту, его сок напоминал и виноград и персик.

Времени оказалось предостаточно, и я пишу дневник. Теперь не нужно его прятать под пальмой. Кто знает, как обернется, хоть дневник, если ему повезет, расскажет людям о преступлении, которое совершилось на этом острове.

Китаец Мын лежит кверху животом... И без конца жует, как японец, бетель. У него зубы от жвачки черные. Кто сказал, что китайцы трудолюбивы, как муравьи? Наверное, трудолюбивые, когда им остается лишь одно: трудиться либо умереть с голода. Мын лежал целыми днями в тени пальм. Хорошо, что здесь песок. А если была бы трава или камни, его давно бы укусила змея. Змей на острове бесчисленное количество: кобры, как питоны, а питоны, как хоботы слонов.

...Пришел Хуан. Велосипед он оставил где-то на пути от лагуны. Вряд ли его отлучка с базы вызывала подозрение: Хуан, настоявшись часами у раскаленной плиты, каждый день брал на плечо Балерину и уходил куда-нибудь, чтоб никого не видеть.

Хуан принес пистолет, отдал мне. Мына вооружил ножом.

Хуан сказал:

— Сегодня ночью бежим.

— Как бежим, господин Хуан? — встрепенулся Мын. Его сонливость моментально исчезла.

— Я все продумал, — сказал Хуан.

И он рассказал план побега с острова.

...Мын волнуется. Он тыкается по берегу как слепой. Без конца обращается с вопросами, точно не понял плана побега. Меня это очень беспокоит. С китайцем можно идти на любой риск, пока он не «потерял лица». Европейцу трудно понять, что такое «потерять лицо». Попытаюсь, как могу, объяснить это.

Я родился во время войны. И мой старший брат, сколько живет, ни разу не видел мирной жизни. И мать не помнит... У нас были врагами китайцы, французы, потом японцы, потом опять французы, потом пришли американцы. Черные и белые. Мы, вьетнамцы, ненави- дели янки. И Гнилушка Тхе ненавидит, и если имеет с ними бизнес, так только потому, что есть возможность хорошо заработать.

Я много раз видел, как умирают люди.

Я видел, как стреляют китайцев. Когда китайца ве- дут на казнь, он идет спокойно, ни один мускул не дрог- нет на его лице. Европейцы думают, что это тупая по- корность. Они не понимают, что китаец уже убит до выстрела, потому что он опозорен, «потерял лицо». До- статочно на него надеть шутовской бумажный колпак и повесить на грудь плакат с оскорблениями, как он уже «умер». Ему уже почти невозможно возродиться, даже если его и не расстреляют. Конечно, бывают исключе- ния, и если китаец становится лицемером, то до кончи- ка волос, его уже ничем не исправишь.

Папуасу достаточно увидеть, как колдун направил на него заостренную берцовую кость. Папуас ложится и умирает, и ни один врач его не вылечит. Это потому, что он тоже «потерял свое лицо».

Негры-янки бьются до последнего патрона. Они поч- ти не сдаются в плен.

Белые янки боятся смерти. Для них смерть — слиш- ком невыгодный бизнес. Для них все бизнес... Даже смерть.

Индийцы теряются... Слишком много поколений ин- дийцев умирало с голоду. Они покорны судьбе, а вот даяки... эту будут кусаться до последнего издыхания. Он и мертвый вцепится в ногу врага.

Немцы из французского иностранного легиона, па- рашютисты, умирали, точно кончали жизнь самоубий- ством. Сладострастно умирали, точно кому-то мстили... Я помню, когда мне было года четыре-пять, как заре- зали легионера на нашей улице.

Нас, вьетнамцев, научили умирать... И хотя я не партизан, и хотя я не был в джунглях и не поджег ни одного танка, я умею воевать. Я знаю все системы ору- жия, все их данные, этому мы учимся с пеленок. Тыся- чу лет нас угнетали захватчики с Севера, полтысячеле- тия мы воевали с захватчиками с Юга. Я родился во

время войны, мой старший брат родился во время войны, мой отец погиб в войне. Мы учимся ненавидеть врагов раньше, чем выучиваемся ходить.

У каждой смерти свой звук. Когда с неба падает бомба, она свистит... Если ты видишь ее цилиндрической, значит, это не твоя бомба, она упадет в стороне. Если бомба кажется круглой, беги сломя голову, не разбирая дороги, считай до тридцати восьми, затем падай в любую канаву — эта бомба твоя. На счет «сорок» она расцветает взрывом. Мы, вьетнамцы, так привыкли к смерти, что разучились ее бояться...

Мын подошел и спросил:

— Пройдоха, извини, что я тебя побеспокоил. Скажи, пожалуйста, на кого мы все-таки работали? Кого должны проклинать мои дети, если я не вернусь на материк живым?

— На кого работали? — переспросил я. И, прежде чем ответить, записал свой ответ в дневник:

— Мы работали на госпожу Вонг. Так говорит Хуан.

— Воды ди, воды тянь¹, — в ужасе прошептал Мын».

10

Служанка вернулась через полчаса. Двери ее комнаты на первом этаже, по всей вероятности, имели самостоятельный выход во двор, потому что она неожиданно появилась в холле. Опять в черном халате со стеклянной брошкой у воротничка. Раньше я не задумывался, сколько ходов и выходов в доме Клер. Напрасно! «Знал бы, где упасть, соломки подостлал» — так говорила моя матушка, а отец в подобных случаях произносил: «Знал бы, где будешь тонуть, глубину заранее измерил».

На улице зажглись огни. В комнате стоял полумрак, то есть наступило то время, когда углы становятся круглыми, а кошки серыми. Я развалился в низком кресле и курил. И все время чувствовал, что служанка где-то рядом. Она бесшумно возникала и уплывала в полу-

¹ «Воды ди, воды тянь» — «моя земля, мое небо» — китайское выражение, равнозначное русскому выражению «О господи!».

мрак. Робкая, покорная... Нигде не бывают женщины такими вкрадчивыми, как на Востоке. Меня удивляло и другое: неужели я возбудил у нее интерес?

Я вспомнил почему-то, как когда-то оказался на Мартинике в Вест-Индии во время карнавала, этого трехдневного безумия. За окнами отеля бушевало веселье. О том, чтобы заняться каким-нибудь делом, не могло быть и речи. Не работали такси, телефон, аэропорт был закрыт. Там-то я и познакомился с Бобом. Он только начинал работать на радио и записывал первую передачу о карнавале. Еще до рассвета нас будили уличные оркестры, толпы чертей и ведьм, ряженных: выбеленных мелом негров и вымазанных сажей европейцев в самых диких костюмах. По площади Плас де ла Саван шли бесконечные пляшущие, орущие, смеющиеся толпы. Боб боялся выйти из отеля. Вначале я не понял причину его боязни. «Загнанный в пятый угол», он поведал мне историю женитьбы Наполеона Бонапарта. Оказывается, он взял себе в жены уроженку Мартиники, дочку плантатора Марию Жозеф Роз Таше де ля Пажери, которая во Франции догадалась упростить свое имя до Жозефины.

— Я всю жизнь мечтал попасть на остров любви, — философствовал Боб, — но, оказывается, морально я не подготовлен к вакханалиям. Обратите внимание, Артур, на манеру женщин завязывать яркий полосатый головной платок. А знаете, что означает, когда торчит над головой один хвостик, два хвостика или три?

Я, разумеется, не знал, и Боб разъяснил:

— Если один кончик этого «матраса» торчит, как ухо у кролика, значит, за девушкой ударяй напропалую, она ищет знакомства. Если два — отстань, у нее есть друг сердца. и она не заинтересована в мимолетных утехах. А если три — берегись! Она сгорает от жажды любви. И не советую играть с огнем на острове, где люди пылки, как вулканы. Это довольно рискованно.

Я рассмеялся, но через четверть часа был наказан за свое легкомыслие.

Подвыпившая компания в масках ворвалась в бар, и я оказался в плену у трех очаровательных смуглых женщин, две из них были еще совсем девчонками. Одна девчонка села мне на колени и сказала ласково: «Подари мне ребенка».

— И мне! И мне! — сказали еще две.

Вначале я подумал: в своем ли уме девицы? Потом решил, что это шутка. Но... все оказалось значительно серьезней. И я ретировался в номер.

Позднее Боб объяснил, что подобные предложения рождены тамошними социальными условиями — светлокожему ребенку будет легче подняться по социальной лестнице, получить хорошо оплачиваемую работу, и он сможет обеспечить старость матери. Так что девушка, выпрашивающая себе «белого бэби», довольно практична плюс поправка на темперамент и на то, что жажда материнства у негритянок невероятно велика. Они очень нежные и заботливые матери.

На Востоке все иначе. Здесь женщина, если сгорает от любви, никогда не посмотрит тебе в глаза. Она будет вроде бы таять и постепенно, как в костре с сырыми дровами, зажжет в твоём сердце щепочку, затем еще одну, а там уже запылают смолистые сучья и будет полыхать огонь, сжирая все, испепеляя даже, казалось бы, негорючие стволы лесных великанов.

Я знал игру, которую затеяла со мной служанка.

В каждом мужчине, как мне думается, сидит вождь стаи. Каждый мужчина стремится стать вождем племени, но не всем удастся, так как свободных вакансий нет. Побеждает лишь один, ну а остальные... Остальные должны прятать в себе собственное «я», подчинять собственного «вожака» более сильному, но чувство неудовлетворенности остается. И это вполне естественно. Древние греки называли это чувство честолюбием и признавали за каждым гражданином право на стремление стать первым. Они называли честолюбие «животворным соком государства». Золотое детство человечества! Теперь мужчину подмяли город, темп, миллионы сложных, запутанных отношений между себе подобными. Вот почему мужчины подсознательно сужают размеры ринга, на котором в честном бою, пусть примитивном и абстрактном, они смогут увидеть своего «противника», помериться с ним силой и победить.

Молодые ищут самоутверждения в выпивках, драках, бравате, более целеустремленные — в спорте или науке. Но наука не приносит полного удовлетворения. В науке всегда будет кто-то, кто знает больше тебя... А вожаку требуется конкретная, пусть даже игрушечная, стая. И плодятся, как капустные мушки, коллек-



ционеры, любители цветов, зверей, покровители кошек, голубей, рукодельники, склеивающие скрипку размером в мизинец или паровоз с муху. И на это тратятся годы. Зачем? Чтобы заявить на весь мир: «Я сделал такое, что никто еще до меня не сделал. Я первый!» И катят перед собой бочки через континенты, танцуют без отдыха несколько суток, играют до полного изнеможения на пианино или пекут пирог размером с хижину. Зачем?

На Востоке женщины знают слабости мужчин... Восточная женщина лишь с виду кажется покорной. Это чтобы не спугнуть добычу, не дать повода для настороженности, чтобы мужчина расслабился, доверился...

Покорность восточной женщины... Это самые свое нравные, самые коварные, умные и ленивые женщины на свете.

Самым отточенным оружием у них является то, что они возбуждают в мужчинах чувство самоутверждения. Это и есть тот нектар, на который летят даже владыки, потому что и владыкам требуется не абстрактное подтверждение их владычества, а конкретное, осязаемое, которое можно самому обнять или обидеть.

Служанка выплыла из полумрака.

Она с настойчивостью паука плела паутину. Зачем? Что-то ее привлекало во мне или заинтересовало — это факт.

Быстрее бы приходила Клер! Если говорить откровенно, я по ней действительно соскучился. Я давно мечтал о таком вечере, когда мы посидим вдвоем и поговорим обо всем, а значит, ни о чем.

11

Ожидая возвращения Клер, я не подозревал, в какую игру влез: у меня вообще не было ни одного шанса на выигрыш. Я, по сути дела, был уже трупом, правда, пока еще теплым.

Имя, которое я прочел в дневнике Пройдохи, на полуострове Аомынь, в Макао, звучало погребальным звоном.

Мадам Вонг... Сорокалетняя вдова бывшего чинов-

ника чанкайшистского правительства Вонг Кунг-кита, некоронованного пирата на реке Янцзы. Высокая правительственная должность Кунг-кита не препятствовала его пиратской деятельности, скорее, наоборот, способствовала — Чан Кай-ши опирался на темные силы Шанхая, Гонконга, Тяньцзиня, и то, что в состав его правительства входил пират, было вполне закономерно, потому что компрадоры были, по сути дела, рыцарями с большой дороги, сколотившими состояния на весьма темных аферах — торговле детьми, женщинами, наркотиками и так далее... Любому мафиозо с Сицилии выглядел бы по сравнению с ними мелким воришкой.

Да и сам Чан Кай-ши был известен своими широкими связями с преступным миром, что долгое время пугало даже американцев, умеющих извлекать с помоек любой страны самые гнилые отбросы. Достопочтенный генерал Стилуэлл, во вторую мировую войну занимавший пост главнокомандующего союзными войсками на китайско-бирманско-индийском театре военных действий, занимавший одновременно и пост начальника штаба Чана, без конца утверждал, что его подопечный пришел к власти именно благодаря содействию тайной полиции гангстеров. Чунцинский диктатор действовал по принципу «государство служит интересам того, кто им управляет». Парадоксально, но в 71-м году, после падения Линь Бяо, те же американцы дали подобную характеристику и Мао Цзэ-дуну: «Сегодня он (Мао) может пытаться привлечь на свою сторону одну группировку, чтобы расправиться с другой, а завтра он может награвить вторую группировку на первую. Сегодня он может произносить сладкие речи, а завтра — отправить вас на смерть по сфабрикованным обвинениям».

Но вернемся к нашим баранам, к семейству Кунг-кита и его друзьям.

Помию, когда я учился в колледже, построенном американцами в Шанхае отнюдь не в благотворительных целях для детей «большеносых», ужасом наяву было одно лишь упоминание о «Братстве нищих» — тайной гангстерской организации, с которой имел тесную связь господин Кунг-кит. То, что господин Кунг-кит (так его имя звучало на гонконгском диалекте, на севере его фамильные иероглифы, безусловно, читались иначе) был связан с «Братством нищих», не вызывало со-

мнения, иначе его люди не смогли бы не то что ограбить какую-либо джонку на Великой реке, они бы носа не сунули дальше чайной в порту и вместо риса ели бы гнилой гаолян. «Братство нищих» было всевидящим и всевидящим. Оно могло похитить любого человека на побережье и даже в глубине континента. На моей памяти было похищение дочки бельгийского консула, жены голландского банкира. «Нищие» похитили даже жену самого Чан Кай-ши во время ее увеселительной прогулки по Янцзы. Это был скандальный случай... Престарелому генералиссимусу пришлось раскошелиться, чтобы выкупить свою любимую женушку. К многочисленным анекдотам о мадам Чан прибавился еще один — дескать, бандиты, напуганные ее неукротимым сексом, сами приплатили изрядную сумму, чтобы старик забрал жену, своего рода переосмысленный рассказ О'Генри «Вождь краснокожих». Хотя никто бы не удивился, если бы вымысел оказался былью.

Итак, что я знал о мадам Вонг?

До замужества она называлась красавицей Шан, танцевала в каком-то третьеразрядном кабачке Гонконга. Китаю везет на бездарных артисток. Итак... Ее муж имел связь с «Братством нищих»... «Братья» скупали, а то и просто похищали детей со всего Китая, уродовали им ручки и ножки, растрavляли незаживающие язвы, учили «искусству» выпрашивать подаяние.

«Нищие» владели самыми мрачными и грязными притонами Шанхая и других городов.

Господин Кунг-кит был тесно связан с японской, потом американской разведками... Помимо контрабанды занимался шантажом, за ним числилось несколько политических убийств. Из правительства Чан Кай-ши ему все же пришлось уйти. Но к этому времени он уже имел капитал и открыл «дело» в Южно-Китайском море. Его банда наводила ужас на побережье.

Погиб Вонг в 1946 году при весьма странных обстоятельствах. Пиратам было сообщено, что в Гонконг идут под парусами три джонки, нагруженные контрабандой — опиумом, часами, текстилем, золотом и швейными машинками. Когда корабли пиратов напали на джонки, их встретил кинжальный огонь пулеметов: на борту джонок оказались солдаты, а сами джонки — приманкой. Кто-то навел Кунг-кита на приманку. В те-

чение двадцати минут с рыцарями удачи было покончено. Сам Кунг-кит спасся чудом — успел нырнуть в ночь на маленькой моторке. Он бросил своих ребят на произвол судьбы, предоставив им безграничную свободу умирать за его кошелек.

И вновь не повезло бывшему чанкайшистскому чиновнику — на берегу его схватили и передали португальским властям Макао, которые давно хотели более близко познакомиться с господином Вонгом.

Будущее вырисовывалось для господина Вонга тюремной камерой. И тут кто-то с воли предложил ему побег. Звериная осторожность пирата, притупленная отсутствием солнца и плохим питанием в португальской уголовной тюрьме, подвела хозяина — он согласился на побег. Для аналитических раздумий, видно, требуется более комфортабельная обстановка... Побег состоялся. Со стрельбой, с погоней и прочими атрибутами, столь необходимыми для подобного рода спектаклей, с той лишь разницей, что часть пуль, выпущенных в воздух тюремщиками, застряла в теле господина Вонг Кунг-кита и причинила последнему много неприятностей. Господин пират от огорчения забился в сточную канаву, полную до краев отбросами, экскрементами, и умер там, разуверившись в честности и гуманности человечества.

После печального факта — не каждый день замужней женщине приходится становиться вдовой — бывшая танцовщица красавица Шан растерялась, у нее, как говорится, опустились руки. И в силу этих объективных причин, когда к ней в дом ворвались двое наглых пьяных мужчин — компаньоны покойного мужа — и начали стряхивать пепел сигарет в курильницы, где еще тлели благовонные палочки, ее нервы окончательно сдали, и она пристрелила наглых господ в упор, чтобы они никогда не смели врываться в дома, где еще ходят в трауре.

Правда, позднее тоже встречались нахалы, готовые воспользоваться беззащитностью вдовы. Поэтому ей приходилось не расставаться с двумя пистолетами ни днем, ни тем более ночью. Постепенно все образовалось. Грубияны, которые не хотели подружиться с ней, куда-то исчезли... И мадам Вонг зажила спокойной жизнью. Если ей некого было грабить, она выходила в море, с джонок опускали «кошки», вылавливая телеграфный ка-

бель, который некоторые государства зачем-то протянули по морскому дну между портами и континентами. Люди вдовы скручивали кабель и затем продавали как лом. Она не чуралась торговли, памятуя, что торговля сближает людей с различными убеждениями. Ее флот составлял около ста пятидесяти джонок, новейших торпедных катеров и канонерок. Через знакомого она даже хотела купить в Европе подводную лодку, чтобы «изучить» красочный подводный мир Южно-Китайского моря. Но то ли знакомый запросил слишком много комиссионных, то ли правительства некоторых стран, как говорится, вставили палки в колеса бедной вдове, но покупку временно пришлось отложить...

Торговала мадам Вонг несколько экстравагантно, но действенно. Ее доверенное лицо письменно или по телефону связывалось с капитаном какого-нибудь английского сухогруза. Вначале капитана спрашивали о погоде, о семье, о здоровье... И когда капитан, взволнованный заботой о своем здоровье, бледнел и начинал запекаться, его успокаивали и говорили, что с ним ничего не случится, с его экипажем и с судном тоже, если он подарит вдове некоторую сумму... Например, в 51-м году британскому пароходству было предложено уплатить вдове 20 тысяч гонконгских долларов. Пароходство «с радостью» отдало эти деньги. Мадам Вонг стала для пароходства своего рода покровительницей моря, вроде вдовы бога глубин Посейдона, которому, как известно, издревле приносили в дар жертву. Его любили мореходы, и он любил их. Ну а если гневался... морякам приходилось плохо.

Мадам вела себя как богиня, она требовала знаков внимания, и, если к ее ногам не клали даров, она сердилась.

Пароходная компания «Куангси» отказалась дарить вдове каждый год по 150 тысяч долларов. И это имело для компании печальные последствия — на ее кораблях начали взрываться мины замедленного действия, а те корабли, которые находили опасную начинку еще в порту и все же осмеливались выходить в море, бесследно исчезали вместе с экипажем и грузом.

Тайна исчезновения кораблей приоткрылась в марте 1951 года, когда в море выловили полумертвого человека, вцепившегося в доску от ящика. Спасенным оказался матрос — на этот раз с португальского фрах-

та «Опорто». Моряк рассказал, что в море их атаквали торпедные катера. «Опорто» взяли на абордаж. Пираты согнали команду из двадцати двух человек на полубак и расстреляли из автоматов. Матросу повезло — его лишь ранило, и он упал за борт и только чудом не стал добычей акул, которые, как пираты, кружили вокруг несчастного судна.

Конечно, я мог иронизировать по адресу мадам Вонг сколько заблагорассудится, но ирония не всегда является признаком силы духа, куда труднее было найти правильный выход из безвыходного положения.

Конечно, мне немыслимо трудно было соперничать с преступной организацией, имеющей оборотный капитал в несколько десятков миллионов долларов. Мой капитал составлял пятьсот гонконгских долларов, из которых добрая половина была чужой. Из всех технических средств, которые я имел, — пишущая портативная машинка.

Правда, у меня была и перспектива — португальская полиция обещала десять тысяч фунтов за фотографию мадам.

В мае 1963 года один из членов банды мадам Вонг предложил японской полиции информацию о своей госпоже. Переговоры велись тайно, без свидетелей, и, казалось, японцам удалось выйти на прямой след. Отступник прибыл в пункт, где была назначена встреча. К сожалению, дать какую-либо информацию о своей госпоже раскаявшийся пират не мог — у него были отрублены руки и вырезан язык.

О чем говорил этот факт?

Первое — кто-то оберегал мадам.

Второе — тайная полиция вдовы работала оперативнее японской полиции.

Третье — мадам не доверяла никому, даже самым приближенным. Мадам руководствовалась старым правилом пиратов: «Мертвые не кусаются».

Так что молодого вьетнамца убили не зря. В момент нашей встречи агенты мадам Вонг не знали моего имени, теперь мое имя, конечно, им известно. Им достаточно было сфотографировать меня, что они, безусловно, и сделали, а потом проверили по картотеке, что за гусь встретился с Пройдохой Ке...

Я закурил... И машинально начал раскладывать пась-

янс «Мария-Антуанетта». Этот пасьянс сходилсЯ очень редко, но иногда все-таки сходилсЯ.

Итак, что могло значитьсЯ в моем досье? Какими фактами обладали агенты вдовы?

Пройдоха Ке был на острове где-то в районе моря Банда или Молуккского моря... Что-то мне подсказывало, что это был тот остров, на котором когда-то побывал я, тогда остров нужно искать несколько северо-восточнее острова Апи, ближе к Парасельским островам. В случае необходимости я смог бы найти его на подробной морской карте. И если догадка правильна, то я вышел на пиратскую базу.

Подобные базы у пиратов были во время корейской войны. Молодчики мадам совсем обнаглели и беззастенчиво грабили корабли, зафрахтованные даже вооруженными силами США. В ее руки попали огромные партии новейшего вооружения, обмундирования, бесчисленное количество ящиков с галетами, мясными консервами и медикаментами, тысячи мешков муки и риса... Против флотилии мадам были брошены корабли 7-го американского флота, которым, как щитом, Штаты прикрывали Тайвань от коммунистов с континента. Не бездействовала и английская эскадра. Я уже не говорю о военных кораблях Голландии и Португалии. Но пираты были неуловимы. И дело не в том, что у них было отлично налажено оповещение; мадам Вонг имела хорошо продуманную сеть тайных убежищ, хорошо замаскированных не только с воды, но и с воздуха. Ни один разведывательный самолет не смог обнаружить пристанище пиратов.

Теперь я знал, как строились эти базы. Пираты вербовали в странах Юго-Восточной Азии людей с темным прошлым, привозили на объект и, когда строительство заканчивалось, рабочих уничтожали. Работами руководил немец. По всей видимости, бывший эсэсовец, поднаторевший на строительстве лагерей смерти и подземных заводов.

Конечно, наш разговор они подслушали. Тут ничего не было сверхъестественного — электронная аппаратура у гангстеров была новее, чем у полицейских. Последним требовалось время, чтобы спланировать заявки, выбить у правительства средства. Гангстерам же для приобретения подобной аппаратуры не требовалось запросов в палате общин, они платили звонкую монету

без бюрократических проволочек. И хотя ничего крамольного они в нашем разговоре не услышали, агенты мадам были не настолько наивны, чтобы предположить, что Пройдоха Ке, рискуя жизнью, пошел на встречу со мной лишь ради того, чтобы спросить, какого числа начнется новолуние. Ке шел ва-банк, и, значит, у него были для этого основания.

Если они припомнят, как я нагнулся за зажигалкой, им станет ясно, что, кроме зажигалки, я сделал еще что-то...

Значит...

Вывод, к которому я пришел, был весьма неутешительным.

12

Как говорят психологи, существует несколько видов страха, если страх, конечно, брать в чистом виде, без всяких психологических примесей; даже примитивный алкоголизм вносит в общую картину инстинкта самосохранения очень густую сетку помех, так фольга забивает всплесками экран локатора.

Стеническая форма страха... Существует такая. Я бы хотел, чтобы моя психика была настроена на ее волну, тогда бы в минуту опасности мозг работал ясно, а я бы испытывал боевое возбуждение, как петух перед поединком с соперником по курятнику. Но, увы, хотя некоторая доля авантюризма во мне и была, я не испытывал радостного вдохновения в минуты опасности. При ощущении опасности я вел себя как шестьдесят процентов нормальных людей, то есть просто боялся. И требовалось невероятное усилие, чтобы держать себя в руках. Подобное состояние называется нормостенической формой страха в отличие от астенической, при которой человек вообще впадает в панику, ничего не соображает.

По описанию Пройдохи я четко представлял, как разворачивались события на далеком острове, точно сам принимал в них участие...

...Кабан поднял морду, задвигал пяточком, ловя ветерок, он почувствовал запах самого страшного врага — человека. Еще недавно вепрь не боялся человека, но теперь он знал, что такое человек. Вожак хрюкнул, матки притихли, подчинившись его приказу. Еще коман-

да... и стадо, ломая сучья, стремительно бросилось в чащу.

— Думал, охранники! — сказал еле слышно китаец Мын.

— Нет, мы не дошли до базы, — успокоил его Пройдоха, прижимая пистолет к груди, — еще бы немного, и он открыл бы стрельбу. Хорошо, что сдержался, не выдал себя.

Двое шли вдоль дороги, прячась в тени пальм. Ночь, как назло, выдалась яркой.

Ке и Мын опасались встретиться с даяками. Они не знали, что жители римбы никогда не ходят по ней ночью. Это запрещают обычаи, уходящие корнями в века. И хотя охранники с бухты были мусульманами, они помнили и обычаи отцов — ночью человек должен сидеть у костра или спать в шалаше, ночью в гуще лиан ходят оборотни, злые духи, вампиры поджидают человека, как пиявки, готовые наброситься на безумца и высосать кровь или напустить хворь в жилы.

Путь казался бесконечным. Ке и Мын торопились. Они должны были быть у скалы, когда луна коснется края моря, — перед рассветом становится темно. И эта темнота — последний шанс на свободу.

Они пришли к бухте слишком рано. Тощий рожок луны продолжал светить как фонарь. Скоро кончался месяц рамазана, великий мусульманский пост, после которого даяки наедятся вдоволь и отправятся на охоту в римбу — в облаву на двух оставшихся в живых смертников... Это будет увлекательная охота, увлекательнее, чем преследование оленя или кабана. И двое беглецов получают то, что им предназначено аллахом.

Пройдоха Ке и Мын не изнурили себя воздержаниями, скорее наоборот, вынужденное безделье налило их мускулы силой, а желание спастись обострило слух и зрение.

Они лежали в зарослях... База была отлично замаскирована, и, если бы Мын и Ке не строили ее сами, они бы не догадались, что буквально в ста метрах от римбы в скалах выдолблены пакгаузы, емкости для горючего и масла, жилые помещения, а на верхушке скалы вращается антенна радара, готовая предупредить гарнизон пиратского убежища о приближении чужого корабля или самолета.

Толстый Хуан появился, когда луна села за гори-

зонт. На плече, обхватив его могучую шею лапками, сидела Балерина. Она, как и даяки, боялась ночи, боялась неясных теней в римбе и поэтому прилипла к хозяину.

— Мын, иди сюда, — захрипел в темноте Хуан. — Садись на узел и держи Балерину...

Он бросил к ногам китайца огромный узел — все имущество, которым он владел на этом проклятом острове. Деньги-то, наверное, у Хуана водились, но были припрятаны в каком-нибудь банке на континенте. Он не питал иллюзий. Волей-неволей ему приходилось тянуть повозку мадам Вонг вместе с даяками, немцем и японцем... Если бы его заподозрили в желании дезертировать с острова, с ним немедленно бы расправились без суда, а тем более следствия — сбросили бы со скалы или разворотили живот пулей.

Балерина завизжала и еще сильнее прилипла к хозяину — она боялась незнакомых людей и не хотела оставаться с Мыном. Обезьяна доверилась Ке. Она сидела с Ке в обнимку, Хуан и китаец растворились в темноте.

Умение ожидать — наука трудная и сложная, и не каждому она дается. Русский полководец Суворов в основу своих побед положил стремительность и натиск, древние китайские полководцы побеждали терпением — победу одерживал тот, кто лучше умел выжидать. Для экспансивных европейцев подобная выдержка непонятна. Восток есть Восток. Я знал случай, который произошел в двадцатых годах. В суматошном Шанхае была красивая мастерская, где красились ткани по особому рецепту. Краски получались сочными, они не боялись солнца и времени. Секретом окраски владели хозяева мастерской, секрет передавался из поколения в поколение и никому постороннему не доверялся. В мастерскую приняли на работу глухонемого мальчика. Он был послушным и безропотным. Несколько лет он работал подручным, и хозяева доверяли ему, — глухонемой не мог никому рассказать секрета красителей. И каково было удивление мастера, когда мальчик заговорил и открыл свою мастерскую. Восемь лет притворялся глухонемым, чтобы выведать тайну... В Европе подобное немыслимо.

Пройдоха Ке умел ждать, но даже для него минуты вытянулись в часы. И когда он отчаялся, слышался

условный сигнал — крик древесной лягушки. Пройдоха схватил узел, потащил его вниз по тропинке к причалу, где качался на мелкой волне единственный на базе катер.

На гальке лежал убитый даяк, охранник... Его «снял» Хуан. Мын гремел гаечными ключами в машинном отделении катера, Хуан сдернул чехол со скорострельной пушки.

— Хуан, — высунулся из люка китаец, — в баке почти нет бензина.

— Черт! — Хуан начал ругаться вполголоса на всех языках, которых он не знал, но на которых отлично умел сквернословить. — Сидите здесь, я принесу две канистры... Как же я не учел! Они нарочно держат баки пустыми, чтобы никто не сбежал. Ключи от горючего носит с собой Комацу-сан.

— Комацу-бака, — добавил Пройдоха, наконец осмелившийся произнести вслух в оскорбительном тоне имя японца.

— Черепаша или сатана — не имеет значения, — ответил Хуан. — У меня на кухне есть бензин, две канистры. Я растапливал им печки. Сидите, скоро вернусь.

Балерина рванулась за хозяином — странно, обезьянка не спала. Ночью обезьяны спят, они, как курицы, ложатся и встают с лучами солнца. Видно, общение с людьми заразило и ее бессонницей. Пройдоха схватил Балерину, она вырвалась, укусила его за палец, но он удержал ее.

— Успокойся, тихо!

Мын скрылся в люке — он подготовил мотор к запуску...

— Совершенно пустые баки? — не поверил Пройдоха и заглянул в люк. Он держал Балерину под курткой, и та затихла пригревшись, сладко засопела как ребенок.

— Немного есть, — отозвался Мын. — Мало-мало есть.

— Две канистры тоже мало...

— Да, — согласился Мын. — До материка не добраться. Ничего, Хуан знает, где мы находимся, и как-нибудь, хоть под парусами, доплывем до какого-нибудь острова. Там купим горючее.

— Если нас не схватят в море, — сказал грустно



Пройдоха. — Нас будут искать. Они кинутся следом.

— Будем мало-мало прятаться, — сказал весело Мын. — Я живой не сдамся — мы убили их человека. Его автомат я беру себе. Я живым не сдамся...

Мын потряс автоматом, точно давал клятву.

Прошло полчаса. И вдруг в стороне барачных корпусов рассыпался веер трассирующих пуль, донеслись выстрелы. Мын и Пройдоха выскочили на палубу. Под курткой у Ке забилась Балерина. На скале моментально вспыхнул прожектор, и луч заметался по бухточке.

— Заводи мотор! — закричал Пройдоха. Он выкинул из-под куртки Балерину, бросился к автоматической пушке: Ке умел стрелять из всех видов оружия, недаром он родился во Вьетнаме. Он навел пушку на башню и, прежде чем луч прожектора ослепил его, дал очередь. От катера к скале протянулась огненная дорожка, потом вспыхнули разрывы, прожектор потух.

— Собаки! — выругался Пройдоха, вытирая пот с лица: он ликвидировал не только прожектор, но и вывел из строя электрический шестиствольный крупнокалиберный пулемет.

— Где Толстый Хуан? — высунулся из машинного отделения Мын. Мотор внизу работал, сжигая драгоценное горючее... — У них есть еще пулемет? Они расстреляют нас...

— Не знаю!

Пройдоха действительно не знал, есть ли еще пулеметы на скале. Этого не мог знать даже сам Хуан — Комацу-сан никому не доверял, он умел преподносить такие сюрпризы.

Были ли еще пулеметы или нет, для Пройдохи это уже не имело значения. Он не выпускал гашетку скорострельной пушки, ее ствол рыскал в темноте, повторяя линии скал, обозначившихся на посветлевшем небе.

У барачных корпусов стрельба оборвалась. Это могло значить, что Хуан или убит, или бежит к катеру.

— Отчаливаем! — прохрипел Мын.

— Убью! — закричал на него Пройдоха. — Без Хуана не пойдем: он знает, где мы находимся, без него мы заблудимся.

С берега по катеру хлестнули очереди из автоматов. Пройдоха ответил на всплески выстрелов из пушки.

Хуан не вернулся...

И когда взвились в небо осветительные ракеты и в бухточке стало светло, Пройдоха отскочил за рубку, мотор взревел, и катер отвалил от маленькой пристани, за кормой вытянулась белая пена.

Катер выскочил в море... Грудью бросился на волны, затрясся как в ознобе, потом удары слились, над водой поднялся нос катера, и он помчался в наступающее утро.

— Мын! Чертов китаец! — Пройдоха спустился в машинное отделение. — Они схватили Хуана! Схватили... Понимаешь! Они схватили его!

— Живым в руки не дамся, — сказал глухо Мын, вытирая руки о паклю.

— Куда пойдём?

— Не знаю...

— Сбавь обороты... Экономь горючее.

— Идем на лучшем режиме, — ответил китаец. — Часа на три-четыре хватит, а там... По какому курсу идти? Куда пойдём?

— Посмотрим в рубке, может, есть карта.

Моторы работали надежно. Мын вылез из машинного отделения и следом за Пройдохой пошел в рубку.

В рубке, кроме компаса, ничего не оказалось. Они взломали какие-то ящички, но безрезультатно.

— Хуан знал, куда идти, — вздохнул Пройдоха. — Он знал, поэтому и не сказал нам, чтобы мы без него не смылись.

— Все равно пойдём на север, пока хватит горючего...

— Нет! — возразил Пройдоха. — Пойдём на юго-восток.

— В океан? — ужаснулся Мын.

— Откуда знать, что там — океан или архипелаг. Они знают, что мы далеко не уйдем. Включи приемник...

Щелкнул выключатель, из приемника забила морзянка...

— Вот, — показал на приемник Пройдоха. — Сейчас в банде Вонг тревога, они бросятся шарить по всем островам, пойдут наперехват, чтобы отрезать нас от материка. Каждый пошел бы на север, а мы перехитрим бандитов — пойдём в океан. Жратва есть на катере?

— Не знаю...

— Будем рыбу ловить... Жалко, Хуана нет. У него наверняка был план спасения. Мы уйдем в океан, и когда кончится бензин... Нас погонит течением, ветром по-

дальше от этого проклятого острова. Только там мы можем проскочить. Кто-нибудь нас подберет. Сколько пресной воды?

Они начали осматривать катер, чтобы знать, что у них есть, чего нет. Забрались в самые укромные закутки, осмотрели небольшую каюту. На узле Хуана сидела перепуганная Балерина. Она жалобно завизжала и поползла к Пройдохе. Следом потянулась кровавая дорожка — у обезьянки был отстрелен кончик хвоста: одна из пуль даяков нашла цель.

— Не плачь, не плачь! — утешал ее Пройдоха.

Он оторвал подол рубашки и сделал Балерине перевязку. И она, точно понимая, перестала визжать, потом потеряла сознание. Совсем как человек.

— Погляди, что было у Толстого Хуана! — раздался сдавленный голос Мына.

Он стоял над развороченным узлом повара. В нем оказались пакеты из толстого полиэтилена. Мын и Пройдоха знали, что было в таких пухлых пакетах — белый, рассыпчатый, как сахарная пудра, порошок, который стоит сотни тысяч долларов, пиастров, тугриков, марок и гульденов, — он был устойчивее любой валюты, ему не грозили ни девальвация, ни экономические кризисы.

— Хуан не дурак! — сказал Мын. — Совсем не дурак Хуан!

И его глаза алчно заблестели.

13

Отрывки из дневника Пройдохи Ке

«...Опять она, Белая Смерть! Я сразу вспомнил старшего брата. Я бы дал ему теперь забвения, сколько он хотел. Белый порошок, в нем жизнь и смерть таких, как мой старший брат. Белый порошок заменил им родину, отца и мать, жен и детей, он стал для них смыслом и плотью жизни, этот белый порошок. У меня двадцать пакетов порошка. Трудно поверить, что в одной щепотке порошка скрыты страдания и блаженства, в нем грезы и мечты, в нее впиталось больше преступлений, чем капель воды в прибрежный песок. Это власть! Это рабство!

Откуда у Толстого Хуана столько героина?

Китаец Мын словно сошел с ума. Он плясал и пел. Обложил себя пакетами с Белой Смертью... Он говорит, что теперь станет самым богатым на своей улице. Купит землю, купит лавку, купит машину, выпишет из континентального Китая отца с матерью, а детям даст образование... Он прав. Невозможно подсчитать, сколько мы везем с собой золота, которое получим в обмен на Белую Смерть.

Я хотел выкинуть героин в море. Героин — сжатое как пружина безумие, и я не верю, что он принесет счастье. И в то же время жалко выбрасывать двадцать пакетов белого порошка за борт, потому что больше никогда не будет такой удачи: когда мы доберемся до большого порта, я найду способ обменять героин на деньги. Я знаю законы наркоманов. Я не буду разбавлять порошок лимонной кислотой и содой, наживаться на обмане, я найду оптового покупателя и продам пакет. Всего лишь один пакет. И это будет очень много денег. Потом позднее я извлеку из тайника еще один. Если в порту узнают, сколько у меня героина, меня сразу зарежут... Спасение лишь в том, что никому не придет в голову, что я обладаю таким огромным состоянием.

Только бы не проболтался китаец Мын.

От него нужно избавиться. Но как? Может, убить его?

Это голос Белой Смерти! Героин — это смерть. Мы с Мыном спасаемся от пиратов, а у меня в голове уже возникают кровавые замыслы.

...Идем под парусом — куском толстого брезента. Я ловлю рыбу, но пока ничего не поймал. Чем я буду кормить Балерину? Она жалобно смотрит на меня. У нас нет воды.

...Мы пристали к острову. Тихий остров. Хорошо, что мы оставили немного бензина, а то бы течение протащило нас мимо острова. Людей на острове нет. Растут кокосовые пальмы. И сколько хочешь воды. Мы пили ее втроем — я, Мын и Балерина. Пили, пили, потом стали плескаться. И Балерина весело застрекотала, полезла на деревья, рвала плоды и ела... Мы спасены!

...Катер мы загнали под ветки манговых деревьев. Они торчат из воды, корнями уходя в ил. В прилив вода поднимает катер к самой кроне, мы с Мыном лазаем по стволам, как Балерина! Она обжелась. Мы тоже. В лесу настреляли птиц. Мы убили маленькую кабаргу. Интересно, как эти животные очутились на острове?

Вокруг стволов манговых деревьев переплелось множество корневищ, точно витые кольца и узлы, над головами раскачиваются, как ножи, семена. Они падают на землю, когда спадает вода, и впиваются в ил и сразу прорастают.

...Нас живьем съедают москиты и песчаные мушки: кровопийцу почти не разглядишь — еле заметная точка. Когда ночью они впиваются, кажется, что в тебя забивают раскаленные гвоздики.

...Я никогда не видел столько змей, как здесь. Прежде чем выбраться на берег, мы длинными палками обиваем ветки и листву, чтобы спугнуть гадов. Некоторые из них толщиной с руку. На иле после отлива их остаются десятки.

Сходни на берег мы сделали по веткам деревьев, потому что увязнешь в иле... Он глубокий, по пояс. На его поверхности лопаются пузыри и воняет тлением. Тут все необычно. Вместо кузнечиков по веткам и листьям прыгают рыбы.

Мы заполнили все емкости пресной водой. Теперь нам не страшен океан.

Мы вялим мясо. Дичи здесь много. Кабарга совершенно не боится, подпускает на бросок камня. Здесь водятся птицы, похожие на куриц. Они зачем-то сгребают в большие кучи опавшую листву. Их можно хватать голыми руками.

Мы носим плоды на катер. Больше всего запасли кокосовых орехов. Молодец, Балерина! Она поняла, что требуется. Взлетает на пальму и выбирает самые спелые, подгрызает черенок и сбрасывает орех вниз. Она боится оставаться одна, бежит за нами в лес, но, когда Мын поднимает автомат, чтобы подстрелить павлина или кабаргу, стремительно убегает, прячется в чаще, потом долго не выходит. Ее напугали охранники в ночь, когда отстрелили ей хвост. С культей хвоста она выглядит как мой старший брат без ноги. Она стала очень нервной и ревнует меня к Мыну. А может, она почувствовала, что Мын задумал что-нибудь недоброе? Ведь я тоже думал о том, чтобы убить его и завладеть его пакетами и, самое главное, избавиться от свидетеля.

Неужели мы такие же, как пираты? Или это зовет Белая Смерть? Она рядом, в полиэтиленовых пакетах. Ее много, очень много. Я боюсь Мына.

...После полудня пролетел самолет. Мы затаились...

Чей это самолет? Кого он ищет? Спасибо, что спрятались под ветками деревьев. Пора уходить в море.

...Израсходовали последние капли бензина. Теперь катер не имеет активного хода, его несет на восток течением. Когда усиливается ветер, мы разворачиваем парус. Чтобы сохранить направление, выбрасывали «якорь» — кусок брезента, он как парашют тянется под водой, оттаскивает корму, и нашу посудину не крутит как кожуру банана.

...Дядюшка Ван, старый гадалщик с базара, любил повторять изречение древних мудрецов: «Чем больше все меняется, тем больше все остается по-старому». Мне наплевать на мудрецов. Самая большая мудрость на свете — радоваться жизни. Я в сенанге¹. Мын спит. Он умеет спать. Потолстел даже. А мы с Балериной садимся в тень рубки, и она ластится ко мне или начинает с веселым визгом носиться по палубе, прыгать с каната на канат.

...Несчастье пришло. Оно должно было прийти. Зачем я не бросил узел Толстого Хуана на тропе!

Мын помешался на пакетах из полиэтилена. Он обложился ими и, полузакрыв глаза, бредит:

— Я отдам долги... Я куплю лавку... Я куплю костюм из английской шерсти... Я вставлю пять золотых зубов...

Балерина схватила один пакет и побежала. Мын озверел. Бросился за ней. Балерина думала, что с ней играют. Она дразнила Мына, и тот скрипел зубами, как оборотень. Мын бросился в рубку, выбежал с автоматом. Я повис на нем. Отнял автомат. Мын визжал, как предводитель стаи обезьян, а Балерина сидела на мачте и скалила зубы. Она не любила Мына. И чтобы насолить ему, разорвала пакет...

Балерина вкусила Белую Смерть.

Она отбросила пакет, и он упал за борт.

Не знаю, сколько кристаллов героина попало ей в ноздри, обезьянке много ли надо. Она впала в кайф. Сползла вниз, прошла на четырех лапах мимо нас.

Мы стояли как заколдованные, мы не знали, что предпринять, мы боялись ее... И Балерина шагнула в воду, как китайский поэт Ли Бо.

¹ Сенанг — отличное расположение духа (малайск.).

Я молча пошел в рубку, вытащил на палубу свои пакеты и выкинул Белую Смерть в океан.

— Убью! — закричал Мын. Он опять схватил автомат и нацелился мне в грудь.

— Это мои пакеты, — сказал я.

— Ты мне должен один... Ты мне должен тысячу долларов!

— Это ты должен Толстому Хуану жизнь, — сказал я. — Балерина была его. После смерти Хуана она стала наследницей его вещей. И я отдал ей то, что принадлежит ей.

— Я тебя убью! — бесновался Мын.

Он не убил, потому что еще не научился убивать. Он мирный китаец, а мирные китайцы не умеют убивать. Я подошел, взял у него автомат. И автомат выбросил за борт, и пистолет, который мне подарил покойный Хуан.

Я долго снимал скорострельную малокалиберную пушку со станины. Поддел ломом и тоже спихнул в океан. А Мын плакал... Он завернул свои пакеты в узел Хуана и потащил в машинное отделение.

— Не бойся! — сказал я. — Моя рука больше не прикоснется к Белой Смерти. Выкинь ее, пока не поздно. Кроме несчастья, она ничего не принесет.

Но Мын меня не послушал».

Часть вторая

1

Я — Артур Джеральд Кинг, сын Джеральда Корнелиуса Кинга и Марии Ивановны Лобановой, сотрудник газеты «Гонконг стандарт», уроженец города Шанхая, британский подданный, холостой, брюнет, рост средний, особые приметы отсутствуют, угодил в мышеловку, где вместо кусочка сыра была сенсация, вместо стенок из проволоки — границы португальской колонии Макао, а роль хозяйки мышеловки исполняла знаменитая пиратка мадам Вонг. Я сидел в мышеловке тихо, как настоящая мышь, стараясь не привлечь раньше времени внимания хозяйки, надеясь на удачу, сетуя, что не родился с перепончатыми крыльями.

Я отлично понимал, что, выражаясь на портовом сленге, нужно немедленно рубить канаты и бежать куда глаза глядят без остановки, если хочу оказаться в безопасности.

Требовалось что-то предпринять. Что именно?

Если б я попытался сесть на морской трамвай, снующий между португальской и английской колониями, я бы немедленно угодил на мушку гангстерам — в море могло случиться все, что угодно, и, как говорится, концы в воду. Нет, я был не настолько наивным, чтобы с самодовольным видом невозмутимо проследовать через турникет мимо таможенного чиновника, и дело не в том, что таможенный досмотр здесь пустая формальность, — британский паспорт перестал быть надежным щитом, и Корабль Мести ее Величества не примчался бы на всех парусах воздать должное неблагородным туземцам за рагу из подданного королевы Великобритании. Времена были не те, и туземцы стали иными. Хорошо это или плохо? Великобритания, тем более фашистская Португалия, заискивают перед Китаем, судорожно цепляются, как утопающие, за последние колонии, которые, кстати, нужны маоистам не менее, если не более, чем «проклятым империалистам».

Тот же Гонконг — неиссякаемый источник иностранной валюты для «Бэнк оф Чайна».

Я отлично помнил обстановку на острове Виктория во время первой «культурной революции», когда мои соотечественники всерьез готовились к поспешной эвакуации, стоило только появиться на улицах «красным охранникам» и «смутьянам». Хунвэйбины и цзяофани поначалу всерьез приняли лозунги, выкрикиваемые озверевшей толпой на Центральном стадионе северной столицы во время расправы над «сторонниками» ревизионистского и капиталистического пути развития. Из Гугуна, дворца императоров на площади Тяньаньмынь, последовал окрик: «Не шалить!» — и колониальная полиция, оправившаяся от шока, моментально начала хватать хунвэйбинов и цзяофаней, сажать их в каталажки, высылать на материк.

То было в колонии... В Пекине произошло иное. Подстрекаемые Кан Шэном, Цзян Цинь, Яо Вэнь-юанем, толпы разъяренных юношей и девушек блокировали посольства иностранных государств. Когда-то, в старые времена, под страхом смерти китайцам запрещалось входить на посольскую улицу. Теперь таковой не было... Опьяненные кровью забитых насмерть собственных учителей и своих товарищей, уверенные в безнаказанности, юнцы сожгли британскую миссию¹. Хунвэйбины сорвали одежды с жен британских дипломатов, надругались над женщинами, и все это фотографировали, снимали на кино пленку с инквизиторским сладострастием. Женщин гнали голыми под улюлюканье толпы вдоль улицы. Они метнулись к албанскому посольству, но их не пустили в двери, спаслись несчастные в посольстве Болгарии.

И Лондон сделал вид, что ничего не произошло. К пожарищу по утрам по-прежнему приезжал на велосипеде почтальон и клал газеты и письма туда, где должен был быть почтовый ящик... Так что я не питал иллюзий.

Жизнь рядового журналиста не та монета, которой расплачиваются за большую политику. Если бы из Пекина на мое имя пришла «охранная грамота»... тогда бы... А пока я вынужден был сам искать пути отступ-

¹ Похмелье для них было впереди, когда в них отпала необходимость. Четырехмиллионные колонны «добровольных переселенцев в дикие районы» погнали штыками на вокзалы... (Примеч. авт.)

ления. Боб где-то запропастился. Я второй вечер коротал с Клер.

Мы в темноте сидели рядом на низком диванчике, курили и как поэты любовались лунной дорожкой. Я чувствовал ее локоть. Теплый и... По правде говоря, я был совсем не равнодушен к ней. Это я понял. Просто время и разлука притупили чувства. Я сказал полушутя, полусерьезно:

— А что, если нам плюнуть на все и окрутиться, как говорила моя матушка? Ты бы согласилась стать моей женой?

Локоть дрогнул...

— Мы с тобой разного вероисповедания, — отозвалась Клер, огонек на кончике сигареты вспыхнул, осветил ее губы.

— Обвенчаемся в православной церкви, — продолжил я, не придавая значения сказанному. — Русские попы более терпимы к подобным тонкостям, чем ваши, католические.

— А ваша церковь разрешает разводы?

Мы опять замолчали. Мои мысли снова и снова невольно возвращались к тетради.

Я как наяву видел то, что происходило.

2

Мой пересказ последующих злоключений Пройдохи

...Пройдоха Ке со своим приятелем Мыном болтались по океану, пока их не снял с катера филиппинский фрахт. Он вез копру, а может, и не копру, а пальмовое масло или цемент... Фрахт есть фрахт — грузовое такси гоняется из порта в порт, если, конечно, капитану повезет и он не застрянет где-нибудь в жуткой дыре порожняком, а это, как известно, сплошные убытки.

Фрахт был приписан к Маниле и представлял собой Ноев ковчег с семью парами чистых и сорока парами нечистых, но и наши джентльмены с Таинственного острова не корчили из себя воспитанников Паблик-скул, тем более что платить им за каюту было нечем, и они отправлялись отнюдь не в развлекательное путешествие.

Катер, на котором Ке и Мына болтало по океану, был сильно потрепанным, его крутые бока расцвели ржавчиной, как стволы пальм орхидеями, с него сняли

мотор, кое-какое оборудование, и этого хватило бы Пройдохе и Мыну на то, чтобы доехать бесплатно до первого порта, но они предпочли работать матросами, — Ке потому, что у него не было ломаного гроша за душой, а Мын из конспирации. Пакеты с героином он сумел протащить на фрахт, часть пакетов пересыпав в спасательный надувной жилет, который не снимал с тела.

Сложность их положения заключалась в том, что они не успели придумать ни одной более или менее складной легенды, как очутились где-то на подступах к Каролинским островам.

Они наплели горы чепухи о каком-то американце, который будто бы нанял их порыбачить и, перепившись, утонул. А сами герои не подумали о том, что на них могло пасть подозрение в убийстве сумасброда-миллионера. Им еще повезло, что они наскочили на судно с филиппинским экипажем, которому ровным счетом было наплевать, за что и когда двое цветных перерезали глотку белому, тем более американцу. Может быть, поэтому двадцать членов филиппинской шхуны отнеслись к двум новым членам экипажа с почтением, замешанном на страхе, и не лезли с глупыми вопросами, что, как известно, вообще характерно для восточных людей.

В довершение всего Мын стал коситься на Пройдоху. Трудно сказать, какие мысли шевелились в черепной коробке Мына, прикрытой черными с синеватым отливом волосами, но он явно тяготился присутствием Пройдохи. Это тоже невозможно было скрыть от экипажа. Однажды он бросился на Пройдоху с ножом, но его уgomонили.

Капитан-филиппинец был скуп, неразговорчив, себе на уме, а это имело прямые последствия для наших героев. Нужно сказать, что капитан-филиппинец был осторожным человеком. Он хмыкнул, давая понять, что слова обоих новоявленных матросов его полностью удовлетворяют, но, как говорят игроки в преферанс, где-то нарисовал «зуб». Родом он был с Гаити, так что в его жилах текла часть испанской крови, которая, как известно, коварна. Капитан, его помощник и еще несколько верных членов экипажа были вооружены. Так что экипаж был дисциплинированным.

Когда судно вошло в порт и встало к причалу, не-

ожиданно к месту стоянки подкатили «джипы» с портовой полицией. Как позднее догадался Пройдоха, капитан дал телеграмму, что в океане при странных обстоятельствах подобрано двое людей с военного быстрогоходного катера, лишенного каких-либо опознавательных знаков. Хотя Пройдоха и выбросил оружие за борт, любому мореходу достаточно взглянуть на полубак, чтобы догадаться, что железный станок, вклепанный в палубу, служил отнюдь не для того, чтобы устанавливать навигационные приборы. Пиратство в данном уголке Мирового океана процветало, некоторые суда ходили с мешками песка, уложенными вдоль бортов, — из-за мешков безопаснее отстреливаться. Бывало и так, что молодчики той же мадам Вонг нанимались на рейс и в нужный момент заставляли членов экипажа поднимать вверх руки, когда это меньше всего им хотелось.

Пройдоху Ке и Мына арестовали, засунули в «джип» и отвезли в здание, назначение которого знают все портовые подонки. Здесь произвели обыск. Сержант полиции сидел за столом, расправлял лист бумаги, чтобы записывать показания задержанных... Первым оцепуали Пройдоху. У Пройдохи ничего не нашли. Когда очередь дошла до Мына, тот сделал неожиданный финт — ударил головой в живот полицейского и выпрыгнул в окно. Пройдоха, воспользовавшись суматохой, улизнул. Он подробно описал свои страхи в дневнике, как прятался за какими-то огромными катушками с кабелем, ползал на брюхе под железнодорожными вагонами, но больше всего страниц он уделил проклятию Белой Смерти, как он называл героин. И у него были основания, чтобы ненавидеть это зелье.

Мына пристрелили, в данном случае при действительной попытке к бегству. Ну и при обыске трупа нашли жилет с героином.

Неизвестно, по каким соображениям, но полиция не приложила особых стараний к поимке Пройдохи. Возможно, они прикарманили героин; возможно, их удовлетворила жертва, и это позволило Пройдохе наняться на другой корабль и уйти в море.

Почти год он слонялся по волнам, пока не попал в Гонконг.

В этом суматошном городе Ке сошел на берег и занялся другой работой. Он отирался в порту или на аэровокзале, буквально вырывал из рук чужие чемо-

даны, чтобы поднести к машине и заработать несколько монет. Он водил солдат американской пехоты по значным местам, выступая в роли сводника. Пройдоха был неглупым парнем. Если ему попадались туристы, он обязательно заводил их в Китайский квартал. Там у него была договоренность с приказчиком антикварной лавки, где продавались всевозможные подделки восточных редкостей — от иньских костей до глиняных тибетских монет, отчеканенных тут же в лавке, в задних комнатах. Пройдоха имел навар от покупок туристов. Обычная картина. Вроде гейши, которая получает гонорар от счета, на который сумела разорить клиента рестораника.

Здесь, в лавке, он и познакомился с неким господином Фу, хозяином. Пройдоха понравился господину.

Стоп! Вот та точка, в которой перекрестились две параллельные. Вообще-то у меня существует теория, что если встретятся два совершенно незнакомых человека и разговаряются, то обязательно найдут третьего — общего знакомого. К сожалению, господин Фу был далеко не той личностью, знакомством с которой я мог бы гордиться.

Мои размышления прервало неожиданное появление служанки. Она выплыла из сумерек бесшумно и плавно и замерла на пороге.

— Что тебе? — приподнялась Клер. — Я не звала.

— Госпожа, — сказала служанка, — к вашему гостю пожаловал человек. Вот его визитная карточка.

— К кому пришел человек? — не поняла Клер.

— К сэру Артуру Кингу.

— Давай сюда карточку, — сказал я.

Служанка подошла и протянула на маленьком подносике карточку, сделанную из рисовой соломки, — это более оригинальные карточки, чем из плотной бумаги.

Я прочел фамилию неожиданного визитера и почувствовал, как у меня вспотели ладони.

— Кто пожаловал? — спросила Клер.

Я помолчал, потом сказал:

— Пришел хозяин лавки господин Фу. Легок на помине! Какая-то мистика! Прямо по шекспировскому «Генриху IV»: «Я духов вызывать из тьмы умею». — «И я, как, впрочем, всякий человек. Все дело в том лишь, явятся ли духи». Духи явились!

— Это твой приятель? — Клер встала.

— Как сказать... — Я тоже поднялся с диванчика и притушил в пепельнице сигарету. — Скорее наоборот. Сложность заключается в том, каким образом он узнал, что я нахожусь у тебя? Остальное мелочи.

— Это ты выясняй сам, — сказала Клер. Она включила свет и вышла.

3

Господина Фу можно было назвать образцовым европейцем: на нем был черный строгий двубортный костюм из английской шерсти, белоснежная рубашка, черные башмаки с тупыми носками. Единственно, в чем чувствовался перебор, так сказать, признак дурного тона, — обилие золота: золотые швейцарские часы «Лонжин» на массивном золотом браслете, золотые запонки, золотое кольцо с опалом и золотые зубы. Здесь, в Макао, признаки богатства, выставленные напоказ, свидетельствовали не столько о том, что хозяин имеет достаток, сколько о том, что он имеет силу: подобные знаки силы, как яркий цвет у божьей коровки, предупреждали — трогать нельзя, я несъедобен, мною можно смертельно отравиться.

Мы сидели в мягких креслах и откровенно изучали друг друга, конечно, не молча, а в соответствии с церемониями, выработанными великим Конфуцием и модернизированными в духе нашего времени.

Мы сидели за чайным столиком, и никто и ничто не мешало нам наслаждаться взаимным лицезрением и приятной беседой.

Господин Фу улыбался. Казалось, внутри его работала портативная атомная станция, которая выделяла тепловую энергию, достаточную для освещения городка с двадцатитысячным населением, и вот эта дешевая энергия выплескивалась на лицо моего гостя, и он буквально сжигал меня улыбкой.

«При сиянии его глаз можно загорать», — подумал я.

И я тоже раскочегарил внутри себя паровую машину и заулыбался. Мы знали друг друга заочно. Правда, о господине Фу я знал больше, чем он обо мне. Мы оба это понимали.

— Как ваше здоровье? — сделал первый ход гос-

подин Фу. Говорил он по-английски. Про себя я отметил, что он говорит без акцента, и это заставило меня внутренне подобраться. Ответил я по-китайски, на шанхайском диалекте, несколько старомодно, высокопарно, в духе Сенковского:

— Спасибо, отлично! А как поживает ваше дражайшее тело?

— О, спасибо, спасибо! — закивал господин Фу, чуть не растаяв от радости. — Вы хорошо говорите по-китайски. Лучше, чем я.

— Помилуйте! — взмолился, в свою очередь, я. — Разве я могу сравниться с таким блестящим знатоком языка, как мой гость. Я знаю только пекинский и шанхайский диалекты, а вы знаете все, даже самый трудный — кантонский. Ваш антикварный магазин известен далеко за пределами Гонконга. Я встречал людей, которые показали мне нефритовые рыбы эпохи Суй¹, которые они имели счастье купить в вашей лавке. Правда, господа, которые показывали мне этих рыб, мало знают прославленную историю Срединного государства, и мне показалось, что они спутали эпохи, что часто бывает с иностранцами. Рыбы, по-моему, более поздней эпохи, даже совсем поздней...

Тут я замолчал и улыбнулся. На лице господина Фу отразилась гамма улыбок — вначале мягких тонов, они источали, как сказали бы на Ближнем Востоке, имбирь, — ему нравились мои похвалы, и в этом он был искренен, но последние слова заставили сменить имбирь на подслащенную воду, потому что намек на эпохи имел смысл, и то, что мы поняли друг друга, нам обоим очень понравилось.

Подтекст был такой: господин Фу, я знаю, что вы на самом деле большой знаток древностей, но тем не менее всучили доверчивым покупателям подделку, которую сработали в вашей же мастерской. Но подделка хорошая, и это делает вам честь, а что касается иностранцев, то для них подобная покупка вполне оправдывает те доллары, которые они заплатили.

— О господин Кинг, — сказал Фу, — конечно, иностранцы покупают все, что им ни покажешь. В этом и заключается смысл торговли.

— Я вполне с вами согласен.

¹ Эпоха Суй — 589—619 годы н. э.



— Сами посудите... В настоящее время истинно древних вещей осталось мало. И еще меньше осталось ценителей. Я искренне привязан к старине. Наша история, история Срединного государства, очень древняя, древнее таких государств, как Египет, Индия, тем более Греция... Как истинному патриоту мне стыдно торговать подлинными ценностями, да я бы и не стал отдавать в руки невежд бесценные реликвии. У меня есть коллекция древних монет. Это моя гордость и мое состояние. Ракушки побережья, глиняные монеты, шаньдунские мечи эпохи Чжоу, связки чох странствующих монахов, которые в пути заменяли календарь, ибо их было ровно двенадцать и на каждой был символ созвездия, монеты Тайпинов... Даже монеты Тайпинов представляют сокровище только для знатоков, к которым принадлежите и вы. И для меня было бы счастьем, если бы вы посетили мой дом и могли бы посмотреть и оценить мой труд. Мы ведь с вами люди цивилизованные в отличие от посетителей моей антикварной лавки. Для невежд рисунок тушью на новом шелке равноценен подлинной керамической плите из Сычуаня с божественным изображением Фу-си и Нюй-ва. Как вам известно, на этой керамической плите изображены Фу-си, держащий солнечный диск, и Нюй-ва с диском луны, что связано с представлением о мужском и женском началах в природе. Силах ян и инь.

Он замолчал и с грустной улыбкой поглядел на меня. Это был экзамен. И грустная улыбка господина Фу означала, что очень мало кто знает истинное толкование символов, но в то же время его рассуждения о древних богах таили в себе и ловушку. Он осторожно подвел меня к ее краю и ожидал, когда я оступлюсь и рухну в нее. И он заранее торжествовал, хотя, если бы я свалился в нее, он бы и виду не подал, а просто отметил бы про себя границу моих познаний и сделал бы соответствующие выводы. И если бы когда-нибудь мне пришлось обратиться к нему как к купцу, он бы знал, до каких пределов можно играть со мной как кошке с мышью, на каком уровне можно подсунуть подделку, содрав за нее три шкуры. Если бы я упал в эту яму невежества, он был презирал меня как варвара, но внешне стал бы еще более любезным.

Я улыбнулся, в свою очередь, но с оттенком задумчивости. Для меня было не так опасно сорваться в яму,

как насторожить господина Фу, дать понять, что мне ясно его игра... Я должен был быть с ним бóльшим азиатом, чем он сам. Если он поймет, что я раскусил его, то это даст основание прийти к выводу, что его хитрости я разгадываю за три хода и, значит, сумею раскрыть то, за чем пришел он. Он утвердится в своих подозрениях, а я разоблачу себя, и это будет означать, что моя ловушка захлопнулась окончательно. С другой стороны, мне нельзя было выдавать себя за тупицу, так как это вызовет у господина Фу определенную реакцию — он перестанет меня уважать, я потеряю в какой-то степени «лицо», последнее даст ему основание быть нахальным, даже бесцеремонным. Кто знает, куда привели бы наши разговоры... Мне пришлось «искренне» удивиться, и с нотками недоумения я сказал:

— Простите, господин Фу, вы неверно трактуете символы ян и инь. Как известно, великий Конфуций переосмыслил истинное значение мифа о Фу-си и Нюй-ва. На плитах в Улянцзы, которые значительно древнее керамических плит Сычуаня, изображение иное. В Улянцзы Фу-си держит в руке угольник, а Нюй-ва — циркуль. Всем известно, что эти два инструмента символизируют порядок на земле, установленный мифическими супругами, или, по другой трактовке, братом и сестрой. Слово «порядок» в современном языке — «гуй-цзюй», и состоит оно из двух иероглифов: «гуй» — циркуль и «цзюй» — угольник.

Я начертил пальцем на столе два иероглифа. Разговор шел какой-то глупый, в духе нынешней борьбы маоистов против конфуцианства, но тем не менее его нужно было продолжать.

— Поэтому, — продолжил я, — трактование сычуаньских символов, на которые вы ссылаетесь, неверно. Эмблемой Фу-си должен быть не угольник, а циркуль, угольнику же место в руке Нюй-ва. Извините меня, но ваше освещение порядка на земле соответствует лишь более поздней философской концепции Конфуция и его последователей, чем истинному положению вещей.

— Простите, — сказал он, — я действительно запямятовал первородное толкование символов Фу-си и Нюй-ва. В наше время забыли, что дракон — эмблема Востока, а тигр — эмблема Запада.

— Красная птица — эмблема юга, а черный воин (черепаха и змея) — эмблема севера! — добавил я.

— Да, да... Все рушится в Поднебесной. Забыты обряды и обычаи предков.

И он машинально начертил на столе иероглиф.

Я знал изречение Конфуция. Как я был благодарен своему старому учителю, почтенному сяньшену¹ Цзяо, старику, который с невероятным терпением учил меня когда-то премудростям вэньяня. Старик был влюблен в старинные тексты. Ему принадлежали довольно оригинальные исследования древних текстов, он был известным ученым, и если тратил время на обучение сына «большеносого», так только потому, что отец не скупился на затраты, — он считал как само собой разумеющееся, что его отпрыск должен знать все тонкости страны, где он родился, в то же время оставаясь стопроцентным англичанином. Старик был одержим... Мы допоздна сидели на задней веранде нашего коттеджа, слушали звон цикад, посаженных в специально сплетенные корзиночки, пили охлажденный лимонад, обмахивались черными бумажными мужскими веерами, я с благоговением слушал своего учителя, с любопытством глядел на иероглифы, из которых на моих глазах слагались старинные выражения древних мудрецов. К сожалению, ученик из меня получился плохой, меня куда больше интересовала лапта или теннис. Сяньшен Цзяо тихим голосом, как волшебник, открывал мне секреты иероглифов. К тому же он был непревзойденным каллиграфом. В Китае искусство писать иероглифы так же почитаемо, как и живопись. Это особый вид искусства, прелесть которого недоступна европейцам. Иероглиф имеет строгий порядок написания. Он состоит из элементов, символов, которые в определенных сочетаниях имеют скрытый смысл. Чтобы запомнить иероглиф, я придумывал собственное толкование, примитивное, но так было легче их запомнить. Так, например, иероглиф «дерево» означает лишь одно дерево. Два таких знака вместе — уже другой иероглиф, означающий лес, а три дерева — уже чаша... Иероглиф «любовь». Он состоит из элементов — когти, крыша, сердце и элемент «волочить ноги», я лично так запомнил смысл этого знака: «когтями под крышей рвется сердце на части так страстно, что подкашиваются ноги».

Пусть учитель простит мне подобное осмысливание

¹ Сяньшен — господин учитель (кит.).

иероглифа «ай». Я с большой теплотой и безмерным чувством благодарности вспоминаю моего учителя. Это был добрейший старик, сам превратившийся в символ древнего Китая, спокойный, утонченный, восторженный и чудовищно честный. Он мог отдать последнюю чашку риса нищему, последний юань плачущему ребенку, поднять с земли жемчужное ожерелье и повесить его на сук дерева, чтобы хозяин, вернувшись, нашел свою потерю. Он нетерпим был только к невежеству и алчности, считая, что эти два порока — прародители всех несчастий на земле. И в шутку говорил, что если Фу-си и Нюй-ва являются прародителями порядка, то невежество и алчность — их антиподы — породили все мерзкое и страшное в мире.

Единственной слабостью, которой обладал мой учитель, была любовь к маотаю¹. Он стыдился ее и ничего с собой не мог поделать. Моя матушка знала об этом. И не осуждала старого, почтенного учителя. Ей ли, дочке русского офицера, не знать фатальность этой страсти! Но пил учитель не по-русски, а по-своему. Матушка выносила маленький фарфоровый графинчик с подогретой водкой. Она очень пахучая и крепкая, ее пьют только теплой, иначе ничего не почувствуешь, как не почувствуешь букета хорошего коньяка, не согрев бокала в руке. Почтенный учитель смущался, долго отказывался, потом с достоинством благодарил, наливал маленькую чашечку напитка. Отпивал... Я любил, когда он бывал в таком состоянии. Глаза у него молодели, румянец загорался на впалых щеках, и речь становилась энергичнее, он превращался в поэта. Он вспоминал Цюй Юаня, Ли Бо, древних поэтов, божественных и грешных, и сам он был богом и грешником, учителем и другом, стариком и юношей.

Я принес ему много огорчений — у меня не было таланта к каллиграфии. Мои иероглифы походили на знаки, которые оставляют чайки на морском песке.

Господин Фу написал довольно известное изречение древнего мудреца. В переводе оно означало, как бы точнее передать идиоматический смысл, — богу богово, кесарю кесарево, то есть властитель должен быть властителем, господин господином, отец отцом, а сын сыном, и если ты родился богатым, то и должен оставаться та-

¹ Маотай — китайская водка.

ковым, а родился бедняком, то твое предназначение оставаться бедным, ибо такой порядок в Поднебесной, и он вечен, и долг каждого быть тем, кто он есть.

Я понял, зачем написал эти иероглифы господин Фу, — он выбирался из ямы, которую выкопал для меня, ссылаясь при этом на приверженность Конфуцию, точнее, порядку, который должен быть неизменным, и не его, дескать, дело истолковывать символы ян и инь в их первородном значении, ибо он, скромный человек, лишь жалкое отражение великого ума, который лучше его знал, как трактовать истины, а он лишь приверженец порядка, и если не привел мне более верное объяснение, то не потому, что не знал, а потому, что не смел вступать в пререкания с древнейшим авторитетом. Он не считал себя легистом, поклонником Шан Яна¹.

4

Выслушав несколько его фраз о погоде и ближайшие прогнозы на будущее, я прервал его.

— Как вы узнали мой адрес? Кто вам его дал? — спросил я напрямик. Мне надоела отвлеченная беседа, великое пустословие, не хватало, чтобы он начал еще читать стихи Мао Цзэ-дуна.

— Я узнал ваш адрес, — отвечал господин Фу, — в полиции...

— А откуда полиция узнала мой адрес?

— Вы имели неосторожность звонить в газету. Установив вначале, кто вы, они просмотрели телефонные вызовы и узнали номер телефона и адрес госпожи, у которой вы пожелали остановиться...

Его слова меня насторожили. Полиция. Португальская... Молодого вьетнамца убили гангстеры, и они, только они ищут меня. Я нужен им... Так почему же

¹ Пекинская пропаганда в настоящее время прославляет одного из основоположников легизма — Шан Яна (Гунсунь Яна, 390—338 годы до н. э.), в концепциях которого, по существу, возведены в принцип произвол и всемогущество верховной власти. Он требовал ужесточения наказаний, введения круговой поруки и системы доносов, запрещения облегчать участь осужденных, искоренения всех «праздношатающихся», в том числе ученых-книжников, «смущающих» умы земледельцев, чиновников и воинов — единственных сословий «идеального» государства. Значительное место в системе взглядов Шан Яна занимало и прославление победоносной войны.

обращаются за справками в полицию и почему полиция разыскивает адрес нужного пиратам человека? У них существует связь? А почему бы и нет? Ничего удивительного. Наверняка в полиции есть люди мадам Вонг, она предусмотрительна. У нее деньги, власть, связи... Может быть, поэтому до сих пор и не «попала» в руки полиции ни одна фотография предводительницы пиратов? Тогда понятно, почему на свидание с японской уголовной полицией явился человек с вырванным языком и отрубленными руками. Клубок... запутанный клубок, в котором невозможно проследить, где начинается и кончается нить.

Я молчал, и это было ошибкой. Я еще раз вспоминал строки из дневника убитого вьетнамца.

Я хорошо представлял антикварную лавку, в которой Пройдоха познакомился с господином Фу. Она похожа как две капли воды на тысячи других. Бумажные фонарики, у входа на красной доске два иероглифа счастья. Внутри лавочки стоит характерный затхлый запах. Высокий прилавок и полки. Под стеклом старинный фарфор, резные шары из слоновой кости — шар в шаре, до пяти-восьми штук. Такие шары с охотой покупают иностранцы. Туристам кажется, что это редкость... Шары эти режут ремесленники довольно быстро, получая за этот труд мизерную плату. Шары не представляют никакой художественной и исторической ценности и производятся, как и многочисленные ярко раскрашенные статуэтки, на потребу иностранцев. Сверкают огромные серебристые ордена Юань Ши-кая или другого какого-нибудь милитариста, отделанные фальшивым жемчугом. На орденах изображены всевозможные драконы или тигры (милитаристы, подобно шакалам, еще недавно терзавшие страну на части, любили знаки «доблести»), старинные часы, музыкальные шкапулки, которые были модны при дворе императрицы Цы Си. Всевозможный хлам... Табакерки, портсигары, обожженные из глины статуэтки Будды, индийские, японские божки из дерева, кости, бронзы... Миниатюры в дорогих рамках. И самые ценные предметы — два-три зеленых от времени треножника или курильницы для благовоний, старинные вазочки с облупившейся глазурью... И если покупатель заинтересуется ими, приказчик вынесет из задней комнаты другие предметы. «Старинные», «подлинные», дорогие. Отличные подделки!

Будет клясться, что это подлинные сокровища из храма в Сиане или из Лхассы. Он будет говорить, что хозяин его убьет за то, что он решился продать подобное на свой риск, до хрипоты будет торговаться, но, когда покупатель раскошелится и уйдет, в глазах приказчика на секунду мелькнет усмешка. И все. На три дня можно закрывать лавку — выручка солидная.

Пройдоха подыгрывал приказчику. Ненавязчиво восхищался «древней реликвией», закатывал глаза, цокал языком, всем своим видом показывал, что впервые видит такую древнюю вещь и, будь у него деньги, не задумываясь, купил бы ее. Когда он выходил из лавки, в его кармане похрустывало несколько гонконгских долларов.

Пройдохе платили не зря. Редкие туристы отваживались заглянуть в «китайский город», расположенный рядом с широкими асфальтированными дорогами в так называемом Коулун-сити, месте жительства гангстеров, контрабандистов, фальшивомонетчиков, сосредоточении уголовного мира. Особенно отвратительными были опиекурильни, официально запрещенные колониальными властями. Секретарь по китайским делам гонконгского правительства отлично знал, что происходит в тесных и грязных кварталах, но ничего не мог поделать с преступниками, а возможно, и не хотел. «Нас не интересует, если один желтый перережет глотку другому, — говорили чиновники, — в конце концов, в совете есть представители туземцев. Пусть они сами разбираются в отношениях между собой».

На кривых, запутанных улочках Коулун-сити было тесно, грязно, шумно, круглые сутки буйствовали запахи... В открытых окнах, на прилавках, лотках лежали горы подпорченных пахучих фруктов, тут же под навесами в масле шипели пампушки, в котле варили цай-лайми — дешевый рис, зерна которого были маленькими, не клейкими и безвкусными. Тут же ели, отдыхали, стригли ногти, накладывали заплатки на истлевшие от пота рубашки... Бегали голые детишки с большими животами, на обочинах тротуаров сидели их матери и что-то мастерили, а рядом с женщинами стояли торчком лотки с сигаретами, чаем и листиками жевательной резинки. Пестрели американские, японские, тайваньские, китайские рекламные календари, с крыш свешивались полотнища с иероглифами, сновали нищие, кули, раз-

носчики воды — вода здесь стоила дорого, она покупалась на континенте на валюту, и, пока докатывалась от реки Дунцзян до кварталов бедняков, ее цена вздувалась, как сама река в половодье.

Господин Фу в желтых кварталах был богом. Он шел по улице в сопровождении двух телохранителей, ему уступали дорогу и униженно кланялись. Когда он заговорил с Пройдохой, тот растерялся от неожиданности. Господин Фу собирался поохотиться на крокодилов, что в Гонконге считалось шиком, свидетельством принадлежности к высшему обществу, что-то наподобие охоты аристократов на лисиц в старой Англии. Телохранителей с собой он взять не мог, так как с тайбейской полицией у них были натянутые отношения. Один телохранитель был высокий, жилистый, с горбатым носом, по всей видимости, мексиканец с большой дозой индейской крови; второй — кряжистый, с точно надутыми мускулами. Звали его Сом. Он не снимал черные очки ни днем, ни ночью. Определить его национальность не мог даже Пройдоха, которому достаточно было взглянуть на человека или услышать фразу, чтобы определить, в какой части Юго-Восточной Азии появился на свет этот человек. Сом был «гражданином мира».

Господин Фу внимательно оглядел Пройдоху и пригласил в заднюю часть дома. Они прошли мастерские, где сидели кустари и создавали «неповторимые шедевры» старины, и очутились в маленькой затемненной комнате. Господин Фу лег на циновку, скинув вместе с европейским пиджаком европейский лоск. Он обмахивался большим мужским веером, тянул из чашечки чай и не спеша расспрашивал парня в цветастой рубашке — кто такой, откуда прибыл, что делает в Гонконге и не принадлежит ли к какой-нибудь «триаде» или тайному обществу, которых было превеликое множество в городе.

— Я плавал с американским госпиталем, — соврал Пройдоха.

— На каком корабле?

Пройдоха ответил. Для него подобный вопрос не представлял трудности — он знал все плавучие госпитали, главных врачей и членов команд.

— Кем ты работал?

— Санитаром...

— Ой-я! — Господин Фу сел. Ответ парня ему понравился. — Ты разбираешься в лекарствах?

— Да, — коротко ответил Пройдоха, не уточняя, каким образом познакомился с фармакологией.

— Хао! — сказал господин Фу. — А что тебя держит здесь? Ведь у нас жить очень дорого, тем более трудно поселиться в какой-нибудь фанзе. А ты чисто одет. Значит, не валяешься ночью на мостовой. Что тебя здесь держит?

— Хочу поступить в китайский университет, — сказал Ке. И Пройдоха не врал, он действительно хотел учиться.

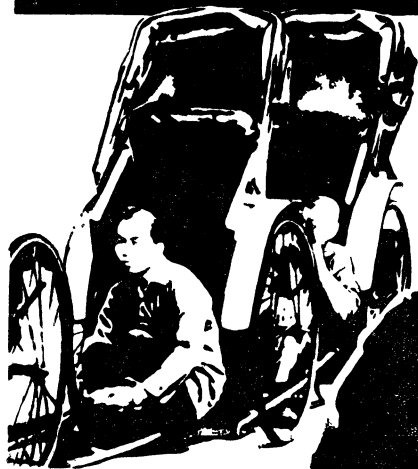
— Я преподаю древнюю историю в университете, — сказал господин Фу. Он тоже не врал. — Я помогу тебе туда поступить, если ты будешь хорошо служить мне. Нам нужны грамотные кадры, — закончил Фу свою речь, не объяснив, кого подразумевал под словом «нам» и что такое «грамотные кадры».

Пройдоха охотно согласился быть слугою. Он был счастлив.

На следующее утро Пройдоха был в условленном месте. Багажа у него не было, он стоял налегке, но к дому (господин Фу проживал в европейском квартале) не подошел. Ровно в шесть из дома вышел господин Фу. Ке выбежал из-за ограды и всгал на виду. Следом вышли телохранители.

К крыльцу подкатила двухместная коляска рикши. Город расположился на горах, велорикши здесь не могли работать. Конечно, мерилom достатка в Виктории, как и везде, был автомобиль, но господин Фу имел приверженность к старине и поэтому держал «выезд» — рикшу с шикарной двухместной коляской. Фу сел в коляску, поманил Пройдоху пальцем: рикша тронулся, побежал, следом за ним трусцой засемили два телохранителя и Пройдоха. Был ранний час, улицы были пустыми, лишь со стороны китайских кварталов доносились пронзительные крики башмачников и разносчиков овощей.

Гонконг — неповторимый город. Он вздыбился по обе стороны проливчика Коулун на острове Гонконг, где центр города называется Викторией. Небоскребы окружены лачугами, берега утыканы сампанами. Здесь можно было встретить кварталы Нью-Йорка, увидеть чопорные линии Лондона, погулять на местных Елисейских полях — Нонтан-роуд, откуда ночью полиция безжалостно выгоняла бездомных бродяг, у которых матра-



цем и одеялом служит номер тайваньской «Мин-бао» или пекинской «Жэньминь жибао», хотя самой «богатой» считается моя газета, в ней много листов. Здесь ежедневно выходит пять газет на английском и свыше тридцати на других языках. Здесь живут и работают постоянные корреспонденты агентств Франс Пресс, Ассошиэтед Пресс, Рейтер, Юнайтед Пресс Интернэшнл, Синьхуа (КНР), Синьхуа (Тайвань), индонезийские агентства, японские, филиппинские и многие, многие другие... Всех не перечесать. Гонконг служит дымоходом, через который западный мир подслушивает безумный континент. Здесь самая большая плотность населения на земном шаре, город занимает также и первое место по количеству самоубийств... Он давно затмил Шанхай, город моей юности, по темпам роста небоскребов, количеству ткацких фабрик, роскоши отелей и ресторанов, обороту банковского капитала и проституции. Город растет как на дрожжах, прекрасный и отвратительный, неповторимый и больной всеми пороками.

Господин Фу доехал до причала Ван-чай, где пересел на паром. Он с телохранителями ушел в первый класс, Пройдоха же затерялся в толпе на полубаке. Трудовой Гонконг встал раньше петухов. Из Виктории, района небоскребов, оффисов, белоснежных вилл, возвращались в лачуги полотеры, мусорщики, электромонтеры, кули, которые вместо лошадей ночами тащили повозки с продуктами по крутым улочкам, чтобы утром в лавках для господ были свежие фрукты, мясо и рыба; «ми» — мужская прислуга, повара, прачки, парикмахеры, няньки... Рабочие люди сидели на корточках, некоторые сидя спали. Пройдоха заглянул через иллюминатор в первый класс. Там, кроме господина Фу и его парней, никого не было — для первого класса было еще слишком рано.

Потом они ехали на машине. Господин сел рядом с шофером, остальные разместились сзади. Отсюда до аэропорта было рукой подать.

Аэропорт Кай-Так являлся также своего рода уникальным. Для аэродрома требовался простор, чтобы самолеты, разбежавшись, имели возможность взмыть вверх, набрать высоту. В английской колонии Гонконг не нашлось подходящего земельного участка. Поэтому намыли песчаную косу, выходящую далеко в море. Она как кинжал воткнулась в горло континента. Само-

леты заходили с моря, при взлете стартовали от берега, от крутой скалы, вырываясь на морской простор. У основания косы стояли здания — штаб ВВС, казармы солдат охраны, всевозможные службы. Аэродром принадлежал военным, тем не менее авиакомпания всего мира по договоренности пользовались взлетно-посадочной полосой. Рядом с казармами разместились таможня, диспетчерский пункт, здание вокзала. На фасаде здания улыбался всеми тридцатью двумя зубами негр — реклама зубной пасты.

Машина остановилась. Сом проворно выскочил, открыл дверцу хозяину. Господин Фу пошел напрямик через зал ожидания, кивнул головой полицейским и таможеннику — они его не проверяли, они знали господина Фу, он им был просто не по зубам. Пройдоха Ке, обливаясь потом, тащил багаж. Телохранители и не думали помочь. Они вышли на лужайку. Господин Фу пошептался с каким-то военным и заторопился к причалу — на глади залива покачивалась старая допотопная «летающая лодка», мастодонт времен второй мировой войны.

Я видел не раз подобные «калоши», даже делал материалы о бывших летчиках ВВС, которые во время службы в армии копили деньги, потом увольнялись, покупали где-нибудь самолет по дешевке и бродяжничали по всему миру, зарабатывая на жизнь перевозками. «Воздушные кули», их особенно много в Бразилии, Перу, на Филиппинах, где они нанимаются со «своим мотором» в какую-нибудь авиакомпанию или образуют свою, где пилот самолета одновременно и директор компании. У этих парней сложная, запутанная и полуголодная жизнь.

«Старая калоша» отлетала на Тайвань. Место в «летающем гробу» стоило намного дешевле, чем на суперлайнере, гарантирующем скорость, сервис и относительную безопасность. «Воздушный кули» ничего не гарантировал, и тем не менее у причала стояла очередь. Это были беженцы из КНР. С детьми и узлами. У них хватило денег откупиться от английской полиции, но не хватило на билет в современном самолете, и они торопились улететь к родственникам на Тайвань, чтобы удрать побыстрее из неприветливого и коварного города, пока их не выдали КНР.

Господин Фу подошел без очереди, телохранители

отпихнули старика в старом халате, застегнутом на петли и круглые деревянные. Старик не возмутился, он кланялся и униженно улыбался. Фу повел серьезный разговор с пилотом. Взял два билета — себе и Пройдохе и почему-то доплатил еще целую пачку долларов. Пройдоха насторожился. Ему что-то разонравилась работа, но убежать он не посмел. Ке не знал, как поведут себя телохранители — может, бросятся в погоню, может, и пристрелят. Он совсем сник, когда Длинный дал ему кольт и сказал:

— Вернешься — вычистишь.

Джонка отвалила от причала, долго плыла к самолету. На его крыле стояла женщина, по всей видимости, жена пилота, она же радист и механик. При виде ее пассажиры оживились — присутствие женщины на борту давало им надежду, что самолет долетит до конечной точки маршрута, и они останутся живыми и здоровыми, и с ними не произойдет ничего такого, что часто происходит с мусульманскими паломниками в Красном море, — хозяева лодок завозят их на безлюдные острова, грабят, и через несколько дней крабы, песок, солнце, стервятники не оставляют от них даже косточек.

— Сидеть тихо! — рявкнул пилот, опасаясь, что движение пассажиров в джонке навлечет беду — она зачерпнет бортом воду и тихо пойдет на дно. Люди замерли. Потом, когда пришвартовались к «летающей лодке», они дисциплинированно, как на железнодорожном вокзале, полезли по трапу в дверь, передавая из рук в руки детей и узлы. Фу и Ке прошли вперед, сели на откидное металлическое сиденье, тянувшееся вдоль бортов. Господин Фу с презрением поглядывал на беженцев, морщил нос. Он закурил. Но вошла женщина и сделала знак потушить сигарету.

Чрево «летающей лодки» набилось людьми, как огурец семенами. Удивительно, что столько народу и скарба уместилось в небольшую емкость из алюминия. По команде женщины часть людей перебралась вперед, ближе к кабине. Старик в халате оказался рядом с господином Фу. Он не хотел теснить важное лицо, но его прижали к господину Фу, и тому пришлось смириться со столь неприятным соседством. Люди сидели на полу, как в кузове грузовика. В салон вошел летчик, поманил господина Фу, провел в отсек — на «лодке» было всего два члена экипажа, так что места в кабине хватало.

Пройдоха огляделся. Между двумя переборками натянуты гамаки — в них ночью спал экипаж, тут же был привинчен к стене изящный холодильник. Пилот вынул из него лимонад и протянул господину Фу. Бутылку перехватил Пройдоха и, подцепив металлическую пробку зубами, открыл бутылку. Пилот с усмешкой наблюдал за этой сценой. Потом вынул банку с пивом, ловко вскрыл ее и залез на рабочее сиденье.

— Взлетим? — сказала неуверенно его жена, входя в кабину. — Я их сдвинула поближе, чтобы переместить центр тяжести... Кажется, взлетим... Подожди, свяжусь с диспетчером.

Она надела наушники и включила передатчик. Запела морзянка. Потом послышался голос диспетчера:

— Эй ты, как тебя... «Рикша», ты готов? Алло!

— «Морской дракон» готов к вылету, — гордо отозвалась женщина. — Прием!

— На взлет. Коридор пустой. Не забудь высоту полета и позывные, а то тебя собьют националисты. «Дракон»! Ящерица бесхвостая! Прием!

— Не забудь передать, пожалуйста, о нашем вылете в Тайбей, — сказала женщина, не обращая внимания на оскорбления.

— Черт с вами... сообщу. Счастливого полета, «Дракон»... Прием!

— Спасибо! Вас поняла. До свидания!

Женщина выключила передатчик, прошла вперед и села на место второго пилота. Моторы ревели как разъяренные быки, «лодка» пробежала больше половины кося... Ее разбег должен быть немного меньше, чем у суперлайнера, но она была так перегружена, что не могла оторваться от воды, била грудью по волнам, ее колотило в ознобе, казалось, еще минута, и она рассыплется...

Они проскочили косу. В сторону юркнул катер береговой охраны, и там, дальше, у противоположного берега проливчика, стояли сплошным мостом сампаны, точно ряска на глухом пруду. На сампанах жили «водяные люди» — те, кому не хватило места на земле. Дети ползали, привязанные за пояс, чтобы не свалиться в воду. Женщины готовили на жаровнях скудную еду... Страшная беднота. И все же условия жизни «водяных людей» были более сносными, чем людей на берегу.

Наконец «Дракон» оторвался от воды, тяжело, как

летучая мышь с детенышем на животе, начал набирать высоту. Внизу промелькнули европейские кварталы.

Странный полет господина Фу начался благополучно.

Часа через полтора летчик обернулся, показал через передний фонарь куда-то вниз. Господин Фу радостно закивал головой.

Пройдохе Ке точно внутрь пищевода вставили бамбуковую палку — он первый раз летел на самолете, его тошнило. Положение слуги не позволяло ему задавать вопросы, ему платили за молчание. Но с некоторых пор (наученный опытом) он перестал любить таинственность. Он понял, что идут на посадку. И сразу вспомнился пиратский остров...

«А вдруг господин Фу выследил меня и везет к Комацу-бака?» — подумал Ке. Он украдкой нащупал кольт в кармане и немного успокоился. Мимо прошла жена пилота — она торопилась в салон успокоить пассажиров. Ке догадался — пачка долларов была платой за промежуточную посадку. Господин Фу летит не на охоту.

«Дракон», он же «летающий гроб», «бесхвостая ящерица» и т. д., приводнился, подрулил к берегу. Фу стоял рядом с летчиком, показывал, куда подогнать гидроплан. Остров, на который они прилетели, не был похож на тот, с которого бежал Пройдоха.

Встретили их на вертявой металлической моторке военные. Китайские националисты. Офицер церемонно поклонился, пожелал «фацай, фацай»¹ прилетевшему господину Фу. Пройдоха перетащил багаж к выходу, передал солдатам и прыгнул в моторку.

Гидроплан улетел, моторка пошла к берегу, где белели домики гарнизона острова. Они прошли вдоль берега, заросшего колючим кустарником. Кое-где еще виднелись старые осыпающиеся окопы позиций дальнобойной артиллерии. Орудий не было видно, их сняли с позиций несколько лет назад за ненадобностью.

Господин Фу ушел с офицером. Пройдоха остался в обществе трех солдат. Это были старики. Двадцать или больше лет назад их сюда привезли с континента, и вся жизнь их прошла здесь... Может быть, судьба их сложи-

¹ Ф а ц а й — счастье, богатство (кит.).

лась несколько иначе — Пройдоха не расспрашивал, да если бы и спросил, то его бы не поняли, и он тоже ничего не понял бы: он не знал китайского северного диалекта. Солдаты налили зеленого чая, отлично утоляющего жажду, дали вареного батата, первосортного клейкого риса пэнлайми, зерна были крупными и вкусными. Потом он сидел на скамье около казармы и лузил мелкие ароматные мандарины — тунгань. А старики глядели на него слезящимися глазами и думали о чем-то своем, тягучем и неинтересном.

На другой день господин Фу неожиданно позвал Пройдоху на рыбалку.

— Мотор знаешь? — спросил господин.

— Я знаю все моторы, — сказал Пройдоха.

Они поехали на небольшой лодке с подвесным мотором к южной оконечности острова. Третьим в лодке оказался американец. Небольшого роста, совершенно лысый, с янтарными глазами, как у огромной кошки. Но рыбалка выдалась какая-то странная... Как и все путешествие. Господин приказал Пройдохе подойти к берегу у скалы, на которой торчал маяк. И ушел с янки куда-то.

Вернулись они к вечеру, и уже в темноте Пройдоха доставил их к казармам. Господин Фу улыбался, не в силах скрыть радость, лысый янки снисходительно похлопывал его по плечу и что-то говорил. Пройдоха лишь понял одно выражение: «О'кэй».

Потом прошло еще пять дней. И Пройдоха оказался участником еще более странной рыбалки... Господин Фу эти пять дней не беспокоил слугу. Он целыми днями пил тонкое шаосинское вино, играл с офицерами-чанкайшистами в маджан, проигрывал по-крупному, но проигрыши, казалось, его не огорчали, даже вроде бы и доставляли удовольствие... Ночью он вдруг разбудил Пройдоху и приказал идти за ним к пристани.

— Домой будешь возвращаться морем, — сказал он. — На той лодке, на которой мы ездили рыбачить. Дойдешь до маяка, в миле от него, прямо на юг, увидишь джонку. Лодку потопи... За нее уплачено. Тебя ждут в джонке.

— Мы так не договаривались... — запротестовал Пройдоха. Ему стало страшно — слишком много непонятного. Он не любил тайн, потому что за разгадку уже пришлось однажды платить слишком дорого.

— Иди! — коротко приказал господин. И в его голосе прозвучали такие нотки, что Пройдоха замолчал.

— А что за джонка будет ждать меня? — спросил он тихо.

— Подъедешь, передай им вот это. — Господин Фу протянул Пройдохе брелок на цепочке — толстый вислоухий божок из слоновой кости с рубиновыми глазами. — Вот и все. Вы пойдете к Гонконгу. Встретит Сом, мой телохранитель. Что делать, он тебе скажет. Поступишь в его распоряжение. Все. Иди!

И господин Фу, не попрощавшись, повернулся и ушел к казармам, где его поджидали пьяные офицеры.

— Мы не договаривались, что я буду транспортировать груз, — ответил Пройдоха. — Вы нанимали меня для охоты на крокодилов.

— Иди!

Так Ке очутился на затерянной джонке. И поплыл морем к Гонконгу. Экипаж состоял из пяти неразговорчивых и мрачных типов.

Они плыли несколько дней. Потом стали в фарватер почти у самого Гонконга и забросили сеть. Здесь снова флотилия джонок, шел лов рыбы мигай. «Рыбаки» открыли трюм, вывалили туда рыбу поверх пакетов, завернутых в рогожу из копры.

«Опять наркотики», — подумал Пройдоха. Но на Белую Смерть у него был особый нюх, это были не наркотики. Наркотики шли обратным рейсом, из Гонконга, где из опия знаменитой китайской марки «999» делали героин в тайных лабораториях.

Наступила тревожная ночь... «Рыбаки» залегли вдоль бортов джонки с автоматами. Капитан спустился в каюту, настроил портативную японскую радиостанцию, связался с кем-то. К утру подошла еще более древняя джонка. С нее перебрался Сом. Он привез документы и пропуск в Гонконг.

При входе в пролив командовал Сом. Контрабандисты пробирались к северной части города Нотан-роуд и чуть было не попали в лапы полиции.

Пройдоха вначале думал, что их джонка пристроилась к настоящим рыбакам, но, когда выскочил полицейский катер, джонки «рыбаков» окружили контрабандистов, и, пока полиция устанавливала кто есть кто, фелюга с контрабандой прорвалась к стене сампанов и моментально затерялась среди сотен себе подобных.

Разгружали груз на следующую ночь. Взяв первый пакет, Пройдоха сразу же определил, что это золото.

— Тебе повезло, парень, — сказал Сом и впервые дружески похлопал Пройдоху по плечу. — Длинного господин выгнал... Ты займешь его место... Поздравляю с крещением!

— А чем провинился Длинный? — насторожился Пройдоха.

— Да... — неопределенно ответил Сом. — В общем, пистолет остается у тебя. Теперь ты тоже телохранитель господина. Мой напарник! Держи!

Он протянул Пройдохе деньги. Тысячу гонконгских долларов¹. Пройдоха растерялся... Он никогда не имел столько денег сразу, если не считать тот капитал, который был в героине.

— Слушай, вьетконговец, — сострил Сом, — от нас тебе никуда не деться. Деньги советую определить в банк. На черный день пригодятся. Наш хозяин умеет хорошо платить. Но не любит двух вещей — трепачей и любопытных.

5

Я предложил господину Фу сигарету. Он поблагодарил, закурил... Мое молчание затянулось. В конце концов имел я право задуматься, испугаться, раскаться или приготовиться к очередному туру схватки — своеобразной китайской борьбе, где не хватают друг друга за пояс, как это делают араты во внутренней Монголии, а где схватка гораздо изощренней и безжалостней? Призом могла оказаться моя жизнь или жизнь господина Фу.

Я чувствовал, что господин Фу не питает лично ко мне ненависти. Ему даже приятна была наша беседа. Человеческая психика находится под семью печатями для психологов, не говоря уже о простых смертных, нахватавшихся верхов из научно-популярных статей, наподобие меня. Для меня сила человеческой мысли граничит с фантастикой, и, если бы кто-то вдруг передвинул силой мышления предмет, я бы не удивился, возможно, и потому, что некогда было бы удивляться — я бы гото-

¹ Месячная зарплата высокооплачиваемой прислуги в Гонконге равна 400—450 гонконгским долларам.

вил «гвоздь» для своей любимой и распроклятой газеты. Господин Фу испытывал ко мне даже расположение... В чем и заключалась вся пикантность моего положения. Так любятся пирожным на конкурсе кондитеров: «Жалко есть!» — и тем не менее едят, и с аппетитом едят, самые лучшие шедевры кондитеров.

— Зачем вы пришли ко мне?

— Видите ли, господин Кинг, — ответил он задумчиво, — у вас королевская фамилия.

— А у вас счастливая¹.

— Я вынужден побеспокоить вас, хотя официально нас никто и не представлял, но в наше стремительное время я решился на этот шаг, рискуя прослыть невежливым...

«Понесло, — подумал я. — Давай, давай».

Я пропускал мимо ушей его извинения.

«Тепло... тепло... горячо, — отмечал я про себя. — До-ехали!»

— Убили моего слугу, — сказал Фу. — Как мне удалось узнать, вы были в зале ресторана, и может быть...

Он замолчал и растаял в вопросительной улыбке. Я с трудом сдерживался, чтобы не подать вида. Мне необходимо было «раскачаться» и за выдуманными фактами забыть о подлинных, превратиться в ученика, которого учитель вызвал к доске и ласково спросил: «Это ты уронил скелет человека со шкафа, негодник?» Мне нужно было удивиться и ответить: «Что вы, господин учитель, я в это время был в туалете...»

— Убили вашего слугу?

— Да, это был мой слуга... Его застрелили...

Он не сказал кто.

— Вы думаете, что его убил я?

Более идиотский вопрос трудно было придумать. Я и сам смутился.

— Да, в какой-то степени вы замешаны в убийстве, — растягивая каждое слово, произнес господин Фу.

— Ну знаете... — начал я, распаляясь с каждой фразой. — Господин Фу, мы с вами заочно знакомы не первый год. Вы знаете мой бизнес. Я знаю ваш... Мне нет никакого интереса вмешиваться в грязные истории.

— Знаю, — неопределенно ответил гость.

— Неужели вы могли подумать, что я застрелил че-

¹ Фу — счастье (кит.).

ловека? С какой стати? Я никогда не ношу с собой оружия. Меня интересует только информация, информация, информация и еще раз информация.

— Да будет вам известно, — он опять прищурил глазки, — полиция подозревает вас...

— Меня?

Теперь мое возмущение было заварено, как манная каша горячим молоком, — осложнения с полицией не входили в расчеты честного журналиста. Конечно, он лгал. Я вдруг понял, что это не что иное, как ловушка.

— Лжете! — рявкнул я как потомственный колони-затор.

— Вы не имеете права, — растерялся Фу, — так разговаривать со мной.

— Ерунда!

Я заметался по комнате. Потом остановился, пристально поглядел на гостя.

— Господин Фу, — сказал я, — вы пришли меня шантажировать?

— Вы не поняли...

— Понял!

— Не желаю вести беседу в подобном тоне, — сказал Фу по-английски, встал и застегнул пиджак.

— Сядьте, пожалуйста, господин Фу! — попросил я. — Не понимаю, что вас заставило прийти ко мне? Полиция вам не могла сказать ничего подобного. Если бы у нее было подозрение, она сама бы нашла возможность встретиться со мной. Извините, если я поступил грубо. Значит, вы заинтересованы в том, чтобы найти того человека? — Я сделал вид, что задумался. — ...Вам нужен человек-громоотвод... В данном случае этим человеком оказался я. Полиция... Вы разузнали, где меня искать. Но для этого нужно было узнать, кто я есть... Я не спрашиваю, как вы установили мою личность... Я знаю...

— Знаете? — ответил настороженно Фу. — Что знаете?

— Я догадываюсь. Вы опасаетесь, что ваш слуга... продал вас. Так? Логично? Угадал?

Я вплотную «прижался» к его подозрениям, как положено в атомной войне, — самое безопасное место в непосредственной близости от противника.

— Возможно, — сказал он.

— Все-таки я раскусил вас! — сказал я со злорад-

ством, думая о следующем ходе. Моя солдатская непосредственность была подкупающей. — И ценные сведения он мог продать мне?

— Вам лучше знать, — кисло улыбнулся Фу.

— О если б он!.. — Я потянулся. — Я бы с вами разговаривал по-иному, если б он мне дал материал о вас, а ведь, наверное, у него было кое-что, за что вы заплатили бы солидную сумму?

— Сколько вы хотите за его сведения? — спросил напрямик Фу.

Это была непростительная неосторожность моего оппонента.

— Сколько?

Господин Фу запнулся.

— Вы в самом деле ничего не знаете? — выдавил он из себя.

— Я?.. Вы от кого пришли? Не от мадам ли Вонг?

— Не шутите, — ощетинился гость. И глазки его спрятались за припущенными ресницами.

— Я не собирался шутить, — ответил я. — Жаль, что нет ничего против вас. Если бы... ваш слуга. Он показался мне неглупым парнем. Только издерганным. У него почему-то белели уши. Ваши дела... Искренне жаль, что разговор с вашим слугой не состоялся. Мне, откровенно говоря, он вначале показался вымогателем... И только когда я услышал выстрел...

— Зачем вы с ним встретились?

— Зачем? Позвонил в редакцию. Потом второй звонок, вот я и приехал.

— А почему вы убежали из гостиницы?

— Во-первых, ушел. Во-вторых, как бы вы поступили на моем месте? Встретились с человеком, не успели спросить его имени, как раздался выстрел... Я не хочу связываться в грязное дело. А материал мне, конечно, нужен. Так кто же его убил? Ваши люди?

— Не мои, — сказал Фу.

— А чьи?

— Наверное, общей знакомой, про которую вы упоминали... — ответил Фу, вытирая носовым платком лоб. Ему в черной тройке было душно. — Кто вам звонил?

— Вы не знаете, кто звонил в редакцию? — наступила очередь «удивляться» мне. — Разве вызов делался без вашего согласия?

— Моего?

— Вы не знаете, кто свел меня с вашим покойным слугой?

— Нет...

— Дженни, ваша дочка!

Господин Фу медленно приподнялся с кресла.

— По вашей вине я ввязался в историю, и что вы от меня хотите? — спросил я.

Удар пришелся ниже пояса, но что оставалось делать? Я никогда не выдавал источников информации, на этот раз пришлось нарушить правило: действительно, я приехал сюда по вызову Дженни, так что господину Фу не было смысла «выносить сор из избы», его голова держалась на такой же шее, как и у меня.

— Продайте то, что вам отдал слуга, — сказал без экивоков Фу. — Я заплачу больше, чем вы получите в газете. Намного больше!

— Не сомневаюсь. Деньги мне нужны не меньше, чем вам, даже больше, — я собираюсь жениться, а это расходы... Женщины любят подарки, да кто их не любит. Но не торопитесь выписывать чек: у меня нет товара. Нет! Я не успел его приобрести, и в этом виноваты те, кто прислал вас.

— Я пришел сам...

— Понимаю, для страховки. Ваш слуга, ваша дочь... Спросят с вас. По всей строгости. Идите домой и будьте спокойны, у меня нет ничего компрометирующего. Я пуст! И не особенно журите дочку, хотя всыпать ей следует — слишком самостоятельная.

— Я вам не помешала?

Вошла Клер. В руках у нее был телефон. Шнур тянулся по полу из соседней комнаты.

— Знакомьтесь, господин Фу, — сказал я. — Это моя невеста.

Фу заученно улыбнулся. Клер сдержанно кивнула головой, бросив на меня уничтожающий взгляд.

— Арт, тебе звонят.

— Кому я понадобился?

— Твой приятель.

— О, Боб! Давай, давай трубку! Старый бродяга, клошар! Нашелся наконец!

Я поспешил к Клер, взял трубку, с радостью услышал голос Боба:

— Что там у тебя стряслось?

— Прежде всего здравствуй и скажи, где ты находишься?

— В «Марко Поло»¹. Рядом стоит Ги². Мне сказали, что ты организуешь какой-то сенсационный материал. Что ты раскопал? Хочешь меня взять в пай?

— Не болтай ерунды! Болтаешь как мальчишка. Передай привет Ги! Я женюсь! Да, не ослышался. Немедленно приезжай сюда! Расходы беру на себя. Мне нужен свидетель на свадьбе. Объясню потом.

Я зачем-то подмигнул гостю.

— Не спрашивай ни о чем. Жду! До встречи!

Я повесил трубку. Поцеловал Клер в щеку. Она усмехнулась.

— Извините, господин Фу, но если у вас больше нет ко мне никаких вопросов...

Мы распрощались. Поверил ли он, что у меня нет никаких материалов, полученных от Ке? Так или иначе я получил передышку, которую нужно было использовать. Я совсем забыл о моем друге Клер. Занятый мыслями, делами, беседой с гостем... Кажется, я поступил с нею несколько бесцеремонно.

— Извини, пожалуйста, — попросил я виновато. — Пришлось сказать, что ты моя невеста.

— И не только ему.

— Кому еще?

— Ты и по телефону другу то же сказал

— Правда! Совсем забыл. А ты что, обиделась?

— Вот что, Артур. — Голос ее стал холодным. — Ты можешь заниматься чем угодно, но не забывай о моей чести. Я женщина одинокая. И моя репутация... Возможно, для тебя не столь важно, но прийти в дом к незамужней женщине и трезвонить на полмира, что она твоя невеста, не спросив даже ее согласия на это, по-

¹ «Марко Поло» — Международный клуб журналистов и бизнесменов в Гонконге. Стать членом этого клуба очень трудно. Клуб — надежный источник деловой информации. (Примеч. авт.)

² Ги Сиэрлс — известный журналист и специалист по Китаю. Двадцать лет аккредитован в Гонконге. Изучает первоисточники — китайские газеты, радиоперехваты, официальные заявления и партийные постановления. Обладает большим опытом и аналитическим умом. Так он, проанализировав отрывочные сведения, установил факт вторжения китайских войск в Тибет, хотя ни в одном документе, имеющемся в его распоряжении, об этом даже не упоминалось. Пользуется большим авторитетом среди журналистов. (Примеч. авт.)

моему, не только нетактично, но даже непорядочно. Так с друзьями не поступают.

— Прости! Я действительно очень виноват перед тобой. Получилось помимо моей воли.

— Даже так!

Она прикусила нижнюю губу, глаза у нее стали влажными.

— Ты негодай!

— Ого! Дожил!

— Если еще раз услышу!..

— Может, я серьезно...

— Замолчи! Я влеплю тебе пощечину. Ты совершенно не думаешь обо мне. Тебе наплевать на меня. Эгоист!

— Кажется, ты права.

— Что ты хочешь?

— Первый раз я вижу тебя в таком состоянии.

— Что тебе нужно?

— Все... и ничего.

— Ты, оказывается, еще и трус.

— Клер, не уничтожай меня до конца. Успокойся. Если я так тебя обидел, то я уйду. Я не хотел тебя обидеть, поверь. Ты мне очень дорога, пожалуй, ни одной женщине я не обязан столько, не считая, конечно, матери. Что-то не то говорю...

— «Не думал», «извини». Эх, мужчины. Какие вы бесхарактерные! Завилял... Что ты хочешь? Я же вижу, что тебе что-то нужно. Говори уж, жених!

— Мне нужно такси.

— Зачем?

— Нужно. И вызвать не по телефону, а поймать на улице.

— Куда ты так поздно поедешь?

— Еще только десять часов вечера. Поздновато, но не совсем.

— Хорошо, я пойду поймаю тебе «бензиновую телегу». Куда тебе ехать? Оставайся, жених, твоя комната для тебя всегда свободна.

— Мне действительно нужно ехать.

— Куда?

— Не знаю, как и объяснить. К попу.

Она с удивлением поглядела на меня.

— Тут была русская церквушка... Не знаю, осталась ли она. Русские почти все вернулись в Россию. Не спрашивай, зачем я еду, ты можешь неправильно понять

меня, и я опять невольно сделаю тебе больно. Мне нужен русский поп по делу.

— Интересно, по какому?

Она еще раз внимательно оглядела меня с ног до головы, точно увидела впервые, и вышла. Я достал из кармана расческу, хотел причесаться, зачем-то сломал расческу. Одно я понимал очень ясно: отношения с Клер теперь никогда уже не смогут быть прежними. Настало время ставить точки над «и».

6

Макао — дальневосточное Монте-Карло, здесь круглые сутки открыты двери казино, работают кинотеатры и увеселительные заведения... Здесь заведения «Глэмор интернэшнл» работали при блеске неоновых реклам в открытую: прелести живого товара рекламировались так же, как плавки, бикини или новые бритвенные лезвия «жолет». Спекулянты, нажившие бешеные состояния на крови вьетнамцев, кутили напропалую. Анри Барбюс описывал, как возмущались в первую мировую войну французские солдаты, когда на несколько часов попадали в тыловой Париж... Теперь многое изменилось. Янки, офицеры и солдаты, приехавшие на отдых с «фронта», брали напрокат у китайцев гражданские костюмы и «шелушились» в компании с «грифами» — поставщиками, чиновниками, интендантами. Выиграв жизнь в рулетку «города лавок» (прозвище Сайгона), они искали счастья у крупье Макао — им требовалась своеобразная разрядка. А нервы у них были ни к черту! С такими нервишками их бы не взяли в «Школу казино», где у абитуриента требуется прежде всего выдержка и еще раз выдержка. В 1900 году, например, в Монако один игрок в «интимной комнате» за двадцать минут проиграл два миллиона долларов; крупье, дежуривший у рулетки, даже бровью не повел. Джи-ай в ученики к этому игроку не годились. Они быстро пьянели, распускали нюни, устраивали дикие драки между родами войск, особенно между белыми и неграми, с поножовщиной и стрельбой. Португальским «бульдогам» и «прокторам» работенки было хоть отбавляй.

Я откинулся на спинку заднего сиденья, из приемника бился приглушенный «твердый рокк». Шофер-ки-

таец виртуозно вел машину по оживленной авениде, затем свернул в боковую улочку.

Интересно, он включил приемник для пассажира или сам любит этот ритм? Там, за «границей» Макао, подобное увлечение ему могло стоить многого.

Я воздержался от вопроса. Задвинул шторку на боковом стекле. Вспомнил, как Пройдоха описывал свои увеселительные прогулки по ночному Гонконгу на пару с Сомом.

Он, Пройдоха, конечно, не знал тех нитей, которыми гангстеры связали его по рукам и ногам. Это была дорога в одном направлении, свернуть с нее уже было невозможно. Если мир — подмокотки, то Ке был такой же куклой, как и капитан Джонки с контрабандным золотом, как и кряжистый Сом; нити сплетались в канаты, и кто дергал эти канаты, был для «малявок» так же всемогущ и таинствен, как оборотни для жителей римбы.

Пройдоха заработал тысячу долларов и был рад несказанно, как в свое время Мын, получив долю полиэтиленовых пакетов с Белой Смертью. То, что он попал в бандитскую шайку, его нисколько не волновало, он даже почувствовал уважение к самому себе: как же, нашел покровителей, как вассал могущественного сеньора. Его тщеславие и самолюбие были удовлетворены. Теперь он фигура!

Вообще-то Пройдоха не был гулякой, но оккупированный Сайгон, нищета, «черный рынок», неуверенность в завтрашнем дне — все это наложило отпечаток на его характер и моральные устои: он ничего не видел зазорного в том, что его товарищ приглашал первого встретившегося на улице янки к собственной младшей сестре. Если бы судьба его народа и родины сложилась иначе, судьба Ке тоже была бы иной. Он бы женился, растил ребенка — вьетнамцы на удивление нежные родители, мягкие и заботливые. Трагедия Вьетнама была и его личной трагедией.

У Ке мелькнула мысль, он запечатлел ее в дневнике: «Надо послать половину денег матери», но на этом благой порыв закончился.

Он купил шерстяные брюки, европейские кожаные ботинки, сбросив матерчатые тапочки, в которых проходил всю жизнь, облачился в белоснежный тонкий свитер, плотно облежавший его поджарую фигуру... Еще он

купил наручные часы на широком ремешке с маленьким декоративным компасом. Он осуществил свою мечту.

Когда он вышел из лавки в Коулун-сити, то первое, что сделал, — посмотрел на часы. Он не мог не посмотреть на часы: у него их никогда не было. Теперь на левой руке сверкал черный циферблат с позолоченной секундной стрелкой. Время почему-то тянулось невероятно медленно, но он все радовался покупке, потому что течение времени стало для него наглядным, он как бы приручил его.

Нищий старик протянул руку, и Пройдоха дал ему десять долларов.

— Господин! — завопил нищий и ухватился руками с растравленными язвами за брюки Пройдохи. — Ты щедрый, ты молодой! Я бедный... Не дай умереть с голоду!

Пройдоха знал законы трупп — нищим нельзя подавать милостыню. Попрошайничество — профессия. Десять, даже сотня долларов не спасли бы старика от нищенства, он был в «братстве» и каждый день отдавал весь заработок старшине, утаивая для себя разве что жалкие крохи. За подобную сдачу выручки его кормили, предоставляли ночлег, и самым большим несчастьем для старика было, если бы его выгнали из этого «пансионата для пенсионеров». Вот тогда действительно ложись и помирай, ибо протягивать руку ему уже не разрешат, избыют до синевы, а то и просто затопчут.

Ке повел себя как глупый турист. Со всех сторон на крик старика устремились попрошайки, коллеги старика, истошно вопя, демонстрируя кровоточащие десны, култышки, гнойники.

Сом начал отвешивать тумачи, не жалея кулаков, но это мало помогало. Тогда он выхватил пистолет.

— Сыновья черепаш! Соблазнитель матери! — матерился он на всех языках. — Перестреляю!

Пройдоха устыдился своего поступка и тоже отвесил пинка старику, которого только что облагодетельствовал. Старик не на шутку разозлился.

— Ходят тут всякие проходимцы! — прокричал он в ответ, поспешно на четвереньках отползая к стене.

— Заткнись!

— Чего машешь «пушкой»! — не испугались нищие и вытащили ножи. — Уматывайтесь отсюда, а то шкуры продырявим.

Пришлось поспешно ретироваться. Сом от злости чуть не лопнул.

Они пошли в Крытый рынок. Купцы уже закрывали лавки, навешивая прочные щиты, прикусывая их замками. Полиция не гарантировала неприкосновенности лавок, поэтому купцы обходились собственными силами, создав что-то наподобие милиции — нанимали в складчину сильную шайку. У каждой шайки в городе был свой район, и вторжение в чужие границы считалось недопустимым. Нередко были столкновения с настоящими боями, с применением автоматического оружия. Ревели сирены полицейских бронированных машин... Но «скорые помощи» увозили лишь трупы. Последнее время полиция в связи с «культурной революцией» на континенте начала проводить массовые облавы. Как водится, в ее сети попадала мелкая сошка. Солидные гангстеры действовали чужими руками.

Прятели зарулили в японский ресторанчик, запряганный в глубине рынка. Официально он закрывался одновременно с рынком. Они проскочили через первый зал, где детишки доедали мороженое, а их матери пили зеленый чай.

Сом и Пройдоха зашли за прилавок, поднялись по узкой лестнице на второй этаж и очутились в длинном зале с низкими креслами, обитыми темно-зеленым бархатом. В зале плавали клубы дыма, пахло острыми закусками, вином, приглушенно играла радиолоа.

— Желаем бесценного здоровья! — бросился на встречу хозяин. — Где вы пропадали, уважаемый Сом? Забыли наших девочек!

Сом подтолкнул вперед растерявшегося Пройдоху, хлопнул на ходу по задку смазливую девчонку, одетую в старинное шелковое кимоно. Та радостно завизжала и повисла на шее у парня. Хозяин прикрикнул на нее — подобное поведение на работе считалось предосудительным. Хозяин придерживался этикета чайного домика, правда, здесь вместо чая пили виски, джин и прочие напитки, не имеющие ничего общего с чаем, но форма есть форма...

— Проходите! Проходите! Этот кабинет свободный.

Хозяин низко кланялся, как умеют кланяться только японцы.

Сом развалился за длинным столом, под гравюрой горы Фудзи. Хозяин в знак особого внимания скромно

присел у края стола. Осведомился о здоровье, делах, посетовал на неудачи. Последнее время к нему редко заходят достойные люди, и если он продолжает содержать заведение, так это только из надежды, что старые приятели не забыли и нет-нет да заглянут на огонек. Потом он исчез. Появились девочки. Они окружили Сому.

— А где Мичико-сан? — спросил Сом.

Девочки умолкли, переглянулись, превратились в жеманных гейш.

— Госпожа Мичико придет... Хозяин пошел за ней.

— Выбирай любую, — сказал Сом Пройдохе. — Девочки, я вам привел жениха...

— У нас есть новенькая, — сказали девочки. — Ее зовут госпожа Дин.

Они замолчали. В кабинет вплыла одетая в синее кимоно, расшитое красными пионами, девушка. У нее были четко подведенные тушью глаза, волосы собраны на затылке в тяжелый пучок, закрепленный высоким черепашьим гребнем. Зубы у девушки по старинному обычаю были выкрашены черным лаком. Она застыла на пороге, склонив голову. Точно сошедшая с гравюры Гийома.

— Не будем мешать, Мичико-сан, у нас свои гости, — вспорхнули девчонки и, поджав церемонно губы, засеменили к выходу.

— Добрый вечер, господин!

— Садись!

— Я уже не знаю, как вести себя, — сказала жеманно Мичико. — Вы так давно не были. Мы думали, что вы нашли новое место...

— Извини! — пробурчал Сом.

— Я не виновата в том, что отвыкла от вас... Вы обещали прийти во вторник. Прошло много лун, много вторников, а господин не приходил и даже не известил о себе...

— Занят был! — Сом поднялся, как краб, прополз между столом и стеною, подошел к девушке. — Уезжал я... Бизнес... Спроси у приятеля. Мы были в море. Зато гляди, сколько денег заработали... Бизнес...

Сом вывалил из кармана на угол стола кипу долларов.

— Это тебе... Купишь сама подарок. Бери! Я о тебе

помнил, спроси у приятеля. — Сом подмигнул Пройдохе. — Говорил я тебе или не говорил?

— Он о вас очень часто вспоминал, — врал напропалую Пройдохе. — Каждый день все говорил о вас, все говорил... Он вам принес подарок...

Ке незаметно под столом отстегнул часы, вынул их и протянул девушке.

— Мы заходили и купили для вас.

Про себя Пройдохе подумал: «Раз Сом сует столько денег, то и за часы отдаст».

— Да, точно, подарок, — обрадовался Сом и, взяв за руку девушку, повел в конец кабинета, посадил рядом с собой. Девушка покорно села, но отвернула голову...

«Ничего себе скромница, — подумал Ке. — Духами-то несет. Дорогие духи. Французские. Я продавал такие на «черном рынке» дома, в Сайгоне».

— Еще помнишь обо мне, — расплылся в улыбке Сом, — берегла мой подарок...

«Сом духи подарил, — сообразил Пройдохе. — Дорогая девица. Стоит денег».

Принесли закуску, бутылку виски. Пройдохе прочел этикетку «Джэк Даниэлс».

«Не поддельное! — подумал он. — Я такого сроду не пробовал. Ох молодец я! Теперь я человек!»

Ке пил маленькими глотками, заедая трепангами, морскими водорослями и еще какими-то закусками из рыб, птицы.

Пройдохе не заметил, как пришла Дин. Он почувствовал, что кто-то сел рядом. Дин налила ему рюмку, положила в тарелку соленых креветок, жареной свинины с молодым бамбуком, предложила отведать особое блюдо — «ласточкино гнездо». Береговые ласточки лепят гнезда из особого растительного состава, смоченного слюной; гнезда собирают на отвесных скалах, отваривают и фаршируют, получается неповторимое блюдо, тонкое по вкусу, но невероятно дорогое. Ке не раз слышал о нем.

Вино туманило сознание... И стены кабины уплыли вдаль. Щеки у Ке рдели, но уже не от застенчивости. Он чувствовал себя уверенно и заносчиво. Рядом сидела Дин. Одета не в театральное кимоно, а в тщательно отутюженные темно-синие брюки, цветастую сатиновую

кофточку с разрезом внизу, отчего виднелось тело, нежное и смуглое.

У нее была красивая прическа... У Пройдохи перехватило дыхание. Она робко ухаживала за гостем, опасливо поглядывала на Мичико, которая сидела на коленях у гостя и кормила его, точно большого непослушного ребенка. Сом открывал пасть. Он жмурился от удовольствия.

— Ну как, птенчики, познакомились? — спросил Сом.

Мичико с улыбкой наблюдала за парой.

— Господин ничего не ест, — пожаловалась Дин.

— Он тебе заплатит без наценки за закуски, — сказал Сом.

Пройдоха с трудом потом вспоминал те часы, которые провел в «чайном домике».

Дин просила:

— Хватит, не пей! Тебе плохо будет... Сиди тихо! Убери руки!

— Хочешь, я подарю тебе кусок шелка?¹ — нахально спрашивал Пройдоха, как будто знал ее бесконечно давно. Она воспринимала его беспардонность как норму, видно, другого отношения она не знала.

— Ты давно здесь работаешь? — спросил Пройдоха.

— Недавно, — ответила девушка. — Меня вначале к гостям не выпускали. Я на кухне мыла посуду. Потом внизу работала — подавала мороженое. Внизу нет заработка... Не то что здесь, на втором.

Сом затих. Его кудлатая голова лежала на коленях подружки, а та, устало вздохнув, пододвинула к себе какое-то блюдо.

— А ты что притих? — спросила она бесцеремонно у Пройдохи. — Кавалер... Закажи мороженое, конфет, что-нибудь сладкое.

— Пожалуйста, — сказал пьяно Ке.

— Дин, принеси... Хороших конфет возьми, шоколадных. Да побольше.

¹ Подобный подарок считается во Вьетнаме объяснением в любви.

Они шли не по главным, залитым неоновым светом улицам, а по крутым ступенчатым улочкам. И всюду были люди, того гляди, наступишь спящему на руку. Что ж поделаешь! Самая большая плотность населения на земном шаре — на одном акре тысячи душ.

Они пришли к Дин. Она жила в разрекламированных колониальными властями многоэтажных бараках. Бараки, как поганки, разрослись по окраинам Гонконга. Дешевые четырехэтажные здания с узкими скрипучими лестницами и верандами, которые, как удавы, обвили четыре этажа. В бараках отсутствовали водопровод и канализация, тускло горели электрические лампы... В одной комнате ютилось до десяти семей — дети, старики, молодые. Спали вповалку на самодельных нарах, на верандах, даже на ступеньках лестниц... Скопище грязи, нищеты, отчаяния. Все было пропитано запахом пищи и отбросов.

Дин сюда вела друга по узкой тропинке, чтобы сократить расстояние. Они прошли мимо импровизированных сараев, стены которых были сделаны из расплюснутых консервных банок, как во вьетнамских «стратегических» деревнях. В сараях спали свиньи — пожалуй, им было просторнее, чем людям в бараке.

Дин жила на втором этаже. У нее была комната... Но в ней спала старуха.

— Моя тетя, — вяло сказала девушка.

— Добрый вечер, добрый вечер! — закивала, как приказчик в лавке подержанных товаров, старушка. Было что-то неприятное в ее заискивании перед парнем, которого привела на ночь «племянница». Старушка скатала циновку, взяла валик-подушку и исчезла. Не догадался, что перебралась в соседнюю комнату, за дощатой перегородкой кто-то заворчал спросонья:

— Вечно бродят.

— Тихо, гость, — зашамкала старушка.

— А мне-то что, — ответил злой голос. — Мне от нее не перепадет.

— Замолчи!

— Ну и пусть слышит! Я орать начну, слезь с моей ноги!

— Замолчи, а то я тебя выгоню.

— Старая сводня!

— Тсс...

— Заткнитесь вы! — послышался другой голос. — Чуть свет вставать! На ткацкую фабрику добираться! Захныкал ребенок, «полчеловека». Тихий женский голос стал успокаивать. Сколько было там людей за стенкой, трудно было представить.

Ке с радостью разулся на пороге комнаты, снял ботинки — они жали. Надо было купить на номер больше, но он хотел, чтобы ноги у него выглядели миниатюрными, как у старой китаянки с бинтованными ступнями. Он никогда не носил европейской обуви, и ноги ныли, точно Ке перенес допрос в сайгонской полиции.

Стояла низкая деревянная кровать, столик, на столике транзистор. Транзисторы, швейцарские часы, английский трикотаж, японские фотоаппараты в Гонконге стоили дешевле, чем в любой точке земного шара, дешевле даже, чем в стране, где они производились, — контрабанда. Ради иностранной валюты правительства глядели на подобный «экспорт» сквозь пальцы.

На окнах батистовые занавески, к стене прислонился низенький трельяж, на столике румяна, духи... Дин молча поставила на столик бутылку «Сатерана» и фрукты, вынула из сумки конфеты, которые заказывал Пройдоха.

Дин вышла. Пройдоха слышал, как она с кем-то заговорила.

— Спасибо! — сказал женский голос. — Мы сегодня тебя не ждали.

Ке понял, о чем говорила женщина. Дин рассказывала, что если у нее нет провожатого, то она остается ночевать на работе, потому что небезопасно одной возвращаться домой.

«Чайный домик» — тонкая штука. Хозяин этого «чайного домика» внешне придерживался добропорядочности. Девочки, одетые как гейши... Ну а если кто-то из них «заводил» дружка, это хозяина не касалось, хотя, конечно, он тоже имел долю с клиента. Его хитрость была шита белыми нитками, и ему приходилось «делать подарки» полиции, но не таких размеров, как если бы он открыл легальное заведение.

Ке сел на край кровати. При виде бутылки его начало мутить. Появилась старуха. Только теперь Ке увидел ее глаза — красные, навывкате — и поежился. Старуха заюлила, весь вид ее означал беззвучную мольбу.

— У тебя есть?.. — зло спросил Пройдоха у девушки, не называя то, что подразумевал.

— Ты о чем?

— Ты знаешь, о чем.

— Дай немножко... Дай! — застонала старуха. — Я тебя три дня ждала. Пожалей меня...

— Уходи! — Дин вынула из кармана черный шарик, завернутый в салфетку, протянула старухе.

— Спасибо!

— Иди.

Старуха выскользнула из комнаты. Ке слышал, как она уселась у перил веранды. Было до боли ясно, что она делала: достала прокуренную трубку с плоской круглой чашечкой, приспособила черный шарик. Она курила самый дешевый опиум — сырец.

— И ты тоже куришь? — спросил Пройдоха.

— Нет!

— Зачем носишь?

— Что же делать? Я живу в ее комнате... Она хозяйка этажа.

— Одна? Целого этажа?

— Да. Она ростовщик. Она держит все в руках.

— Так пусть сама и покупает...

— У нее два порока — опиум и жадность, — сказала Дин. — Жадность пока побеждает.

— Но это будет длиться недолго.

— Все ждут... когда она сломается.

— Вы нарочно ее приучили?

— Мы по очереди покупаем «Три девятки».

— Дорого.

— И все же покупаем. Даже самые бедные...

Она замолчала, опустив голову. Потом попросила:

— Не спрашивай больше... Отвернись, — попросила она.

Ке отвернулся. Он видел тень на стене, видел, как девушка разделась, увидел очертания ее фигуры на стене. Он не испытывал к девушке ни ненависти, ни чувственности, ему было чуть-чуть жалко ее, но больше всего жалко себя. И еще он испытывал чудовищное равнодушие к происходящему.

Девушка деловито, точно мыла посуду, готовила постель. Ее равнодушие и деловитость пугали Ке. Точно так же она отдала опиум медленно умирающей старухе.

Дин опять вышла. Он слышал, как она пошла по веранде.

— Я тебе воду подогрела, — донесся голос старухи, голос уже не дрожал, он приобрел звонкость.

Ке слышал, как люди ворочались внизу, за стенками, наверху. Барак спал тяжело, беспокойно. Запах нищеты полз из всех щелей.

Ке сунул руку за пазуху, ухватил щепотку долларов, положил на столик перед трельяжем, придавил сверху флакончиком дешевых духов и выскользнул на веранду.

Взяв ненавистные ботинки, он спустился по предательской лестнице и побежал, сбивая пальцы на ногах в кровь об острые камни. Он бежал и знал, что если остановится, то вернется и подожжет барак.

8

Над головой Пройдохи чернела бездна, усыпанная звездами, как гигантская песчаная отмель морскими ежами. Хлынул ливень. Ке промок как губка, но шел, не прячась под козырьками крыш. Он шел к Томасу, гуркху, бывшему солдату английской армии. Гуркхи — жители гималайских гор. Издавна молодые горцы спускались в долину в поисках счастья и наподобие шотландцев нанимались в иноземную армию. Томас забыл родные горы, родители его давно умерли, и ничто не связывало его с туманным прошлым, называемым юностью. Он дослужился до чина капрала. Воевал в Бирме, Сингапуре, побывал в плену у японцев... Потом его освободили, и он очутился в Новой Зеландии, где влюбился в маорийку. Любовь гуркху досталась бурная и горькая. Затем он долго колесил по белому свету, пока не осел, как ил, в Гонконге. Томас был ночным сторожем индийской обувной фирмы с чехословацким названием «Батя». Носил чалму, как праведный индуист, но не верил ни в бога, ни в черта, а тем более в пророков, которые, по сути дела, ханжи.

Томас иногда пускал Ке спать в каморку у входа в забаррикадированную на ночь обувную фирму не без расчета — вдвоем и безопаснее и веселее: гуркх в старости стал не в меру болтливым.

Пройдоха умел слушать и делать вид, что верит услышанному.

Однако на этот раз до Томаса Ке не дошел — на перекрестке угодил в облаву. Полицейские в черных непромокаемых плащах скрутили ему руки, привычно обыскали, извлекли пистолет. Потом его добросовестно избили и бросили в камеру, набитую людьми, как барак, в котором жила Дин.

Подобные камеры называются «отстойниками». Они похожи на бетонные кубы, куда стекаются городские нечистоты. Основной массой арестованных были бродяги, для которых камера оказалась божьим даром: «В ливень не спрячешься под парковую скамью». То, что Пройдоха был здорово избит, дало ему право лечь на металлические нары. Кто-то напоил его пивом, непонятным образом оказавшимся в «отстойнике».

— Ты чей? — спросили его шепотом.

Пройдоха не знал, можно ли здесь, где полно стукачей, ответить, что он человек господина Фу, поэтому промолчал. И его молчание восприняли как признак принадлежности к средней прослойке преступного мира.

На другой день Ке вызвали на допрос. Полицейский чин, не глядя на задержанного, рявкнул:

— Убирайся!

Пройдоха пробкой вылетел из участка, или, как его здесь называли, Поста, на улицу.

На углу стоял Сом. С опухшим лицом, но по другой причине, чем у Пройдохи. Он смачно сплюнул длинной тягучей слюной, испугав плевком маленькую ящерицу, гревшуюся на солнце.

— Иов!¹ — сказал Сом. У Сома было отвратительное настроение.

— Ты мне должен за часы, — сказал Пройдоха, глядя в спину приятеля: тот шел впереди вразвалку, занося поочередно вперед то правый, то левый бок, как ходят женщины в Марселе.

— За какие часы?

— Я твоей Мичико подарил, — объяснил Пройдоха. — У меня нет ни копейки...

— Ты меня за дурака считаешь? — осклабился Сом

¹ Иов (морской сленг) — означает человека, который приносит несчастье.

и поглядел через плечо. — Прокутил... Я тебя не просил делать подарки. Торопись! С тобой будет серьезный разговор.

9

В узкой улочке, где по обе стороны тротуара вытянулись ювелирные лавки, мастерские и магазины, я попросил шофера остановиться, расплатился и вышел. Когда машина скрылась за поворотом, я постоял некоторое время, подождал — «хвоста» не было, значит, визит господина Фу был лишь «личным» зондажем, — банда еще не включилась в игру и меня не обложили как волка сплошным кольцом «стрелков».

В одной лавке сквозь опущенные шторы из гофрированного оцинкованного железа пробивались полоски света. Не задумываясь, я дернул дверь. К счастью, она оказалась незапертой. Я вошел. Раздался переливчатый звонок, как в музыкальной шкатулке, — сигнал для хозяина, что кто-то пришел. Быть ювелиром — дело хлопотное, того и гляди нагрянут налетчики, но здесь, на полуострове-колонии, как ни странно, ограбления банков и подобных магазинов происходили весьма редко, пожалуй, реже, чем в метрополии. Макао — пятачок, его можно пройти вдоль и поперек пешком, охранялся же он с материка китайскими воинскими частями, а с моря подступы просматривались в любую погоду радарами португальской полиции, в распоряжении которой были быстроходные военные катера. Только дилетанты могли позволить себе свободу действий, но их быстро успокоили бы те же молодчики мадам Вонг — полуостров был «тихой обителью», своеобразной Швейцарией, где военные действия предпочитались легальному бизнесу.

И все же ювелиры оборудовали свои магазины всевозможными сигнальными устройствами, вплоть до речунов и телекамер, в зависимости от достатка, в чем их нельзя было упрекать, — береженого бог бережет.

Из задних комнат, как чертик, выскользнул приказчик и встал за прилавком по команде «смирно!». На его рубашке, выпущенной поверх брюк, был приколот значок с портретом Мао Цзэ-дуна — дань времени и месту. Только тут я заметил второго человека. Он сидел в затемненном углу направо от входа. Это был охран-

ник, или, как принято говорить на Западе, частный детектив. Грудь на его чесучовом пиджачке многозначительно оттопыривалась: там в кобуре-подтяжках спал тупорылый «хаскель» 32-го калибра. Поражали ступни его ног: они были громадны — признак слоновой болезни, столь распространенной в этих широтах.

Внутри лавки ничего примечательного не было. Прилавки... Под стеклами в коробках с темным ворсистым бархатом блестели камни перстней; старинный японский фарфор, ручной работы пагоды из серебра, чеканные браслеты...

Приказчик-европеец был бесцветный, как засвеченный негатив, мужчина наполеоновского роста, с узко посаженными глазами — они немного косили, как у сиамских кошек.

Приказчик молчал. Я понял, почему: он ожидал, на каком языке я заговорю. Я сказал по-английски:

— Добрый вечер! Сегодня очень душно.

— О, добрый вечер! — вяло оживился приказчик.

— Покажите, пожалуйста! — Я указал на обручальное кольцо.

Он вынул несколько коробок.

На первый взгляд кольца казались одинаковыми, но это только на первый взгляд — на самом же деле все они были разные: одни массивные, сытые; другие кокетливо тонкие как манекенщицы.

— Пожалуйста! Господин женится?

— Это зависит от ряда обстоятельств, — не торопясь ответил я: мне требовалось выиграть время, довести приказчика до белого каления, узнать то, что требовалось, и не выкинуть на ветер «елизаветки» (гонконгские доллары), которых у меня было не так уж много. Правда, золото здесь стоило намного дешевле, чем на парижской бирже, здесь изделия оценивались лишь по весу, работа мастера почти не принималась в расчет... Причиной были международный «черный рынок», контрабанда, континентальный Китай, которому для своих целей требовалась иностранная валюта, и множество других обстоятельств.

— Выбирайте.

Я начал рыться в коробках, примеряя то одно, то другое кольцо. Я отставлял руку, долго рассматривал каждое кольцо. Лицу требовалось придать неуверенное, растерянное выражение. Не знаю, удалось ли мне сыг-

рать роль рассеянного покупателя. Приказчик на несколько минут выскочил в заднюю комнату, видно, он уже собирался домой и только запоздалый покупатель задерживал его на рабочем месте.

— Ну что, выбрали? — Он появился вновь, вытирая тыльной стороной ладони рот, — ужинал. Что ж... с ужином ему придется повременить.

— Не знаю, что и делать, — сказал я, вынимая пачку сигарет и закуривая.

— А что такое? — нетерпеливо спросил он, не уговаривая меня, как сделал бы это утром или днем, в часы «пик». — Нет подходящих? Вам одно или два?

— Два... Неплохо бы невесту пригласить (приказчик зевнул), да подобные покупки делаются без невесты (приказчик не реагировал)... Невеста требует, чтобы мы венчались.

— Так венчайтесь!

— Легко сказать. А где?

Я подошел к вопросу, ради которого так поспешно и в неурочный час приехал в ювелирный магазин.

— Как где? В церкви.

— В какой церкви?

— В своей, — заволновался приказчик.

Охранник глядел на меня свирепо и откровенно: «Чего приперся на ночь глядя? Либо бери кольца и уматывай, либо не бери и тоже уматывай».

Я покосился на его могучую фигуру.

— А какие у вас здесь есть храмы?

— Всякие... Католические, протестантские, лютеранские, буддийские...

— Я православный...

Белесые брови приказчика взлетели к верхней кромке лба и, как мне показалось, запутались в прическе. Он уставился на меня, как священный бык на фотографа: его бы меньше удивило, если бы я назвал себя огнепоклонником или членом какой-нибудь изуверской мусульманской секты.

— О-ля-ля! — Он присвистнул. — Действительно!

— Вот видите, а она католичка. Очень строго соблюдает веру.

— Если вы будете венчаться в католическом соборе, — подал голос от двери охранник, видно, даже его заинтересовало это дело, — там с вас сдерут три шкуры. Знаю я этих отцов церкви. В принципе-то они против

подобных браков, но за денежки хоть с чертом окрутят. — Он улыбнулся. Зубы у него были тоже крупные, желтоватые от никотина.

— Чем же вам помочь? — задумчиво спросил приказчик.

— Я думаю венчаться в православной церкви, — пошел я в атаку. — Здесь раньше была русская церковь.

— Так вы русский?

— Да, русский. Но я не знаю, осталась ли она и как ее найти. Если бы вы помогли... Я бы съездил к батюшке, договорился, а завтра заскочил бы к вам. Мне хотелось бы сделать еще кое-какие подарки невесте. На ваш выбор. Что бы вы посоветовали?

— Один момент! — Приказчик опять скрылся. Охранник подошел ко мне, с любопытством и с сочувствием молча разглядывал русского.

— Все сделано! — вынырнул из двери приказчик. — Я позвонил своему хозяину, навел справки. Он назвал мне адрес вашего священника. Я позвонил ему, он, оказывается, живет здесь неподалеку. Он вас ждет.

— А не поздно?

— Что вы... Для дел нет понятия «поздно». Идите по этому адресу, а завтра приходите к нам. Рад буду вас обслужить. Луис, проводи гостя и запирай. И так засиделись...

— Благодарю! — искренне сказал я.

Но им пришлось еще задержаться. Опять мелодично запел звонок — пришла семья филиппинцев. Девушка, по всей видимости, была невестой на выданье, ей нужно было выбрать ожерелье из жемчуга. Европейцы никогда так не боготворили дары моря, как жители островов. В Европе время от времени возникал ажиотаж, затем нитки с матовыми зернами прятались в сейфы или спускались перекупщикам. На островах же жемчуг всегда в цене.

Женщины любят подарки... Да кто их не любит. В каждой подаренной безделушке застывает мгновение; проходят годы, безделушка хранит память о забытом. У меня остался от отца нефритовый китайский божок Плодородия — пузан с отвислыми мочками ушей (они означают у китайцев признак душевного равновесия), и цена сувениру — несколько юаней, но отец считал талисман наделенным чудодейственной силой, приносящей удачу. Я всегда брал талисман, когда отправлялся

в рискованный вояж, а в этот раз забыл. Может быть, поэтому я и влип в историю, как муха в липучку.

Девушка терпеливо ожидала, какую нитку жемчуга выберет для нее мать, но каждый раз, когда очередная нитка откладывалась, в глазах ее вспыхивал испуг: а вдруг совсем ничего не купят?

Наконец была выбрана нитка, которая получила всеобщее одобрение. Девушка будто не дышала, гладила «зерна», любовалась ими, позабыв на радостях поблагодарить за покупку.

Глядя на эту сцену, мне тоже захотелось купить что-нибудь для Клер, чтобы она сохранила память обо мне на всю жизнь. Черт с ними, с деньгами, как-нибудь выкручусь, не впервой!

— Подберите и мне что-либо на свой вкус, — сказал я приказчику. — Но имейте в виду, у меня нет собственных нефтяных вышек.

— Понятно! — Приказчик дружески улыбнулся. — Вот рекомендую. Раз вы православный, греческой церкви... Вот! Византия!

И он положил на прилавок два витых платиновых кольца с бирюзой. Настоящих, не подделанных под старину. Они были прекрасны!

— Я берег на всякий случай, — сказал доверительно приказчик. — Не сомневайтесь. Я бы вам их не отдал, если бы... У вас особый случай. Луис, по-моему, у нас такой первый случай?

— Истинная правда! — поклялся охранник. — Бери, хозяин, не прогадаешь.

Кольца были мужским и женским. Но какая цена? И, точно угадывая мою мысль, приказчик, улыбнувшись, сказал:

— Я возьму по-божески. Чтоб не торговаться. Времени ни у вас, ни у нас нет.

И он назвал сумму.

Возможно, по его мнению, это была божеская цифра, но для меня она показалась ценой сатаны. Но что оставалось делать?

Я расплатился за старинные витые кольца. Хотел было поторговаться, но по выражению лица приказчика догадался, что уступки не будет, я только зря «рассыплю бисер слов своих».

Я спешил «на рысях» к батюшке по раздобытому несколько утомительным способом адресу. И вдруг я

опять вспомнил прочитанное в тетрадях молодого вьетнамца.

...Господин Фу не бил слуг. Если бы такая потребность возникла, это сделали бы другие. Господин Фу испепелял слуг презрением. Распекал он Пройдоху на заднем дворе. Фасад дома господина Фу выглядел европейским, но внутри здание было спланировано в традиционном китайском духе: с женской половиной, глухими кладовыми, затененными спальнями, крытыми черепицей переходами между покоями. На заднем дворе высился каменный гараж, где рядом с «фордом» стояла двухместная коляска рикши. Господин Фу расхаживал в черном халате, полы халата развевались. Господин Фу поучал:

— Где шлялись? В Крытом рынке? Раньше там было иначе, проще и чище. Висели красные фонари. Двери направо, налево... Но я плачу вам не для того, чтобы вы развлекались. У меня солидный дом, а не притон для шелудивых. Одного выгнал, и до вас очередь дойдет. Ты чего улыбаешься? — набросился он на Сому.

Тот сидел на опрокинутой пустой железной бочке, спрятав глаза за темными стеклами очков.

— Я вас нанял, чтобы вы охраняли мою персону, а не шлялись где вздумается. Отныне без разрешения не отлучаться!

Он высокомерно поглядел сверху вниз на Пройдоху.

— Чего морщишься? Всыпали в полицейском посту? Правильно сделали.

— У него ботинки жмут, — сказал Сом.

— Купи кеды или соломенные сандалии, чтобы не топтать как лошадь.

— У него нет денег.

— Ай-я! — сказал господин и замер. Потом зашипел: — Нашел слугу, тратит в ночь больше, чем хозяин в молодости.

— Деньги у меня украли в полиции, — глухо сказал Пройдох.

— Угу, — выдавил из себя господин. — На!

Он положил на перила перехода несколько долларов.

— В счет будущего... И учти, ты должен мне пять тысяч.

— За что? — встрепенулся Ке. У него даже дыхание перехватило.

— Думаешь, тебя отпустили бесплатно? Или хочешь побывать там, где над входом красуется надпись: «Ее Величества королевы Англии»?

— Что вы, господин, — сник Пройдоха. — Я отработаю. Я сделаю, что прикажете. Только где мне заработать такие деньги?

— Старайся... Я подумаю, как тебе искупить свою вину, — ответил господин и ушел.

Сом поднялся с бочки.

— Где я заработаю столько денег? — удивился Пройдоха.

— Иов! — выругался Сом. — А знаешь, почему он рассвирепел?

Пройдоха пожал плечами. Он повторял про себя: «Пять тысяч! Пять тысяч!»

— Перестань молиться! — рассмеялся Сом. — За меня больше заплатили. Он орал... Его дочка нас подслушивала... Я видел. Это он орал для нее. А пять тысяч он выжмет из тебя, будь уверен.

Сом задрал подол рубашки, которую здесь носят на голое тело, вынул из-за пояса кольт, сунул в руки Пройдохе. Это было оружие, которое отобрали у Пройдохи на Посту. Ке не задал вопроса, каким образом оно оказалось вновь у телохранителя господина Фу. С одной стороны, он был рад, что отделался несколькими синяками и ссадинами, — ведь его могли свободно упрятать за каменные стены, и он вновь оказался бы на каторге, на этот раз официальной — судьбы колониальных властей быстры на расправу с такими, как Ке. С другой стороны, Пройдоха понимал, что попал в кабалу — теперь с ним не будут церемониться. В случае неповиновения он моментально очутится в полиции, где на него составили карточку.

«Убегу!» — подумал Ке.

Сом, будто читая его мысли, произнес:

— Ты теперь как обезьяна в сетке. Не вздумай бежать — найдет. Считай, что тебя мобилизовали в армию. Советую научиться отдавать честь. Пошли, покажу казарму.

Каморка в гараже была светлой, но невероятно захламленной. Сом указал на голый топчан:

— Твой!

Топчан Сомы был с бельем и одеялом.

— Приберешься, белье с моей постели выстираешь.

Будешь дневальным, потому что я твой начальник. Вообще-то я тебя отлупил бы с удовольствием. Иов! Еще раз потеряешь оружие... Убью!

Он поднес к носу парня кулак. Вид огромного кулачища дополнил мысль старшего телохранителя.

В тот же день Ке познакомился с дочкой господина, красавицей Дженни. Она пришла в гараж, легла на капот машины, закурила сигарету и начала душеспасительную беседу:

— Ты хочешь учиться? Дурак! Я про тебя все знаю... Мне бы быть шпионкой. Я умею подслушивать. И еще люблю, когда дерутся мужчины... Бенц! Бенц! Все в красных тонах... У меня эмоции принимают окраску... Я все вижу в разных цветах... Ты, например, оранжевый... Почему-то ты мне кажешься оранжевым. Наверное, потому, что ты хочешь учиться. А что толку? Я училась... Единственно, вспоминать есть о чем. А теперь я пишу отцу отчеты. Он, как все китайцы, страшный бюрократ — падает на колени перед листком бумаги, если на нем написан хотя бы один иероглиф. Я вроде секретарши... Лучше бы осталась в Штатах. У меня был... я тебе скажу, ты не трепач? У меня был мальчик. Сын миллионера. Он был в меня влюблен... Он был такой весь голубой, голубой, вроде тебя, но ты оранжевый. Роковая любовь. Он застрелился из-за меня. Не веришь? Больше всего я ненавижу желтый цвет — цвет стариков.

Пройдоха слушал болтовню хозяйской дочки вполуха. В гараже оказался кран, поэтому не пришлось таскать воду из кухни. Он затолкал простыню, наволочки, сорочку «приятеля» в чан, залил водой, засыпал стиральным порошком. Ничего, что вода холодная, порошок съест грязь.

— А мой отец черного цвета, — продолжала Дженни. — В нем есть что-то трагическое... А вообще...

Она уставилась на Пройдоху большими подведенными тушью глазами.

— Я не люблю отца, — сказала она тихо.

— Не говори глупостей! — отозвался Пройдоха.

— Я тебя не провоцирую, не бойся, — устало сказала Дженни. — Я тоже неудачница. Зря он отправлял меня учиться. Но кто я теперь? Я шла куда-то, пока меня вели. Ох, лучше бы меня посадили в красный паланкин, не спрашивая согласия на брак. Кому нужно

мое согласие? Я бы рожала детей, придумывала хитрости, чтобы перехитрить мужа, и умерла бы счастливой. А сейчас сижу будто в золотой клетке. Поговорить не с кем, поэтому с тобой и разговариваю. Но запомни... Продашь меня, я вывернусь, а тебе головы не сносить.

— Я ничего не слышал и ничего не хочу слушать, — пробурчал Пройдоха, полоща белье.

— Все вы трусы! — обозлилась Дженни. — Хочешь поцеловать меня? Хотя ты не умеешь.

— Уйдите! — ответил Ке. — Не мешайте мне!

— Трус! — ответила Дженни и демонстративно бросила окурки в чан с бельем.

— Дал бы тебе... Иди отсюда!

— Дай! Ну дай!

— Еще бросает окурки... Уходите!

— Ничего не дашь, — сказала Дженни, и ее глаза опять стали пустыми, как разбитые фары автомашины. — Мне жалко тебя. Ты попал к паукам. И сам станешь пауком, желтым пауком, отвратительным, самого противного цвета — императорского¹, желтого, с чуть зеленоватым оттенком, и не по всему фону, а мазками... А может, тебя выжмут и уберут, как Длинного. Был он не три и не четыре. Сом напаялит темные очки, чтобы живого солнца не видеть, и пьянствует. Если не будешь болтать, я помогу. Мой отец страшный человек... Тебе даже не понять, о чем я говорю. Ведь ты цветной..

Она демонстративно повернулась и, играя бедрами как опытная женщина, пошла к выходу.

10

Седая бороденка когда-то была окладистой бородой, теперь белесые глаза-буравчики были темными, широко раскрытыми, они глядели на мир весело и с любопытством, точно вопрошая: «А дальше что? Преудивительно!»

— Время не жалеет даже бога, — сказал батюшка, звали его Тихоном. — Представьте, вот таким был я в

¹ В Древнем Китае одежды желтого цвета имел право надевать лишь император.

молодости. О время, съеденное саранчой! — Он кивнул на портрет маслом.

Поверить было нетрудно. Семьдесят лет не двадцать. Роста отец Тихон был среднего, сухощавый, цвет кожи с лимонным оттенком, что свойственно европейцам, долгие годы прожившим в тропиках.

Мое внимание привлек портрет...

Портрет был написан уверенной кистью большого мастера, манера письма мне показалась знакомой: тон, тени, общая гамма красок...

— А это я баловался, — скромно сказал отец Тихон, показывая на бесчисленные рисунки яков тушью и маслом.

«Кто написал портрет? Чертовски талантливо. А что, если попытаться купить его у Тихона? В любом салоне эта картина займет достойное место».

Домик отца Тихона был разделен на две части легкой стеной, как это принято у японцев. «Гостиная», в которой мы находились, напоминала музей и одновременно лавку старьевщика, куда приносят самые неожиданные вещи — акульки плавники, морские звезды, кораллы, шкуру снежного барса, тронутую молью, сушеного крокодила, он лежал на пузатом стеклянном шкафчике, набитом фигурками яков из нефрита, кости, обожженной глины — целая коллекция.

— Приход нищенский, — жаловался Тихон. — Ютилось здесь около ста русских семей. Куда нас только не разбросало! Грозы отгремели, хватит под чужими навесами прятаться, пора домой возвращаться: старикам замаливать грехи, молодым жить. Прихожане остались из местных, крещеных — беднота, полуязычники, но кроткие, и не так в вере стойки, как церкви верны, — все-таки защита какая ни есть, взаимопомощь, словно утешения услышат в горе. Приходская школа есть. Власти разрешили. Обедом кормим и учим слову божьему. Бесплатно. — Он выжидательно посмотрел на меня.

«Сдерет прилично, — подумал я, — раз заговорил о благотворительности, обдерет как липку».

— Кстати, где вы крестились? — спросил отец Тихон.

— В Шанхае. Матушка крестила. Она русская.

— А кто крестил, полюбопытствую?

— Преподобный отец Кирилл.

— Слышал, слышал, но незнаком. Говорят, он умер.

— Да, во время нашествия японцев. Он остался в

городе, помогал раненым, говорят, заразился брюшным тифом... Пил сырую воду. Кипятить и отстаивать воду было некогда, а водопровод не работал.

— Слышал, слышал, — успокоился Тихон, откашливаясь. Он говорил и говорил без конца... И его состояние мне было понятно: пользовался случаем поболтать на родном языке. Меня тоже иногда подмывало, и я говорил сам с собой по-русски, чтобы не забыть родной язык юности. Мама всегда обращалась ко мне только по-русски, чем неизменно вызывала гнев отца, но даже он сдался, придумав для нее оправдание: «Китайца нельзя отучить от чинопочитания, японцев от агрессивности, русского от родного языка».

— Отдал богу душу за мирян преподобный Кирилл, — говорил отец Тихон. — Сколько православных на чужбине захоронено... Слышал ты о князе Григории, что в тринадцатом веке охранял с десятью тысячами ратников ханский город Канбалут? Невдомек тебе... Канбалут, он же Ханбалык, по-китайски Тайду, Бейпин, Бейцзин, сейчас Пекин... Еще раньше был на этом месте город Цзи, его еще называли Чжунду, да сожгли его монголы. Затем отстроил его вновь Хубилай, внук Чингисхана, покоритель Срединного государства, сам на престол сел, объявил себя императором. Обосновал Хубилай новую династию Юань. Раньше-то, до монголов, династии назывались по имени тех земель, откуда происходил родом их основатель, а Хубилай взял древнюю книгу «И-Цзинь», «Книгу перемен», открыл первую страницу, ткнул пальцем в первое слово «Юань», на том и порешил: «Пусть моя династия так называется». Опосля все китайцы так же мудрствовали — Мин, Цин...

И была та столица Срединного государства, — продолжал Тихон певуче, точно пел былинку об Илье Муромце, сыне крестьянском, — квадратная, по двадцать четыре мили каждое ребро, считай по-русски сорок восемь верст. Стена была земляная шириною двадцать шагов, толщиной десять. С каждой стороны по трое верст, на каждом углу дворец-казарма для войск, и посередь города другая, самая главная, с запасом оружия, а на башне колокол. Как вдарят в тот колокол медный, так чтоб ни одна жива душа по улицам не шмыгала, а если врач к роженице вышел, так фонарь красный должен держать в вытянутой руке, чтоб стражники его личину видели, — улицы-то прямые, с конца в конец все видно,



хоть в лапту играй от ворот до ворот. Ну а ежели кто шалтай-болтай вздумал, того велено было хватать, допросить утром и бамбуковой планкой отдубасить. Всего в Ханбалыке наказывали за две тысячи семьсот пятьдесят девять преступлений, самыми страшными считались непрочное строение судов для государства и ошибка при вложении доклада в конверт, составление ядов и чародейство, неуважение к родителям, убийство рабочими мастера, отцеубийство. Так ты, Артур, сын мой, правильно ли «вложил документ», не перепутал ли конверты?

Он испытующе посмотрел на меня. Его настороженность была вполне оправданна — ночное появление единоверца и «земляка» было более чем неожиданное, тем более кончилось то время, когда русские, всполошенные великим преобразованием, распушились, как семена одуванчика, по всей Земле. Выкристаллизация давно закончилась, ибо русские страдают одной из самых мучительных психических болезней — ностальгией, и болезнь у них запрограммирована в генах. Если же кто бродит шатуном по сей день по забытым богам уголкам, как Макао, то это или как Тихон, или лютый враг России, которому на страшном суде не будет прощения.

— Вы про князя Григория упоминали, — сказал я, потом пояснил: — Я журналист. Приехал сюда жениться. Невеста моя здесь живет.

И протянул попу пресс-карточку «Гонконг стандарт».

— Ах ты господи! — засуетился Тихон. — Я тебя-то за другого принял... Ах старый греховодник! Шелкопер, значит? Греховная профессия, но я тебе не судья. Про князя интересуешься? Какая у него судьба сложилась? Татары разбили китайскими стенобитными машинами стены стольного града Киева... Китайцы при машинах были, помогали татарам. А через поколение внук Чингисхана Хубулай держал русскими воинами числом десять тысяч в узде Ханбалык. У каждого входа-выхода, у ворот, дежурило по тысячи всадников... Так получается: что посеешь, то пожнешь.

— Вы, наверное, историей увлекаетесь? — задал я вопрос, чувствуя, что Тихон хочет выяснить еще некоторые неясные вопросы, связанные с моим визитом в Макао.

— Грешу, грешу... Интересуюсь. Я сам-то осколок истории. История — зеркало на перекрестке дорог, а люди иногда как дадут кувалдой по этому зеркалу, и летят во все стороны осколки. Судьба-то у меня незавидная, но поучительная. Застрял я тут до концов жизни. Но с Россией переписку держу, родню разыскал. В Сибири есть мой род, город Кузбасс слышал? Казаки шахтерами стали, с коня под землю пересели. Я тебе письма покажу...

Он помолчал немного.

— Когда поэт Гейне умирал, то потребовал: «Бумагу и карандаш!» Мой хозяин, художник Рерих, попросил открыть шторы. Преудивительной душевной доброты был человек! Царство ему небесное! Всю жизнь посвятил солнцу, и сам был солнечным, вечная ему память людская, певцу синих гор. Тебе еще рано, а я уже задумываюсь, что сказать, перед тем как закрыть глаза. Однако скажешь-то непременно не то, что приготовил. Вот ведь какая штука. Ляпнешь что-нибудь сдуру, а то и матюгнешься, и в великие люди не попадешь.

В комнату на коляске неожиданно въехала женщина с укутанными в плед ногами. Отец Тихон расцвел:

— А это моя Дуня! Знакомьтесь. Господин Кинг Он наш, православный!

— Добро пожаловать! — довольно правильно по-русски сказала женщина. Она была редкой красоты и namного, лет на тридцать, моложе мужа.

Казалось, в ее обличье слились самые привлекательные черты всех рас — иссиня-черные волосы с чуть заметным серебром седины, собранные на затылке в тугой узел; огромные, как у боддисатвы, глаза; брови-крылья, нос с горбинкой, что свойственно многим горным племенам; скулы широкие, но общие линии лица удлинённые, смуглая кожа, как у алжирцев...

— А вот и Михаил пожаловал, — неожиданно сказал отец Тихон. — Вы с ним покалякайте, он по-русски понимает, а мы с Дуняшей пойдем на стол накрытый.

В комнату вошел индеец в косоворотке, с царственной осанкой, не иначе как из касты браминов, — дьякон Михаил.

Мы кивнули друг другу, не зная, с чего начать разговор. Дурацкое положение... Выручили фотографии священников, фотографии явно были вырезаны из «Календаря православной церкви». Они были приколоты к

стене канцелярскими кнопками между рисунками тибетских яков.

— Епископат, — прочел я вслух. — Пимен, митрополит Крутицкий и Коломенский. А где же ваш шеф? Кому вы подчиняетесь?

— У нас междущарствие, — ответил басом индеец. — На перепутье мы... Вообще-то вот Иоанн, митрополит Нью-Йоркский и Алеутский, патриарший Экзарх в Северной и Южной Америке, за ними идет Никодим, епископ Аргентинский и Южноамериканский. Мы приписаны к Южной Америке.

— Откуда вы так хорошо русский знаете?

— Учился в Париже в духовной семинарии.

В моей голове закопошились сотни вопросов, язык буквально зачесался, но я усмирил приступ любознательности, которая иногда граничит с бесцеремонностью: кто его знает, вдруг дьякон окончил попутно и Кэмбридж, где за повторный вопрос платят штраф. Я не хотел показаться в его глазах «трогом» (троглодитом). Чтобы не стоять истуканом посреди комнаты, я уставился на рисунки тибетских домашних «ковров».

— Тихон боготворит яков, — сказал Михаил. — Тибетцы обязаны яку цивилизацией. Эта самка называется «драй», что по-немецки звучит как «три». Ее молоко жирнее и питательнее коровьего. Раз в год якам пускают кровь, потом эту кровь сушат и едят. На яках пашут, ездят верхом, возят вьюки. В Индии хвосты яков в цене — очень удобные мухобойки. Зато нрав у них zelo несносный и невероятно медлительный.

Мне, откровенно говоря, было не до лекции по зоологии, меня снедали собственные заботы. Я рассеянно выслушал Михаила, крикнул, попытался направить разговор в нужное для меня русло:

— Вам отец Тихон ничего не говорил по поводу моего визита? Я нашел отца Тихона через приказчика ювелирной лавки. Не поздно ли я пожаловал в гости?

— Ничего, мы ложимся спать с полуночными петухами. Между прочим, петухи здесь поют ровно в полночь, как и во Франции.

Молчание воцарилось вновь: дьякон Михаил почему-то не хотел вести деловые разговоры. Мое внимание привлекла небольшая миниатюра в простенькой рамке из бука. Голубое бездонное тибетское небо, красные горы в лучах заходящего солнца, черные тяжелые идолы...

Лаконично и в то же время неотразимо прекрасно. Казалось, что это окошечко и за ним разреженный от высоты воздух...

— Так это же Рерих! — вырвался у меня невольно возглас изумления. Так вот чьей работы был портрет юного отца Тихона!

— Тихон был дружен с ним, — сказал индиец. — С матушкой там и познакомился. Тихон у художника одно время вроде бы за повара ходил.

— Понравился? — отозвался из кухни Тихон. — Я от него научился красками баловаться. Хватит соловья баснями кормить, стол накрыт.

— А кто у отца Тихона жена?

— Шерпка, — как о само собой разумеющемся ответил дьякон.

— Шерпка? Это что, с Филиппин? Шерпы... Соседи тасадаев?

— Нет, с Гималаев, я же сказал, — пробасил Михаил. — Из княжества Сикким. Очень любопытное племя... Предел человеческой приспособляемости к суровой природе. Шерпы...

— Ах, вы о Дуняше?.. — В комнату, задев плечом за косяк, с грохотом влетел отец Тихон. — Сейчас...

Он отодвинул перегородку, и нашим взорам представился роскошный стол, заставленный всевозможными закусками и бутылками. Посредине стоял старый, зачищенный до того, что стерлись медали и имя фабриканта, блестящий русский самовар.

— Прошу откусать чая, — пригласил по-старомодному хозяин. — А насчет родичей Дуняши... Преудивительный народ! Бывало, в палатке под одеялом от холода зуб на зуб не попадает, а они спят себе в снегу, и хоть бы хны! Босиком по снегу... Ей-богу, не вру! Спросите у Михаила, он слышал. Зато выносливы необычайно. Лучших носильщиков и проводников не сыскать. И встретил я в долине Дуняшу... а вот от жары у нее здесь ноги отнялись. Ее бы снегом лечить... Ну да не будем об этом... Проходите, дорогие гости, чем богаты, тем и рады.

— Мне бы хотелось вначале обсудить мои дела... — робко сказал я.

— А что такая... как это называется по-русски? Ах да, вспомнил — нетерпимость? — сказал Тихон. — Что у тебя такая нетерпимость?

— Видите ли, — начал я неуверенно, — мое дело несколько необычно.

— Так уж и необычно, — усмехнулся отец Тихон. — Думаете, не знаю, зачем вы пришли? — Он хитро прищурился, глаза-буравчики вонзились в меня.

— Думаю, что нет, — сказал я.

— Неужто? Сколько мы с него возьмем за венчание?

— Пятьсот долларов.

— Пятьсот с него многовато, — щелкнул языком отец Тихон, — сто пятьдесят, но не американских, а гонконгских, они не прыгают, как блохи, в цене. Самая устойчивая валюта, надежнее английских фунтов. Где невеста?

— Здесь, недалеко...

— Везите невесту, и дело с концом. Что нахмурились?.. Значит, не угадал? Дуня, Дуняша, ты извини, мы задержимся, выведем молодого человека на чистую воду.

— Итак, — сказал Тихон. — Значит, жениться собрались, молодой человек, а она другой церкви, католичка... Что ж!.. Жениться так жениться, умирать хуже. А где у нас магнитофонные записи?

— Какие? — встрепенулся дьякон.

— Какие, какие... Для свадьбы.

— Не знаю, у меня только псалмы хора из Бруклинского храма. Ты, Тихон, на мою пленку непотребное записал — ансамбль донских казаков. Хорошо, что никто из присутствовавших верующих русского языка не понимал, казаки пели «Не морозь, мороз, моего коня...» и еще «Летят утки и два гуся». Мне отпевать пришлось, а тут про коня и гусей.

— Почему это по-русски никто не понимал! Для нас это тоже божественные песни, — безапелляционно заявил отец Тихон. — Я тебе еще «Вдоль по Питерской» вклею. Никогда со мной не спорь! Ты принял нашу веру, но никогда не поймешь русской души. ...Значит, жениться, молодой человек, задумал? Ну хватит шутковать. Так вот... Артур, сын мой, давай-ка выкладывай, зачем мы тебе понадобились? Байки о венчании оставьте невесте, а нам говорите без... ну, без... забыл. Что надо, чем можем помочь? Тебе ночевать есть где? А то можешь у меня или у Михаила. У нас спокойно. Спокойно, спокойно, не надо смущаться. Не ты первый, не ты последний, все под богом ходим. Так чем выручать тебя? Что ты хочешь? Что за несчастье стряслось с тобой?

Я почувствовал, как безбожно краснею.

Я рассказал им почти всю правду. Она заключалась в том, что я как на духу признался в том, что мне надо уехать из Макао незаметно. Тихо. И как можно быстрее.

Да, мне бы, конечно, разумнее было остаться у отца Тихона или у дьякона Михаила... Я решил позвонить Клер — предупредить, что не вернусь. К телефону подошел неожиданно мой друг Боб Стивенс: он все же примчался на выручку в полном неведении о подоплеке моего вызова. В подобной ситуации я не мог не вернуться к Клер хотя бы для того, чтобы объяснить Бобу, зачем он потребовался.

Я поблагодарил Тихона и Михаила. Свой отказ от ночлега я объяснил кое-какими обстоятельствами.

— Невеста действительно есть, — сказал я. — Я должен перед отъездом увидеть ее.

Про Боба я промолчал. Тихон и Михаил удовлетворились моими объяснениями.

— И все же, — сказал на прощание священник, — мое сердце чувствует, у меня нюх собачий, что тебе, сын мой, не стоит выходить из моей обители. Я бы сходил утром к ней, объяснил бы... Смотри, смотри сам. Если что, так двери моего дома для тебя открыты круглые сутки. До встречи!

Мы распрощались. Когда я добрался до Клер, в доме никто не спал. Боб ходил по гостиной и разглагольствовал перед очаровательной хозяйкой об эпохе Великих географических открытий.

Его голос доносился до прихожей. Я проверил тетради: они лежали на месте. Единственно, кто на них мог наткнуться, — это служанка, но уборку она делала по утрам, а не в полночь.

— «Хай-хо, хай-хо! ...Шагаем мы легко», — запел я песенку гномов из «Белоснежки» и вошел. Обстановка была, прямо сказать, интимная: горели свечи, Клер лежала на диванчике, Боб с бокалом мартини расхаживал по комнате без пиджака. Его спину перекрещивали подтяжки.

— Я не помешал? Я тот самый человек, который сопровождает Жаклин в Европу, чем очень доволен, — процитировал я слова покойного Джона Кеннеди, произнесенные им по прилете в Париж.

— Бюбль-удль, наконец-то! Ты несчастье для своих

друзей. Привет, Арт! Я развлекаю твою невесту как могу.

Боб поднял бокал и выпил за мое здоровье. Он изменился за два месяца, что мы не виделись. Похудел, отпустил роскошные усы. Усы ему шли.

— Дорогой! — Клер поднялась с диванчика, подошла ко мне, приподнялась на цыпочки и поцеловала в щеку. — Я очень волновалась... Ты всегда исчезаешь так неожиданно, тем более в такой момент.

— Прости, в какой момент?

— Ну в такой... Вот ты вызвал друга, и я вынуждена была развлекать его.

— Я рад тебя видеть, Боб, ты мне очень нужен.

— Разумеется, если позвал меня в бухту Чжуц-зян-коу. Я уже осмотрел свадебное платье твоей невесты. Тебе тоже придется взять напрокат фрачную пару.

— Перестань, не до шуток. Платье... Дурацкие шутки.

— А что случилось, милый? — спросила Клер.

Тон ее вопроса чуть не сбил меня с ног. Сюрприз за сюрпризом! Черт разберется в этих женщинах. А что, если она действительно ждала моего предложения? Кажется, я влип в пренеприятнейшую историю!

— Дайте-ка чем-нибудь промочить горло, — ответил я, чтобы выиграть время.

— Все-таки где ты был? — опять спросила она, наливая мне бокал путаоцзю, виноградного вина.

— Клер, раньше я тебе никогда не давал подобных отчетов.

— Раньше — да, но теперь придется, — сказала она мягко, но твердо, поставила бокал и вышла.

— Арт, зачем ты ее обидел? — нахохлился Боб. — Она так ждала тебя, так волновалась. Столько о тебе хорошего наговорила, что я стал сомневаться — не ошибся ли адресом, и ты ли пригласил меня на свадьбу.

— Хватит тебе молоть чепуху! — фыркнул я, чуть не захлебнувшись вином. — Черт, не в то горло попало. Стал бы я тебя тревожить из-за такой мелочи, как свадьба.

— Мелочи? А что может быть более серьезного в жизни перезревшего холостяка?

— Может быть кое-что другое. Она действительно показывала тебе свадебное платье?

— Да... Довольно милое. Тут, значит, испанские кружева, белое...

— Где джин? Содовой не надо! Помолчи! Я влип... Нет, причина не Клер. У меня есть шанс расстаться с жизнью, и довольно верный шанс. Сядь! Наберись терпения. Я тебе вкратце обрисую...

И я ему поведал то, что прочел в тетрадах.

Боб моментально стал трезвым как стеклышко, это он умел. Точно у него был клапан, и, когда дело доходило до серьезного, он нажимал на клапан, пары алкоголя улетучивались, и его сознание становилось ясным.

— У тебя есть фотоаппарат? — спросил я.

— Как всегда... Я прилетел со всеми доспехами.

— Пошли. Займемся работой!

Прежде чем подняться, я зашел в прихожую, отодвинул ящик для обуви, вынул дневник Пройдохи, затем мы забаррикадировались на втором этаже, завесили окна и начали работать.

Миниатюрный фотоаппарат Боба щелкал беспрерывно. Мы его закрепили на перевернутой скамейке. Я листал страницы... Получилось двадцать кассет.

— Куда ты их спрячешь? — спросил я.

— Положу среди неиспользованных.

— А как потом найдешь?

— Найду, если довезем до редакции.

— Нужно довезти. — Я не договорил. За дверью слышался чуть слышный шорох.

Я бросился к двери, повернул ключ... В конце коридора мелькнула тень.

— Кто там?

Я бросился следом, перепрыгивая через ступеньки, скатился вниз. В холле служанка обтирала пыль с полов щеткой из перьев птиц.

— Кто здесь прошел? — набросился я на нее.

Служанка улыбнулась и пожала плечами:

— Никого не видела...

— Ты здесь давно? Что ты тут делаешь так поздно?

— Вы накурили. Убирала окурки и бутылки.

Я вернулся к себе.

— Что случилось? — спросил Боб, рассовывая кассеты.

— Мне показалось, что кто-то нас подслушивал.

— Ну, это уж мания преследования, — ответил Боб. — Какие будут приказания?

— Слушай, Боб, — вместо этого сказал я, — тебе нравится служанка?

— Ничего, — ответил он и покрутил ус. Почему-то те, у кого есть усы, при подобном вопросе обязательно крутят их.

— Я не рассчитал размеры опасности, — объяснил я ситуацию. — Займись-ка служанкой, проконтролируй ее с час, если она не уйдет спать.

— Зачем?

— Требуется сжечь переводы, что я отстучал на машинке. Я без тебя не сориентировался. Сутки стучал на машинке, настучал три экземпляра. С ними как с горбом.

— Ладно, — рассмеялся Боб.

11

Кухня характеризует женщину и эпоху. Недаром археологи ищут «кухни» первобытных людей. Радиоактивный анализ золы костра указывает время, а битые горшки и остатки еды свидетельствуют об уровне развития цивилизации.

Про нашу цивилизацию я бы сказал, что она «пенальная». Мы с нарастающим упорством создаем «пеналы» — дома, квартиры, машины, каюты на кораблях, салоны в самолетах. Житель современного города с завидной точностью расскажет, сколько дверей в квартире у соседа, но не вспомнит, какого цвета утром было небо.

Возможно, я ошибаюсь, но доля истины в моих рассуждениях есть.

Подобная кухня могла быть только у Клер, дочки покойного портового врача-эпидемиолога. Он когда-то вводил карантин в порту. И может быть, на его совете числится не один «Летучий голландец», на котором от чумы вымер экипаж, но не жители континента. На кухне был коктейль из современных и старинных вещей. Плита на сжиженном газе — он стоит здесь очень дорого, но тем не менее Клер обзавелась подобной плитой, хотя, как я понял, пища готовилась на обыкновенном бензине или электричестве. Всевозможные кофеварки, старинные весы-коромысла, массивные ступки, поварешки с инкрустированными ручками. Полочки, коробочки. И камин. Почему именно на кухне у нее был камин, загадка. Хотя он-то мне и требовался. Широкий

старинный камин, в который можно было сунуть мачту клипера.

Я бросил рукописи на пол, прислушался — тихо. Боб, видимо, выполнял возложенную на него миссию с энтузиазмом.

Я проверил, есть ли тяга. Тяги не было. Пришлось лезть за чугунную решетку, просунуть руку в дымоход. Дымоход был заткнут пробкой из рисовой соломы.

Я разжег огонь. Листки бумаги горели быстро, часть золы вылетела в трубу, что меня радовало, — меньше придется пепла убирать.

Жалко было сжигать текст. Вначале я рассчитывал, что есть шанс предложить его португальской полиции. Она обещала тысячу долларов за одну лишь фотографию знаменитой пиратки. Но визит господина Фу, второразрядного гангстера по сравнению с мадам Вонг, заставил меня изменить решение. Если плебс гангстерского мира свободно получает справки в местной полиции, как в личном офисе, то у мадам связи, безусловно, более прочные и надежные. Неудивительно, что ни фотографии, ни даже точного словесного описания портрета преступницы нет ни у одной полиции мира. Решение однозначно — либо полиции этого не требуется, либо у мадам Вонг сильные покровители. Глупо лететь на огонь как бабочка. Я не имел гарантии, что обещанная сумма не являлась тем огоньком, на который летят легковерные.

Подозрение возникло еще при переводе тетрадей Пройдохи. Теперь я был уверен, что не ошибся. Нечего было думать, что мой шеф в «Гонконг стандарт» Павиан рискнет опубликовать что-либо подобное. «Гвоздь» возьмет газета, которая стоит на грани банкротства, — ей терять нечего, а сенсация — шанс на выживание.

В начале шестидесятых годов ходили слухи, что при таинственных обстоятельствах было открыто лицо «королевы пиратов». И сделал это некий Корнхайд, так он себя называл, якобы австрийский турист. Его следы затерялись где-то на Филиппинах, на вилле какого-то полковника ВВС США. Был еще слух, что некий филиппинец выдал ее резиденцию здесь, в Макао, недалеко от дома Клер. Но арест подозрительной «одинокой» женщины не состоялся. В печать просочились подробности загадочного происшествия. Я слишком хорошо помню участь незадачливых журналистов. Один исчез, двое

улетели в метрополию и прозябают по сей день в провинциальных газетенках. «Спящую собаку лучше не будить» — так гласит пословица. В общем, сплошные «пчелки в чепчике». С другой стороны, без «паблисити нет просперити» (без рекламы нет процветания). Раз я влез в историю и втянул в нее друзей, я должен довести ее до конца. Боб поможет пристроить дневники Пройдохи. У него нюх как у сеттера. Иначе бы не пошел за мной в страну Шан-Гри-Ла, сам не зная зачем: он слишком практичный малый. И что самое главное, не трус. Правда, Боб склонен к компромиссам. Взять хотя бы песню «йети», одичавшего солдата микадо, которую он записал на пленку и выгодно продал японским военным, чтобы звуки голоса японского «героя» не распугали на островах Восходящего солнца новобранцев. После подобной песни трудно вбивать в молодые головы идею невиновности в агрессии. За эту песню моментально бы ухватились пацифисты и активные противники возрождения армии, а их в Японии, с точки зрения поклонников Бусидоо (правила поведения самураев), больше чем достаточно.

Грустно сжигать рукописи. Листочки как живые сжимались, расцветали язычками пламени, а я глядел на огонь, и мысли мои витали в заоблачной дали, где никогда не заходит солнце и в то же время не бывает испепеляющей жары...

Это горела не бумага, а жизнь миллионов пройдох, дин, мын, толстых хуанов... Хороших и плохих, добрых и злых... За каждой исчезающей строчкой стояли страдания и надежды людей из плоти, которых ударь по щеке, и им станет больно, оскорбительно, и слезы потекут из глаз, и они испытают обиду, незаслуженную и небываемую. И никто из них не захочет подставить вторую щеку.

«И принесет священник одну из птиц в жертву за грех, а другую во всесожжение, и очистит его священник перед господом от истечения нечистоты ее...»

В Библии проще. В жизни куда сложнее!

12

Остался последний тусклый экземпляр, я свернул его трубкой. В дальнем конце дома что-то загремело со звоном, как будто опрокинули старинные часы с маят-

ником или щит воина. Я не стал затыкать трубу пучком рисовой соломы — она слишком нагрелась от сгоревшей бумаги, бросил рукопись в камин и вошел в холл. Там стоял Боб. Он, кисло улыбаясь, тер щеку, горевшую, как красный сигнал светофора.

— Что стряслось?

— Отбрила, — сказал уныло Боб, точно нашкодивший школяр.

— Ты, наверное, слишком увлекся, — сказал я.

— Что такое увлекся? — обиделся Боб, приводя в порядок усы. — Разве при такой миссии, которую ты возложил на меня, можно не увлечься?

— Донжуан, — рассмеялся я. — Больно?

— Попробовал бы сам. Повилял бы хвостом.

— Во всяком случае, ты не в родном Техасе, — сказал я.

— Я из Флориды, — возразил Боб.

Он поднял с пола опрокинутый стул.

— Не нужно было увлекаться, — повторил я. — Неприлично в чужом доме затевать шашни с прислугой.

— Демагог! — взорвался Боб. — А как там твои дела? Справился?

— Сжег.

— Прекрасно. Чем меньше несешь, тем легче идти. Что будем делать дальше?

— Убраться отсюда, и как можно быстрее.

— Как ты это себе представляешь?

— Отсюда один выход, — сказал я, — морем. Тебе купим билеты на «трамвай», ты вечером будешь в Гонконге. Я выберусь самостоятельно. А там решим, что делать с материалом. Я надеюсь на тебя. Ты более расторопен, чем я.

— Это ты подметил верно, — согласился Боб. — Но в порту нас перехватят. И в море могут перехватить. У тебя есть второй паспорт?

— Никогда не было.

— Да! Вместе нам, конечно, не стоит ехать, — размышлял Боб. — С пленкой поеду я. Первым же рейсом. На меня не объявлена свободная охота, я в стороне — проскочу. Потом поедешь ты. Но я бы посоветовал тебе... Я бы сжег и дневник.

— Фотокопиям без оригинала два пиастра цена. Я его привезу с собой, — возразил я. — А то еще скажут, что это фальшивка.

— Подобное может тебе стоить очень дорого.

— Знаю.

— Ну а как ты думаешь обойти офицера по фильтрации? — спросил Боб.

— Кого? — не понял я сначала.

— Дуппель М.

— А какое он имеет отношение к тетрадам? Я раздобыл их, считай, в Португалии, а не во Вьетнаме или в Корее.

— Но там есть факты, компрометирующие военных, этих всемогущих ящеров. Молчаливый Макс...

— Он же Милитери Макс, или Дуппель М. Огромный, как шериф в Калифорнии, мрачный, как гриф в Скалистых горах.

Вопрос Боба был не так прост. Дуппель М — офицер армии США по фильтрации информации. Эта должность была введена Макартуром во время корейской войны, когда он приказал выгнать из Кореи всех журналистов, многие не смогли зацепиться даже за Японию. Объяснялось это «особыми интересами национальной безопасности». В Штатах по этому поводу в конгрессе был поднят шум. Макартуру пришлось пойти на кое-какие уступки, и как компромисс ввели должность цензора. Эта должность сохранилась по сей день. Теперь в зоне действия вооруженных сил США от него зависело, кого пускать в Сайгон, на передовую и т. д.

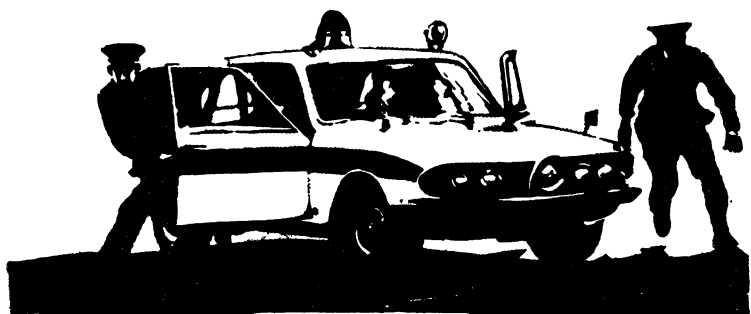
— Он, кажется, из ЦРУ, — сказал Боб, — черт его разберет, откуда. С подобными организациями шутки плохи.

— А, — махнул я рукой. — Помнишь историю про Тайвань, ее изучают во всех университетах как классику.

— Ты что имеешь в виду?

— Имя журналиста, к сожалению, забыл, — сказал я. — Ну, купил у какого-то чанкайшистского генерала план вторжения на континент. Да знаешь ты эту историю. Вот это работа! И ведь был корреспондентом калифорнийской газетенки. Газету скупили... Весь тираж. Повезло газете! Бояться Дуппель М, лучше в газете не работать. Информацию я получил вне его владений и не из его источников. Это мой бизнес. Плевать я на них хотел!

— И все-таки надо как-то подстраховать материал, — сказал Боб. — Как ты рассказал, разговор идет о тор-



говле наркотиками, а этим и занималась, как тебе известно, даже мадам Ню, жена брата бывшего «президента» Южного Вьетнама Нго Динь Дьема, и еще раньше Бао Дай, а потом Ки и теперешний «правитель», контрабандистов опиума прикрывают даже в конгрессе Штатов «китайские лобби», как Анна Шенно. С тобой может случиться то, что случилось с беспокойным идеалистом Хоукридом¹.

— Перспектива не радужная, — согласился я и попытался «передвинуть фишку на цвет, после того как его назвал крупье». — Но существует же наконец свобода слова. Или первая поправка к конституции Штатов уже отменена?

— Перестань паясничать, — сказал Боб. — Я говорю с тобой серьезно. По-моему, ты сам не понимаешь, какая мина замедленного действия оказалась у тебя в руках. Никто не знает, когда сработает взрыватель, дай бог, чтобы ты в этот момент был от нее подальше.

Мы замолчали. Я еще не представлял подлинной цены дневников. Цена взвинчивалась как на аукционе. Третий удар молотка я услышал буквально через несколько секунд.

— Руки вверх! — раздался сзади голос с хрипотцой. И по тому, как это было произнесено, я понял, что тот, кто стоит за моей спиной, не шутит.

— К стене! — следовали четкие команды. — Опереться руками о стену, ноги шире! Шире, тебе говорят! Не оборачиваться. Стреляю без предупреждения. Сделаю дырочку в твоём дурацком черепке.

— Длинный, пошарь за пазухой, — раздался тихий, спокойный голос.

Потные вредные руки профессионально заскользили вдоль моего тела.

— Нет у него ничего, шеф — сказал Длинный. — Абсолютно ничего.

Мозг лихорадочно работал. Кто это свалился как кошка на голову? Конечно, люди господина Фу. У него был телохранитель по имени Длинный. Господин Фу

¹ Корнелиус Хоукридж — сотрудник «Эй-ай-ди» — управления международного развития. Вскрыл коррупцию, хищения и спекуляцию валютой членов правительства. На него было устроено покушение в США, погибла жена, он чудом остался в живых. (Примеч. авт.)

взъярился, услышав, что Пройдоху Ке вывела на меня его собственная дочь. Он потерял голову. И вот пришли его люди. Неужели он знает, что у меня дневники? Может, ему поступил новый сигнал? От кого?..

— Повернитесь! — последовала команда. — Можете опустить руки.

В комнате оказалось трое «гостей». Первым стоял Длинный, разжалованный телохранитель господина Фу. Это он шарил у нас по карманам, выискивая оружие. Напрасно старался. Я неукоснительно придерживался правила Миклухо-Маклая — не брать на встречу с коренным населением страны, где аккредитован, оружия.

— Присаживайтесь, господа! — последовало предложение на английском языке с легким японским прононсом. Но и без этого достаточно было взглянуть на человека, уютно усевшегося на циновке, чтобы по тому, как он сложил ноги, и по лицу, глазам, несколько навывкате, по очертанию рта безошибочно узнать японца. Лишь для новичков, приехавших в беспокойную Юго-Восточную Азию, все национальности на одно лицо.

Я сел. Боб, расправив усы, ни на кого не глядя, тоже сел, закинул ногу на ногу, вид его был воинственным и нагловатым. Конечно, Сом тоже явился сюда во всем блеске — соломенной шляпе, рубашке цвета хаки навывпуск, с узкими погончиками, в тщательно отутюженных шерстяных брюках и с неизменными темными очками на носу. Я его сразу узнал по описаниям Ке. Сом был пижон, телохранитель господина Фу, антиквара, преподавателя каллиграфии в Гонконгском китайском университете, торговца наркотиками, контрабандиста, в общем, дельца, которых тысячи от Цейлона до Филиппин и даже до Сан-Франциско и Гаити. Сила подобных пиявок, как господин Фу, в широкой, разветвленной сети деловых отношений. Конечно, миллионы китайцев, хотя бы в том же Сингапуре или Гонконге, влачат жалкое существование, немногим из эмигрантов удалось «выбиться в люди», и именно поэтому выбившиеся «в люди» необычайно живучи, цепки, изворотливы и безжалостны, хотя подобные понятия в их лексиконе отсутствуют. Кули, китаец с набережной чужого порта, двенадцать часов таскавший на спине корзины с рисом, вечером съедал в лучшем случае миску жидкой каши, приправленной вялыми овощами. Кули работал на земляка, главу клана, которого считал благодет-

телем, — господин предоставлял работу, пустил в ночлежку, дал ссуду, когда заболел ребенок (пусть под дикие проценты, но все же дал). К своему господину китаец обращается и в моменты взрыва национальной резни, часто возникающей то в одном, то в другом уголке Тихоокеанского бассейна, куда континент выплеснул миллионы ли, ванов, чжанов, фу.

Я знал, что главы кланов исподволь разжигали подобные расовые страсти. Это была своеобразная китайская круговая порука, имеющая многовековую традицию, возникшая в глубокой древности среди обездоленных крестьян Срединного государства, объединившихся когда-то против беспредельной власти помещиков и государственных чиновников. Китайские миллионеры наподобие сорняков душили местную национальную буржуазию, за что расплачиваться приходилось ежедневно миллионам простых ли, ванов, чжанов... За ними, как за Великой стеной, прятались ростовщики, перекупщики, банкиры, контрабандисты, чьи фамилии были тоже ли, ван, чжан.

Последнее время, после резни в Индонезии, «люди» начали перестраивать структуру кланов и, главное, менять методы «работы», американизировать тактику и организацию кланов. Тому примером было хотя бы то, что телохранителями господина Фу командовал Комацу-сан, или, как его называл Ке, Комацу-бака.

Комацу сидел на циновке, сняв, по древнему обычаю, обувь у порога, подложив под себя аккуратно ноги, большие пальцы на ногах были далеко отставлены, почти как на руке. Комацу точно собирался молиться духам предков или продиктовать лучшему другу «хоосе»¹.

— Здравствуйте, господин Кинг! — улыбнулся Комацу-бака. — Очень рад с вами познакомиться. Я, надеюсь, не ошибся, вы господин Кинг? — Он сделал легкий поклон в мою сторону.

Я не ответил.

— А вы кто такой? Тоже журналист?

— Что вам нужно? — зло спросил Боб. — Если пришли грабить, то ошиблись адресом. Как бы я сам тебя не ограбил...

¹ Хоосе — завещание, которое пишет самурай перед совершением харакири.

— О, значит, вы тоже журналист, — сделал поклон в сторону Боба якудза¹ Комацу. — Очень хорошо! Будем проводить пресс-конференцию. Только прошу вас не делать резких движений. Мои мальчики плохо обращаются с оружием и могут нажать с перепугу не на тот рычажок. И будет большая неприятность. И для вас, уважаемые господа, и для меня. Я отнюдь не хочу портить отношения с заморскими... друзьями.

— Кончай дергать за ногу, — не выдержал Боб. — Зря тратишь время. Если вы снимете с меня часы, вам на троих мало достанется. Смывайтесь, я сделаю вид, что вас не заметил: Убери!.. — Он привстал и оттолкнул ствол пистолета, который направил на него Длинный. — И будем считать, что мы незнакомы. Обещаю не сообщать о вашем визите в полицию. Горе-грабители! И это потомок богини Амотэрасу Омиками! Связались с подобной шушерой.

— Заткнись! — привстал Сом. Он не любил неуважительного к себе отношения.

Боб не обратил на его реплику внимания. Мой друг не терялся ни при каких обстоятельствах, моментально нащупывал главную нить. Подонки, разумеется, не тронут нас пальцем, пока им не даст команду главный. Ну а если он даст команду?.. Не имеет никакого значения, в какой момент гангстеры придут в ярость. На несколько минут раньше или позже... Если начнут бить, то ошалеют от запаха крови и возможности мучить безнаказанно.

— Мои мальчики не умеют подобающе вести себя в приличном обществе, — сказал Комацу. — Я приношу извинения.

Комацу закрыл глаза: лицо его было печальным. Ох эти самурай! Обожают мистику. Все у них идет по ритуалу. Даже когда варили китайцев живьем в котлах, они делали это с серьезным видом.

— Кио ку мицу! — произнес как молитву Комацу.

У меня по спине побежали мурашки... «Кио ку мицу» — гриф, его ставили во время прошлой войны на документах. «Совершенно секретно, при опасности сжечь»!

Комацу не забыл старого и ничему не научился новому. Он действовал по раз и навсегда заложенной в

¹ Я к у д з а — гангстер (японск.).

нем программе. Комацу... Бывший офицер божественного микадо. Возможно, военный преступник, сумевший избежать возмездия. Так или иначе, он не вернулся на родину, затерялся среди чужих островов, став слугой мадам Вонг.

А может, и не только мадам?

Может, он связной кемпейтай?¹ Был же случай, когда на японскую уголовную полицию вышел бывший «сотрудник» мадам, но не дошел до явки — кто-то предупредил гангстеров о предателе. Возможен и такой вариант. Вполне возможен. Густой замес... И мне почему-то уже не хотелось разбираться, что на чем заварено.

13

Тетрадь

«...Это он! Я почувствовал его приближение, как птица приближение змеи. Богам было угодно, чтобы наши пути опять перекрестились...»

«...Если со мной что случится в ближайшие часы, это значит — он узнал меня. Будь проклят, отравитель! Пусть у него растут воловьи копыта, лицо обезобразит проказа; суставы распухнут от ревматизма, а черви источат его тело, как старую тутовницу!..»

«Кажется, пронесло! Он не узнал меня. Надо бежать. Я убегу подальше от моря, потому что море стало дорогой, на которой мы встречаемся. Я спрячусь в маленькой деревне. Мы убежим с Дин. Прежде всего я должен спрятать ее. И спрячу дневник, потому что, если со мной что случится, тетради будут жить среди людей и, может быть, найдут того, кто их прочтет. Дин уйдет с работы и поселится у старого Томаса. Он нам будет отцом...»

Нет смысла приводить на память все выдержки из дневника Пройдохи. Они сумбурны, отрывисты, порой противоречивы — видно, парень последние дни жил напряженно, нервно, тыкался по углам, как загнанная мышь. Проанализировав записи, кое-что дорисовав, я так представил себе порядок происходивших событий.

Новая встреча Ке с Комацу произошла случайно. Меньше всего о ней предполагал сам Комацу. Произо-

¹ Японская контрразведка.

шла она здесь, в Макао, при весьма щекотливых обстоятельствах. Пройдоха не смог полностью разобраться в загадках, которые поставила перед ним жизнь, и винить его в этом было несправедливо. Для того чтобы найти правильный ответ даже на элементарную задачу: «Сколько будет дважды два?» — нужно уметь считать хотя бы до четырех. Многое осталось неразгаданным и для меня, хотя запас информации у меня намного богаче, чем у вьетнамского парня, поэтому буду рассказывать о фактах лишь с приправой домысла, если читатель позволит так осторожно назвать мои расшифровки к тексту дневника.

В Макао проводилось совещание гангстеров. Весьма своеобразное. Колониальные португальские власти, безусловно, знали о нем, так как на совещании присутствовал господин Лобо, фактический финансовый директор португальской колонии, владелец четырех банков, пяти отелей, двух газет, таксомоторной компании, пяти школ, больницы, всех кинотеатров Макао, король контрабанды золотом, доктор экономических наук, глава компании «Лобо энд компани лимитэд», он же товарищ Хо Ин, член КПК, депутат Всекитайского собрания народных представителей, то есть член правительства маоистского Китая. Его присутствие на совещании гангстеров говорило само за себя. Смешно думать, что правая рука не знала, что творит левая. Встреча произошла в праздник весны, когда в колонию разрешен въезд с континента. А это тоже не может быть весомым прикрытием визита трех пекинских «кадров», тем более что приехали они на своей машине с опознавательными знаками, одетые в шерстяную униформу, в которой ходит сегодня весь Китай (разумеется, не в шерстяной, униформа из шерстяного материала открыто подчеркивала большие полномочия эmissаров). Глупо предполагать, что португальская полиция и ПИДО¹, ведущие неусыпную слежку за всеми подозрительными лицами, не проследили маршрут машины, которая беспрепятственно прошла КПП, промчалась по улицам Макао и остановилась у небольшого особняка, утопающего в зелени, недалеко от единственной достопримечательности колонии — грота Камознс с памятником поэту.

Вилла тщательно охранялась. Разумеется, не сила-

¹ ПИДО — тайная полиция фашистской Португалии.

ми колониальной полиции. В состав охраны угодили Сом и Пройдоха. К этому времени Пройдоха не имел иллюзий, знал, на кого работает. К его ужасу, он убедился, что опять имеет дело не только с контрабандой золота, но и с почти легальным вывозом на мировые рынки — в Европу и США — Белой Смерти, как он называл наркотики. Одна из фабрик по производству героина (по его записям) находилась в восточной части улицы Победы, в заднем дворе мастерской по ремонту автомашин. Вывеска мастерской служила прикрытием. Фабрика среди гангстеров называлась «Кукарача», туда отправляли в наказание провинившихся; технология производства героина весьма простая, но несовершенное оборудование, кустарщина, теснота грозили опасностью взрыва, который мог произойти каждую минуту. «Работникам» запрещалось покидать задний двор, а «легальные рабочие» были, по сути дела, охраной, напоминающей ту охрану, с которой столкнулся Пройдоха на строительстве секретной базы пиратов. Они, не задумываясь, пристрелили бы любого, даже вчерашнего друга, памятуя, что завтра их роли могут перемениться. Круговая порука и садизм были цементом, скрепляющим «братство».

Когда по гравию дорожки к особняку прошел Комацу, Пройдоха настолько оторопел от неожиданности, что стоял как столб, нелепо высунувшись из-за зеленой изгороди, подстриженной на английский манер. Нужно было быть слепым, чтобы не обратить внимание на перепуганного парня.

И все же Комацу не сразу вспомнил, где он видел нелепого вьетнамца с бледными, точно обмороженными ушами. Для этого потребовалось время.

Я могу более или менее представить, как происходила та теплая встреча рыцарей удачи Южно-Китайского моря, — церемонии, безусловно, были, ведь респектабельность ценится выскочками намного выше, чем истинными аристократами.

Существует три типа приемов — на английский манер, на русский и на китайский. Остальное — вариации трех основных видов. При randevu в английском духе у входа стоят хозяин с хозяйкой, онижимают руки входящим. Приглашенные скапливаются в просторном зале, уставленном столиками, на которых разложены сандвичи, маринады, прочая закуска. Лакеи обносят го-

стей подносами, на которых выстроены бокалы со спиртным. Начинаются индивидуальные тосты, толпа перемещивается, все говорят одновременно, большинство нажимает на напитки, потому что плотно пообедали предварительно дома. Бывает, где-то в середине раута выступает знаменитость, раньше, в доброе старое время, у пианино появлялась хозяйка дома или ее дочь, которая исполняла модную сентиментальную песенку о барашках. Гости слушали внимательно и восхищенно.

По-русски прием происходит совершенно иначе. Здесь главное — застолье. Гости садятся за столы, которые ломаются от яств. Выставляется все сразу и в неограниченном количестве. Очень много значит, кто с кем сядет. Затем провозглашаются тосты за присутствующих. Недопитая рюмка считается явным знаком оскорбления того, за кого в данный момент пьют.

И третье — китайские чифаны — вещь совсем своеобразная. Гостей долго томят в холле, где их насыщают зеленым чаем, легкими сладостями и обворожительными улыбками. Затем мужчины проходят в зал, где стоят столы, женщины остаются в холле, продолжая наслаждаться приятным обществом. Во время банкета тоже произносятся тосты, но с той лишь разницей, что, наполнив свой бокал гремучей смесью, каждый норовит передать его соседу, себе взяв рюмку с лимонадом. Закуски меняются беспрестанно, понемногу, но в бесконечном разнообразии. И чем бесконечнее смена блюд, тем прием считается лучше.

В заключение мужчины возвращаются к женщинам. Появляются сласти, фрукты и музыканты. Разъезд гостей происходит, как везде, в зависимости от личных физических качеств каждого и общественного положения.

Чифан у гангстеров прошел в китайском стиле.

Как отметил в дневнике Пройдоха, сводный отряд телохранителей нес службу бдительно: в штабе у телевизора сидели операторы, наблюдая на экране за поведением гостей. Малейшее подозрительное движение фиксировалось. На инструктаже охранникам особо подчеркнули, чтобы они немедленно докладывали командиру десятки, если заподозрят кого-либо из присутствующих в записи на миниатюрный магнитофон разговора или заметят движение, похожее на фотографирование, то есть слишком частое прикосновение к заколке на галсту-

ке, манипуляции с зажигалками, нервное застегивание и расстегивание пуговиц и т. д. Подозрительного было приказано не выпускать из поля зрения и в случае неожиданного его желания скрыться, стрелять без предупреждения и без промаха — лучше в ноги.

Пройдоха и Сом были назначены во внутреннюю охрану на участке от гравийной дорожки до высокого каменного забора.

14

Тетрадь

«...Уши — предатели, зябнут и бледнеют, когда я хочу быть мудрым и спокойным.

...Сейчас у нас под Сайгоном крестьяне высаживают рассаду риса... Суан-хао, «добрая весна». Женщины несут домой ветки цветущих персиковых деревьев...

...Я обязательно подарю Дин красный шелк, и она не откажется от подарка...

...Успею ли я преподнести ей кусок красного шелка? Или меня по приказу Комацу-убийцы сбросят со скалы в бухту Акулья пасть?

Я стал читать нараспев стихи из «Киеу». Они помогают укрепить дух.

Скоро с победой вернусь я
домой,
Тысячи воинов будут мчаться
послушно за мной
Пыль от копыт хлынет розовой
тьмой,
Гонгов ударит неслыханный
гром,
Тени знамен моих славных
землю оденут кругом.

И древние слова помогли. Они волшебные, в них таится сила предков.

— Нет! Я не убит, я еще могу бороться. Миллионы комацу вторгались на мою родину. И мы их побеждали.

У меня белые уши, а у Комацу и Фу белые лица. Сом — храпун. Он храпит по ночам, как ань-нак-тань (дикий человек в пещере, отпугивая храпом тигра). Я бы сел на боевого слона, выбросив руку вперед, вызвал бы на смертный бой Комацу!

...Рот боевого слона должен быть красным, ноги —

прямыми, уши — большими... Боевого слона обслуживают семь человек. Больше, чем американский тяжелый танк.

...Я спасусь!

...Я выйду победителем в схватке!

...Я дослал патрон в патронник, поставил «пушку» на боевой взвод — первая пуля Комацу, вторая Сому, хватит ему сотрясать воздух храпом и отравлять цветы зловонием своего дыхания.

Во «дворце императоров» окна были зашторены, гудели голоса... Кого-то ожидали. Принца или бога?

В шесть часов, я заметил по часам, опять появился Комацу. Нет, теперь я был не дурак, я не вылез из укрытия: на тигра можно сесть, но неизвестно, как слезть.

— Через девяносто девять лет все, что сегодня живо, умрет, — сказал Сом. (Откуда у него в дырявой голове возникают мысли?) — Немного раньше, немного позже — какая разница.

Лично я предпочел бы, чтобы это случилось со мной через сто лет...

...Комацу и начальник охраны проверили посты. Видно, гнусный якудза — важная персона, раз проверяет посты внешней и внутренней охраны. А если выстрелить в него? А потом сказать, что он хотел убежать? Поверят или нет?

Начальник охраны что-то сказал Сому. Когда они ушли к воротам, я спросил:

— О чем спрашивали?

— Кто появится у забора до восьми вечера, стреляй без предупреждения.

— Даже в гостей?

— Стреляй, потом разберемся.

...Если появится Комацу... Это единственный шанс!

Сом тоже поставил «пушку» на боевой взвод. Это плохо!

В пятнадцать минут седьмого пожаловали «принцы» и «принцесса» — два европейца и китайка лет за сорок. Один из «принцев»... Я его сразу узнал — янки с янтарными глазами, тот, который встречал нас с Фу на острове чанкайшистов. Потом я плыл с золотом к Гонконгу. Второй, тощий и прямой, точно проглотил бамбук, шел и делал отмашку правой рукой. Военный. Левой они придерживают эфес парадного клинка.

— Ты видел! Ты видел! — заволновался Сом. (У не-

го на уме только женщины и выпивка.) — Симпатичная бабенка! С кем это она?

Сом ничего не понял. Ох и деревянная у него голова! Это же О Н А! Мадам Вонг! Моложавая, холеная, с европейской прической, в темных, как Сом, очках, платье-халат длинное, почти до пят, с глубоким разрезом, идущим от бедра, нога полная, в дорогом чулке.

— Хороша! — пускал слюну Сом. — Высший класс, хотя и старуха! Только почему не было слышно скрипа тормозов и на задний двор не въехала машина?

Он еще и любопытен как старик. Мадам достаточно было мигнуть Комацу, и тот вырвал бы под корень язык Сома».

О чем совещались рыцари удачи Южно-Китайского моря, осталось для Пройдохи, а значит, и для меня тайной. В данном случае можно строить всевозможные предположения. Конечно, они собрались не для того, чтобы обсудить вопрос о выведении нового сорта хризантем, и не пришли любоваться, как распускается цветок «Единственной зари». Он распускается на несколько минут прямо на глазах у зрителей и тут же отцветает. Для любителей природы чудо наяву.

На первый взгляд может показаться, что состав собрания был слишком пестрым, что эмиссары с континента не могли встретиться за банкетным столом с пиратами, банкирами, подозрительными американцами, не то хозяевами, не то агентами китайских националистов с Формозы, но это лишь на первый взгляд. Пекинские газеты искренне проповедуют догмы лишь когда это касается взаимоотношений с великим северным соседом. Здесь, в Макао, они вели диаметрально противоположную политику, прикрытую с континента завесой цитат «великого кормчего». Хотя бы тот факт, что самый богатый человек Макао, «проклятый империалист», господин Лобо был одновременно и товарищем Хо Ином, членом Пекинского правительства, был тем ключом, который легко открывал замок этой тайной вечери.

Фабрика господина Фу по производству героина, замаскированная под вывеской автомастерской, работала на сырье, доставляемом с континента, известном на весь мир сырье — опиуме марки «999», добываемом на плантациях мака в коммунах и концлагерях Китая, именуемых «Школами 7 мая». «Интерпол» в этом случае был бессилён. Португальские власти и англичане в Гонконге

молчаливо оберегали статус-кво, делали вид, что не имеют понятия о происходящем на территориях, отторгнутых ими у Китая, больше того, их тайные полиции блокировали любого журналиста, пытавшегося расследовать эту щекотливую сторону «содружества наций», более представительную, чем «Британское содружество», и если при этом подданный ее величества исчезал, официальные власти набирали в рот воды.

Гангстеры сами имели сильный флот, вертолеты и личную охрану. Если бы чин португальской полиции или агент «Интерпола» все же рискнул появиться поблизости от виллы, это был бы его последний визит вежливости.

Когда-то, во время Столетней войны, французский офицер д'Отерош предложил противнику: «Господа англичане, стреляйте первыми». Времена галантных офицеров канули в Лету. Охрану в Макао несли мастера стрельбы по «сидячим птицам».

В девятом часу Сома и Пройдоху сменили, провели на задний двор, где под навесом охранники доедали яства с хозяйского стола. Пройдоху потерял аппетит. Он вспомнил подобное угощение на строительстве пиратского убежища, когда отравили всех строителей. Тем более Комацу был рядом...

Комацу все же подошел к Пройдохе и спросил:

— Где-то я тебя видел? Что-то лицо знакомое... Ничего не могу вспомнить, где я видел тебя.

— Вы ошиблись, господин!

Пройдоху почувствовал, что капкан захлопывается, и вилла ему показалась Питчлеем, местом сбора охотников на лисиц, где ему отведена роль лисицы.

Когда после этого разговора он вернулся к смоковнице, подменявшие его охранники с радостью уступили пост, лишь спросили:

— А где же второй, в очках?

Пройдоху ответил:

— Пьет вино... Идите, можете взять и мою порцию. Я непьющий.

Потом он подошел к забору и, никем не замеченный, перелез через него, оказавшись в тесном глухом переулке. Он шел по переулку, сжимая в кармане пистолет со снятым предохранителем. Переулок казался бесконечным. Пройдоху пробирался вдоль высоких заборов.

К его счастью, наступала стремительная южная ночь, которая текла по переулку, как горная река по дну ущелья.

«Главное — выскочить на оживленную улицу», — твердил себе Ке. Вполне возможно, внешний пост находился при выходе из переулка. Если бы на нем оказались незнакомые охранники, это могло бы окончиться для беглеца трагически.

Сзади послышался шум мотоцикла. Ке попытался вдавиться в стену, но этого еще никому не удавалось, разве только призракам, чьи тела состоят из дыма, но не из плоти.

Ке выхватил пистолет... Его ослепил луч света, и он чуть не выстрелил по фарам, когда услышал знакомый голос:

— Это я! Не смей стрелять!

На мотоцикле сидела Дженни, дочка господина Фу. Она сидела на мотоцикле, как амазонка на степном скакуне.

И сразу же стала выплевывать мужские ругательства. Ке сообразил, что девчонка разъярена.

— Надоели! — кричала Дженни. — Я вас всех ненавижу! Пропусти! Так и передай отцу: «Уехала, и все!» Пойду на завод, пойду в стюардессы, пойду в «пятидесятки»!¹

— Не кричи, — успокаивал ее Пройдоха, прислушиваясь к шорохам в темноте. — Куда мчишься? Тихо!

— Хочу орать и буду орать! — брыкалась Дженни. — Хоть убейте меня, я презираю вас!

Оказывается, Дженни смертельно оскорбили во время чифана. Подумать только, ее, Дженни, почти американку, заставили сидеть в холле, угощаться конфетами и вести сплетни с остальными женщинами. Может быть, она бы с этим смирилась, традиции есть традиции, но в зал с мужчинами, она видела собственными глазами, прошла особа. И не европейка, а тоже китаянка, рожденная на тех же широтах, что и Дженни. Старуха, лет под пятьдесят. И мужчины увивались вокруг нее, лепетали, точно проглотили вместо устриц собственные языки.

¹ «Пятидесятки» — продажные женщины.

Мужчины пошли пить виски... А ей, Дженни, предложили жевать сладости.

Подобного унижения она спокойно перенести не смогла, выбежала во двор, вскочила в седло первого попавшегося мотоцикла и помчалась куда глаза глядят, и в добавление ее еще чуть не пристрелил слуга ее отца.

Она жаждала мести! Немедленной и жестокой.

Пройдоха сумел убедить ее взять его пассажиром. Он сел сзади Дженни, обнял ее за талию, они выскочили на широкую улицу.

Никто их не остановил — видно, те, кому было поручено нести внешнюю охрану, знали дочку господина Фу, возможно, у них были записаны номера своих мотоциклов, хотя — что самое вероятное — по портативной радиации им сообщили, чтобы они не задерживали мотоцикл, на котором мчится сумасбродная девчонка.

Дженни прищипорила «электрического осла», и он бил об асфальт колесами как копытами. Но вскоре она сбавила скорость: Макао не приспособлен для длительных прогулок.

Они спешили на пляже — узкой полосе суши вдоль вечно теплого моря. Была ночь. Никто уже не брал плату за вход. Тускло светились редкие лампочки около кабин для переодевания. Нищие и безработные сюда не заглядывали — пляж находился под наблюдением, и угодить в полицию или быть избитым мало кого прельщало: бродяги могли занести в кабину чесотку или другое кожное заболевание, вплоть до проказы, поэтому хозяева пляжа, огороженного в море сетями от акул-людоедов, по ночам готовы были вывесить подобные сети и на суше.

Парочку, примчавшуюся на мотоцикле, никто не беспокоил, — господа имели право появляться здесь когда заблагорассудится.

Молодые люди разговорились как перед светопреставлением. Пройдоха Ке был откровенным до известных пределов — он решил использовать ярость дочки бывшего господина. И она слепо пошла на «крючок», думая, что телохранитель отца попал под ее влияние, — как большинство женщин, она считала себя неотразимой.

Из ближайших ресторанов доносилась музыка, вспыхивали призывные рекламы игорных домов — Макао жил напряженной жизнью прожигателя. А двое на пустом пляже с настойчивостью рыбаков, которым завтра выходить в море, плели сеть заговора, не ведая, как муравьи, о величине горы, у подножия которой они родились.

Цель Дженни была ясна, но у нее не было плана. Она хотела отомстить за унижение и еще за что-то, за что, она и сама не знала. Пройдоха Ке понимал, за что уберут его — он слишком много знал.

Пройдоха тоже загорелся жаждой мести.

По всей вероятности, темная ночь, не успевший остыть песок, блики луны на море и молодость сблизили их больше, чем следовало для настоящих заговорщиков, ибо, когда говорят чувства, разум спит. А им нужно было быть во сто крат предусмотрительнее. Главное, осторожнее, потому что осторожность часто заменяет ум.

Читая дневники Пройдохи, я удивлялся его последовательности и терпению вести записи систематически и подробно.

Удивительным, пожалуй, я повторяю, были последовательность и терпение молодого вьетнамца. Вести дневник — большой труд. Но, поразмыслив, я понял, что двигало пером Пройдохи. Во-первых, страх: дневники давали ему какой-то шанс на шантаж. Во-вторых, дневник — исповедь, самоанализ и утешение. Это твой мир, который ты строишь на собственный манер, ты как бы самоутверждаешься, и когда как безжалостный и объективный, как тебе кажется, судья описываешь события, в которых ты оказался пешкой, то даешь направо и налево безапелляционные приговоры могущественным врагам. При этом тобой движет мысль, что ты творишь нечто для вечности, что ты бессмертный летописец... Если хотите, ведя дневник, ты получаешь и эстетическое удовольствие. Некоторым, чтобы выплеснуть из себя эмоции, необходимо играть на трубе, другие поют во всю глотку, хотя у них нет и на унцию слуха, или сочиняют стихи, или, как Толстый Хуан, пишут плохие полотна, подражая хорошим художникам.

Так или иначе, записи Пройдоха вел, как говорится, до последней минуты.

Комацу-сан пришел с «визитом вежливости» ко мне выяснить, что известно «большеносому» о прошлом бывшего строительного рабочего. Они слишком поспешили, заставив Ке замолчать. Но откуда они узнали о дневниках? Вероятнее всего, выдала Дженни. Когда ее отец примчался домой, разъяренный и перепуганный возможными разоблачениями и вытекающими отсюда ответными мерами «коллег», она рассказала обо всем.

Самое важное было сделать вид, что я не знаю, кто пришел в «гости». Ведь не случайно, что пришли именно те, кого знал Пройдоха. Если я выдам себя, опознаю хотя бы одного из них... Меня ждет участь Пройдохи Ке. И Боба и Клер тоже... Гнездо, где может храниться утечка информации, будет разрушено, как гнездо ядовитого паука.

Я сидел напротив Комацу-отравителя и так же лихорадочно искал выхода из создавшегося положения, как и Пройдоха в последние минуты своей запутанной жизни.

Комацу-сан кончил молиться предкам и, открыв глаза, уставился на нас с Бобом, точно только что проснулся. Я догадался, почему он тянул: по всей вероятности, главное в его визите заключалось в том, чтоб выяснить, во-первых, успел ли Ке передать мне координаты базы пиратов, во-вторых, насколько я и Боб осведомлены о прошедшем совещании в Макао и какой информацией мы вообще можем обладать. Отсюда и вытекали дальнейшие действия группы налета. Отправлять двух «большеносых» с бухты-барахты в страну призраков — накладное дело. Журналисты — люди заметные. Ликвидировать их непросто — поднимется шум, как поднялся шум в Сицилии, когда мафия похитила журналиста, слишком рьяно расследовавшего деятельность организации. Кроме того, мы могли уже переправить добытые сведения в газеты, к тому же неизвестно, кто стоит за нами и на кого мы работаем. Комацу требовалась зацепка для разговора, поэтому он играл комедию, несколько обескураженный нашей беспечностью.

— Надоело это великое сидение! — не выдержал Боб.

Какое счастье, что я не рассказал ему подробно о

том, что прочел в дневнике: Боб поистине не ведал, кто пожаловал.

— Что вам надо, выкладывайте и уматывайте! Деньги? У нас их нет. Занимаетесь рэккетом?.. Так мы не дети миллионеров. Мартышкин бизнес.

— Как вы сюда попали? — перебил я Боба.

— Какая-то женщина выскочила из дома и не закрыла дверь, — с улыбкой ответил Комацу. — Мы эту женщину заперли на всякий случай на кухне. Зачем вы встречались с нашим человеком?

— Спросите у него, — ответил я, пожимая плечами.

— Я пришел не за советами...

— А-а-а! — прозрел Боб. — Вы люди... этого, как сго? Убери «гаубицу»! — Боб взял со стола визитную карточку. — Господина Фу. Он уже был тут. О чем, Артур, у вас была беседа?

Я должен был спасти друзей, в конце концов, я первый влип в это дело.

— Не может быть, что это люди профессора Фу, — сказал я. — Тут, видимо, какое-то недоразумение. Что вам надо?

— Кто вас свел с убитым парнем? — задал вопрос Комацу, точно разрубил до крестца и начал поедать мою печень¹.

Я пожал плечами.

— Чего они хотят? — обратился ко мне Боб, точно мы были вдвоем.

— Видимо, убитый знал что-то. Всполошил столько почтенных людей. Только зря комедия! Вы отлично должны знать, что мы с ним не успели перекинуться и парой слов. Он встал и пошел к выходу... А я пошел звонить по телефону, когда услышал выстрел. Я не стал ждать, чтобы выстрелили в меня. Я не люблю, когда в меня стреляют.

— Но он успел вам передать... — Комацу замолчал. И я понял, что он не уверен, что Пройдоха что-то успел передать.

— ...слиток золота? — спросил с невинным видом Боб.

— У нас есть доказательства, — сказал стальным голосом японец.

¹ Известный обычай самураев поедать сырую печень убитого врага.

— Доказательства? — Я искренне рассмеялся.

— Вот фотография, он вам передал пакет. — Комацу показал изданные фотографии: наверное, они все же успели щелкнуть, когда я нагнулся, но вряд ли они зафиксировали, как я сунул тетради под себя.

— Не понимаю, — ответил я.

— Вы что-то подняли с пола, — бесстрастным голосом, как динамик на токийском вокзале, продолжал японец.

— Сознаться! — рывкнул Сом и неожиданно ребром ладони ударил меня сзади по шее. Перед глазами возникли круги, голова точно отделилась от туловища, и все вокруг заволокло дымкой.

Когда я пришел в себя, Длинный держал пистолет между лопаток Боба. Тот сидел с налитым кровью лицом и ругался, как портовый пропойца. Комацу по-прежнему сидел с невозмутимым лицом, поджав под себя ноги без обуви, точно пришел к брату в день поминания родителей.

— Черт бы вас побрал! — выдавил я из себя. — Прикажите негодяю не распускать руки. Сумасшедшие... Тьфу! Герои Хичкока.

— Зачем вы нагибались под стол? — последовал вопрос.

— Я уронил зажигалку...

— Где она?

— Потерял... При бегстве.

Я оставил ее наверху. Если я скажу, они пойдут туда. Пойдут? Вряд ли. Хотя какое это имеет значение? Наверху Клер. Она ничего не знает. Наглоталась снотворного и спит. Лишь бы не схватили ее. А сколько их сюда пришло? Вдруг они сейчас там, наверху, пытаются Клер?

От этой мысли я опять чуть не потерял сознание. Что делать? Сознаться? Нет! Это не спасение. Надо как-то убедить, что их опасения необоснованны. Если они начнут пытать, они не остановятся, они убьют нас, потому что сам по себе факт насилия — криминал, повод для шумихи во всех газетах мира. Их нужно во что бы то ни стало остановить. Но как?

Ответ пришел неожиданно и совсем иной, чем я предполагал.

— Не трогайте его! — раздалось от двери. — Руки вверх! Стреляю!

В дверях стояла Клер. Она держала в руках зажигалку-пистолет. Неужели Клер не знала, что это зажигалка? Зачем она пришла? Уж лучше бы спала под действием патентованных снотворных таблеток.

Ее крик спустил пружину... Боб взметнулся на Длинного и точным ударом в челюсть отбросил его к стене. Прежде чем я сообразил, что происходит, я бросился на Сому. Сработал рефлекс — журналист в наше время должен быть натренированным, как сержант из отряда «зеленых беретов». Но я запоздал... Меня опередил выстрел, потом я налетел на что-то в воздухе, как на выставленное вперед колено.

. И опять потерял сознание.

Я умел драться. Но я опоздал на доли секунды. Сом был не паинькой, драки в притонах закалили его, господин Фу не зря кормил телохранителя. Он сбил меня на лету как муху.

В ситуации, в которую я угодил, самое блаженное состояние — беспамятство.

Но я не имел права блаженствовать. Я должен был «взять огонь на себя», и где-то в укромных уголках мозга, безусловно, работал часовой механизм пробуждения. Я быстро пришел в себя...

Около стены в позе, в которой совсем недавно стояли мы с Бобом, замерли налетчики — Длинный и Сом. В комнате было полным-полно португальских полицейских, господ Пу, как их зовут китайцы. Клер совала мне под нос пузырек с нашатырным спиртом, от которого у меня немедленно наступала аллергия, я замотал головой, отстраняясь от нашатыря, как рыба от бензола. Около Боба суетился врач. Сом прострелил ему руку. Пол был забрызган кровью. Боб стонал...

— Немедленно в госпиталь «Святой Анны», — сказал врач.

— У меня дела... Потом, — тихо сказал Боб, точно ребенок. Так все разговаривают с врачами, когда требуется их помощь.

— В госпиталь, — категорически заявил врач. — Немедленно на рентген. Вполне возможно, пуля задела кость... Вам повезло... Правее, и попала бы в легкое.

— Он стрелял в руку.

— Отличный стрелок. На рентген, на рентген! Что



требуется подписать? Вы подпишете протокол в госпитале. И переливание крови. У вас есть деньги?

— Я даю гарантию, — отозвалась Клер.

— Хорошо, — деловито закончил врач. — Проводите в машину. Счет пришлем вам.

— У меня есть доллары, — подал голос Боб.

— Все в порядке, — сухо ответил врач. — Пошли! Можете двигаться самостоятельно? Или вызвать «скорую помощь»?

— Будьте вы прокляты! — заворчал Боб. — Готовы обобрать до нитки. Сам дойду до полицейской машины. Я не настолько богат, чтобы швырять деньги на ветер. Полиция довезет... Это ее обязанность. Только, комиссар, за японца вы отвечаете головой. С ним будет особый разговор...

Комацу-сан сидел по-прежнему, поджав под себя ноги, лицо его было бесстрастным, как у буддиста, впавшего в нирвану, происходящее, казалось, его не волновало. На нем была маска, как на актере театра Кабуки — маска безразличия.

— ...У него не нашли оружия, — возразил старший полицейский.

— Он ни при чем, — послышался голос Сомы. Он стоял, широко расставив ноги и подпирая, как Атлант землю, стену.

— Тебя не спрашивают! — рявкнул полицейский.

— Не ори! — огрызнулся Сом. — Мы его прихватили по дороге. Он посторонний.

— Тем более не выпускать, — отдал приказание Боб. Меня удивили нотки в его голосе. Я впервые слышал, чтобы так говорил приятель, точно кто-то другой говорил за него.

— Хорошо, — согласился послушно старший. — Проводите господина.

— Очнулся? — Боб остановился около меня. — У тебя, Арт, запоздалая реакция. Бросай курить. Реакция будет быстрее.

— А ты пить, — поднялся я с пола и поцеловал Клер в щеку. — Спасибо, родная! А здорово тебя... дружже, цапнуло. Успели все-таки подстрелить.

Боб вышел в сопровождении полицейского. За окном заурчал мотор. Боб отбыл в госпиталь «Святой Анны» — дорогой, как самый фешенебельный номер в гостинице Майами, рассчитанный на миллионеров. Но, как гово-

рил один знакомый розовошекий сержант тыловой службы в Сайгоне: «Здоровье, сэр, единственное капиталовложение, которое дает тысячу процентов. Смерть слишком большая роскошь для человека — ее можно позволить себе всего лишь один раз в жизни». Кстати, этого розовошекого сержанта вьетнамские партизаны подняли в воздух вместе со складом.

— Рад с вами познакомиться! — шаркая подошвами по ковру, подплыл ко мне старший полицейский. — Много раз читал ваши статейки. Очень лихо... Особенно когда пишете из зала суда. А интересно, сколько вам платят? Я тоже пописываю... Жене нравится. Может, посмотрите? Есть кое-что, пальчики оближете. Я люблю интеллигентных людей. Конечно, они любят рассуждать, и разное... Но поговорить с ними занимательно. Дам вам материал. Глядишь, и тиснете. Денежки, конечно, пополам, мне сейчас деньги нужны...

— Кому не нужны, — отозвался от стены Сом.

— Заткнись, падаль! — рявкнул старший. — Пardon, мадемуазель, сорвалось. Знаете ли, у нас работа грубая, мужская... Мы, так сказать, всегда на передовой... Берегаем покой... У нас...

— Во дворе никто не обнаружен, — доложил детектив в штатском. Он вошел в комнату, щурясь от электрического света. Удивительно, что детективы в штатском во всем мире на одно лицо независимо от национальности. Специфика работы, как асфальтовый каток, сглаживает черты индивидуальности. А может, дождик и ветер выветривают их лица, как известняк.

— Кто же нас тогда вызвал по телефону? — удивился старший.

— Теперь это не столь важно, — ответила Клер. Она взяла сигарету из сигаретницы, подняла зажигалку, не обращая внимания на реплику, нажала на спусковой крючок, взметнулось пламя, Клер прикурила.

— Хорошая подделка! — одобрительно отозвался словоохотливый полицейский. И опять начал бубнить мне под ухо «о гастрономических» сторонах материала, который у него есть.

Нижние чины, не обращая внимания на воркование начальника, работали в поте лица.

— Двигай! — последовал наконец приказ.

Сом и Длинный профессионально отлипли от стены, закинули руки за голову, обхватили затылок и, ссуту-

лившись, направились к двери. Не было ни нагловатого Сомы, ни развязного Длинного, были лишь арестованные. И только. На одно лицо. Как во всем мире.

— А вас, господин... Как вас?.. Фамилия?.. — обратился старший к Комацу.

— Мяги, — неожиданно ответил Комацу и встал.

— Значит, Мяги, — сказал старший.

Он знал Комацу! Это было понятно по взгляду, который он бросил на японца.

— Вы утверждаете, что Мяги? — удивился я.

— Я тоже жертва, — сказал Комацу. — Я проходил мимо дома, они напали, силой оружия заставили войти в дом. Приношу извинение хозяйке дома!

— Зачем же они вас сюда привели? — не поняла Клер.

— Наверное, чтобы не было свидетелей, — сказал Комацу.

— Врет он, — сказал я. И почувствовал, как Комацу напрягся. Сейчас для него произойдет главное... Если я назову правильно, кто он есть, его визит окончится успехом. Собственно, ради этого момента он сюда и пожаловал.

Звонок в полицию... Клер не могла вызвать полицию — телефон был внизу. Позвонить от соседей или из автомата? Для этого следовало спуститься и пройти через холл, где были мы, или через кухню, которую гангстеры закрыли, — там сидела «под домашним арестом» служанка. Полиция непонятным образом нагрянула именно в тот момент, когда японец собрался отдать приказ о насилии над нами. Синхронное совпадение и весьма странное...

— Он... — я выдержал паузу, — старший у них... Вы хорошенько проверьте его. Возможно, его разыскивает «Интерпол».

— Мы проверим, — заверил старший без энтузиазма. — Ты арестован!

— Когда недоразумение выяснится, — сказал Комацу, сощутив глаза, точно склеил их пластырем, — я найду вашу газету... И подам на вас в суд.

— Все претензии к полиции, — ответил я. — Как вас там?.. Мяги. Вы не гангстер, а банкрот. Ворваться в дом, где самая дорогая вещь — телевизор и мой золотой зуб. Хотя... Ладно, это касается только нас, если я вас правильно понял. Если увидите общего знако-

мого... профессора... — я умышленно не назвал господина Фу, — скажите, что он поступил не как джентльмен.

Требовалась еще какая-нибудь глупая фраза, чтобы Комацу бросился на нее и проскочил мимо меня, не задев остро отточенными рогами...

— Передайте ему, что я никогда не приду к нему в лавку, — сказал я. — И друзьям буду говорить, чтобы они к нему не ходили. И еще, — я размахивал красным плащом, как моряк флажками, — я отказываюсь знакомиться с его коллекцией монет. Боюсь, что они у него фальшивые.

Я понял — Комацу смеется, хотя лицо его оставалось неподвижным. Он, конечно, передаст последнюю фразу господину Фу, и тот, пожалуй, оскорбится от моего навета больше, чем если бы я обозвал его тухлым яйцом.

Когда мы остались с Клер одни, я спросил:

— Как полиция оказалась здесь? Ты ее не вызывала?

— Нет. Как же я могла?

— Тогда дело серьезнее, чем я думал, — вздохнул я. — Клер, родная, я немедленно скрываюсь. Немедленно! Это единственная гарантия безопасности для тебя и Боба. Где у него... фотоаппарат, его вещи?

Часть третья

1

Ничто не вечно под луной, даже сама луна: мое повествование приближается к окончанию.

Я, Артур Кинг, сын Кинга, по матери Лобанов, спаслся бегством из дома Клер, моего друга. Друга? Друзьями могут быть лишь существа одного пола, если следовать догмам Фрейда, и старик, пожалуй, прав. Кто она мне, Клер? Ни на одном языке нет слова, которым можно было назвать те сложные и вроде бы ясные отношения, которые сложились между закоренелым холостяком и молодой миловидной хозяйкой «Салона мод», уравновешенной, но весьма решительной особой. Она мне нравилась, одно время даже очень. Я каждое утро посылал ей цветы, но она несколько иначе поняла знаки внимания, и то, что я хотел получить, не обременяя себя долгосрочными обязательствами, она решила отдать лишь после того, как я надену ей и себе на пальцы обручальные кольца.

Кстати, кольца! Я же купил два старинных платиновых перстня с бирюзой византийской работы! И забыл преподнести подарок. Они лежали в кармане. Визит ночных гостей перепутал карты. Спать не хотелось: слишком сильной оказалась встряска. Ныла шея. Сом знал работу, бил профессионально. Конечно, его отпустят — он не просто гангстер, он на службе доверенного лица, некой таинственной особы, мадам Вонг, с которой имеют деловые контакты маоисты, английская и американская военные разведки. Сам черт не разберет! Сплошной комок нечистот, которые продают на удобрения крестьянам в китайских кварталах.

Отношения с Клер напоминали мне угасающий костер, когда сучья прогорают, но под слоем пепла теплится жар, и достаточно одной ветки, как огонь запыхает во всю силу.

Вела она себя во время кутерьмы, в которую угодила лишь благодаря мне, блестяще. Откуда у нее столько храбрости? Или она действовала безрассудно лишь по-

тому, что защищала свое счастье — жениха? И этот жених — я! Не уверен, что принесу ей счастье, о котором она мечтает.

А вообще о чем она мечтает?

Она показывала Бобу подвенечное платье! Неужели всерьез приняла мой треп? Сколько времени знает меня, должна была бы привыкнуть. А может, у нее на происходящее своя точка зрения? Женщины ведь воспринимают мир несколько отлично от мужчин, не рассудком, а сердцем.

Клер отрешенно наблюдала за моими поспешными сборами, благо собирать было почти нечего.

— Машинку оставляю у тебя, — сказал я, укладывая в футляр из-под «портативки», тетради, вынутые из тайника в прихожей.

— Угу! — отозвалась невнятно Клер, вертя в руках мою «достопримечательную» зажигалку. Она курила, привалившись спиной к стене.

— Вот и все! — сказал я, беря в руки портфель-чемодан, где лежали пара сорочек, пижама, тапочки, бритва и несколько блокнотов с десятком авторучек, шариковых ручек и карандашей.

Я чувствовал, что должен сказать что-то теплое, что-то нежное, чтобы снять напряженность и отчуждение Клер.

На момент вдруг захотелось послать все к чертям собачьим, утопить ее лицо в поцелуях, взять на руки и отнести в «свою комнату». Хватит куролесить по белу свету, пора швартоваться в тихой гавани, изведать счастье семейной идиллии, в конце концов, должен же и я стать когда-нибудь отцом, возить на шее крошек, утирать их кнопки-носы, целовать по утрам широко открывающиеся на мир любопытные глазенки. Чего бежать неизвестно куда, а в итоге по замкнутому кругу? Что я приобрел? Ничего! И возможно, именно сейчас теряю последнее.

— Сядем, дорогая, — сказал я. — У русских есть обычай посидеть молча перед дорогой.

Через минуту я поднялся — слабодушие прошло. В путь! Остановка — это застой, смерть. Ведь должен кто-то довести дело до конца, дать возможность заговорить тетрадам — мы все в ответе за то, что происходит

кругом. Капли сливаются в ручейки, ручейки в могучие реки, реки рвутся в океаны, где бурлят огромные волны и разбрасывают как щепки военные корабли. У каждого свой долг! Я раб пера, преданный слуга информации.

— Я тебе посоветую, — сказал я, виновато улыбаясь, — смени служанку.

— Зачем?

— Какая-то она странная.

— Не нахожу. Она очень честная, приятная.

— А где она, ты ее отпустила?

— Ушла. А куда, не знаю. Я не шпионю за прислугой. Если не доверяешь прислуге, то зачем ее держать?

— Да... Я пошел?

— Иди!

— Клер... Я напишу. А сейчас мне надо уехать. Сама видишь. Извини за происшедшее.

— И это все?

— А что еще?

— Ты меня не поцелуешь?

— Я просто не решался.

Я обнял ее, она прильнула. От поцелуя у меня закружилась голова. И опять возникла мысль: «Брось все! Оставайся! Здесь твое счастье».

— Я приеду к тебе, где бы ты ни был, дорогой! — сказала она.

— Хорошо! Созвонимся. Буду звонить не я, а скажем, тетя Мэри.

— Я люблю тебя!

— Клер... Не надо сейчас. Нельзя так шутить.

— Я не шучу!

Она оттолкнула меня. Глаза у нее были злыми.

— Ты все взял?

— Кажется, все... Отснятые кассеты. Боба я тоже прихватил. Скажи ему, что ухожу через надежное «окно». Пусть он ходит по земле без опаски. Он и так слишком рисковал... Его даже ранили.

— А это?

Она держала у пояса зажигалку, так похожую на браунинг.

— Ни к чему она. Сожалею, что не стреляет. Сегодня бы я изменил правилу.

Клер ничего не ответила. Из дула зажигалки вдруг выпрыгнуло пламя, раздался звук выстрела, и малень-

кая фарфоровая статуэтка японского геркулеса-асахима разлетелась вдребезги.

— Ты отлично стреляешь! — вырвалось у меня.

— Отлично!

— А где же зажигалка?

— Нет... Ее украл кто-то из полицейских.

— Так ты вошла с ним? — Я показал на браунинг. — И могла бы выстрелить?

— Возьми, — она улыбнулась грустно, — пригодится.

— Спасибо за подарок! Очень кстати.

И я попытался ее вновь поцеловать.

— Не надо! — отстранилась она. — Запомни, если понадобится, я приеду, где бы ты ни был.

2

На рассвете я пришел к отцу Тихону, не мог же я слоняться по притихшим улицам Макао, ждать, когда потухнут звезды, рассчитывая при этом скрыться незамеченным. Я долго колебался, прежде чем войти во двор. Окно одной из комнат коттеджа светилось, и это придало мне решимости. Я даже подумал, что хозяин дома ожидает меня, но оказалось, что у матушки Евдокии был острый приступ полиартрита. Терпению ее мог позавидовать любой мужчина — она приветливо улыбалась, разве только улыбка была какой-то вымученной. Не помогали ни грелки, ни массаж, от малейшего прикосновения возникала острая боль. Отец Тихон лечил ее пчелами. Брал осторожно медоносицу за крылья, подносил к оголенным лодыжкам, рассерженное насекомое жалило. И пчелиный яд, как ни странно, снимал боль. До двадцати укусов и более за сеанс.

Когда я пришел, мертвые насекомые лежали грудкой в красивой редкой раковине, достойной украшать любую коллекцию панцирей моллюсков. Отец Тихон читал жене невероятно потрепанную книжку на русском языке, больше половины текста переводя на «пиджин-русиш», не менее запутанную гарабарщину, чем «пиджин-инглиш». Удивительно было не то, что он говорил «моя твоя не ходи», а то, что жена отлично его понимала, возможно, оттого, что «язык» мужа состоял в

основном из ужимок, вздохов, закатывания глаз и звукоподражаний. В этом Тихон был великий мастер.

— А, беглец пожаловал! — отложил он в сторону книгу без обложки, отчего книга походила на стопку листов, распушенную веером. — Я знал, что непременно вернешься к утру. Деваться некуда?

— Вроде бы да, — сказал я.

Украдкой я посмотрел на титульный лист книги. «Идиот» Достоевского, прочитал я.

Кто бы, кроме русского, читал жене в пять утра эту книгу! Еще я подумал, что, если бы вдруг на Землю опустился межпланетный корабль с марсианами, следовало бы послать на установление контактов с инопланетянами Тихона — он бы, безусловно, нашел способ с ними объясниться. Вот только я не был уверен, смогли бы он перевести им Достоевского, певца чисто земных страстей, понятных лишь жителям земли от Гима-лаев до Санкт-Петербурга.

— За тобой нет «хвоста»? — деловито осведомился хозяин дома. Преудивительный человек! Он даже не спрашивал, что происходит со мной, ведь его участие в моих мытарствах могло обернуться для него большими неприятностями.

— Нет, не «наследил», — ответил я.

— И то хлеб! Если найдешь нужным исповедоваться, — предложил отец Тихон, — то я приму исповедь. Она облегчит душу.

— Не нахожу нужным, — ответил я, рискуя оказаться за порогом.

— Занятно, занятно! — нисколько не обескураженный, пробасил он и уронил скамеечку. — У меня нюх хорошей ищейки. Что ж, идем, положу спать.

— Я не хочу спать.

— Хочешь не хочешь, ты поступаешь в мою семью. И пока я тебя не отпущу с богом, мои приказы выполнять без рассуждений. Попал бы ко мне служить в казачью сотню, когда я был молодым, а не старым попом, быстро бы к порядку приучил. Спать! Утро вечера мудренее. Ты еще молод, бессонница для тебя изнурительна. Суши портянки.

И он увел меня в заднюю комнату, выходящую окнами в проулок. Как ни странно, я сразу же заснул, крепко, без сновидений.

Разбудили меня часа через четыре. За окном припекало солнце.

Разбудил меня дьякон Михаил. Спросонья я его и не признал: в коротких штанишках, в рубашонке нараспашку и босиком.

— Вы похожи на кули в порту, — сказал я, надевая туфли.

— Ничего зазорного в этом нет, — ответил он слишком уже серьезно. С лица его почти не исчезало кислое выражение. — Вам тоже придется отказаться от европейского пиджака, он слишком заметен.

— На кули я все равно не буду похож, — возразил я. Он пропустил мою реплику мимо ушей, пригласил в столовую.

На столе домовито попухивал самовар, стояла холодная свинина, лежали китайские пресные пампушки, приготовленные на пару. Завтракали без хозяйки — измученная ночным приступом, она заснула. Говорили шепотом.

Отец Тихон поминутно оборачивался на дверь спальни, прикладывая палец к губам:

— Тссс! Блюдце, что ли, треснуло? Нечистый попутал. Не беда, новое купим. Вечная у меня нескладуха получается. Что не ешь?

— Да по утрам... аппетита нет, — ответил я.

— Ешь. Когда придется обедать, неизвестно. У тебя паспорт есть?

— Безусловно. И разрешение на въезд. Я журналист...

— Зело болтлив! Паспорт, значит, имеется. И то хлеб! Нас он не интересует, не доставай. Это так, на всякий случай.

Неожиданно он протянул мне пачку американских долларов.

— Это что? — не понял я его жеста.

— Вспомоществование.

— Не понимаю. У меня есть...

— Бери на дорогу, — раздраженно сказал отец Тихон и испуганно обернулся на дверь, за которой спала жена. — Тише, господа! Дуню разбудим... Никто тебе милостыни не подаст. Эти пятьсот «бычков» на непредвиденные расходы. Бог знает что может произойти в пути. Деньги сиротские, из школьной казны взяли — Михаил у нас казначей. Не потребуются, возвернешь. Ад-

рес известен. А потратишь, перешлешь должок по частям как сможешь.

— Право слово, не стоит...

— Хватит ломаться, — мрачно сказал Михаил. — Багаж не бери, доставят на место. Не ты первый, не ты последний.

— А куда вы хотите меня переправить?

— Здесь один вход и выход — море. Не переправлять же тебя на континент, — сказал отец Тихон. — Там ты попадешь к Кан Шэну¹, пропадешь, земляк, как пить дать. Должок не задерживай, по возможности и возверни. Я тебя провожать не буду. Дуняша проснется, ей уход требуется. Михаил проводит. Если что... Если совсем на мели окажешься, дай знать, что-нибудь придумаем. Все под богом ходим. Ни пуха ни пера. «Ала санклие буду ниани уруси тангри санкласен...» — прочитал какое-то заклинание отец Тихон. — Не понял? — спросил он, хитро прищурившись.

— Не понял, — ответил я.

— Это молитва Афанасия Никитина, жителя России, города Твери. Запомни ее. Он ходил из Великого Новгорода за три моря в Индию, вроде нас с тобой, горемычных. Сказания его записали в Новгородских летописях. В конце сказания была молитва, написанная по-нашему, а слова басурманские, причудливые, не поймешь, на каком языке. Смешанный язык: «Твоя моя не понимай», вроде китайского: «Капитана, шибко шан-го!» — и думает, что говорит по-русски. Причудливым языком изъяснялись купцы чужеземные в торгах. На восточных базарах. А смысл молитвы Афанасия очень великий. Слушай, что он говорил: «Да сохранит бог мир, да сохранит он русскую землю! Да устроится Россия, ибо нет в этом мире подобной ей земли». Ты русский рожденный, помни слова Афанасия, куда бы тебя судьбина ни забросила. Присядем и помолчим.

Так всегда поступала и моя матушка перед дальней дорогой. Даже отец, называя подобное языческим суеверием, подчинялся ее прихоти, тайно в душе веря в добрый знак.

— Ну с богом! — встал Тихон, постоял около стола; подошел и три раза поцеловал меня по-отечески.

¹ Кан Шэн — маоист, прозванный китайскими коммунистами «палачом партии». (Примеч. авт.)

Мы ехали на велосипедах, потом меня провели берегом, увешанным сетями, к лодке. Я лег на дно лодки, сверху набросали дерюжку из джута. Затем я поднялся по трапу на борт Ноева ковчега — ржавой калоши под панамским флагом.

Капитаном оказался старый грек по имени Микис. Прощание с дьяконом прошло сухо. Он произнес довольно замысловатую фразу:

— Станный вы народ, русские. Добрые, отзывчивые, но все куда-то бежите. Бежали на Дон, в Сибирь, затем из Сибири. Даже песню сложили «Бежал бродяга с Сахалина». Потом бежали из России, чтобы вновь с великими трудами возвращаться назад. А вы куда бежите?

— Кстати, как называется корабль? — перебил его я, не желая отвечать на вопрос.

— «Орфей».

— «Орфей» так «Орфей». А куда он идет?

— В Сингапур за каучуком.

— А поближе нельзя высадиться? Мне следовало бы в обратную сторону.

— Дареному коню в зубы не смотрят.

— Тоже правда. Между прочим, Сахалин — остров, а не Сибирь. И чтобы понять, почему с него бежали бродяги, нужно было побывать в их шкуре.

— Возможно, — согласился дьякон и, не прощаясь, спустился в лодку.

Капитан оглядел меня с ног до головы:

— Русиш?

— Да, русский.

Он кивнул, я так понял, что он пригласил следовать за ним, и не ошибся в предположении. Мы пришли в капитанскую каюту. На столе стоял мой чемодан-портфель.

— Будете спать здесь, — сказал он по-английски и показал на диванчик. — Несколько коротковат для вас. Прошу!

Он налил два стакана рома. Выпили.

— Пока не появляйтесь на палубе, — сказал он и вышел.

Ушли мы из Макао без таможенного досмотра. Лишь

капитан по старинному обычаю часа через два хода выбросил за борт фуражку.

Микис был стар, но держался молодцом, был выбрит до синеватого блеска, черный его сюртук был застегнут на все пуговицы. Полной противоположностью ему оказалась команда, в которой боцманом числился датский хиппи — нечесаный малый, все знание морского дела которого заключалось в умении петь под аккомпанемент гитары старинные французские баллады. Зато пил все подряд, при этом не пьянел, что весьма импонировало Микису.

Команду составляли тринадцать человек, чертова дюжина. Вышли мы в понедельник седьмого. Первое, что я сделал, когда выскочил утром на палубу, это научил двух матросов вязать элементарный морской узел, точнее не морской, а рыбацкий; они не умели даже этого.

— Хорошо, капитан! — сказал худенький матрос, улыбаясь от уха до уха тридцатью двумя зубами цвета слоновой кости. — Хорошо, капитан!

Он знал по-французски всего два слова, кстати, по-английски тоже. На каком языке он говорил, я не выяснил до конца плавания. Он готов был делать все, что ему приказывали, но делал все невпопад. Единственно, чему он научился за время рейса, — вязать рыбацкий узел, и то благодаря мне. И это до того его потрясло, что он стал сам себе говорить: «Хорошо, капитан!»

Любопытнее других членов команды был радист — он умел лишь нажимать на кнопки магнитофона, и делал это мастерски — круглые сутки на корабле вопили новоявленные «биттлы» вперемешку с траурным маршем Шопена в исполнении духового оркестра эскимосов Аляски, — кажется, их этому научили американские летчики с военной базы.

Восемь человек команды из тринадцати стояли на помпах, которые по странной случайности не выходили из строя и перекачивали воду «из моря в море». С таким же успехом их можно было спустить на канате прямо на дно, была бы хоть какая-нибудь польза, они бы способствовали образованию теплых течений в Мировом океане.

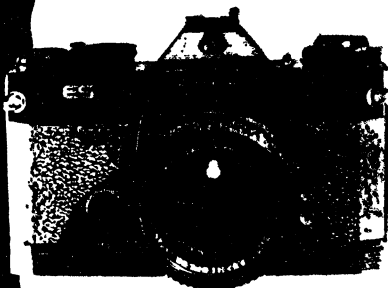
Казалось, что на «лайнере» не было нижней обшивки, и если мы сразу не пустили пузыри, так только благодаря механику, творившему чудеса с дизелями. В ме-



CONFIDENTIAL
Do not release

SECRET
Not to be covered

TOP SECRET



ханиках ходил нелюдимый мужчина лет сорока, глухой как монастырский погреб: слышать ему не требовалось — в машинном отделении голос гас из-за скрежета металла.

На мостике делать было нечего, тем более на палубе, поэтому я вернулся в каюту, достал из портфеля-чемодана тетради Ке, занялся ими: я перечитал до конца, теперь времени было предостаточно, никто не мешал.

4

Тетрадь

«Дочка Фу оказалась «дырявой туфлей». Мне-то наплевать, я не собирался жениться на ней, кусок красного шелка я бы подарил Дин. С Дин я разговаривал по телефону. На праздник весны она собралась ехать в Кантон, один раз в год им позволяют побывать дома, встретиться с родителями и родными. Дин помогает им — шлет денежные переводы и посылки, не то что я — ни разу так и не помог матери...»

Праздник весны древний как сам Китай. Я помню, как праздновали его в Шанхае. Для нас, мальчишек, он был радостным событием, вторым рождением (его отмечал отец) или Новым годом (его отмечала матушка). Вместо елки она ставила в фарфоровую старинную вазу вереск с гор, его продавали китайцы, Дедом-Морозом служила кукла с наклеенной ватной бородой.

Праздник весны отмечался целую неделю. Даже самые бедные китайцы в эти дни позволяли себе роскошь есть рис. Деньги на праздник они копили целый год. Обязательно раздавались долги. В ночь новолуния на улицах слышался непрерывный грохот — рвались петарды, хлопушки — отгоняли злых духов. Я особенно любил маленькие черненькие хлопушки величиной со спичку. Взрывались они с превеликим шумом. На улицах гремели барабаны, шел карнавал. «Драконы» летели за «солнцем», хотели его проглотить. Шли ряженные. Родственники и знакомые наносили друг другу визиты.

Теперь в континентальном Китае этот праздник официально не отмечается, но ханьцы (китайцы) все же празднуют его: в Гонконге широко, как в старину, до-

ма немного скромнее. Да пребудет с вами благополучие!

В эти дни китайцам дается отпуск: все равно работать не будут.

У моста Лу-Ву, КПП на китайско-английской границе, стояли толпы «ама» — мужской прислуги, девушек — работниц ткацких фабрик «Сауттекстайл мэню-фэкчуринг» и заведений наподобие «чайных домиков». Купцы и буржуа не смешивались с толпой. Их пропускали первыми, для них подгонялись специальные автобусы, испещренные лозунгами в духе «Взять революцию в свои руки!». Промышленники, проклятые буржуи, проезжали через КПП беспрепятственно: их обхаживают маоисты, они источник поступления иностранной валюты. По обе стороны границы стояли китайцы в различных военных формах, с каменными лицами, друг против друга.

Потрошили бедных. Они платили таможенные пошлины. Чтобы пронести через границу лишний подарок родным, люди надевали на себя по несколько шерстяных кофт и свитеров, отчего казались упитанными сверх нормы и медлительными в движениях. Сколько Дин пронесла на себе плащей или блузок? Возможно, она обмоталась шерстяной тканью, как куколка шелкопряда. Голь на выдумки хитра. На каждой руке у нее было по несколько швейцарских часов — самых дешевых в мире, потому что купила она их на капиталистической помойке — в Гонконге. Еще она несла с собой тетради Пройдохи, он приказал взять их у Томаса, сторожа фирменного магазина «Батя». Если бы маоисты обнаружили записи вьетнамца, Дин сгинула бы в застенках Гунаньцзюя¹. Пройдоха все же был мерзавцем, заставив девушку так рисковать. К счастью, она не знала, что везла с собой в сумке. Вернуться в Гонконг она должна была через Макао, что вполне естественно — между двумя колониями существовало регулярное сообщение, и многие пользовались этим путем.

Пройдоха жил у брата рикши господина Фу, катавшего «нумизмата» на куче-куче — ручной двухколесной коляске — подарок Востоку английского изобретателя. Пройдоха оправдывал свое прозвище — он прилип к

¹ Гунаньцзюй — китайская госбезопасность.

Цюю, доброму человеку. И так как приехал к его брату в праздник весны, Цюй-третий — младший брат — кормил и поил гостя с подружкой, дочкой господина Фу Дженни. Возможно, Цюй был даже доволен, ибо гости в праздник весны желанны в китайских семьях, по поверью, они приносят счастье.

Последняя тетрадь Пройдохи

«Цюй-третий ушел к собакам: он нянька у двух тибетских лохматых терьеров Блэка и Вая. Придумал же хозяин клички псам. С такими деньгами, как у хозяина терьеров, можно позволить любую блажь — каучуковые плантации дают живицу, и она течет ручейком золота. Цюй-третий так и не скопил денег на подарки родителям и невесты, на свадьбу, не выполнил главной обязанности перед предками — он бездетный, холостой. Неужели и я останусь «голой веткой»?

Дженни! Настоящее ее имя Сяо-фуэй, Крошечка. Она пьет спиртное, как буйвол мутную воду на водопое. Куда в нее столько влезает! Напьется и давай куролесить. Цюй-третий не удивляется: он знает, что Сяо — Дженни — дочка хозяина его старшего брата Цюя-первого, вот и молчит, терпит нас. Ему ли, няньке двух псов, удивляться. Он расчесывает им шерсть, водит гулять, готовит специальные блюда по поварской книге для собак. Сегодня Цюй-третий повез их на машине в парикмахерскую делать прически.

...Дженни полезла ко мне с поцелуями. От нее несло, как из гнилого болота запахом тины. И что за идиотская привычка целоваться! Кричит, что я не умею целоваться, а мне просто противно. Зато потом она нежная, как все китайки.

Денег мало, а у Сяо — Дженни совсем нет. Она не знает им цену. Ей дай миллион, она в три дня размотает. Быстрее бы избавиться от нее! Но пока рано. Она обещала свести меня со стоящим человеком. Я ему пристрою дневник.

Мои записи! Вы должны рассказать правду людям. Я ничтожный человек. Сяо-Ке (маленький Ке), но ведь должен же и я совершить в жизни что-нибудь значительное, поджечь танк врагов. Я, как и мой брат, вовремя не дезертировал из армии врагов в джунгли к друзьям.

Как избавиться от Дженни?

Быстрее бы приезжала Дин, привозила бы дневник! Я получу за него много, нам хватит, чтобы уехать с Дин к матери в Сайгон. Брат умер, мама живет одна. Она будет рада.

Завтра я встречаюсь с каким-то журналистом. Решится судьба. Я опасаясь Дженни. Попробую описать происшедшее. Наверное, это последняя запись в последней тетрадке. Прощай, дневник! Много-много дней ты был для меня единственным верным другом, только тебе я открывал мысли, я привык к тебе, как Цюй-третий к Блэку и Ваю.

Дженни уже надоело прятаться. Ее сумасбродство выдохлось, и если она еще не ушла к отцу, так только потому, что боится наказания. Я пугаю ее как могу, растрavляю ее обиды. Пришлось попросить Цюя-третьего продать мои новые часы, чтобы купить спиртного «дырявой туфле».

Я упросил ее сходить и позвонить откуда-нибудь в Гонконг нужному человеку. А это опять расходы.

Что будет, то будет, от судьбы не спрячешься. Дженни ушла звонить знакомому журналисту, а в это время во двор вошла девушка. Я вначале подумал, что к Цюю-третьему приехала родственница с континента. Они там все ходят в синей одежде, девушки подстрижены коротко. Но это оказалась Дин.

...Она плакала. У нее все тело в синяках. Оказывается, всех приехавших из Гонконга девушек встретили хунвэйбины. Прямо на улице стригли их, отрезали косы, «критиковали», срывая с них «заморские» одежды. Их просто ограбили. Дин еле вырвалась. Ее избили до синевы. Ей пришлось сразу уехать, а то бы на нее напялили «дурацкий колпак».

Она рассказывала, что делали с другими девчонками. Запирали в школе и насиловали. И это все называется «культурной революцией». У хунвэйбинов обрезки труб, самодельные пики и кинжалы. Ночами между ними происходят настоящие побоища. Они, как бандиты в Гонконге, делят власть за улицы, районы, города. Напали даже на военных, чтобы раздобыть оружие, но те встретили их огнем, многих убили, еще больше арестовали, будут «критиковать», значит, тоже избьют или убьют. Молодые люди сошли с ума — бьют стариков и старших братьев.

Самое главное, Дин привезла тетради. Хорошо, что

«дырявой туфли» не было в это время. Пришел Цюй-третий. Он выслушал Дин и заплакал — его отца в пригороде Кантона замучили хунвэйбины. Они требовали выкупа. «Твои сыновья продались империалистам, живут у них и работают на них!» — кричали они. И разграбили дом отца Цюев. Соседи написали письмо Цюю-третьему.

Когда пришла Сяо — Дженни, мы сказали, что Дин — племянница Цюя-третьего.

...Я иду на встречу с журналистом. Я боюсь, что Дженни заслужила прощение у отца тем, что выдала мое убежище.

Я все равно пойду на встречу, потому что другого выхода нет. Дин расхворалась, все время вздрагивает и плачет. Цюй-третий не отходит от нее. Я ему сказал: «Если не вернусь, считай, что красный шелк Дин подарил ты. Не гони ее. Она будет хорошей женой. Ей деваться некуда, если я не вернусь, бери ее в жены».

Князя неба и земли, я иду на встречу с журналистом! Помогите мне, духи предков! Я продолжу наш род, если вернусь к Дин живым. Мы немедленно уедем к моей матери!»

На этом записи окончились. Что было дальше, я знал: его убили, когда он передал мне тетради. К сожалению, его опасения оправдались — дочка Фу вывела «тайную полицию» мадам Вонг на вьетнамского парня, и те свершили «правосудие».

5

Тонуть мы начали на второй день после обеда. Радист уронил бобину от магнитофона с записью джазовой музыки в незадраенный трюм. Он полез за бобиной и сорвался с трапа. Мы стояли с капитаном на мостике. Он смотрел вдаль, я тоже. Возможно, он что-то и видел за бескрайним горизонтом, я ничего не видел. Был полнейший штиль, от жары даже вода казалась расплавленной. Волны поднимали наше корыто, точно вокруг нас, как дельфины, резвилось не меньше сотни морских буксиров.

— А в Арктике бывали? — спросил капитан Микис и, так как я ответил отрицательно, он больше не стал задавать мне вопросов, сам начал рассказывать:

— Ходил я на норвежском спасателе. От флибустьеров мы отличались тем, что никого не топили. Помню, ураган, шквал, буря, добавьте к этому косой дождь наполовину со снегом, норд-норд-ост, лед на снастях и мою зубную боль, тогда картина станет для вас ясной. Правда, команда состояла из моряков, а не из этих телят, которых я сейчас транспортирую в Сингапур. И в том и в другом есть свои минусы. Если телята с трудом отличают линь от кия, то «волки» знают слишком много, и каждый норовит дать совет. Идем. Где-то рядом тонет «швед». Ищем. Находим. Заходим с правого борта и вступаем в переговоры. «Что везете? Стоимость фрахта?» — и другие вопросы... В общем, сколько мы будем с этого иметь. Не торопимся, потому что чем больше они наглотаются воды, тем больше мы с них сдерем. А «швед» ведет себя как-то странно — тонет, но платить настоящую цену отказывается, точно ледяные ванны для них приятны, как для толстокожих тюленей. Мои «волки» набились к рулевому, как сардины в бочку, курят трубки и советуют отойти, точно я сам не знаю, как грабить на большой дороге. Несколько раз мы отходили, подходили, проклятый «швед» зачерпнул левым бортом, но молчит, как медуза. И когда уже...

Он не успел досказать историю, потому что появился худощавый матрос и произнес единственную фразу, которую он знал по-французски:

— Хорошо, капитан!

Но даже я догадался, что ему совсем не хорошо, а очень плохо.

— Что он сказал, переведи, — приказал капитан рулевому.

Рулевой посмотрел на матроса и перевел:

— Он говорит, что человек упал в трюм.

Перевод оказался удивительно точным — радист, упав в трюм, не сломал себе шею лишь потому, что попал в воду, которой в трюме было как в хорошем бассейне, и плавал там, как мышь в бочке с пивом, при этом умудряясь орать так, что заглушал шум дизелей и рев медных труб эскимосов с Аляски, самозабвенно исполнявших траурный марш Шопена.

— Вот точно так же тонул «швед», — глядя сверху вниз, глубокомысленно изрек капитан. — И знаете, его

спасли. Мимо шли советские моряки... Они нам спутали все карты — заарканили «шведа» и увели в порт, даже не договорившись о цене. Вира!

Это уже относилось к матросам, которые сбросили в трюм спасательный круг, привязанный к нейлоновому шнуру. Но команда капитана осталась непонятой, и матросы ждали чего-то, по всей вероятности, перевода.

— Эй, парень! — подозвал капитан худощавого матроса. — Скажи им, чтобы они поднимали «шведа», тьфу, радиста наверх!

— Хорошо, капитан! — ответил матрос, потом крикнул: — Хорошо, капитан!

И радист оказался на палубе.

На его груди, как в старинном Евангелии, была вытатуирована гробовая истина: «Все там будем», но, видно, туда, где рано или поздно мы все соберемся, ему попасть первым расхотелось, ибо он заорал еще громче, чем в трюме:

— Спасайтесь! Мы тонем!

Перевода не потребовалось... Самым занятным оказалось то, что мы не могли дать SOS — радист разбился в аппаратуре не больше, чем бедуин в теории относительности.

— Торопиться некуда, — сказал капитан. — Пусть побегают...

— Они садятся в лодки, — сказал я, испытывая невероятное желание присоединиться к команде.

— Пусть садятся, — ответил капитан. — Для того чтобы покинуть судно, нужно прежде спустить шлюпки на воду, а этого они делать не умеют.

— Не понимаю, — взорвался я, — зачем же вы набрали такую комадну?

— Деньги платит хозяин корабля, — сказал Микс, — а подонки стоят намного дешевле, чем настоящие моряки.

— А вы-то куда глядели? Зачем согласились?

— У меня свои расчеты, — ответил капитан. Он вздохнул, посмотрел куда-то вдаль, потом продолжал: — Видите, обормоты вылезают из спасательных шлюпок. Сейчас они прибегут сюда... Идите в каюту, ни о чем не беспокойтесь, мне необходимо с ними побеседовать как отцу с блудными сыновьями.

К сожалению, я не послушался доброго совета капи-

тана и поторопился — пошел в радиорубку. Наступили три минуты молчания. Я включил передатчик, взялся за телеграфный ключ. Слава богу, сигналы самые простые. Место нашего нахождения я установил на капитанском мостике.

6

Авианосец жил механической жизнью, это был чудовищный автомат, начиненный тысячами баррелей нефти, мазута и горами взрывчатки. Возможно, где-то в его стальном брюхе спали атомные головки, способные поднять океан на воздух. Плавающий плацдарм. В воздух через минутные интервалы взлетали «ангелы смерти», оставляя за собой дорожку дыма, с ревом набирали высоту и маленькими безобидными чайками уходили в сторону берега, во Вьетнам, Лаос и Камбоджу, чтобы сеять уничтожение, страдание, ненависть.

С кормы взметнулась в небо красная ракета. Огромная, как два футбольных поля, палуба, покрытая каучуком, чтобы усиливать амортизацию и сокращать пробег самолета при посадке, опустела. Низко, почти касаясь гребня волн, шел самолет, видно, выбиваясь из последних сил. Вот он упал на палубу. Резиновые тросы, как мальчишеские рогатки, затормозили его бег. Он был подбит и, как птица, царапал крылом палубу. Крыло отвалилось, и только чудом самолет не скапотировал. Он застыл на самом краю полосы, если можно так назвать палубу. Самолет горел... И откуда-то из щелей муравьями посыпались люди. Забили фонтаны пены огнетушителей, люди облепили самолет, вытащили летчика. И вот уже аварийный кран зацепил как муху машину и сбросил за борт. И через несколько секунд за кормой, как глубинная бомба, рвануло... Все. «Ангел смерти» посеял смерть и пожал смерть. И за океан другой самолет повезет оцинкованный гроб, его выгрузят на аэродроме в Вашингтоне, накроют звездно-полосатым флагом, точно таким же, какой развевался над авианосцем.

Джунгли не сдавались, джунгли мстили, отстреливались, сбивали ненавистных пришельцев, джунгли были неукротимыми, свободными, они бились за себя, за свое право цвести под солнцем, единым на весь земной шар.

В суматохе про меня забыли. Я стоял, прижавшись к какой-то стойке, подавленный увиденным, чувствуя себя инородным телом в страшном механизме антижизни, и чувствовал, как во мне растет протест и ненависть к этим ребятам, что без суеты, невероятно деловито, как в самой страшной сказке Гофмана, творили что-то черное и загадочное.

Кто они, эти парни, одетые в робу? Неужели у них не было детства, человеческих радостей, любви, матерей, или они никогда не забирались под куст сирени, не ловили на удочки рыб, не слышали, как старый негр ирает на банджо? Кто они и зачем они здесь, зачем превратились в бездумных автоматов? Чью страшную роль исполняют, потеряв черты индивидуальности, став на одно лицо как арестанты или детективы в штатском? Их заколдовали в отвратительных гномиков.

Трое отошли в сторону, достали сигареты. Их лица были потными, руки тряслись. Нет, они чувствовали боль, усталость, страх... И пожалуй, больше ничего.

Меня взяли за локоть, повели к трапу, я спустился внутрь стального чудовища, точно под землю. Все звуки угасли, только слышались по стальным коридорам удары подковок на бутсах — меня вели переходами, потом толкнули в стальную комнату, где стояли привинченный к полу стол и два табурета. Под потолком светился матовый плафон под толстой стальной сеткой.

Я остался один. Сел. Закурил. Было тихо, как в клубе на Сент-Джеймс.

Меня сняли с каучуковоза. Одного. Капитан отказался от помощи — да военный корабль под флагом США и не собирался спасать ржавое корыто — они примчались лишь за мной. Я это моментально понял. Схватил мешочек с кассетами от фотоаппарата Боба, пробрался в радиорубку, спрятал в стол радиста. Чертов боцман! Лучше бы он пел старинные французские баллады и пил виски, чем проявлял услужливость. Когда я спускался по трапу, он, вопя как зарезанный, пропрыгал по палубе, размахивая над головой мешочком с кассетами:

— Сэр, вы забыли свой багаж!

«Услужливый дурак опаснее врага». Поистине так. Он улыбался, точно первый раз в жизни сделал доброе дело.

Капитан пожал мне руку и неожиданно почему-то подмигнул. Кажется, он понял, что я влип. Наверняка.

Морской волк делал вид, что удивлен присутствием на борту пассажира. Но его игра была шита белыми нитками — они точно знали, что на каучуковозе находится тот, кто им требуется. Каким образом они об этом узнали? В порт с дьяконом Михаилом пришли вдвоем, без «хвоста». Неужели отец Тихон? Нет! Такого быть не может. Но кто же?

Открылась дверь. Вошел человек. Небольшого роста, с блестящим черепом, с янтарными глазами... Портрет, описанный Пройдохой Ке. Он был в форме полковника армии США. Ого! Вот, оказывается, кто отправлял контрабандное золото с острова, захваченного китайскими националистами, потом присутствовал на совещании в Макао... Птица большого полета. Политик и бизнесмен, разведчик и контрабандист. Слишком характерная личность для чина американской армии.

— Вы меня знаете, — сказал он с порога и сел на свободный табурет. — Нам нет смысла играть втемную. Вы не испытываете ко мне симпатии, она мне и не требуется.

— Кто вы такой?

— Зовите меня Самуэлем. Задали вы нам работы. Чтобы взять фотокопии... Мы их изъяли.

— На каком основании?

— Для нас это слишком гремучий материал. Тем более они принадлежат вашему другу, радиокорреспонденту. Не так ли? Вы их похитили.

Он говорил со мной точно классный наставник, монотонно и поучительно. Так выговаривают ученику, прежде чем высечь его розгами.

— Единственное ваше оправдание — вы не знали, за какое дело взялись. Это ваш бизнес, материал стоит много. Но, кроме газетного бизнеса, существуют и государственные интересы. Вы английский подданный, Великобритания наша союзница, и вы должны помнить всегда, что, нанося вред Соединенным Штатам, вы наносите вред и своей стране. Мы делаем общее дело. Боремся на переднем крае с мировым коммунизмом. Я повторю вам слова аболициониста Гаррисона: «Я не прибегну к эквивокам. Я не буду извиняться. Я не уступлю ни дюйма». Вы поняли меня?

— Понял, но вы не кончили цитаты: «Меня услышат».

— Как раз по поводу последней фразы... Я сделаю

все, чтобы ни вас, ни меня не услышали. Мы вам заплатим. Кое-что из того материала, который мы изъяли у вас, представляет интерес. Расходы будут оплачены. Но... — он посмотрел янтарными глазами как кошка на мышь и облизнулся, — ...при одном условии. Вашего слова будет достаточно. Мы знаем вашу щепетильность, и вполне хватит вашего слова джентльмена. Вы должны молчать.

— Хотите, я вам расскажу анекдот? — спросил я.

— Пожалуйста. Времени, — он обвел стены взглядом, — больше чем достаточно.

— Один житель Чикаго поехал туристом на Британские острова. Через месяц вернулся миллионером. Причем, учтите, у него оказалось несколько миллионов фунтов, а не долларов.

— До девальвации или после? — ехидно осведомился человек с янтарными глазами, назвавший себя Самуэлем.

— После того, как банки Европы отказались принимать доллары.

— Понял. Продолжайте...

— Он привез целый чемодан наличными фунтов стерлингов. «Откуда у тебя столько денег?» — удивилась жена. «Понимаешь, — ответил ей новоиспеченный миллионер, — меня пригласили в английский клуб. Спросили, играю ли я в карты. «О'кэй!» — ответил я. «А в какую игру?» — «В очко», — ответил я. Есть такая игра.

— Знаю, я бывал в портах.

— И вот джентльмен говорит: «У меня двадцать одно». Я ему, — рассказывает житель Чикаго, — покажи! Партнер оскорбился: «Сэр, настоящему джентльмену верят на слово». И как поперла мне карта, как поперла!

— Забавная история, — рассмеялся человек с янтарными глазами. — «Поперла!» Вот молодец! Узнаю хватку Чикаго. А он случайно был не итальянец?

— Нет, стопроцентный...

— Янки... Молодец. Вам, англичанам, далеко до него. Вас погубили мертвые традиции. И высокомерие. Да, да... И если вы затронули эту сторону, бросьте пыжиться. Я понимаю, что вам оскорбительно при жизни поколения превратиться из перворазрядной державы в третьеразрядную. Последним англичанином был Чер-

чилль. Да, да! С ним умерло величие Великобритании. Так что перестаньте плевать вслед промчавшемуся экипажу. И вы должны молчать. Забыть, что прочли в дневниках. Да у вас к тому же нет даже копий дневников. Оригиналы и фотокопия у нас. Все! Хватит нам трепачей в собственных газетах, которые выдают государственные тайны. С вами проще. Это не угроза, а постфактум. Даете вы слово молчать или нет?

— А если я поведу себя как тот житель Чикаго?

— Вы родились в Шанхае.

Я замолчал. Отключился. Я не слышал, что говорил человек в форме полковника, я думал о том, что, оказывается, я живу как на ладони. Они знают все. Но откуда?

— Это тюрьма? — спросил я.

— Гауптвахта.

— Я арестован?

Он пожал плечами.

— Насилие! Пиратство... Это незаконно!

— Вы сами поставили себя вне закона...

— Вернее, беззакония. Вы меня снимаете с корабля, не имея на это никакого права, — я был на посудине под флагом третьего государства, то есть вы меня арестовали на территории, не принадлежащей Штатам, тем более в открытом море, где действует экстерриториальность. Вас надо судить за пиратство и повесить на рее, как это делали в старое доброе время.

— Не собираюсь вступать с вами в юридический спор, — сказал янтарноглазый офицер. — Подумайте. Надеюсь, вас убедит в моей правоте ваш друг.

Он встал, лязгнули запоры. Я остался один. Да, здесь даже лампочка под потолком была на запоре. Пройдоха. Ке читал стихи, чтобы воспрянуть духом. А почему бы и мне не воспользоваться его рецептом? На ум пришли «Стихи семи шагов» древнего китайского поэта Цао Чжи.

Как-то его вызвал во дворец император. Прежде чем поэту преподнести шелковый шнур на подушечке, что означало лишь одно — поэт должен удавиться, император задал задачку: сочинить экспромтом стих на заданную тему. Тема — о братьях, но слово «братья» не должно упоминаться. Экспромт выдать через семь шагов.

Чтоб сварить бобы, зажгли ботву.
Бобы в котле заплакали:
Ведь мы от одного корня,
Зачем вы так торопитесь сварить нас?

Император Цао Пэй простил поэта Цао Чжи. Просил? Но поэт ни в чем не был виноват.

Офицер упомянул про друга... Что это за ботва, которая торопится сварить бобы?

Вновь открылась дверь. Вошел другой офицер в форме капитана. Одна рука у него была на перевязи.

Это был действительно мой друг — Боб! Ему чертовски шла военная форма.

7

Он что-то говорил и говорил. Но я не слушал. Все-таки я умел отключаться, и это было спасением, иначе бы я должен был разmozжить ему голову. Боль... Попытки изобрели для того, чтобы через плоть сломать сознание. Мое сознание ломали по «прямому проводу», без «посредника».

— В конце концов, в интересах твоих и твоей невеселости... — осмыслил я слова моего «друга».

— Хватит ерунду молоть... — не выдержал я. — Ты хоть Клер не трогай. Пользовался ее гостеприимством...

— Я искренне желаю ей счастья, она замечательная женщина. Помнишь, как она пришла к нам на выручку?

Я от его наглости на самом деле чуть не отключился.

— Кому нам? — сказал я, и это было ошибкой, надо было молчать, не слушать его речей. — Мне! Ты же был с бандитами заодно.

— И они чудом меня не убили! — обиделся Боб. (Он еще и обижался.) — Ты здоров, а руку продырявили мне. И все из-за твоего легкомыслия.

— А потом ты меня предал и меня же арестовал. А Комацу выпустили?

— Нет, он здесь, им интересуются высшие инстанции. Благодаря тебе мы вышли на него.

— Ладно, что тебе нужно?

— Ты возмущен, что я разведчик? Мне пришлось доложить о тебе — ты увез негативы. Тебе совершенно не нужен этот материал.

— Это мое дело.

— Твое... А мое? Сделать все возможное, чтобы мате-

риал ушел в песок? Соглашайся молчать, ты получишь гонорар, а то вообще ничего не получишь — у тебя нет оригиналов, остальное — плоды изощенной фантазии. Я все следаю, чтобы помочь тебе. Ты влез в большую политику. И дело не в наркотиках или контрабандном золоте — это мелочи. Игра идет намного крупнее — на миллиарды. Здесь точка опоры экономики.

— Что же это?

— Нефть!

— Что?!

— Нефть, тебе говорят. Она лежит под водой от Камчатки до Камбоджи.

Возможно, я был похож на лусиневского дурака тем, что хотел громче всех прокричать: «Негодяй!» Что бы изменилось, если бы я сумел вынести сенсационный материал из логова пиратов? Издатель бы нашелся. Есть в моей профессии что-то, что заставляет идти на костер. Я не строю иллюзий о всемогуществе «свободной печати». И все же в мире живут и действуют множество людей, готовых отдать жизни за идеалы. Что движет ими, что заставляет избирать тернистый путь борьбы?

Я уверен, что если свести все подсознательные мотивы поступков, совершаемых человеком, к одному биту, к кирпичикам «да» и «нет», то выкристаллизуются два инстинкта — «самосохранение» и «продление рода». Первый порождает предателей, палачей. Второй же — «продление рода» — материнскую любовь, самопожертвование.

Инстинкт «самосохранения» у меня был явно притуплен... Иначе бы я не сидел в чреве авианосца и не слушал вкрадчивых речей бывшего друга. Что может быть нелепее и горше, чем бывший друг?

— Теперь даже Моцарт и Бах исполняются в ускоренном темпе, — дошли до сознания его слова, — исполнители подсознательно заставили Моцарта звучать быстрее.

— Ты про что? — не понял я.

Капитан Боб замолчал, задумчиво посмотрел на меня: он понял, что я не слушал его «идеологической обработки».

— Лорд Берди¹ из тебя не получится, — сказал он,

¹ Создатель разведки Британии во время царствования королевы Елизаветы. (Примеч. авт.)

вздыхнул, точно подписал смертный приговор, и вышел.

— Все мы дети материка, только расселяемся по разным островам! — крикнул я вслед, но он не слушал меня, как несколько минут назад я не слушал его.

— Стой! — заорал я.

Он вернулся.

— У тебя есть мать? Ты любил кого-нибудь? Когда-нибудь любил?

Он пожал плечами и закрыл толстую дверь, похожую на дверь стационарного холодильника.

Финал был неожиданным, как и все финалы, — иначе и не могло быть: о нем побеспокоилось слишком много людей. Непоколебимого слова джентльмена не потребовалось, меня буквально выкинули с авианосца: американцам бессмысленно было тратить хотя бы цент — дневник Пройдохи Ке, точнее, выдержки из дневника появились в печати нескольких стран.

Это было полной неожиданностью для янки, тем более для меня.

...Я не верю в спиритизм, магнетизм и прочую ерунду, в нее верят те, кто хочет верить. Но тем не менее происшедшее было чистой воды фантастикой. Сплошная чертовщина. Как дневник Ке уплыл из Макао? Может быть, у Ке был второй экземпляр?

8

Американцы ссадили меня на Филиппинах, в Большой Маниле, выбросили буквально пинком под зад.

Спасибо Тихону и Михаилу. Их деньги оказались кстати. Я остановился в небольшой, но опрятной гостинице «Сан-Франциско». Когда зажигались неоновые огни на Авенида Рисаль, я возвращался в гостиницу, поднимался по лестнице в номер на третьем этаже и почему-то всегда вспоминал, что в Сан-Франциско есть гостиница с противоположным названием — «Манила». Все вечера я отсиживался в номере.

Филиппинцы существенно отличались от жителей того же Макао или вселенского вертепа Гонконга. Филиппинцы — самый вспыльчивый и обидчивый народ на свете — смесь из гордости баска и горячности сицилийца, и

то, что каждый из них имеет при себе джагу¹, говорит о многом.

Приближались президентские выборы². А здесь подобные события сопровождаются кровавыми стычками между «крысами» и «барракудами». Причиной этому служило своевластие местных «лордов» и рабское бесправие прочего населения. Хотя бы такая деталь: здешний «лорд» непременно содержит при себе банду головорезов, которым полоснуть человека по горлу боло³ что чихнуть.

Здесь вообще при малейшей причине пускается в ход оружие — в тавернах и при сборе податей, особенно, как я сказал, во время «демократических выборов». Страсти политической борьбы настолько накалены, что зачастую один землевладелец посылает своих молодчиков во владения другого землевладельца, противника по политической группировке, а те режут всех подряд, включая женщин и детей. После подобной «идеологической обработки» население призывают на избирательные пункты, и не вина другого кандидата в парламент, что зачастую его избирателей не оказывается в живых.

Уильям Помрой, мой коллега американец, воевавший в партизанском отряде хуков⁴, женатый на филиппинке и просидевший после подавления освободительного движения бесконечных несколько лет в здешних застенках, так объясняет подобные особенности политической активности «лордов» и пассивности простолюдинов:

«Филиппинцы испытывают на себе чужеземное господство и феодальный гнет так долго, что смирились с этим. «Бахалана», — говорят они. — «Пусть будет воля господня».

Кто из людей, живущих в условиях свободы, в состоянии понять образ мышления жителей колонии!

Когда народ живет целых чetyреста лет под пятой надменных испанцев и еще пятьдесят лет под гнетом нагло кичащихся своим превосходством американцев, это неизбежно налагает отпечаток на его характер. Существует теория, по которой нужда приводит к мятежу, од-

¹ Джага — нож с выбрасываемым лезвием.

² События происходят в канун введения президентом Ф. Марксом чрезвычайного положения в стране и ликвидации частных армий. (Примеч. авт.)

³ Боло — крупный тесак.

⁴ Армия национального освобождения «Хукбалахап»

нако это верно чаще всего в тех случаях, когда нужда вызвана потерей того, что человек имел когда-то. Но когда целых четыреста пятьдесят лет народ знал лишь нужду, это подавляет его силы, определяет весь уклад его жизни. Тех немногих, которые восстают, безжалостно убивают.

В общем, я приехал в страну весьма оригинальную, внешне флегматичную, но довольно бурную изнутри.

Влипнуть в новую историю мне почему-то не хотелось: пережитое в Макао оказалось слишком крепким «настояем из экзотических трав» для моего желудка.

Кое-какой капитал имеется, спасибо отцу, рассудительному коммерсанту. В газету я не вернусь. Пусть Павиан покусает локти. Это и будет моя месть. Я ничего ему не сообщу. Скроюсь, и все! Куплю ранчо в Австралии, поближе к русскому землячеству, буду разводить овец и наслаждаться размеренной жизнью фермера.

Я включил вентилятор, но это мало помогало. Жара была страшная. И это в начале лета! Что будет в июле, августе?

Я изнывал от скуки... Сизиф был счастливчиком, когда боги на суде Линча приговорили его к труду, не имеющему конца! Это было движение. Сердце-то у него было здоровым, иначе он, таская на плечах огромный камень, надорвался бы. Конечно, печально, что труд его был бессмысленным... Но кто из нас уверен, что его деятельность имеет смысл? Не придумываем ли мы легенд? Страшнее всего ничегонеделание.

Из вариантов «Как убить время?» самый сложный — вечерний. Днем можно высунуться в окно и наблюдать улицу или съездить в один из девяти городов-спутников Манилы, чтоб затем написать воспоминания туриста. Досуг... Черт бы его побрал! Проблема, над которой веками бились лучшие умы человечества.

Один мой знакомый утверждал, что именно досуг создал Человека.

— Наш предок, — рассуждал он, — имея свободное время, сообразил взять острый камень и привязать его лианой к дереву. Правда, после этого погибли все мамонты.

Возможно, мой знакомый был прав.

Неожиданно раздался телефонный звонок. Я чуть не вывалился из кресла. Кто бы это мог быть? Неужели Павиан разыскал?

— Арт, дорогой, ты жив?

Поистине мир полон неожиданностей!

— Клер! — завопил я в трубку, как в открытое окно, когда надо кого-нибудь позвать с улицы. — Я безумно рад слышать твой нежный голосок. Как ты там поживаешь? Я только что хотел заказать разговор с тобой.

— Очень приятно слышать, — донесся насмешливый голос моего друга. — Но телефонный кабель не выдержал бы, поэтому я позвонила сама. У меня все в порядке: я ликвидировала дело.

— Что, какое дело? — Мне стало зябко, я выдернул шнур вентилятора из розетки.

— Я продала «Салон мод».

— Прости, а зачем ты это сделала? Как же ты будешь жить в Макао?

— Я и не собираюсь жить здесь.

— А где же?

— Там, где будешь ты. Теперь мы уже больше никогда не будем расставаться. Долг жены быть всегда рядом с мужем.

— Со мной, что ли?

— Ты разве раздумал?

— Ах да... Понимаешь...

— Понимаю, дорогой. Встречай завтра первым самолетом из Гонконга. Целую тебя! До встречи!

Разговор прервался. Я долго держал трубку в руках, не зная, радоваться или рыдать от огорчения.

Первый воздушный лайнер из Гонконга прилетал в Манилу утром, в половине одиннадцатого.

Я купил цветы, сел в такси и в девять был на аэродроме. Конечно, здесь на взлетных полосах хозяйничали военнотруженики ВВС США. Без конца садились и взлетали грузовые самолеты, гражданские пассажиры ютились в левом крыле аэровокзала.

Как встречают невесту? Господи, невесту! От одной мысли у меня становилось горько во рту. «Сколько веревочке ни виться, а конец будет», — любила говорить моя матушка. Допрыгался! Может, Клер шутит?

А собственно, почему? Клер будет чудесной женой. И другом. В конце концов, надо же когда-нибудь угомониться.

Объявили посадку самолета из Гонконга. Я пошел к выходу с летного поля, встал у парапета. Клер я заметил еще издали. Она шла налегке, лишь с сумочкой. Последнее меня несколько обескуражило: двух бродяг, кочующих по странам и континентам со «свертком под мышкой», для солидной семьи маловато.

Она бросилась ко мне, привстала на цыпочки, мы поцеловались. Естественно, на нас никто не обратил внимания — обычная сцена в аэропортах.

— Дорогая... — я не знал, о чем говорить. — Я купил тебе подарок.

Я достал из кармана пиджака старинное платиновое кольцо с бирюзой византийской работы.

— Тебе нравится?

— Какая прелесть! Спасибо!

Мы еще раз поцеловались. «А она само очарование», — подумал я. На душе стало блаженно.

— Обручальные кольца купил?

— Нет, — сказал я. — Мы принадлежим к разным вероисповеданиям: ты католичка, я православный. Но как-нибудь утрясем.

— Конечно, дорогой, я так волновалась, что сделала необдуманную покупку.

Она вынула коробочку. В ней лежали золотые кольца: мужское и женское.

Моя невеста Клер происходила из старинного рода фидальго и не была рабой вещей, скорее наоборот. Она не была подвержена приступам «сайт-синга» — созерцания видов; ее стиль — предельная простота, как у японцев — видеть прекрасное в малом. Это от характера — она срезала углы к цели в отличие от меня.

— Ты доволен?

— Не меньше, чем ты.

— Где я буду жить?

— У меня в номере.

Мило болтая, мы вышли из аэровокзала.

— После твоего ночного бегства, — щебетала Клер, — я осталась одна в доме. Ты оказался прав — служанка исчезла. Больше она не появлялась. Я подумала вначале, что она из шайки этих мерзавцев, что напали на нас, но ничего не пропало. Она даже не взяла расчета. В полицию я не стала сообщать, потому что она оставила записку: «Извините! Прощайте!» Очень стран-

ная девушка. Боб пришел вечером. Ох и рассердился на тебя, что ты скрылся без него! Говорил, что ты идеалист, мальчишка, что «выбил сам у себя стул из-под ног».

— Прощу, никогда не напоминай о нем больше! — сказал я. Кажется, я начал понимать, каким образом дневник Пройдохи Ке оказался в печати левых.

— Почему не напоминать о нем? — не поняла Клер.

— Он плохой человек! Это из-за него я очутился здесь.

— Ты не напутал, дорогой? Он очень порядочный человек. Он был у меня второй раз на прошлой неделе.

— Даже так!

— Да, это он сказал твой адрес. Просил передать привет.

— Не говори о нем!

— Хорошо, хорошо, дорогой, не буду, только...

— Значит, служанка исчезла в тот злосчастный вечер?

— Да. Но она явно преступница, ее все-таки искала полиция. Приходили ко мне, просили хотя бы фотографию. Лично я никаких претензий к ней не имею.

— Когда ею заинтересовалась полиция?

— Перед самым приездом твоего Боба. Ой, не буду, не буду о нем говорить, раз ты не хочешь. Ты слушаешь меня?

Теперь все знаки препинания расставились в тексте: я знал, каким образом тетради Пройдохи оказались в газетах. Я вспомнил шорохи у двери, настороженные взгляды служанки... Перед тем как уйти из кухни, я бросил в камин третий экземпляр рукописи. Чтобы сгореть кипе бумаги, требуется время и кочерга. Но эта кипа не сгорела.

Служанка... Я даже не знал ее имени. Она шла к цели более коротким путем, чем я, и, что самое главное, бескорыстно.

Слугой был я! Она была хозяйкой.

Мне осталось снять шляпу и склонить голову перед ее мужеством.

— Ты куда? — заволновалась Клер.

— Тут есть переговорный пункт, — ответил я, стараясь ее не тревожить. — Надо позвонить в газету. Редактор, наверное, проклял меня. Работа есть работа, дорогая!

ЧЕРНЫЕ ФЛАГИ ЮЖНЫХ МОРЕЙ

(Главы из книги)

*Порой морякам выпадает
удача и попутные ветры,
и им случается проскользнуть
мимо пиратов...*

*Легче защититься от нападения
чужих пиратов, нежели от своих.
Чу-ван — начальник обороны
провинции Фуцзянь (середина XVI в.)
Ван Да-юань. Описание
островных варваров (середина XIV в.)*

В южных морях, что лежат между Тихим и Индийским океанами, пиратство родилось чуть ли не вместе с мореходством. Подобно древним грекам и финикийцам, китайцы и малайцы также могут считаться одними из древнейших пиратов на земле. В то время, когда европейцы открыли для себя «таинственный Восток», они были поражены размахом пиратства в южных морях и могуществом пиратских флотов, которое не снилось их европейским коллегам по «черному ремеслу». Пиратские суда рыскали во всех направлениях, от Японии и Кореи до Филиппин и Индонезии, часто забираясь далеко в глубь восточноазиатского материка по широким и судоходным рекам, сжигая города и селения континентального Китая, захватывая огромную добычу.

Не случайно, начиная со времен Марко Поло и первых христианских миссионеров, а также плаваний португальцев в Индийском океане и в морях южнее Китая европейские источники описывали местных пиратов как более опасных и непобедимых, нежели пираты Атлантики, ибо плавали они в составе больших и хорошо организованных флотилий, насчитывающих сотни судов и десятки тысяч команды. Эти прибрежные и океанские флотилии пиратов южных морей, порой действовавшие как настоящие военно-морские силы какой-либо мощной державы, выходили в южные воды с вполне кон-

кретными целями, спланированными операциями, хорошо налаженной координацией боевых действий. И редко когда операции пиратов заканчивались неудачей.

...Может показаться странным, что попытки пресечь пиратство в китайских водах оказывались неудачными на протяжении многих веков, однако это можно объяснить не только размерами страны, длиной ее береговой линии, многомиллионным населением, но и давностью «пиратских традиций». Действительно, за столетия и тысячелетия истории Китая и ожесточеннейшей классовой борьбы внутри китайского общества бурные социальные катаклизмы выталкивали здесь на забытые богом и государством морские окраины обездоленный, голодный и бунтующий люд, пополнявший собою или организовывавший вновь, как и в далекой Европе, вольные «пиратские братства». Объяснение этому кроется еще и в самой истории морского развития Китая, никогда (за исключением времени правления завоевателя Китая, монгольского хана Хубилая, и первых десятилетий существования китайской династии Мин в начале XV века) не имевшего своего сильного военно-морского флота, создаваемого в Китае лишь от случая к случаю. Боевые суда китайцев в средние века фактически не развивались, всегда оставаясь небольшими даже в более позднее время.

Континентальная страна, «центр Вселенной», в лице своих чванливых и заносчивых императоров по большей части никогда не считала океан основой китайского военного могущества. Поэтому острова и побережья Китая становились прибежищем беглых, ареной деятельности китайских и других пиратов. Особенно оживленно в средние века в отличие от трасс морских было на внутренних трассах Китая. Местные речные коммуникации и грузы, идущие по ним, всегда были заманчивой приманкой еще для одного сорта пиратов Китая — речных разбойников, которые, как глухо сообщается в хрониках, «грабили купцов». Если на Хуанхэ и Янцзы пиратством заниматься было трудно, то на более мелких реках вдали от «центра» оно распустилось пышным цветом. «Пиратской рекой», например всегда называли реку Кантон, сохранившую свою «романтическую» славу вплоть до середины XX века.

Примечательно, что именно в таком «домашнем» варианте китайское речное и морское пиратство сохранялось в омывающих Китай морях и китайских реках чуть ли не до наших дней, придав ему неповторимое «китайское своеобразие». Оно так и не стало океанским в том широком смысле, в котором пиратство было в Западной Европе, — в Атлантике, Тихом, а затем и Индийском океанах. Однако и у китайцев во все века были свои морганы и свои дрейки, от «морских подвигов» которых за версту несло кровью. Они пользовались в южных морях не меньшей известностью, авторитетом и властью и о них порой даже знали в Европе, как, например, о знаменитом китайском пирате второй половины XVII века Коксинге, создавшем свое государство на Тайване. Как и в Атлантике, где зарождались многие пиратские фамилии, со временем превратившиеся в династии американских миллиардеров, подобный процесс происходил и в морях, омывающих Китай. В конце XVIII — начале XIX века пиратские флотилии в южных морях по-прежнему отличались большими размерами. Например, в 1806 году пираты атаковали Тайвань силами в 100 кораблей и 10 тысяч человек команды. И такие случаи в то время были нередки, хотя в Атлантике уже закатилась звезда «вольного пиратства».

...Начало возрождению китайского морского разбоя в южных морях на рубеже XVIII—XIX веков, как считают многие знатоки истории пиратства, положила некоронованная «королева южных морей», китайка «госпожа Цин», как ее называли пираты. Так же, как и ее предшественники, пиратские «короли» Южно-Китайского моря в начале правления маньчжурской династии Цин (Коксинга), она тоже стала неофициальным адмиралом китайского пиратского флота, сумев собрать его в единый мощный кулак и заставив считаться с собой правительство. Сила этой маленькой изящной женщины была такова, что о ней лично докладывали императору, предложившему ей почетный чин «императорского конюшего». Разумеется, чисто номинально, ибо, помня о печальном опыте своих предшественников-пиратов, отправлявшихся в столицу за титулами и наградами и терявшими там свои головы, она отказалась явиться ко двору и получить соответствующие ее чину регалии из рук самого императора.

«Госпожа Цин», наследовавшая свой пиратский трон после смерти мужа, столь же прославленного «адмирала южных морей от разбоя», открывает собой галерею самых удивительных образов, с этого времени и надолго ставшими специфической приметой китайского пиратства, — женщин-воительниц, женщин-предводительниц. Нельзя сказать, что женское пиратство было только исконно «китайской чертой» и с ним не были, например, знакомы в Европе, где допуск женщин на суда был строжайше запрещен в силу давнего морского суеверия. Личности англичанок Мэри Рид и Анны Бонни, о которых много раз упоминалось в исследованиях и хрестоматиях, посвященных истории пиратства в Атлантике, являются своего рода исключениями из правил, нетипичными для европейских пиратов. Тем более что эти женщины-уникумы оказывались лишь подружками пиратских атаманов или рядовыми членами разбойничьих экипажей, порой даже скрывавшими свой истинный пол перед лицом всей команды, пока случайность не разоблачала их и им не разрешали остаться на судне. С «госпожой Цин» все было иначе...

После смерти супруга, не имевшего прямых наследников по мужской линии, она осталась единственной владелицей огромного состояния и большой эскадры, которой она иногда командовала при жизни мужа, временно заменяя его. Теперь же ей удалось получить руководство над всей пиратской армадой кораблей, состоящей из шести больших отрядов, отличавшихся один от другого лишь цветом флага, под которым плавали их боевые джонки. Например, «сестейная эскадра» Цинов — ядро пиратской армады — несла на мачтах своих кораблей красные опознавательные вымпелы. Остальные пиратские отряды имели черный, белый, синий, желтый и зеленый опознавательные цвета. И это не было только прихотью капитанов отдельных пиратских флотилий, просто с помощью подобной расцветки и сигналов соответствующих цветов, поднимаемых на мачтах флагмана, достигалась какая-то возможность руководить операциями кораблей в бою, координировать их действия во время стремительных атак, окружений и вынужденных отходов. Кстати говоря, и пираты Карибского моря не были такими уж большими поклонниками «черного Роджера» и любили вымпелы и флаги всех цветов радуги...

Неизвестно, добровольно ли уступили китайские пираты власть в эскадре «атаману в юбке», «госпоже Цин», или же ей пришлось

силой с помощью верных людей утверждать свое верховодство. Думается, что переход адмиральского поста в эскадре все же произошел без особых инцидентов, поскольку главенство женщины и руководство ею мужчинами, особенно во время войн и восстаний в Азии (как и в Китае), — давняя традиция, восходящая своими корнями чуть ли не ко временам матриархата. Достаточно вспомнить, как в острокризисных ситуациях в различных азиатских странах лидерство в руководстве зачастую переходило в руки женщин — сестры Чынг во Вьетнаме, рани Джханси в Индии (правда, и Жанна д'Арк во Франции) и множество других примеров. В самом Китае руководство женщин отдельными отрядами в крестьянских войнах и восстаниях тоже было не редкостью.

Так, одно из самых крупных народных движений начала XV века в Китае, вспыхнувшее в 1420 году в Шаньдун, началось с захвата крепости Сешипэн отрядом восставших под предводительством «вещей женщины» Тан Сай-эр. Она удерживала крепость до тех пор, пока к ней под «красно-белым флагом» восстания не прибыли на выручку другие отряды. После падения крепости эта отважная женщина, которую полководцы династии Мин даже считали «колдуньей» и относили ее к числу других «разбойников-волшебников», спаслась и укрылась в даоском монастыре, приняв монашеский сан, продолжала «подстрекать к мятежу» окрестное население. Правительство вынуждено было послать в этот район специальный отряд, чтобы тот хватал и отправлял в столицу для опознания всех подозрительных женщин-даосок, занимающихся «ворожбой». Чем не китайская Жанна д'Арк или «старица Алена» (командир одного из отрядов Степана Разина), возглавлявшие большие отряды и даже целые армии мужчин, а затем обвиненные в «колдовстве» и ереси и сожженные на костре как «ведьмы» — одна во Франции, другая в России?..

Видимо, и в случае с «госпожой Цин», принявшей на себя руководство огромным пиратским флотом, проявила себя давняя «матриархальная» традиция, пустившая глубокие корни в земледельческом Китае, древняя и наивная вера в магическую силу женщин-предводительниц. А может быть, это связывалось с прежним статусом ее мужа в системе пиратской иерархии, с нежеланием группировавшихся вокруг своего покойного лидера соратников менять сложившийся «статус-кво» и терять свое прежнее привилегированное положение? Вероятнее всего, как и показали дальнейшие события, «госпожа Цин» на самом деле отличалась высокими организаторскими талантами и умением командовать людьми. Не случайно же еще при жизни мужа ей было доверено руководство «ядром» армады — «красной флотилией» самого Цина.

...Новый «адмирал» ввела в пиратском флоте суровую дисциплину, заставив мужчин не сходить с кораблей на берег без специального на то разрешения (за это ослушнику в присутствии всей команды судна на первый раз протыкали уши, а при повторном нарушении приказа казнили). Под страхом смертной казни пиратам запрещалось утаивать и присваивать что-либо из добычи, подлежащей дележу между всеми членами «вольного братства», причем индивидуальная добыча делилась таким образом, что ее владельцу доставалось двадцать процентов из ста. Кроме того, чтобы снискать поддержку у местного населения, «госпожа Цин» запретила традиционные грабежи и кражи в селах и деревнях за исключением конкретных пунктов, на которые совершался набег. За все продукты, изъятые у

местного населения во время стоянок, пиратам предлагалось платить из своего кошелька¹...

В общем, как говорила в середине нашего века этнопсихолог Маргарет Мид, известный знаток обычаев, традиций и образа жизни народов Юго-Восточной Азии: «Женщин нельзя допускать к участию в войне, они для этого слишком жестоки». Видимо, это относится только к женщинам той части Азии, которых хорошо знала американская исследовательница, но это правило — с точки зрения пиратов того времени, разумеется! — можно целиком отнести и к другим местным представительницам прекрасного пола, время от времени оказывавшимся во главе пиратских организаций наподобие «госпожи Цин» или известной «королевы пиратов» нашего времени «мадам Вонг»...

После нескольких маленьких бунтов возмущенных пиратов порядок был наведен, и в одном из больших морских сражений с правительственным флотом (1808 г.) все хорошо поняли цену организации и дисциплины, а также отдали должное стратегическому таланту маленькой женщины с веером вместо абордажной сабли в руке. Умело расположив эскадру, «госпожа Цин» разместила основную массу кораблей в засаде за мысом и выпустила на неприятельский флот передовой ударный отряд. В то время когда уверенный в скорой победе неприятель окружал «малочисленных» врагов и расстраивал свои боевые порядки, Цин во главе основных сил нанесла ему стремительный удар с тыла. Целый день длилось сражение, и только ночь спасла отдельные правительственные суда, трусливо бежавшие с поля боя. Современница Наполеона и адмирала Нельсона торжествовала победу не только над врагом, но и над своими пиратами, теперь свято уверовавшими в талант отважного «адмирала».

Однако на этом противоборство не прекратилось, поскольку китайское правительство решило раз и навсегда очистить свои моря от пиратов. Адмирал Лин-Фа получил приказ собрать все морские силы и идти на соединение с остатками первого правительственного флота. Лучшее бы этого не произошло, так как, встретившись с ним и выслушав доклады бежавших капитанов, адмирал струсил и повернул эскадру к берегу. «Госпожа Цин» устремилась за нею в погоню и догнала бежавшую флотилию. И тут ветер стих, и полный штиль встал над морем, слышны были лишь ругательства матросов, адресованные друг другу. И вновь «адмирал в юбке» показала, на что она способна. Цин велела сесть в лодки и сампаны и окружить правительственные корабли. В ход пошли луки и стрелы, топоры и абордажные сабли, копы и ножи. Разгром второго правительственного флота был полным...

Разумеется, и у пиратов были свои проигранные сражения. Одна из таких неудач постигла их через год, когда по приказу императора был построен третий флот и начало над ним получил но-

¹ «Классические» европейские пираты тоже имели свои аналогичные «кодексы чести джентльменов удачи» в XVII—XVIII веках. Подобные пункты, в частности, содержатся в известном «Кодексе Бартоломью Робертса», записанном со слов одного захваченного пирата в начале XVII века, а также в уставах Джорджа Лоутера и его «компании» (1717 г.) и в уставе пиратского судна «Отмщение» капитана Джона Филиппса (1724 г.).

вый адмирал, бывший пират Цун Мэн-син, выступивший против своих товарищей. Перейдя на государственную службу, он стал ревностным преследователем бывших коллег, которых хорошо знал, как это некогда сделал и пират Морган, поступивший на английскую службу и ставший грозой для своих бывших друзей. Но на этот раз «госпожа Цин» не была поймана и война не прекратилась: собрав свои силы в единый кулак и объединившись с еще двумя «дикими» пиратскими флотами, она настигла победителей, направлявшихся за наградами, и жестоко отомстила им за свое поражение, разгромив и этот, третий по счету, правительственный флот.

Вот тогда-то «госпожа Цин» и была как почетная гостья приглашена в Пекин, чтобы... получить награды за одержанные победы, а также чин императорского конюшего. Впрочем, прибывшие для переговоров парламентарии и не рассчитывали на ее согласие посетить столицу, их задача заключалась в другом — поднести пиратским атаманам большие дары, пригласить их на императорскую службу и пообещать полную амнистию за все их «подвиги» в южных морях. И это им удалось, зерна раскола были внесены в пиратские ряды. Первым дрогнул адмирал «черного отряда», плывавший под черным вымпелом. Со своей эскадрой в 160 малых и больших судов, с восемью тысячами матросов, с полутора тысячами стволов тяжелой артиллерии он принял приглашение императора и капитулировал. В награду за это ему и его людям были пожалованы деревни и полное помилование, кроме того, сам перебежчик удостоился высокого положения при цинском дворе.

...Несколько лет длились переговоры между правительством и пиратами, причем многие из них, устав от тягот походной жизни, предпочли получить даром государственного поросенка, бочонок вина и определенную сумму денег для обзаведения хозяйством, чтобы начать мирную жизнь в какой-либо китайской деревеньке. Это было начало заката «вольного пиратства», наступившего в южных морях где-то на столетие позже после его заката в водах Атлантики. Многие из пиратских атаманов меняли свою одежду на форменную маньчжурскую куртку, заплетали волосы по принятой в то время в Китае маньчжурской моде в косу и начинали отстрел и отлов негосворчивых «рыцарей моря». Их десятками привозили в Пекин и публично казнили при стечении толп народа, чтобы никому неподобающе было смотреть в сторону вольного моря. Так, с помощью лести и подкупа, денег и чинов был разбит этот самый большой в истории китайского морского разбоя пиратский флот. А прославленная «госпожа Цин», видя крушение своей империи, тихо отошла от дел и где-то в районе Макао закончила свою жизнь, занимаясь вместе с группой последних верных ей людей контрабандой и мелким разбоем и до конца оставаясь «экс-королевой южных морей...».

Наш рассказ был бы далеко не полным, если бы мы не обратились к истории морского пиратства в южных морях в XX веке. Ведь многие их районы продолжали рождать пиратов и даже в его второй половине — от Тайваня до Сингапура, от Макао и Гонконга до архипелага Сулу и острова Сулавеси.

...В середине XIX века китайские джонки и малайские прау, подозреваемые в пиратстве, дранью и щепьем взлетали на воздух как лопающиеся мыльные пузыри, когда их в упор расстреливали орудия европейских канонерок. В начале XX века жалкие пиратские суденышки уже, как утята при виде ястреба, разбегались по мангровым мелководным заливам при появлении стальных громад,

стерегущих покой Великого морского пути из Европы в Азию. А в 1907 году в южные моря «для береженья перевозов» (как говаривали некогда русские стрельцы, охранявшие Волгу и Каспий от лодочных набегов «воровских казаков») прибыл английский крейсер «Непобедимый», имевший ход в 26 морских узлов и солидное вооружение. Казалось, крупному организованному пиратству, эпохе больших пиратских флотилий пришел конец. Действительно, английские, американские, японские и другие суда — особенно тесно от них становилось пиратам в годы мировых войн — постоянно находились в южных морях, дабы «защитить интересы своих наций и правительств». На местных пиратов, мелкую сошку, грабивших такую же мелкоту, как и они сами, рыбаков и торговцев, они мало обращали внимания, пока на горизонте не возникало какое-либо крупное событие, затрагивающее интересы их держав, или не вырастала новая значительная личность, организовывавшая пиратов согласно «духу времени».

А время незамедлительно требовало нового подхода к пиратству и его методам, всей организации морского разбоя. В первую очередь необходимы были капиталовложения в пиратское предприятие, создание своего рода «акционерных обществ», способных, оставаясь в тени, вложить деньги в рискованное предприятие. Необходимо было найти подготовленных и грамотных пиратов со смелым и энергичным «шефом» во главе, приобрести новейшие суда, оружие, различную аппаратуру и многое другое, что соответствовало бы «духу времени». В том числе подумать и о специальных агентах и осведомителях — и не только в порту, но и в полиции, — которым следовало хорошо платить за весьма важную и нужную для дела информацию о наиболее ценных грузах, времени отбытия и прибытия судов, маршрутах плавания, охране и конвое, личных качествах капитана, помощников и команды, способной или, наоборот, неспособной оказать сопротивление, и т. д. и т. п. Одним словом, пиратство должно было стать самым настоящим деловым капиталистическим предприятием, иначе деньги остающихся в тени «акционеров», распоряжающихся контрольным пакетом акций, будут выброшены на септер. Так и только так необходимо было действовать современным пиратам!

Работа «по старинке» с использованием местных, хотя и богатых пиратских традиций южных морей все меньше и меньше приносила дохода, что хорошо показал опыт китайских пиратов в 20-х годах нашего века. Прежде чем окончательно отступить или перестроиться в новые формы, традиционное пиратство решило дать последний бой в лице известной «мадам Хон-чжо Ло», которая после смерти мужа в 1921 году приняла командование над созданным им пиратским джоночным флотом, просуществовавшим совсем недолго и попавшим под прицелы японских военных кораблей. Более удачливые пираты XX века, нашедшие новые формы и методы морского разбоя и соединившие их со старыми, традиционными, только в одном 1924 году совершили четырнадцать удачных нападений на торговые суда, а в 1925 году — семнадцать. Затем кривая морских ограблений пошла на убыль и резко снизилась во времена второй мировой войны с тем, чтобы вновь скакнуть вверх после ее окончания.

О том, как происходили в 20—30-х годах нападения китайских пиратов (в их составе были и представители других народов и даже европейцы) на торговые суда разных стран, подробно рассказана на своих страницах газета «Таймс» от 12 декабря 1929 года, по-

знакомившая своих читателей с новыми способами морского разбоя в XIX веке:

«Представьте себе такую картину. Закат солнца. Каботажное судно с трудом плывет, преодолевая сильные порывы юго-восточного муссона. Трюмы на носу и корме превращены в выбеленные гашеной известью спальни, где расположилась сгрудившаяся толпа мужчин, женщин и детей, сидящих на своих пожитках. Одни готовят пищу, другие занимаются своим туалетом, третьи собираются в группы. В погожие дни и во время жары под спасительными шлюпками и вдоль бортов видны силуэты спящих полураздетых пассажиров. На верхней палубе несколько пассажиров первого класса: англичан и китайцев, там же помещаются каюты команды судна и капитанский мостик.

В обеденное время, когда чины командного состава без оружия вместе с пассажирами сидят в столовой, подается сигнал — порой это просто зажженная сигарета — и раздается громкий окрик: «Руки вверх!» Застыгнутые врасплох люди немеют от изумления и опускают глаза при виде направленных на них автоматов в руках «кули», «купцов» и «матросов».

Все по очереди сдают оружие. Запертым в каютах или салонах людям сообщают, что малейшее сопротивление карается смертью. То же самое происходит на мостике, в помещениях охраны, в рубке радиотелеграфиста и в машинном отделении: внезапный приказ, направленный в лицо пистолет — и неминуемая капитуляция. А затем любезный приказ: возьмите курс на залив Биас, чтобы прибыть туда в половине седьмого утра. Никому не будет нанесено вреда, если только вы не попытаетесь вернуть судно... За этим следует грабеж груза, ценных вещей и более дорогой одежды, которую снимают с перепуганных до смерти пассажиров.

Отличительные огни и освещение кают выключают, и судно, погруженное в полную темноту, направляется в залив Биас, один из самых глухих закоулков китайского побережья. Это обширная гладь не очень глубокой воды, окруженная песчаными холмами. С моря можно увидеть лишь несколько китайских деревушек да пару рыбацких джонок, оставляющих впечатление покоя и тишины. Но как только в залив входит судно, захваченное пиратами, вниз по реке устремляются целые флотилии джонок. Их экипажи приветствуют пиратов с хмурым безразличием безучастных и очерствевших людей. Они приступают к делу, быстро разгружая судно. Забирают даже хронометры, секстанты и крупные детали из бронзы. Порой происходят душераздирающие сцены. Угрожая пистолетами, пираты уводят отца или мать в джонку вверх по реке, в сторону гор, где их заставляют выполнять самые тяжелые работы или скорее всего обрекают на смерть от голода и истощения в ожидании выкупа.

В самом плачевном виде судно с трудом добывается до Гонконга, где дело берет в свои руки полиция, составляющая опись убытков, понесенных в результате грабежа, и с течением времени общественное мнение перестает интересоваться всем этим делом»¹.

¹ Цит. по книге: Machowski J. Pod czarna bandera. W-wa, 1970. В ней автор описывает историю морского пиратства в мире с древнейших времен до наших дней (есть в работе и небольшой раздел, посвященный пиратам Дальнего Востока, откуда и заимствован приводимый выше рассказ о китайском пиратстве в 20-х годах нашего века в южных морях, в связи с недоступностью первоисточника).

Переориентация пиратов южных морей с нападения на торговые и пассажирские суда «извне», с моря, на захват их «изнутри» продолжалась и после второй мировой войны (это было связано уже с деятельностью пиратов известной «мадам Вонг», о которой речь пойдет ниже). В 1952 году пятнадцать китайских пиратов, находившихся в качестве пассажиров на борту судна «Конг Фейт», курсировавшего между Гонконгом и Кантоном, обобрали пассажиров до нитки и ушли с судна на невесть откуда подошедшей джонке с 280 тысячами долларов. При этом, как показала статистика подобных ограблений, большие трансокеанские суда, как правило, не подвергались нападениям пиратов, так как, чтобы захватить их, обыскать и держать под прицелом пассажиров и экипаж, видимо, требовалась уйма времени и масса людей. Именно поэтому добычей пиратов становились средние и малые торговые суда.

Портовая полиция таких городов, как Шанхай, Гонконг и Сингапур, когда произошла одна такая «атака изнутри», сразу же после окончания войны стала проверять багаж всех пассажиров (особенно китайцев), что, естественно, надолго задерживало отход судов в море. Пираты в ответ на это принимали «экспериментировать», как, в свою очередь, этим же занялись и пассажирские компании. Они, например, на судах, перевозивших в основном китайское население, размещали даже вооруженных конвоиров, а каюты различных классов и палубы пассажирских судов отделяли друг от друга решетками, чтобы помешать свободному передвижению по кораблю.

Один из самых «гениальных экспериментов» по захвату торговых, пассажирских и каких угодно судов в послевоенное время полиция Макао, Гонконга, Тайваня, Филиппин, Таиланда и Японии связывала с именем самой известной и знаменитой в истории пиратства «королевы морского разбоя» — загадочной «мадам Вонг». За одну лишь фотографию этой современной «пиратской звезды» южных морей полиция многих стран Юго-Восточной Азии еще в 1964 году предлагала 10 тысяч фунтов стерлингов, как писал об этом английский журналист, аккредитованный в Гонконге, Джон Лаффин¹. Всего лишь за одну четкую, сделанную в последнее время (имеется в виду 1964 год) фотографию «мадам Вонг»... Всякий же, кто поймает ее, может назначить свою собственную цену, и власти Японии, Гонконга, Тайваня, Филиппин и Таиланда с охотой внесли бы необходимый денежный вклад.

Лаффин рассказывал в своем репортаже, что эти деньги предлагали уже начиная с 1951 года, причем несколько отчаянных смельчаков пытались заработать их. И все эти попытки кончались смертью: «Португальская полиция и любая другая полиция на Юго-Востоке хочет поймать мадам Вонг потому, что она главный пират этих мест». Рассказывая о пиратстве в южных морях, Лаффин вполне уверен, что оно было почти сведено на нет только во время второй мировой войны, в остальное же время существовало всегда. Лишь в 1939—1945 годах, когда суда конвоировались военными кораблями, а японские власти рубили головы команде любой джонки, имевшей несчастье смахивать на пиратскую, местные «джентльмены удачи» ушли в подполье, исподволь готовя силы к будущим боям на море.

¹ Его репортаж о «мадам Вонг — королеве пиратов» вышел в свет в июньском номере журнала «Уайд Уорлд» за 1964 год.

Каким образом «мадам Вонг», повторяя путь жившей за сто пятьдесят лет до нее «госпожи Цин», стала новой «королевой пиратов» южных морей, сохранив до настоящего времени старые китайские традиции «феминократии», говорит история ее прихода к власти в местном пиратском мире. Предоставим же слово английскому журналисту, собравшему большое досье о «мадам Вонг», но по разным причинам опубликовавшему только часть его.

«И все же, — пишет он о событиях в южных морях в середине XX века, — один пират ухитрился остаться невредимым и даже приумножить свой бизнес во время войны. Это был Вонг Кунг-кит, бывший чиновник чанкайшистского правительства Китая. Никто не знает, когда Вонг сколотил свой первоначальный капитал, но у него уже была куча денег и товаров, когда в 1940 году он решил оставить государственную службу и заняться пиратским промыслом. Его верная помощница, молодая и красивая жена Шан, до замужества была танцовщицей в ночном клубе Кантона...

Это были не очень удачные для грабежа времена, но Вонг занимался и такими побочными промыслами, как скупка краденого, шантаж, шпионаж и убийство. К 1946 году его состояние равнялось десяти миллионам фунтов». Действительно, было с чего начинать «настоящее дело» с добрым старым размахом, как и в прошедшие времена, тем более что после войны торговое мореходство в южных морях активно набирало силы. В здешних водах, однако, оставалось еще много американских, английских, французских, португальских и прочих военных судов, ибо было ясно как день, что торговые суда, лишенные конвоя, станут лакомой добычей для местных пиратов. Хорошо понимая всю сложность ситуации, господин Вонг выжидал, время от времени тренируя своих людей, чтобы не разучились стрелять, на охоте за джонками малых и средних размеров. Но, видимо, он оказался неудачником, так как дни его были сочтены. Впрочем, о его смерти более подробно пишет в своей повески М. Демиденко «Дневник Пройдохи Ке».

Эта новость перевернула весь преступный мир южных морей. Если одни полагали, что теперь пиратская «империя Вонга» наконец-то прекратит свое существование, то другие не думали складывать оружие, гадая только о том, кто же теперь возглавит осиротевшее «королевство». А через несколько дней прошел слух, что «фирму» взяла в свои руки сама «мадам Вонг» как прямая наследница дела мужа, причем это произошло при следующих обстоятельствах. Когда «левый» и «правый» ваны, ближайшие помощники Вонга, пришли, чтобы выяснить, кто же из них станет истинным наследником пиратской империи — не мадам же Вонг! — она приняла их в своем шикарном будуаре. Мадам, сидя перед трюмо, накладывала пудру на лицо и ярко румянила щеки, как это часто делала в бытность свою танцовщицей, а они говорили, что делу нужна «сильная мужская рука», такая же, как была у ее покойного мужа, и что они теперь в затруднении, не зная, кому же из них она отдаст предпочтение и на ком остановит свой выбор. «К сожалению, вас двое, — ответила мадам, — а фирме нужен один глава...» После чего, мгновенно повернувшись, она чуть ли не в упор с двух рук пристрелила обоих и спокойно положила два маленьких изящных револьвера, инкрустированных малайским перламутром, — подарок мужа в день свадьбы — в ящик туалетного столика. По крайней мере, так потом об этом рассказывала ее личная охрана, стоявшая за тяжелыми шторами с револьверами наизготовку на тот случай, если мадам

промахнется или ее оружие даст осечку. После этого охотков говорить с мадам о власти в пиратской организации не нашлось...

Главная штаб-квартира Вонга, пишет Лаффин, находилась на островах близ Гонконга, и отсюда его преемница начала расширять свою пиратскую «империю».

...Первой крупной морской операцией «мадам Вонг», ставшей большой сенсацией и заставившей местную прессу говорить о «возрождении пиратства» в южных морях, была атака ее судами голландского парохода «Ван Хойц». С семью джонками мадам преследовала судно, шедшее из Кантона в Шаньтоу, темной ночью взяла его на бордаж, разгромила радиорубку и оставалась на борту пятнадцать часов, пока ее люди переносили груз в лодки. Всем пассажирам приказано было собраться в кают-компанию, где потрошили их бумажники. Эта операция, как подсчитала полиция, принесла Вонг 400 тысяч фунтов стерлингов. Никто из команды и пассажиров не видел мадам в лицо. Она редко принимала участие в набегах, но, когда это случалось, Вонг, как бы оправдывая слова Маргарет Мид о женщинах-воительницах, показывала, на что она способна.

Но пиратские налеты, когда при нападении на торговые суда дело кончалось кровью, встречались еще и в довоенное время. Порой пираты устраивали кровавую расправу, показывая «теневые стороны» своей древней и «серьезной» профессии, как это произошло с командой нескольких судов в 30-е годы. На одном из английских кораблей они целиком перестреляли индийских конвоиров, на «Солвилене» убили капитана только за то, что тот не сразу открыл дверь каюты, а на «Анкинге» застрелили вахтенного офицера и унтер-офицера, тяжело ранили капитана, которые, как показалось налетчикам, «что-то замыслили»...

Уже в 50-х годах стало ясно, что «мадам Вонг» все больше и больше прибирает весь пиратский промысел в южных морях к своим рукам, повторяя пройденные пути своих близких и далеких предшественников. Отдельные банды помельче сами присоединялись к ней, других она заставляла присоединяться силой. Считают, пишет Лаффин, что делом ее рук был и самый крупный пиратский налет 1951 года — нападение на пятитысячетонное английское судно «Мэллори», когда оно проходило через Тайваньский пролив. «Мадам Вонг» изобрела еще один способ нападения на корабли. Рассказывают, что перед английским судном внезапно вынырнула джонка, и, чтобы не раздавить ее, «Мэллори» вынужден был остановиться. Джонка пришвартовалась, и в мгновение ока на борту корабля оказалось двадцать пять человек. Через минуту из-под одежды было извлечено оружие. Пираты были вооружены современными американскими автоматами, а их предводитель без акцента говорил по-английски. За несколько часов они перенесли ценные грузы «Мэллори» в свою джонку и скрылись.

Другой метод — обновленный вариант старого пиратского рэкета¹ — мадам Вонг использовала в августе 1951 года, когда контора

¹ Еще в древности китайские ростовщики и феодалы, чтобы собрать налоги и недоимки с непокорного населения, часто призывали на помощь пиратов, платя им определенные суммы со сборов. В начале XIX века пиратские рейды за «добровольными контрибуциями» с городов и деревень совершались и на реке Кантон, являясь своего рода «законным» пиратским рэкетом.

британского пароходства получила письмо следующего содержания: «Ваш фрахтер, который отплывает 25 августа, будет атакован. Если Вы отложите отправление, это Вас не спасет. Можете обеспечить безопасность судна, заплатив 20 тысяч гонконгских долларов». Далее в письме указывалось, каким образом следует внести залог за безопасность судна. Серьезность ситуации и слава пиратов Вонг заставили пароходство заплатить требуемую сумму, и не только потому, что все имевшиеся английские военные суда в это время были заняты на войне в Корее, но и главным образом потому, что это было самым простейшим выходом. Спустя некоторое время «раскошелились» и другие пароходные компании, получив аналогичные извещения. Морская полиция в Гонконге подсчитала, что доходы пиратов, получаемые с помощью шантажа, составляют около 150 миллионов гонконгских долларов ежегодно...

Во время агрессивной войны в Корее американцы, выведенные из себя постоянной пропажей стратегических грузов, отрядили специальную группу агентов военной разведки. Но им ничего не удалось сделать. В довершение всего пираты, как бы издеваясь над американской военной разведкой, украли одно из ее патрульных судов, мотавшихся в здешних водах взад-вперед, и его уже больше никто не видел. Как пишет Лаффин, «нет никаких доказательств, что этот грабёж совершила банда мадам Вонг, но это ее почерк». Случайные осведомители рассказывают, что «мадам Вонг» часто посещает Макао, Гонконг, Сингапур и даже Токио, где не только собирает информацию о судах и их грузах, но и встречается с клиентами, а в минуты отдыха предаётся азартным играм — единственно-му ее увлечению...

Неуловимость этой «дамы-невидимки» и заставила полицию Макао назначить указанное выше вознаграждение в десять тысяч фунтов стерлингов за одну-единственную фотографию. А через месяц начальник португальской полиции получил пакет, в котором оказался еще один конверт с надписью: «Это заинтересует Вас, потому что касается мадам Вонг». Он с нетерпением разорвал пакет и впился взглядом в фотографии. На них были изображены два убитых и с дьявольской жестокостью разрубленных человека. В записке, приложенной к конверту, сообщалось, что эти люди были пойманы в тот момент, когда пытались тайно сфотографировать «мадам Вонг». В мае 1963 года, пишет Джон Лаффин, японцы были очень близки к тому, чтобы получить весьма ценную информацию о «мадам Вонг», когда ее предал один из помощников, но он явился в условленное место в таком виде, что ничего уже не мог сообщить полиции.

Мостики судов и пароходов, принадлежащих торговым и пассажирским компаниям, писал английский журналист, в эти годы, как правило, защищались в южных морях стальными пластинами и ключей проволокой, а команды судов вооружались пулеметами и автоматами. Однако эти меры не всегда давали нужный эффект, потому что часть пиратов под видом пассажиров и членов экипажа, нанявшихся на судно, все же проникала на борт, продолжая терроризировать пароходные компании. Морская полиция Гонконга считала, что доходы пиратов от «опеки» компаний составляли около 150 миллионов гонконгских долларов в год, причем львиная доля доставалась мадам Вонг...

Считается, что и известное сегодня «воздушное пиратство» (захват самолетов в воздухе «изнутри») — особенно небольших пасса-

жирских самолетов, для которых не нужен современный оборудованный аэродром, — в Юго-Восточной Азии впервые было «открыто» изобретательной «мадам Вонг». С ее легкой руки оно затем стало широко практиковаться различными ультралевыми и террористическими организациями во всем мире, превратившись в один из видов современного политического бандитизма...

Полициям восточноазиатских стран так и не удалось установить до конца, как велика организация «мадам Вонг», настолько хорошо она была законспирирована. Причина этого, до сих пор считают многие криминалисты, заключается в том, что в основе ее деятельности лежат давние вековые традиции китайских тайных союзов и обществ, широко распространенных в древности и в средневековье по всему Китаю (и особенно в его южных районах), — Белая, Голубая и Красная кушанки, Большие и Малые ножи, Два дракона, Старые братья, Белое облако, Белый лотос, Три палочки ладана и, наконец, знаменитые «Тяньдихуэй» (общество Неба и Земли) и «Триада» — эти «масоны Дальнего Востока», как их порой называют¹. По словам известного французского знатока Китая Жан Рода, сказанным им в начале этого века, «Китай по преимуществу является страной тайных обществ, а их происхождение почти целиком легендарно, иногда очень поэтично и часто преступно в обычном смысле этого слова...».

Зародившись в условиях острой классовой борьбы в китайском обществе еще в глубокой древности как орудие защиты народных масс против существующего строя и тирании жестоких императорских законов, тайные общества со временем в большинстве своем выродились в замкнутые и тщательно законспирированные террористические организации мистического или полумистического характера (такими они становились после подавления народных движений и восстаний, которые, как правило, возглавлялись различными тайными обществами). Их члены давали «смертную» клятву и присягу ни в коем случае не разглашать секретов общества и его тайных опознавательных знаков-паролей, верили в свои магические способности, умение излечивать болезни души и тела, предавались специальным физическим упражнениям для развития силы и закаливания духа, напоминающим по своему характеру истерические обряды дервишей, широко использовали в повседневной практике народные обряды магии и колдовства.

Часто они верили в метампсихоз (переселение душ и их возрождение после смерти в каком-либо ином облике), а перед смертью или казнью даже договаривались о специальных опознавательных паролях, по которым они узнают друг друга при своем «втором рождении» и соединятся все вместе в единой организации, чтобы продолжать борьбу. Верили они и в то, что некоторые магические и реальные вещества и снадобья с их порой весьма фантастическими составами способны сделать членов общества неуязвимыми для любого вида оружия, ясновидящими, невидимыми и обладающими другими сверхъестественными способностями...

Обряды приема в члены тайных обществ и ритуалы посвящения

¹ В Гонконге для обозначения китайских тайных обществ возник даже специальный английский термин — «тонг», произошедший от названия одного из них (Тох Нех Конг).

в ту или иную степень также носили магический характер и отличались болезненностью, напоминая собой древние китайские ордалии, например, некогда широко распространенные на юге Китая (районы Кантона, Гонконга и Сингапура)¹. Так, чтобы ввести себя в состояние транса с помощью различных приемов самогипноза, практиковались монотонные ритмические движения и повторение магических формул и заклинаний, чередование света и тьмы в пещерах и подземельях, длительное голодание, сложные «йогоподобные» гимнастические упражнения, прием возбуждающих и затормаживающих сознание составов растительного, минерального и животного происхождения и т. п.

Особенно этим отличались члены тайного общества «Триада», до сих пор распространенного в Юго-Восточной Азии и существовавшего еще в древности и на протяжении всей истории под самыми различными именами, но всегда остававшегося «Триадой». Одной из задач этого «государства в государстве» с его жесткой субординацией и дисциплиной, непогрешимостью вождей, которым следовало слепо и безоговорочно повиноваться, было завоевание политической власти в каком-либо большом районе и в стране в целом. Полная бесконтрольность руководителей этого общества в конце концов привела к изоляции их от основной массы членов, к борьбе за власть и безудержному обогащению с использованием любых методов, в том числе и криминальных. Под контролем тайных китайских обществ Макао, Гонконга и Сингапура вскоре оказались и морское пиратство, и индустрия азартных игр, и торговля наркотиками и «живым товаром», контрабанда золота и многое, многое другое, что помогло руководителям обществ безудержно обогащаться, держать под контролем и эксплуатировать рядовую массу членов тайных обществ.

Руководство этих союзов никогда на самом деле не интересовалось, кто и как правит Китаем, свои или чужие порабощатели. Лояльно относились тайные общества и к господству колонизаторов в Макао и Гонконге, выработав определенный «статус-кво» в своих отношениях с португальской и английской администрацией до тех пор, пока это не ущемляло финансовых интересов вождей обществ. В противном случае они могли организовать погромы европейских кварталов, резню христианских миссионеров и массовые беспорядки, пока вновь не наступала договоренность с властями по тому или иному вопросу. Зачастую подобная напряженность, заканчивающаяся массовой резней, возникала и между членами различных тайных союзов в китайских общинах. Англичане, как правило, в этом случае не вмешивались во внутренние дела «азиатов», предоставляя им полную возможность сводить счеты друг с другом. Более того, португальцы и англичане, плохо знавшие «тонкости дела»,

¹ В известном древнекитайском памятнике «Шань хай цзин» («Каталог гор и морей»), датируемом IV—I веками до н. э., мы читаем: «У сяского владыки Ци [есть] слуга (чэнь) по имени Мэнту (Кровавый Ту). Он ведает богами [в Ба]. Люди Ба вершат суд в капище Мэнту. У кого на одежде выступает кровь, того хватают. Он (схваченный) винится и просит пощады». По мнению комментаторов этого текста, в нем рассказывается о древнекитайских магических ордалиях на территории современной провинции Сычуань.

даже время от времени опирались в своих действиях на сотрудничество с лидерами этих обществ.

В конце XIX — начале XX века китайские тайные общества на юге страны, в «колониальных зонах», стали еще более могущественными, чем когда-либо, несмотря на официальные указы администрации регистрироваться и поставлять сведения о местах своих собраний, членах обществ, их отличительных знаках и обрядах, а также на ряд запретов наиболее жестоких террористических сект и организаций. К середине XX века китайские тайные общества продолжали совершенно свободно действовать по всей Юго-Восточной Азии и в заграничных китайских общинах в странах Европы и Америки. По мнению полиции многих стран, их тайную деятельность невозможно контролировать, как невозможно и уничтожить их, не ликвидируя целиком ту или иную китайскую общину. И сегодня, утверждают эксперты, после 2—3-тысячелетнего периода их истории ничто не дает возможности говорить, что эта проблема будет когда-либо решена...

* * *

Опыт таких старых китайских тайных обществ, о которых шла речь (особенно вездесущей «Триады»), и был использован «мадам Вонг», быть может, на самом деле являющейся не «королевой пиратов» южных морей, а одним из руководителей «Триады». Но на этот счет у нас нет твердых данных, и мы можем лишь предполагать подобный вариант, исходя из характера организации «мадам Вонг» и общего, что ли, «колорита» старых китайских традиций в сегодняшних колониальных общинах Макао и Гонконга, а также во всей Юго-Восточной Азии. Если это так, то отсюда борьба с китайскими мистическими сектами, террористическими союзами и организациями, подобными банде «мадам Вонг», превращается практически в бесполезное занятие. К этому выводу, как мы увидим ниже, пришел и Джон Лаффин.

По его словам, англичане каким-то способом установили, что у «мадам Вонг» имеется не менее трех тысяч послушных ее воле исполнителей, связанных железной дисциплиной и готовых на любое преступление во имя своей организации и ее бессменной главы «мадам Вонг». Наоборот, португальцы утверждали, «Восемь тысяч да еще многочисленные информаторы», причем не только китайцы и прочие «азиаты», но и европейцы. Японцы же писали, что флот мадам в 1962—1963 годах состоял из 150 пиратских судов и лодок самых различных размеров и калибров, среди которых не хватает разве что подводных лодок. Похоже, пессимистически заключал свой сенсационный репортаж из Гонконга и Макао Джон Лаффин, «мадам Вонг» неуязвима и еще долгое время сможет активно заниматься своим пиратским бизнесом (в 1963 году ей было только 43 года). «Ее деятельность, — писал он, — протекает уже так давно, что на Дальнем Востоке все это считается в порядке вещей. Во всяком случае, ни одна пароходная страховая компания, упоминающая ее имя в своих полисах, не соглашается платить компенсацию за «содеянное богом и мадам Вонг»...

Сведения, якобы также относимые к деятельности организации Вонг и не успевшие «отложиться» в досье английского журналиста, восходят и к последующим, 1965—1968 годам. По мнению полицейских экспертов, известное нападение сотни пиратов, вышедших в мо-

ре в декабре 1965 года на шести судах под «подставным флагом» Филиппин, на греческое судно «Аякс» (водоизмещение 7300 тонн) является делом рук банды «мадам Вонг» или одного из ее многочисленных «дочерних филиалов». Будто бы об этом поведали трое спасшихся из всей команды матросов, показания которых и навели филиппинскую полицию на эту мысль. И с их версией можно согласиться, так как «мадам Вонг», монополизировавшая весь пиратский промысел в южных морях, от берегов Китая и Тайваня до Сингапура и Калимантана, вряд ли бы потерпела в своих владениях самоуправство какой-либо «дикой» и «не прирученной» ею пиратской шайки. Жестокость мадам, как известно, распространяется и на несоговорчивых ее коллег по морскому разбою.

Видимо, не без ее ведома (по крайней мере, не без ее разрешения!) в мае 1968 года около 30 вооруженных китайцев на двух катерах «последней модели» (эту роскошь позволяет себе лишь баснословно богатая и технически оснащенная «фирма мадам Вонг») настигли пассажирский паром «Лурд», вышедший из филиппинского порта Замбоанга на острове Минданао. Пираты эти будто бы прибыли со стороны известного давними морскими разбойничьими традициями архипелага Сулу, знаменитого своими потаенными бухтами и подводными пещерами в пустотах островов, давно уже облюбованных «мадам Вонг» в качестве запасной базы, где происходит ремонт ее судов, перестройка и перекраска ворованных катеров и где размещаются секретные склады «фирмы мадам Вонг».

Налетчики, напавшие на «Лурд», развязали перестрелку с командой судна и ранили многих из его моряков, причем некоторых они выкинули в море на корм акулам, которыми всегда славилось южное море Сулу. После этого двести пассажиров были ограблены, а «улов» пиратов составил около 60 тысяч долларов. Один из пассажиров, отказавшийся подчиниться пиратам, был убит на месте и выкинут в море, несколько других попытались, бросившись за борт, вплавь добраться до берега. На глазах пассажиров их атаковали акулы, привлеченные запахом крови. Никто из оказавшихся в море так и не спасся и не доплыл до берега...

Нет доказательств того, что эта операция — дело рук банды Вонг, но, используя терминологию Джона Лаффина, можно сказать — это явно «ее почерк». С тех пор каких-либо новых «сенсационных» сведений о «мадам Вонг» не поступало, не считая одного непроверенного сообщения трехлетней давности о смерти «королевы пиратов». Как потом выяснилось — после взрыва в редакции газеты, опубликовавшей эту новость! — оно оказалось ошибочным. Судя по некоторым данным, шеф «китайской мафии» южных морей в районе Гонконга и Макао нашла новое, более выгодное поприще для своей преступной деятельности, отказавшись от традиционных пиратских эскападов. О «солидности» ее новых занятий говорит тот факт, что на след организации «мадам Вонг» вышла Международная полиция, занимающаяся самыми серьезными международными уголовными преступлениями. Действительно, интересы «мадам Вонг» ныне уже переросли узкие границы южных морей, приобретая поистине «международный характер»...

Агенты «мадам Вонг», замешанные в доставке крупных партий наркотиков и золота, объявились, например, в китайских кварталах Амстердама и Нью-Йорка, в некоторых городах Среднего Востока и Латинской Америки. Выяснилось далее, что «мадам Вонг» при-

надлежат десятки ресторанов и публичных домов в Гонконге, Сингапуре, Макао, и мадам участвует в прибыльной торговле «белыми рабами», которая издавна процветает в Юго-Восточной Азии. Практически во всех странах Западной Европы и Америки агенты «мадам Вонг» вербуют красивых девушек для «высокооплачиваемой работы» в качестве секретарей, гидов и стюардесс, а затем поставляют их в фальшивые «чайные домики» и портовые притоны, откуда им уже никогда не выбраться, разве что в «цементном платье» на дно залива, если они попытаются бежать или проявят строптивость..

Далее, как установил Интерпол, «мадам Вонг» и ее люди переключились на контрабанду золота и драгоценностей, а также на торговлю фальшивыми и настоящими антиквариатами (но ворованными). Еще в то время, когда мадам создавала свою «пиратскую империю», Макао был уже одним из крупнейших центров контрабандной торговли золотом в Восточной Азии. К тому моменту, когда в руках Вонг скопилось достаточно капиталов, чтобы начать прибыльное «золотое дело», контрабандисты Макао и Дибай (небольшое феодальное княжество на южном берегу Персидского залива с населением всего 60 тысяч человек) ежегодно закупали более 5 миллионов унций золота, причем одна унция желтого металла приносила около 40 долларов чистой прибыли. В Макао, например, можно было, заплатив довольно скромные комиссионные, ввозить золото, как мясо, тоннами, а дальше действовать согласно опыту и связям, тайно переправляя его сушей, морем и воздухом куда вздумается, лучше всего в ту из стран, где за него заплатят дороже..

Вот здесь-то игодились богатые знания «мадам Вонг», знания ею местных условий, разветвленная по всему побережью и островам сеть организаций, а главное, ее боеспособная пиратская флотилия с отчаянными «специалистами» по неожиданным встречам в море, готовыми на секунду раньше противника нажать на спусковой курок автомата. Тем не менее в ее «золотом бизнесе» поначалу были и досадные «проколы» — например, когда гонконгская полиция захватила одну из ее джонок с грузом золота под двойной палубой. Пропало 130 брусков желтого металла! Помогли старые связи, и, хотя урон исчислялся десятками тысяч долларов, Вонг снова вышла сухой из воды.

Со временем пришел и необходимый опыт. Мадам заключила, что золотая контрабанда и участие ее «эскадры» в перевозках желтого металла по просьбе заказчиков всего лишь за 5—10 процентов комиссионных от суммы — более выгодное дело, чем рискованные операции по захвату пассажирских судов или плавучих грузовиков с копррой. Видимо, рассудила она, не случайно ее грозная предшественница, «госпожа Цин», закончила свою пиратскую карьеру 150 лет назад именно на поприще контрабанды.

Еще бы, если через руки мадам и четырех других крупнейших «золотых дельцов», число которых при желании можно было бы со временем и уменьшить, ежегодно стало проходить драгоценного металла на сумму в один миллиард долларов. При названных процентах комиссионных шефы контрабанды в год получали от 50 до 100 миллионов долларов чистого дохода. На долю мадам только при контрабандных перевозках золота стало приходиться от 10 до 20 миллионов в год, что намного превысило ее прежние поступления. Мадам почувствовала себя жалким карманником, вдруг пере-
квалифицировавшимся в «медвежатника», которому выпадают толь-

ко «беспроезженные сейфы». И ее лихая пиратская молодость показалась ей постыдной и убогой...

Вскоре «мадам Вонг» вышла на директора департамента экономики при генерал-губернаторе Макао, доктора Педро Хосе Лобо, выдавшего выдачей лицензий на экспорт и импорт золота. Этот «человек-невидимка» и стоял за всем «золотым бизнесом» в Макао и южных морях; он-то и вывел Вонг на новую стезю, путь по которой, с его легкой руки, был усыпан золотыми слитками. Вскоре с помощью доктора Лобо за услуги, которые она оказала ему, мадам вошла в состав воротил контрабандного «золотого бизнеса», став одним из ведущих контрагентов международного синдиката по торговле драгоценными металлами и получив чуть ли не официальное признание. Когда «поил в бозе» доктор Лобо, на его место был назначен соплеменник Вонг Лиан Чонг. Неизвестно только, не с помощью ли «королевы пиратов» или вездесущей «Триады»?

Однако «мадам Вонг» необходимо было «обелиться», дабы приобрести солидность и респектабельность, столь необходимые в коммерческих делах подобного рода, и завоевать доверие заказчиков. Как-никак, а ее прошлая слава была хорошо известна, и это отпугивало многих из них. Мадам на время прекратила скандальные операции и даже стала оказывать кое-какие услуги английской полиции Гонконга, где она решила создать свою вторую «штаб-квартиру». Мадам приняла самое активное участие в «отстреле» мелких пиратских банд, даже не банд, а просто жалких шаек полуграмотных воров, продолжавших на утлых лодчонках и сампанах грабить мелкоту — торговцев зеленью и цинковками. При этом она не удержалась и попробовала потеснить своих новых конкурентов на поприще золотой контрабанды. Для этого безжалостная мадам, используя свою сеть осведомителей, выдала некоторых из них, и английская полиция Гонконга перехватила часть «золотых эшелонов».

Якобы, как затем сообщила вездесущая местная пресса, это не только разорило многих из ее конкурентов (кое-кто в отчаянии пустил себе пулю в лоб), но и обогатило «мадам Вонг». Она будто бы по договоренности с гонконгской полицией получала 10 процентов комиссионных от стоимости конфискованного с ее помощью золота. Кроме того, полиция стала сквозь пальцы смотреть и на ее личные контрабандные операции с желтым металлом. В ответ всезнающая колониальная пресса, имевшая свои связи с полицией, также получила «сюрприз» от «мадам Вонг». Нет, она не посылала в редакции газет и журналов угрожающих писем и не подавала в суд за диффамацию ее персоны.

Просто в редакциях тех газет и журналов, которые что-то вынюхивали о ее делах и спешили поделиться своими новостями с читателями, стали взрываться бомбы, подложенные «террористами», и гореть склады бумаги и готовой продукции. А многие из корреспондентов, писавших о Вонг разоблачительные статьи, стали таинственно исчезать среди бела дня, а их имя никогда больше не появлялось в пахнущих свежей типографской краской выпусках утренних и вечерних газет Гонконга, Макао и Сингапура (унес ли ноги Джон Лаффин, немного приоткрывший завесу над «дамой-невидимкой» южных морей?). С тех пор на страницах местных газет все реже и реже стали появляться кричащие заголовки и сообщения о «мадам Вонг» и ее организации, как бы растворившихся в «ин-

формационном вакууме». А затем появились даже сообщения типа, «а была ли мадам Вонг на самом деле?», «а если и была, то очень и очень давно, и теперь ушла на покой, и, видимо, нянчит своих внучат». Падкая до сенсаций буржуазная пресса была наказана «мадам Вонг»... Нечто подобное произошло и с героем последней повести М. Демиденко.

Наконец Интерпол докопался и до еще одной малоизвестной стороны интимной жизни «королевы пиратов» в Гонконге и Макао под крылышком местных властей и полиции. Стало известно, что организация «мадам Вонг» (это третье серьезное международное преступление, помимо торговли «живым товаром» и контрабанды золота, из-за которых она числится в списке особо опасных преступников в Интерполе) является и крупнейшим поставщиком наркотиков — опия-сырца и героина — во многие страны мира, в том числе и в Западную Европу и США. Ее щупальца протянулись в район известного «золотого треугольника», расположенного на границе между Таиландом, Лаосом и Кампучией, и будто бы «мадам Вонг» находится в прекрасных отношениях не только с засевшими там чанкайистскими бандами, но и с китайскими пограничными властями, объединившись по «национальному признаку» и с теми и с другими.

Пожилую китайку в роскошных мехах и бриллиантах — выступает ли она под своими старыми псевдонимами типа «госпожи Сенкаку» или под какими-либо другими¹ — порой встречают не только за игорными столиками казино, но и в кругу известных гонконгских

¹ Речь идет об одном «скандальном случае» с вице-президентом Филиппин Мануэлем Пелаесом в 1962 году, виновницей которого была «мадам Вонг». В июне 1962 года Пелаес давал прием в своем шикарном доме в пригороде Манилы, Кесон-Сити. Среди двухсот гостей была и роскошно одетая некто «мадам Сенкаку», которая почти весь вечер провела за игорным столиком, делая большие ставки, удивлявшие присутствующих. Президента заинтриговало хладнокровие гостьи, и он сказал: «Вы так спокойно играете и делаете такие ставки, как могла бы играть сама мадам Вонг, если верить слухам о ней...» — «А я и есть мадам Вонг, — заметила гостья. — Сенкаку — мой псевдоним». Присутствующие вежливо рассмеялись.

А через неделю президент получил письмо из Макао: «Благодарю Вас за приятно проведенный вечер. Вонг-Сенкаку». Пелаес не нашел в городе никакой Сенкаку и послал письмо в местное отделение Интерпола, приложив к нему описание Сенкаку, сделанное несколькими гостями. Интерпол ничем не мог ему помочь, поскольку среди представленных описаний не нашлось хотя бы двух схожих... Рассказ о визите во дворец вице-президента заставил многих задуматься, а не приглашали ли и они «мадам Вонг» в гости. Это представляется вполне вероятным, считает Джон Лаффин, опиравший скандал с президентом, потому что «мадам Вонг» (разумеется, она выступает под подставными именами!) принадлежит несколько домов в разных городах этого региона. Поскольку богатая одинокая женщина могла бы возбудить подозрение у полиции, по-всюду разыскивающей Вонг, то мадам, видимо, фигурировала в бумагах в качестве жены одного из своих помощников.

банкиров и бизнесменов, заправляющих делами в крупных торговых фирмах, компаниях морских грузовых и пассажирских перевозок, в банках и профсоюзных центрах портовых городов. У многих из них, как писал в одном из номеров журнала «Эпока» за 1978 год итальянский журналист Альберто Салани, в карманах лежат мандаты членов Всекитайского собрания народных представителей.

Не случайно в Гонконге, облובованном «мадам Вонг», сегодня находится более 80 финансовых учреждений КНР, контролирующих около четверти всего валютного рынка этой «британской колонии под надзором Пекина», как назвал его Альберто Салани. И в этом городе, по его словам, никогда «не бастуют, не устраивают демонстраций, не проводят политических манифестаций», поскольку Пекин, «контролирующий большинство здешних профсоюзов, требует, чтобы ничто не нарушало отлаженного хода действующего механизма». Видимо, не последнюю роль в поддержании «порядка» в «золотом городе» играет и организация, возглавляемая «мадам Вонг», ибо огромные суммы долларов, которые Китай сегодня выкачивает из Гонконга, — валюта расходуется на приобретение западной техники (в том числе и военной) и патентов — стоят того, чтобы закрывать глаза на более чем сомнительное прошлое «королевы пиратов».

По словам Салани, судьба этого города сегодня целиком находится в руках дельцов, политиканов, профсоюзных бонз, получающих приказы из Китая. Более того, «нет такого решения, которое бы губернатор Гонконга принял, не посоветовавшись предварительно с истинными хозяевами этого клочка земли: людьми из Пекина», ибо «через Китайский банк пекинское правительство контролирует крупные торговые фирмы, промышленные предприятия, сотни ресторанов, страховых компаний, треть недвижимости». В городе процветает старый пиратский и новый рэккет, азартные игры всех мастей, опиум, мрачные заведения (почти притоны) с их свирепыми членами «секты душителей», контрабандистами, шпионами в белоснежных смокингах и их партнерами-авантюристами с головокружительными биографиями и т. д. и т. п. «Контролируемые уголовными бандами-сектами, эти «отрасли экономики» Гонконга составляют весьма доходную статью».

Сегодня к услугам состоятельных туристов, посещающих этот восточноазиатский «Вавилон наслаждений», словно сошедшие с конфетных оберток девицы, опекурильни, сомнительные «чайные домики» и китайские ресторанчики, где жадные глаза состоятельных посетителей разбегаются от невероятных кушаний и... порока во всех его видах и проявлениях. «А рядом, — пишет итальянский журналист, — и в это трудно поверить, живут люди. На тротуарах спят бродяги, навсегда утратившие надежду на человеческое существование». Таков этот город, в последние годы облובованный «мадам Вонг» и ее организацией, — нынешняя резиденция «королевы пиратов», прославившейся неуловимостью не фантастического, а реального Фантомаса... Отсюда повесть «Дневник Пройдохи Ке», хотя и выглядит на первый взгляд фантастической, на самом деле имеет под собой вполне реальную основу.

Не случайно десять лет назад один из шефов Интерпола в беседе с корреспондентом американского «Лайф» со всей серьезностью заявил: «Три кита, на которых сегодня зиждется международная

преступность: наркотики, торговля «живым товаром», контрабанда золота и археологических антиквариатов... Борьба с ними необычайно сложна и бесперспективна: в любом из трех случаев мы сталкиваемся с хорошо налаженной и продуманной организацией, в которой дилетантам делать нечего...» Думается, история «мадам Вонг» и ее банды убийц, специализирующихся во всех трех сферах преступного бизнеса, — яркая тому иллюстрация. «Королева пиратов» действительно останется неуловимой и «недешифрованной» до тех пор, пока в южных морях будут существовать города-притоны, подобные Гонконгу и Макао, эти пиратские «Порт-Ройялы XX века»...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Л. Кюзаджян	5
За Великой стеной	27
Дневник Пройдохи Ке	101
<i>Геннадий Еремин</i> . Черные флаги южных морей (главы из книги)	298

Демиденко М. И.
Д30 За Великой стеной. Предисл. Л. С. Кюзадзяна;
М.. Мол. гвардия, 1978. — 319 с., ил. — (Стрела).

В пер.: 1 р. 20 к. 130 000 экз.

В сборник вошли две повести. первая — «За Великой стеной» рассказывает о бескорыстной помощи советских людей Китаю в 50-е годы, вторая — «Дневник Пройдохи Ке» повествует о действиях мафии в Юго-Восточной Азии. Издание рассчитано на массового читателя.

P2

Д 70302—317 Без объявл.
078(02)—78

ИБ № 1958

Михаил Иванович Демиденко

ЗА ВЕЛИКОЙ СТЕНОЙ

Редактор **А. Лобанова**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **В. Савельева**
Корректоры **Г. Трибунская, В. Авдеева**

Сдано в набор 29.05.78. Подписано в печать 05.12.78. А15319.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн печ. л. 16,8 Учетно-
изд. л. 17,8. Тираж 130 000 экз. (65 '001—130 000 экз.). Цена
1 р. 20 к. Заказ 870.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

1 р. 20 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ